This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

law 605.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1882.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дрезэмейеръ.

Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-Литографія. И. Н. Кушнерева и К°. Пименовская ул., д. Кушнеревой.

~~Slav 30.71~~
P Slav 605.10

Harvard College Library.
Mar. 17 1904.
By Exchange.
N. Y. Public Lib'y.

DUPLICATE

DUPLICATE

ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ГОЛЬ. Романъ. Часть вторая, книга четвертая, гл. I—III.—**А. Михайлова** 1

II. МАЗЕПА. Историческая монографія. Гл. IX и X.—**Н. И. Костомарова**. 57

III. ПАНЪ ТАДЕУШЪ. Поэма *Мицкевича*. Кн. IV. Перев. съ польскаго.—**Л. И. Пальмина**. 88

IV. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ РОССІИ. II.—**В. В.** . 116

V. ИЗЪ ЛУДВИГА КОНДРАТОВИЧА: Овидій въ Полѣсьи.—Охотники.—На перепутьи. Стихотвор.—**Д. Д. Минаева** . . 147

VI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1882 ГОДЪ. II—Доходы.—**А. А. Головачова** 154

VII. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ПОЗЕМЕЛЬНАГО КРЕДИТА ВЪ РОССІИ.—**Л. В. Ходскаго** 198

VIII. НОВАЯ ИРЛАНДІЯ. **М. А. Сулливана.** Перев. съ англійскаго. Гл. XVII—XIX 248

IX. НЕПОГОДА. Стихотвор.—**Н. М. Соколова**. 286

X. ОТЪ МУРАВЕЙНИКА..... Стихотвор.—**Л. И. Пальмина** . . . 288

XI. О НОВЫХЪ КНИГАХЪ:

„Князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ". Біограф. очеркъ. *А. Голубева*.—„Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка". *В. Водовозова*.—„Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ". *Х. Трусевича*.—„Европейскіе писатели и мыслители: II—Боккаччьо". *В. В. Чуйко*.—„Задорскій". Разсказъ *И. Крашевскаго*. Перев. съ польскаго *Е. Фукса*.—„Фаустъ". Трагедія *Гёте*. Перев. *А. Фета*.—„Жизнь дѣтей". *П. Падучева*.—„Аракчеевщина". *Н. Богословскаго*.—„Деревенскія будни". *Н. Златовратскаго*.—**К.** 1

„Судьбы капитализма въ Россіи. *В. В.*—**В. С—ва**. . . . 22

XII. ЗАМѢТКА ПО ВНѢШНИМЪ ДѢЛАМЪ.—**А. А. Майкова** . . 27

Стр.

XIII. ХРОНИКА ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ:

Открытіе палатъ.—Вопросъ о реформѣ городскаго управленія Парижа и вопросъ о воинской повинности.—Дѣла въ Марокко и Тунисѣ и отношенія къ Италіи.—Вопросъ о разводѣ и преніи о гражданскихъ похоронахъ.—Банкетъ въ честь Гризеля.—Пріемъ Пастёра въ академію.—Переписка Жоржъ-Зандъ.—Мемуары маршала де-Суршъ.—Обзоръ періодическихъ изданій.—Выставка картинъ Курбе.—«Nadine», драма Луизы Мишель.—Смерть графа де-Шампаньи и г. Жанти.—W*** . . . 45

Приложеніе: КОРОЛЬ ЛИРЪ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ *В. Шекспира*. Переводъ **С. А. Юрьева**. . . . . 1—48

БИБЛІОТЕКА СЕМЕННИКОВА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

ГОЛЬ.

РОМАНЪ.

(Посвящается князю Д. Л. Голицыну.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ*).

I.

Такъ-называемая аристократія одного изъ большихъ губернскихъ городовъ была сильно взволнована. Въ окружномъ судѣ должно было разбираться дѣло о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ, разныхъ купоновъ и другихъ тому подобныхъ мошенничествахъ, совершенныхъ цѣлою организованною шайкой злоумышленниковъ. Дѣло выходило изъ ряда обыкновенныхъ судебныхъ процессовъ, гдѣ фигурировали по большей части разные Иваны, непоминяще родства. Въ этомъ дѣлѣ были тоже замѣшаны подобные Иваны, но коноводы шайки, втянувшіе этихъ Ивановъ въ дѣло, принадлежали именно къ тому кругу общества, гдѣ вращалась губернская аристократія. Они сорили легко наживаемыми деньгами и потому передъ ними настежь открывались всѣ двери. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этимъ людямъ, готовившимся теперь предстать на судѣ, пожимали руки видные губернскіе дѣятели; съ ними играли въ карты губернскіе тузы; съ ними танцевали на домашнихъ балахъ и въ общественныхъ собраніяхъ губернскія барыни, мечтавшія о нихъ, какъ о выгодныхъ женихахъ; при помощи ихъ протекцій получались мѣста. Теперь эти люди должны были явиться на скамьѣ подсудимыхъ, раскрыть всю закулисную грязь своей жизни, окончить каторгой или ссыл-

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

кой въ отдаленныя мѣста свою блестящую карьеру. Тутъ было надъ чѣмъ задуматься, было отъ чего смутиться. Это дѣло давало многимъ горькій урокъ за неразборчивость въ знакомствахъ; оно указывало, на какіе пути заводитъ страсть жить шире своихъ средствъ; оно выясняло, какъ шатки у большинства понятія о честности, о нравственности, объ обязанностяхъ гражданъ. При разборѣ подобныхъ дѣлъ, вспоминая пословицу: «скажи, съ кѣмъ ты знаешься,—я скажу, кто ты таковъ», приходится краснѣть не однимъ подсудимымъ, но и сотнямъ другихъ лицъ, называвшихъ этихъ подсудимыхъ своими добрыми знакомыми, своими пріятелями, своими друзьями. Это дѣло было однимъ изъ первыхъ подобныхъ дѣлъ, разбиравшихся гласно, и потому благовоспитанные люди не могли еще утѣшать себя даже и тѣмъ, что не одни они являются пріятелями подобныхъ негодяевъ, что это явленіе повторяется сплошь и рядомъ, что тысячи, повидимому, очень почтенныхъ особъ были, какъ оказывается, пріятелями и друзьями матери Митрофаніи, Овсянникова, Юханцева, Гулакъ-Артемовской и тому подобныхъ господъ. Въ то время такъ-называемое приличное общество еще не дошло до сознанія, что оно почти все состоитъ изъ подобныхъ кандидатовъ на скамью подсудимыхъ или изъ друзей и пріятелей такихъ господъ, и потому оно должно было испытывать чувство стыдливости при мысли о томъ, что господа подсудимые—его друзья. Но всѣ эти дѣйствительно серьезныя соображенія отступали на задній планъ передъ вопросомъ объ ожидавшемся въ судѣ скандалѣ. Этотъ скандалъ—мелкій, ничтожный, пошлый самъ по себѣ—интересовалъ легкомысленную толпу болѣе всего, возбуждалъ ненасытное любопытство, былъ предметомъ безконечныхъ толковъ и сплетенъ. Дѣло въ томъ, что всѣ знали, что товарищъ прокурора и товарищъ предсѣдателя—«на ножахъ»; всѣ знали, что первый, во что бы то ни стало, старался потопить подсудимыхъ коноводовъ, а послѣдній, во что бы то ни стало, желалъ спасти ихъ дворянскую честь и во всякомъ случаѣ смягчить приговоръ. Мнѣнія товарища предсѣдателя высказывались явно: онъ былъ человѣкъ свѣтскій, онъ являлся въ домахъ губернской аристократіи, онъ велъ разсѣянную жизнь, съ нимъ сотни разъ говорили объ этомъ дѣлѣ вліятельныя лица, у него просили снисхожденія по этому дѣлу, да онъ и самъ говорилъ о подсудимыхъ—какъ о легкомысленныхъ и несчастныхъ людяхъ, не болѣе. Этимъ взглядамъ не могло не симпатизировать большинство гу-

бернской аристократіи, такъ какъ подсудимые все же принадлежали къ ея кругу, были связаны съ нѣкоторыми изъ ея членовъ даже узами родства, и потому никого не только не смущали взгляды на это дѣло товарища предсѣдателя, — напротивъ того, эти взгляды вызывали полное сочувствіе и убѣждали всѣхъ еще болѣе въ томъ, что онъ—милый и любезный человѣкъ. Про его противника никто не могъ сказать того же. Товарищъ прокурора въ городѣ былъ человѣкъ чужой, пришлый, мало извѣстный кому бы то ни было среди губернскихъ властей, человѣкъ интересовавшій всѣхъ только своею замкнутою жизнью, своимъ отчужденіемъ отъ общества, своею загадочностью. Про него знали только то, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ «удаленъ» изъ столицы въ провинцію, что у него въ прошломъ была какая-то «исторія», говорившая «о его неблагонадежности», что онъ не мало поколесилъ по провинціи, не уживаясь почти нигдѣ и попадая снова въ какія-то «исторіи», что онъ велъ себя и здѣсь какъ человѣкъ неуживчивый, съ тяжелымъ и неровнымъ характеромъ, что онъ «зубами вцѣпился» въ это дѣло о поддѣлкѣ билетовъ, точно подсудимые были его личные враги, что его хотѣли даже «устранить» отъ веденія этого дѣла, совершенно случайно попавшаго наконецъ въ его руки, но не могли. Онъ схватился за это дѣло съ такимъ рвеніемъ, что никто даже не могъ понять, почему явилось у него желаніе возиться съ этимъ запутаннымъ, далеко не легкимъ и даже не совсѣмъ безопаснымъ процессомъ. Чтобъ удержать въ своихъ рукахъ это дѣло, онъ пустилъ въ ходъ все и даже свои старыя петербургскія связи. Онъ написалъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургъ десятки писемъ, завелъ по поводу его какія-то кляузы, явился чуть не доносчикомъ, и все только для того, чтобъ у него не отняли этого дѣла. Его болѣе чѣмъ холодныя отношенія къ товарищу предсѣдателя сдѣлались просто враждебными съ той поры, какъ онъ взялся за это дѣло. Теперь ему приходилось встрѣтиться со своимъ врагомъ на судѣ, и кто зналъ характеръ товарища прокурора, тотъ могъ ожидать скандала изъ-за малѣйшихъ пустяковъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этого турнира, какъ ждутъ перваго представленія новой оперы, новаго балета. Но никто не испытывалъ такого лихорадочнаго нетерпѣнія передъ разборомъ этого дѣла, какъ самъ товарищъ прокурора. Товарищъ предсѣдателя въ шутку говорилъ про него въ обществѣ:

— Господинъ Орловъ высохъ и пожелтѣлъ надъ этимъ дѣломъ,—ему остается теперь только съ ума сойти до его окончанія.

И дѣйствительно, Дмитрій Андреевичъ Орловъ и высохъ, и пожелтѣлъ надъ этимъ дѣломъ и порою ему самому казалось, что онъ сходитъ съ ума. Это дѣло было тою картой, на которую онъ ставилъ теперь все свое будущее. Онъ не годъ, не два ждалъ подобнаго дѣла, скитаясь и изнывая въ провинціи. Крупное мошенничество—это всегда для прокурора и адвоката первый случай отличиться, сдѣлать имя, составить карьеру. Когда Орловъ очутился впервые въ провинціи, онъ находился въ самомъ угнетенномъ настроеніи духа. У него здѣсь не было ни связей, ни денежныхъ средствъ, ни громкаго имени. Здѣсь онъ сразу почувствовалъ всю тягость положенія голяка-чиновника, обязаннаго не только жить на скудное жалованье, но и помогать изъ этого жалованья роднымъ. Очутившись, что называется, на своихъ ногахъ, онъ вдругъ понялъ, что до сихъ поръ онъ жилъ, какъ мальчикъ, за чужой спиной, на готовыхъ хлѣбахъ. Здѣсь приходилось не только зарабатывать деньги, но и умѣть ихъ распредѣлять: умѣть во-время сдѣлать себѣ бѣлье, заказать обѣдъ, справиться, принесла ли прачка чистую сорочку,—однимъ словомъ, подумать обо всемъ, о чемъ прежде думали за него мать, семья. Въ немъ явилось чувство какой-то безпомощности, сознаніе своей непрактичности, раздраженіе на то, что всѣ мы въ молодости чуть не всѣ науки съумѣемъ изучить, а при первомъ столкновеніи съ дѣйствительною жизнью чуть безъ сапогъ не ходимъ, не умѣя распорядиться деньгами. Ему же это умѣнье было нужнѣе, чѣмъ кому-нибудь. Каждое письмо изъ Петербурга говорило ему о томъ, какъ трудно перебиваться его семьѣ безъ его помощи. Его не просили о помощи, его не упрекали за то, что онъ мало присылаетъ, ему даже писали, чтобъ онъ не обрывалъ себя, что они, его близніе, кое-какъ перебьются, что они снесутъ всѣ лишенія, что они могли бы вполнѣ сводить концы съ концами, еслибы недавно не прихворнулъ отецъ, еслибы зимою не расхворался Лёша, еслибъ у Анны Андреевны не начали побаливать глаза, еслибы не пришлось на зиму дѣлать новой теплой одежды... Орловъ чутьемъ угадывалъ то, что было между строками этихъ писемъ, и волновался, мучился, а кругомъ не было ничего, что могло бы хоть отчасти успокоить и утѣшить его. Положеніе въ провинціи неизвѣстнаго

никому чиновника безъ связей, безъ имени и безъ денежныхъ средствъ очень незавидно. Здѣсь даже и не скрываютъ, что на него смотрятъ какъ на полнѣйшее ничтожество. Тутъ отношенія проще, прямѣе, откровеннѣе и потому грубѣе. Съ первыхъ же дней своего появленія въ провинціи Дмитрій Андреевичъ понялъ, что ему нечего и думать проникнуть въ высшіе кружки общества, не имѣя денежныхъ средствъ, и что сблизиться съ губернской аристократіей онъ можетъ только развѣ пронырствомъ, униженіями и подличаньемъ. Съ другой стороны, онъ увидалъ, какъ безцеремонно здѣсь предлагаютъ взятки и сдѣлки бѣднякучиновнику, не считая его даже способнымъ оскорбляться. Сотни мелкихъ, будничныхъ уколовъ самолюбію заставили Дмитрія Андреевича перемѣнить нѣсколько мѣстъ и, наконецъ, послѣ многихъ скандаловъ замкнуться въ четырехъ стѣнахъ и отдаться исключительно работѣ и работѣ. Онъ называлъ эту работу каторжною, онъ ненавидѣлъ ее, онъ проклиналъ ее, но онъ работалъ упорно, думая добиться успѣховъ своимъ рвеніемъ, своими знаніями, своею дѣловитостью. Но каждый день онъ долженъ былъ убѣждаться въ наивности этихъ надеждъ. Лучшія мѣста, крупныя награды, замѣтныя отличія доставались вовсе не за трудолюбіе, не за знанія; они доставались баловнямъ судьбы, разнымъ лицеистамъ и правовѣдамъ, сразу получавшимъ то, до чего нужно было добиваться упорнымъ трудомъ людямъ, подобнымъ Орлову. Мало того: какой-нибудь юнецъ, состоящій на побѣгушкахъ у жены того или другаго губернскаго туза, имѣлъ всегда больше шансовъ выдвинуться впередъ, чѣмъ онъ. Онъ могъ работать, какъ волъ, и все-таки достаточно было какой-нибудь записочки «высокопоставленнаго» лица, чтобъ ему на голову посадили ни на что не способнаго «protégé» этого высокопоставленнаго лица. Практическое знакомство со службою раскрыло передъ Орловымъ такую картину всевозможной грязи, гнусныхъ сдѣлокъ, безсовѣстныхъ интригъ, что онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ среди всего этого люда. Иногда ему казалось, что онъ окруженъ не чиновниками, не представителями суда, а кандидатами на скамью подсудимыхъ. Только одинъ человѣкъ могъ бы помочь ему—это князь Русовъ. Но князь Русовъ, утомленный и физически, и нравственно своею общественною дѣятельностью, надломленный своими чисто семейными невзгодами, вдругъ совершенно неожиданно для постороннихъ людей сошелъ со сцены и замкнулся сначала у себя въ деревнѣ, а потомъ за границей

на водахъ съ медленно угасавшею Андроновою, тогда какъ его жена и дочери уѣхали сперва въ Парижъ, а потомъ въ Женеву. Князь самъ о себѣ писалъ Орлову, что отчасти его «вычеркнули изъ жизни другіе», что отчасти «онъ самъ сознаетъ необходимость стушеваться со сцены». Безпокоить князя въ такомъ положеніи мелкими просьбами было неловко, да это едва ли и повело бы къ какимъ-нибудь благимъ результатамъ. У насъ ходатайства падшихъ особъ скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу. Орловъ это понялъ и не безпокоилъ князя. Но жаловался на судьбу онъ и князю, какъ жаловался на нее и другимъ. Во все время этого тяжелаго періода жизни Орловъ писалъ сотни писемъ и въ Петербургъ, и за границу, желчно и безпощадно разражаясь болѣзненными выходками противъ существующихъ порядковъ.

«Я только теперь понимаю, почему у насъ нѣтъ рукъ, нѣтъ головъ, нѣтъ людей,—писалъ онъ князю въ деревню.—У насъ въ большинствѣ случаевъ только привилегированное положеніе, имя, связи, богатство или пролазничество даютъ право на видныя должности, на видныя мѣста. Умъ, трудолюбіе, знаніе—все это топчется въ грязь, если нѣтъ протекцій, нѣтъ связей, нѣтъ способности къ пронырливости и низкопоклонству. Надо быть не знающимъ человѣкомъ, а правовѣдомъ или лицеистомъ, тѣмъ, кому бабушка ворожитъ, чтобы сразу занять хорошее мѣсто. При такихъ порядкахъ всѣ великія предначертанія высшей власти будутъ, конечно, всегда погибать и искажаться въ рукахъ бездарностей, въ рукахъ лѣнивцевъ, въ рукахъ шалопаевъ; ими же будутъ всегда вертѣть старые приказные, старые взяточники, старые кляузники. Всѣ эти матушкины сынки, баловни судьбы, золотые тельцы стоятъ каменною стѣной между благими стремленіями высшей власти и благомъ народа и самыя лучшія предначертанія, пройдя черезъ эти руки, обращаются чуть не въ новый гнетъ для народныхъ массъ. Прежде я еще думалъ иногда, что ненависть къ этимъ баловнямъ судьбы вызывается въ моей душѣ чувствомъ мелкой зависти, чувствомъ обойденнаго судьбой плебея, но теперь... теперь я понимаю законность этого чувства, когда передо мною страдаютъ простые, темные люди только потому, что ихъ участь находится въ рукахъ какого-нибудь фата, нѣжащагося въ будуарахъ распутныхъ барынь въ то время, когда его ждутъ сотни нерѣшенныхъ дѣлъ и когда его дѣльцы-помощники дерутъ съ живаго и съ мертваго взятки! Во

мнѣ все переворачивается внутри, когда я вижу съ одной стороны эту приниженную, покорную массу, а съ другой—надмѣнную наглость, легкомысленную небрежность, преступную бездѣятельность этихъ распорядителей судьбами тысячъ и милліоновъ людей. И о нихъ не смѣй даже и говорить.... Я попробовалъ послать въ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ статью о положеніи привилегированныхъ и непривилегированныхъ юристовъ и мнѣ ее возвратили съ надписью: «нецензурно»... Что же, я противъ правительства, что ли, хотѣлъ дѣйствовать, желая ее напечатать? Развѣ не правительству вредятъ эти люди? Развѣ не ради нихъ нападаютъ на высшую власть, теряютъ довѣріе къ правительству? Развѣ, наконецъ, не они тяготятъ народъ? Но мы стоимъ въ такомъ положеніи, что правду нерѣдко считаютъ за злонамѣренность, что рѣзкое слово о какихъ-нибудь шалопаяхъ принимается чуть ли не за возмущеніе противъ правительства, что, зажимая ротъ преданнымъ слугамъ царя и отечества, заставляютъ этихъ людей по неволѣ или праздно сложить руки, или мало-по-малу сдѣлаться дѣйствительно опасными людьми и конспираторами».

Въ другомъ письмѣ къ князю онъ замѣчалъ между прочимъ о судѣ:

«Здѣсь истинное царство интриги, какъ, вѣроятно, и вездѣ и всюду у насъ на Руси. Здѣсь сошлись со всѣхъ концовъ Россіи люди разныхъ положеній, разныхъ убѣжденій, разныхъ состояній и у всѣхъ у нихъ только одна цѣль—обогнать другъ друга. Собственно дѣла, задачи суда, общая польза—все это на самомъ заднемъ планѣ: объ этомъ никогда и никто изъ нихъ не думалъ, но каждый уже со школьной скамьи думалъ о чинахъ, объ отличіяхъ, о карьерѣ. Талантами, способностями, дѣловитостью, конечно, ничего не достигнешь, такъ какъ тамъ, въ Петербургѣ, откуда и сыплется манна небесная орденовъ, чиновъ и повышеній, никто не знаетъ, какъ кто здѣсь работаетъ. Тамъ только тогда узнаютъ о тебѣ, когда ты здѣсь забѣжишь къ мѣстной власти или тамъ найдешь «руку». Какъ же тутъ не интриговать? Еслибы вы хоть день побыли въ этомъ омутѣ сплетенъ и дрязгъ, вы отвернулись бы отъ него съ омерзеніемъ... Всѣ толки здѣсь сводятся къ скандалу: «прокуроръ живетъ съ женой предсѣдателя»; «товарищъ предсѣдателя еще со школьной скамьи связанъ какими-то грязными отношеніями съ однимъ изъ вліятельныхъ лицъ въ министерствѣ»; «такой-то членъ суда за-

нимается шпіонствомъ и наушничаетъ обо всемъ въ Петербургѣ»; «такому-то товарищу прокурора дали плюху и за это его повысили»... Вотъ все, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ мы занимаемся. Не думайте, что я преувеличиваю или описываю исключительное явленіе,—нѣтъ, этотъ порядокъ существуетъ вездѣ и всюду. Я уже довольно поколесилъ по Россіи, чтобъ имѣть право утверждать это».

Къ княгинѣ, покуда она была еще въ Петербургѣ, онъ писалъ:

«Вы очень ошибаетесь, мой добрый другъ, насчетъ моего положенія. Вы говорите о моихъ способностяхъ, умѣ, ловкости, но все это здѣсь служитъ только къ моему вреду. Каждый старый взяточникъ и каждый молодой хлыщъ смотрятъ на меня враждебно. «А, ты изъ новыхъ, изъ выскочекъ, изъ задорныхъ,—ну, такъ вотъ мы и покажемъ, какъ мы умѣемъ такимъ-то обшибать крылья». И обшибаютъ. На каждомъ шагу—непріятности, на каждомъ шагу—сознаніе своего безсилія въ борьбѣ съ этой саранчею стараго чиновничества и молодыхъ хищниковъ. Если еще такъ протянется годъ или два, я, кажется, совсѣмъ погибну. Одно мое спасеніе—переводъ въ Петербургъ. Я могъ бы теперь же бросить службу и ѣхать въ Петербургъ; но если меня даже и не вышлютъ, что очень сомнительно въ нынѣшнее тревожное время, то вѣдь я—голь, нищій, я не могу пріѣхать въ Петербургъ, не имѣя почвы подъ ногами. Здѣсь я хоть сытъ, а тамъ первое время нужно будетъ голодать или бѣгать за случайною работой,—жить, не зная, чѣмъ прокормишься завтра. Мнѣ нуженъ переводъ въ Петербургъ, во что бы то ни стало. Вы—женщина, вы можете бить тревогу по этому дѣлу. Поднимите на ноги всѣхъ, толкуйте о несправедливости, изображайте меня мученикомъ, но вырвите, вырвите отсюда. Мнѣ иногда и горько, и смѣшно до слезъ, что мнѣ приходится, какъ нищему, просить о томъ, что я заслужилъ упорнымъ трудомъ, чего я достоинъ по своимъ способностямъ. Не бездарность же я, не лѣнтяй же я, не стоющій того, чтобъ ему открыли путь къ дѣятельности. Что я сдѣлалъ, чѣмъ я провинился? Былъ знакомъ съ вредными и опасными людьми?—Да кто же застрахованъ отъ встрѣчи съ подобными людьми? Ярлыки, что ли, есть на лбу у людей, говорящіе сразу, что они опасны и вредны?... И за это-то меня держатъ здѣсь, губятъ мои лучшіе годы... О, употребите всѣ средства для моего избавленія отъ этой нелѣпой опалы! Еслибы вы меня увидали, вы поняли бы безъ словъ, что́ я пережилъ и переживаю».

Къ одному изъ своихъ вліятельныхъ друзей въ министерствѣ онъ писалъ:

«Хлопочи о моемъ переводѣ въ министерство въ Питеръ—писаремъ, сторожемъ, чѣмъ хочешь, но только въ Питеръ. Здѣсь я не могу жить: я или сдѣлаю скандалъ, или издохну. У меня нѣтъ того вѣса, который открываетъ широкій путь въ провинціи; у меня нѣтъ той подлости, съ которой можно пролѣзть всюду въ провинціи. Вслѣдствіе этого я могу только задохнуться въ этомъ омутѣ интригъ, крючкотворства, взяточничества и плутней, не имѣя никакихъ шансовъ подняться на видную ступень. Кто думаетъ, что новые судьи создали новыхъ людей, тотъ конечно жестоко ошибается: новыя учрежденія не могутъ сразу создать новыхъ людей, а старые люди всегда съумѣютъ въ значительной степени передѣлать на свой ладъ всякое новое учрежденіе. Въ нашихъ новыхъ судахъ существуютъ уже почти всѣ недостатки старыхъ судовъ и горе каждому, кто вступаетъ въ борьбу съ этими порядками. Я это испыталъ на себѣ, и кто же не знаетъ меня теперь, какъ человѣка несноснаго, неуживчиваго, нестерпимаго и вздорнаго!... Меня даже шепотомъ называютъ не только кляузникомъ, но и доносчикомъ, такъ какъ я считаю своимъ долгомъ раскапывать всякую грязь, выводить на свѣтъ божій всѣ темныя продѣлки. Поговори при случаѣ съ патрономъ, представь ему резоны, скажи, что смѣшно держать меня здѣсь ни за что, ни про что, не давая мнѣ серьезнаго повышенія, не возвращая меня въ столицу. Чего они боятся или за что мстятъ? Можетъ-быть они просто забыли обо мнѣ, такъ какъ гдѣ же имъ помнить разныхъ Ивановыхъ, Кобылиныхъ, Барановыхъ, Орловыхъ! Въ такомъ случаѣ имъ нужно напомнить, нужно напоминать каждый день, каждый часъ, пока я не буду тамъ у васъ».

Этихъ писемъ—желчныхъ, раздражительныхъ, проклинающихъ или ноющихъ—было написано безчисленное множество и отвѣтъ въ концѣ концовъ получался одинъ:

«Надо подождать. Возвратить въ столицу покуда не находятъ удобнымъ. Лучше не напоминать о себѣ, чтобы все успѣло забыться. Говоря по правдѣ, ты еще счастливо отдѣлался. Другіе за такія же связи, какъ твои знакомства, поплатились административною ссылкой и даже хуже. А ты просто переведенъ на службу въ провинцію, тебя даже повышаютъ понемногу. Напоминая о себѣ, ты можешь заставить вспомнить, что съ тобой

обошлись тогда только ради князя Русова слишкомъ милостиво. Муравьевы такъ не взглянутъ».

Орловъ выходилъ изъ себя, бѣсновался, доходилъ до малодушія. Особенно бѣсила его фраза о томъ, что «нужно ждать, чтобы все успѣло забыться». Что должно забыться? Что было помнить-то? Какія преступленія совершилъ онъ? Не былъ ли онъ жертвой недоразумѣнія и произвола одного или двухъ-трехъ лицъ? Эти мысли приводили его въ отчаяніе. Иногда онъ плакалъ отъ безсильной злобы; иногда съ горя напивался у себя въ четырехъ стѣнахъ до безчувствія. Но ни слезы, ни вино не ослабляли жгучей боли. Напротивъ того, эта боль еще усиливалась чувствомъ стыда за свою слабость. Пьянство всегда пробуждало въ Дмитріи Андреевичѣ чувство гадливости, омерзенія. Къ пьяному человѣку онъ относился съ нервною брезгливостью. Никогда еще онъ не чувствовалъ такого сильнаго прилива самолюбія, какъ теперь. Онъ походилъ на льва, запертаго въ тѣсную клѣтку, которую онъ тщетно пробуетъ изломать, измять, время отъ времени ударяя по ея рѣшеткамъ и потрясая ихъ мимоходомъ. Но рѣшетки были крѣпки и не поддавались его попыткамъ разбить ихъ, и онъ безсильно скрежеталъ зубами, срывалъ свой гнѣвъ на первомъ встрѣчномъ. Бывали дни, когда ему въ минуты отчаянья приходила въ голову мысль о женитьбѣ на какой-нибудь богатой купчихѣ. Хоть вѣдьму взять да съ деньгами. Съ деньгами все можно сдѣлать, черезъ всѣ преграды перешагнуть. Нигдѣ не уважаются такъ деньги, какъ у насъ. Эти мечты на мгновенье увлекали его. Но это были только мимолетныя мечты, разлетавшіяся при мысли, что подобная женитьба свяжетъ его навсегда Богъ знаетъ съ кѣмъ. Онъ съ омерзеніемъ отвертывался отъ этихъ плановъ и только изумлялся, сколько подлыхъ инстинктовъ таится въ человѣкѣ гдѣ-то на днѣ души. Эти инстинкты въ ясные дни жизни до поры до времени скрываются въ какихъ-то темныхъ уголкахъ души и, какъ гады, въ эпоху житейскаго ненастья выползаютъ на свѣтъ божій, какъ бы глумясь надъ человѣкомъ и указывая ему, на какія мерзости способенъ онъ. Иногда въ эти минуты Орловъ вспоминалъ былое, то время, когда онъ, дитя, мечталъ всѣхъ облагодѣтельствовать, всѣхъ спасти. Какъ далеко была эта пора! Теперь онъ думалъ только о себѣ, только о своемъ спасеніи, и сознавалъ, что иначе и быть не можетъ. Онъ говорилъ себѣ: «что же я могу сдѣлать, покуда я не вырвусь отсюда? Быть честнымъ прокуроромъ?... Но

развѣ я вѣрю въ пользу этой дѣятельности? Развѣ я могу принести существенную пользу обществу этою дѣятельностью? Только тогда, когда мнѣ развяжутъ руки, когда мнѣ скажутъ: «ты можешь идти на всѣ четыре стороны»,—только тогда я могу начать дѣлать то, что принесетъ пользу не мнѣ одному». Но, несмотря на эти успокоительныя думы, въ его душу закрадывались горечь на судьбу, тоска по тѣмъ дѣтскимъ возвышеннымъ грезамъ, опасеніе за то, что среди этой борьбы за свое существованіе онъ мало-по-малу очерствѣетъ, съузитъ свои стремленія, превратится въ одного изъ тѣхъ героевъ карьеры и наживы, какими кругомъ него уже кишитъ все общество. Вѣдь и изъ нихъ многіе вступили на жизненный путь съ широкими мечтами о благѣ человѣчества.

Въ этотъ страшный для Орлова періодъ жизни, когда онъ сознавалъ, что внутри его происходитъ какая-то роковая ломка, грозящая не добрымъ концомъ, случай столкнулъ его съ однимъ изъ университетскихъ товарищей, съ Никаноромъ Благолѣповымъ. Благолѣповъ былъ изъ поповичей. Въ университетѣ на сходкахъ онъ умѣлъ перекричать всѣхъ и потому былъ своего рода извѣстностью, чуть не вожакомъ и рѣшителемъ разныхъ вопросовъ. Это былъ какой-то неуклюжій медвѣдь, созданный, что называется, «изъ вольнаго лѣса», не складно, но плотно, широко, размашисто. Взглянувъ на него мелькомъ, можно было подумать: «не дай Богъ встрѣтиться съ нимъ ночью въ лѣсу»; присмотрѣвшись къ нему поближе, можно было сказать: «и создаетъ же Богъ такихъ большихъ младенцевъ». Орловъ встрѣтился съ нимъ неожиданно у буфета гостиницы.

— Ба-ба-ба! Кого вижу!—воскликнулъ громкимъ голосомъ Благолѣповъ, поворачивая свою косматую голову въ сторону Орлова.—Правда, что только гора съ горой не сходится. Въ Питерѣ разстались,—въ этой палестинѣ встрѣтились. Ну, выпьемъ на радостяхъ!

Онъ раскрылъ Орлову широкія объятія, точно готовясь задушить на своей могучей груди исхудалую, тщедушную фигуру Орлова.

— Ты какъ сюда попалъ?—спросилъ Орловъ, расцѣловавшись съ нимъ.

— Я—на родинѣ. Водворенъ, какъ блудный сынъ, подъ отчимъ кровомъ,—шутливо отвѣтилъ Благолѣповъ.—Водворенъ и отданъ подъ бдительный надзоръ для исправленія нрава. А ты?...

Ты, кажется, въ петербургской Коломнѣ родился, такъ какой же лѣшій занесъ тебя сюда, въ эту трущобу? Сюда вѣдь только всякая дрянь стекается и съ сѣвера, и съ юга матушки Россіи.

— Я служу. Переведенъ сюда товарищемъ прокурора,—сказалъ Орловъ.

— Ишь ты какая птица! То-то я слышалъ, что у насъ товарищъ прокурора Орловымъ прозывается. Ну, да мнѣ было и не вдомекъ, что это ты. Мало ли Орловыхъ да Воробьевыхъ на Руси! А это ты-то и есть товарищъ прокурора. Ну, поздравляю! Дай тебѣ Богъ хоть оберъ-прокуроромъ быть, а выпить все-таки слѣдуетъ.

— Да, да. Пройдемъ въ отдѣльный нумеръ,—сказалъ Орловъ.

— А здѣсь-то тѣсно, что ли?...

— Не тѣсно, а чортъ знаетъ кто бываетъ.

— Неприлично, если увидятъ, что господинъ товарищъ прокурора заливаетъ?

— Неудобно говорить, особенно когда у человѣка такое горло, какъ твое.

— Ну, пойдемъ,—мнѣ все единственно, гдѣ пить. Я вездѣ пью...

Они прошли въ отдѣльную комнату.

Отношенія Орлова къ Благолѣпову въ былые дни были простыя пріятельскія отношенія, никогда не переходившія ни въ особенную близость, ни въ прочную дружбу. Но Орловъ обрадовался этой встрѣчѣ, точно онъ сошелся послѣ долгой разлуки съ самымъ лучшимъ, съ самымъ дорогимъ другомъ. Среди чужого города, среди чужихъ людей это былъ представитель родной стороны, родныхъ людей, родныхъ воспоминаній. У него можно было спрашивать объ общихъ знакомыхъ; ему можно было разсказывать о своихъ личныхъ дѣлахъ. Въ жизни среди чужихъ людей, среди новыхъ знакомыхъ тяжелѣе всего то, что васъ не связываетъ съ ними прошлое, вмѣстѣ пережитое; вы начинаете имъ разсказывать о какомъ-нибудь дорогомъ вамъ періодѣ жизни и сконфуженно обрываете свою рѣчь, видя, что они не понимаютъ именно сущности того, что вы имъ передаете; они въ свою очередь начинаютъ вамъ восхвалять и описывать какое-нибудь дорогое имъ лицо, а вы едва удерживаете зѣвоту, такъ какъ вамъ вовсе неинтересно знать доблести какого-нибудь никогда невиданнаго вами Петра Ивановича или Ивана Петровича. Съ людьми, пережившими съ вами частицу вашего прошлаго, вы сознаете

сразу связь. Именно это ощущалъ теперь Орловъ, услышавъ нѣсколько вопросовъ Благолѣпова и распросивъ его въ свою очередь о знакомыхъ личностяхъ.

— Ты это за что же подъ надзоръ попалъ?—спросилъ наконецъ Орловъ у Благолѣпова, сидя за бутылкой вина.

— А должно-быть за широкое горло. Оралъ много. Ну, взяли меня, порасспросили, зачѣмъ ору, увидали, что ничего—человѣкъ, какъ человѣкъ—и послали подъ надзоръ, чтобы не оралъ больше. А какъ мнѣ не орать, когда у меня здѣсь и дѣла другого нѣтъ, какъ оранье. Ни меня на коронную службу не принимаютъ, ни меня въ частные учителя не берутъ. Извѣстно—прокаженный! Ну, да мнѣ наплевать! У меня дядя здѣсь архіерей,—у него на прокормъ хватитъ. Вотъ и живу на подножномъ корму, химію да сельское хозяйство на досугѣ изучаю. Имъ же хуже, что такого борова кормить даромъ надо. А ты знаешь, у меня натура широкая,—мнѣ мало не давай, мнѣ много нужно. На что мой архіерей—толстая мошна, а и тотъ иногда кряхтитъ. Лѣнивъ, а все-таки хлопочетъ, чтобы меня изъ-подъ надзора освободили, да въ общее стадо загнали.

Орловъ улыбнулся, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что называетъ широкими потребностями Благолѣповъ, одинъ изъ нетребовательнѣйшихъ смертныхъ.

— Ну, да что обо мнѣ толковать, — продолжалъ Благолѣповъ.—Ты-то какъ дѣлишки обдѣлываешь? Идешь въ гору?

— Да, въ гору... Сижу у моря да жду погоды,—отвѣтилъ Орловъ.

— Что такъ? Развѣ мѣстомъ не доволенъ? Тоже товарищъ прокурора—персона.

— Здѣсь-то?

— Ну, здѣсь плохо,—переведешься въ столицу.

— То-то и бѣда, что неблагонадеженъ тоже для столицы.

— Вонъ оно что!... Значитъ—тоже въ опалѣ?

— Да, въ опалѣ. Смѣшно даже: преступниковъ обвиняю, а самъ чуть не подъ надзоромъ... Вотъ который годъ слоняюсь по провинціи да бьюсь, чтобы получить право перебраться въ Петербургъ, да все говорятъ: «подожди!» Хорошо говорить: «подожди, да подожди», а годы-то уходятъ, силы тратятся даромъ, тогда какъ другіе свободно выбираютъ себѣ дорогу, идутъ впередъ...

— А честолюбіе-то такъ и сосетъ, такъ и сосетъ, какъ червякъ какой,—благодушно замѣтилъ Благолѣповъ.

— Да, я и не скрываю, что я честолюбивъ, — горячо сказалъ Орловъ, чутко уловивъ что-то въ родѣ насмѣшки въ тонѣ товарища.—Человѣкъ безъ честолюбія—это лежачій камень. Куда его броситъ судьба, тамъ онъ и поростетъ мхомъ, никуда не стремясь, ничего не желая. Если его и сдвинутъ съ мѣста люди, такъ потому, что онъ у нихъ поперекъ дороги лежитъ. Самъ онъ не сдвинется ни для своей пользы, ни для блага другихъ.

— Что говорить, подлецъ человѣкъ безъ честолюбія!—вставилъ Благолѣповъ.

— Я этого не говорю,—поторопился сказать Орловъ, боясь, что онъ задѣлъ за-живое товарища.

— Нѣтъ, нѣтъ, подлецъ человѣкъ безъ честолюбія... Да и съ честолюбіемъ тоже подлецъ, потому что онъ ради честолюбія на все готовъ... Какъ, братъ, ни кинь—все клинъ. И такъ, и этакъ переверни человѣка, а все подлецъ въ немъ сидитъ.

Благолѣповъ махнулъ рукой, налилъ стаканъ вина, выпилъ его, какъ воду, большими глотками, и вдругъ спросилъ у Орлова:

— Что, поди, и малодушествовать началъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобы началъ,—уклончиво сказалъ Орловъ.

— Пить-то началъ, спрашиваю я тебя?—рѣзко спросилъ Благолѣповъ, перебивъ его.

— Пить?

— Ну да, малодушеству этому предаваться началъ съ горя?

Орловъ машинально отодвинулъ отъ себя стаканъ и сконфузился, точно пойманный въ тайной шалости школьникъ.

— Мнѣ некогда пить,—отвѣтилъ онъ нѣсколько сухо.

— Отговорка тоже! Пить всегда есть время! Въ твоемъ положеніи всегда заливаютъ. Червякъ-то сосетъ, сосетъ,—ну, и зальешь. Что-жь, это ничего, это дѣло обыкновенное. Я вонъ тоже пью, отъ бездѣлья пью.

— Да ты, пожалуй, еслибъ и работалъ, такъ пилъ бы,— съ улыбкой сказалъ Орловъ.

— Еще бы!... Какъ же это съ большой работы-то не пить? Это ужь всегда такъ: лежитъ мужикъ на печи — съ бездѣлья пьетъ; въ работѣ надсаживается — отъ усталости пьетъ... Я, братъ, вотъ теперь на свободѣ предаюсь философствованіямъ о нашей жизни. Какъ это она такъ, подлая, сложилась-то. Сидишь ты сложа руки—чужой хлѣбъ заѣдаешь; примешься за практическое дѣло — сейчасъ эксплуатировать кого-нибудь станешь и

опять чужой хлѣбъ заѣдаешь. Лѣнтяй ты безпардонный—подлецомъ зовутъ; дѣлецъ ты отъявленный—тоже подлецомъ въ концѣ концовъ прослывешь. Себя позволишь обижать—плохо дѣло; не позволишь себя обижать, такъ тебя оборвутъ да въ бараній рогъ тебя согнутъ—тоже плохо дѣло. Такъ и во всемъ, куда ни взглянешь: одинъ подлецъ въ одну сторону, а другой подлецъ въ другую сторону.

— Нечего сказать, хорошіе философскіе выводы!—со смѣхомъ проговорилъ Орловъ.

— Да я еще до конца не додумался, середины вотъ все ищу,—сказалъ Благолѣповъ.—Какъ найду средину, такъ и скажу: «нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ»...

— Юродствуешь ты просто, какъ посмотрю я на тебя,—замѣтилъ Орловъ.

— Что-жь, я промежду себя, въ дружеской компаніи юродствую, а вы вонъ тамъ публично, въ судѣ-то, юродствуете,—сказалъ Благолѣповъ.

— Мы?

— Ну, да. Вѣдь вотъ ты товарищъ прокурора, значитъ тамъ говоришь: «вотъ, господа присяжные, человѣкъ, скравшій пятіалтынный со взломомъ заржавленнаго замка, засадите его въ тюрьму,—непремѣнно засадите,—хоть я вамъ и не могу точно объяснить, что бы онъ долженъ былъ дѣлать съ голоду,—безъ работы, безъ помощи, и еще менѣе могу сказать, почему его, голодавшаго на волѣ, нужно посадить за наказаніе на казенные хлѣба, и вовсе не понимаю, какую пользу принесетъ обществу отправленіе его, неопытнаго воришки, въ высшую школу всякаго мошенничества и разбоя,—но все-таки засадите его, господа присяжные засѣдатели, засадите!» Это ли не юродство?

Орловъ разсмѣялся.

— Ты-то въ присяжные повѣренные пошелъ бы?

— Я-то?... Никуда бы я не пошелъ,—хмуро отвѣтилъ Благолѣповъ, опершись локтями въ колѣни и опустивъ на ладони лицо.—Тѣ тоже юродствуютъ: «воръ, говорятъ, укралъ съ голоду, и вы сжальтесь надъ нимъ, вспомните, что милосердіе должно царствовать въ судахъ, и отпустите его, чтобъ онъ еще пуще прежняго да еще стянулъ что-нибудь съ смертоубивствомъ, такъ какъ тогда мы его упечемъ уже прямо на каторгу...» Нѣтъ, братъ, я никуда теперь ужь не пойду, если только середины не найду...

Благолѣповъ налилъ себѣ еще стаканъ вина. Орлову становилось не по себѣ. Имъ овладѣвало уныніе.

— А не пора ли намъ и по домамъ?—сказалъ онъ.

— Ты, что-жь, боишься, что я нарѣжусь да тебя оскандалю?—спросилъ Благолѣповъ.—Не бойся: Въ эту прорву сколько ни лей, на меня не дѣйствуетъ. Я всегда такой: маковой росинки во рту нѣтъ, а люди думаютъ: «да что онъ съ-пьяна это болтаетъ, что ли»; пьянѣе вина напьюсь, а взгляну на людей и думается: «да что они съ-пьяна, что ли, шиворотъ на выворотъ и думаютъ, и говорятъ, и дѣйствуютъ».

Онъ налилъ себѣ еще вина.

— Ты вотъ теперь глядишь на меня и думаешь: этакою свиньей сталъ человѣкъ, ничего не дѣлаетъ и пьетъ,—продолжалъ Благолѣповъ.—А ты подожди судить: самъ запьешь, непремѣнно запьешь, если только не повалитъ тебѣ вдругъ счастье,—станешь думать, думать и запьешь, чтобы только не думать больше. Знаешь, кто у насъ не пьетъ?—Тотъ, кто никогда не думалъ ни о своей жизни, ни о жизни другихъ людей, а жилъ такъ... зря,—шелъ, потому что ноги есть,—работалъ, потому что руки судьба привѣсила,—говорилъ, потому что языкъ во рту болтается. А кто хоть разъ сталъ задумываться о нашей жизни, тотъ запьетъ, или спеціалистомъ сдѣлается, допотопныя какія-нибудь кости станетъ собирать, какія-нибудь древне-русскія полотенца да вышивки станетъ разыскивать...

Орловъ молчалъ и рисовалъ по столу узоры разлитымъ виномъ.

— Чего ты добиваешься?—настойчиво продолжалъ Благолѣповъ развивать свои мысли.—Карьеры и богатства, чтобы получить возможность приносить пользу обществу, потому что безъ власти и безъ денегъ, по твоему убѣжденію, нельзя приносить пользы? А когда ты этого добьешься?—Когда сѣдъ станешь, когда изъ ума, можетъ-быть, выживешь. Да если и раньше добьешься, то убѣжденъ ли ты, что принесенную тобою пользу не испакостятъ сотни подлецовъ? Вѣдь тебѣ-то нечего разсказывать, что у насъ на одного честнаго сотни мошенниковъ найдутся. Да этого мало: до какихъ чиновъ ты ни дойди, а все-таки вся твоя судьба будетъ зависѣть отъ расположенія какой-нибудь одной личности ступенью повыше тебя; не понравится твоя физія и—полетишь ты, голубчикъ, кувыркомъ, кувыркомъ, хоть семи пядей во лбу будь. Это вѣрно. Устойчивости у насъ нѣтъ, почвы твер-

дой никто подъ ногами не чувствуетъ. У насъ ни кружковъ, ни партій, ни единомышленниковъ нѣтъ, а всѣ идутъ въ-одиночку, да въ свою дудку свистятъ, стараясь другихъ пересвистать, оттого и уходятъ всѣ наши силы на однѣ интриги да кляузы. Пробивается, пробивается человѣкъ впередъ, а когда пробьется — глядишь, смерть за спиной стоитъ. Безъ вѣры въ прочность своего дѣла трудно отдаться всею душой этому дѣлу, а этой вѣры-то у насъ и не можетъ быть, потому что она только тогда является, когда ты сознаешь стоящую за тобой и за тебя массу, когда ты знаешь, что, умирая, ты можешь передать свое дѣло своимъ же людямъ. На Западѣ за каждымъ Тьеромъ Тьерики стоятъ; каждаго Пальмерстона свои Пальмерстончики окружаютъ. А у насъ вчера реализмъ поддерживали, сегодня—классицизмъ ввели, завтра же можетъ-быть за славянщину примутся. Почему? Вкусы большинства, что ли, такъ ужь перемѣнчивы у насъ? Условія и потребности жизни у насъ такъ быстро измѣняются, что ли? Флюгеры мы такіе, что ли, что ни одинъ французъ флюгарнѣе быть не можетъ?—Ничуть не бывало! Личный вкусъ двухъ-трехъ лицъ все измѣняетъ. Намъ нужны именно теперь-то и доктора, и инженеры, и механики, и сельскіе хозяева, а намъ именно теперь-то и сказали: не смѣйте и думать объ естественныхъ наукахъ, а зубрите латынь,—ну, и зубримъ. На что, кому она нужна? Кто доказалъ ея пользу? Кто убѣдился въ ея необходимости? Послѣ дождичка въ четвергъ до отвѣтовъ на это додумаешься!... И во всемъ такъ,—во всемъ, куда ни взглянешь. Вотъ и вѣрь тутъ въ прочность своихъ начинаній. Поневолѣ запьешь съ горя, махнувъ рукой на все...

Орловъ посмотрѣлъ на часы. На него напало тоскливое расположеніе духа. Онъ слушалъ только на-половину то, что говорилъ Благолѣповъ, но въ его головѣ, какъ удары молота, повторялась фраза: «и ты запьешь, непремѣнно запьешь!» Ему было и горько, и досадно сознаніе, что онъ дѣйствительно пробовалъ иногда «запивать». Тоже нашелъ исходъ!... Ничего еще не сдѣлалъ, ничего не добился, а ужь упалъ духомъ. Нѣтъ, надо собрать всѣ силы и биться, биться съ ожесточеніемъ, чтобы достигнуть хоть чего-нибудь. Онъ поднялся съ мѣста.

— А знаешь, въ чемъ главное наше несчастіе?—проговорилъ онъ Благолѣпову, дружески ударивъ его по плечу.

— Ну?

— Говоримъ мы—государства цѣлыя пересоздаемъ; дойдетъ до дѣла—щепки мы съ мѣста не сдвинемъ...

— Потому что все равно другіе сейчасъ же ее на старое мѣсто положатъ...

— А ты все-таки сдвигай ее, авось и другіе призадумаются надъ тѣмъ, отчего это человѣкъ такъ упорно сдвигаетъ эту щепку съ мѣста,—есть же у него своя цѣль... Можетъ-быть до чего-нибудь и додумаются... Я, братъ, глубоко вѣрю въ то, что если лбомъ стѣны и не прошибешь, то все же нужно о нее биться: разобьется объ нее сотня лбовъ и наведетъ это людей на мысль, съ чего это люди лбы объ стѣну разбиваютъ, нельзя ли найдти другой способъ разбить ее,—и найдутъ... А не станешь о нее лба разбивать, такъ она и будетъ стоять,—такъ и будутъ убѣждены люди, что ей тутъ и нужно стоять...

Орловъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Иногда и самъ не ожидаешь, какіе крупные результаты дастъ твоя дѣятельность. Вотъ мнѣ теперь вспоминается одинъ фактъ изъ моей жизни. Еще въ Питерѣ задумалъ я написать рядъ статей о положеніи русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и началъ собирать исподволь матеріалъ. Оффиціальныя свѣдѣнія оказались недостаточными, я какъ-то и придумалъ собрать кое-какія свѣдѣнія черезъ молодежь, разъѣзжающуюся лѣтомъ на каникулы по домамъ и на кондиціи въ провинцію. Написалъ я вопросные пункты и роздалъ знакомымъ студіозусамъ эти листки, прося ихъ раздать эти листки и ихъ товарищамъ. Ну-съ, затѣмъ меня попросили освободить отъ себя Питеръ. Отвѣтовъ на сто заданныхъ мною вопросныхъ пунктовъ я не получилъ и былъ убѣжденъ, что мое предпріятіе такъ прахомъ и разлетѣлось. Прошло не мало времени, какъ вдругъ недавно встрѣчаю я одного изъ бывшихъ студентовъ, получившаго отъ меня тоже листокъ съ вопросами. Разговорились мы. Съ первыхъ же словъ вижу я, что передо мной стоитъ ярый народникъ, весь поглощенный мыслью о благѣ народа, о средствахъ помочь народу. Прежде я въ немъ и не замѣчалъ этого направленія. Я ему высказалъ свое удивленіе. Онъ засмѣялся. «А вопросные-то пункты помните?—говоритъ.—Это они меня съ народными нуждами познакомили. Они у васъ наскоро, поверхностно были написаны,—много пробѣловъ въ нихъ пришлось пополнить,—да это ничего, на первый разъ и ихъ было достаточно...»

— Ишь подлецъ, ты же ему пользу принесъ, а онъ же тебѣ шпильку подставилъ,—замѣтилъ съ усмѣшкой Благолѣповъ.

— «Ну, говоритъ, я ихъ дополнилъ потомъ, — продолжалъ разсказъ Орловъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Благолѣпова,—да еще кое-кому роздалъ. Это школа хорошая. Молодежъ-то или плохо знаетъ народную жизнь, или просто не задумывается надъ этою жизнью, а тутъ какъ нужно все по пунктамъ распросить да разузнать, такъ по-неволѣ и вникнешь въ дѣло. Я, знаете, какъ впервые-то сталъ все обслѣдовать да распрашивать, такъ меня слеза прошибла. Помните, молодъ я тогда еще очень былъ... Да, да, ваши пунктики принесли пользу нашей партіи. Пожалуй, что съ нихъ и началось хожденіе въ народъ».

Орловъ вдругъ оборвалъ рѣчь и прямо обратился къ Благолѣпову.

— Нѣтъ, братъ, сѣять нужно... Десять всходовъ погибнутъ, сотни ихъ погибнутъ, а все-таки хоть одинъ дастъ, наконецъ, желанную жатву... Вся бѣда наша въ томъ, что мы даже не пробуемъ ни пахать, ни сѣять, боясь разныхъ случайностей, сомнѣваясь въ успѣхѣ, и только сѣтуемъ, что жатва не является сама собою...

— Нѣтъ, братъ, я съ тобой не согласенъ, — серьезно сказалъ Благолѣповъ, поднимая голову.—Вопросъ весь сводится къ тому, что сѣять. Что ты своей статьей хотѣлъ сѣять и своими пунктиками посѣялъ, то и всѣ мы сѣемъ и само оно сѣется. А кромѣ этого въ настоящее время ничего и сѣять не стоитъ, потому все другое прахомъ пойдетъ.

— Да ты о чемъ говоришь?

— О недовольствѣ. Недовольство сѣять—это я понимаю; его всѣ сѣютъ, потому всѣ недовольны настоящимъ; оно само въ воздухѣ носится, его никакими компромиссами не заглушишь; оно только и дастъ плоды. А все другое... Да ты самъ, положа руку на сердце, скажи, вѣришь ли ты въ плодотворность всего другого? Ну, говори, въ земство, въ новые суды, въ городскія управленія, что ли, ты вѣришь безъ свободы личности, безъ свободы слова? Вѣришь ты, что какіе-нибудь законы спасутъ насъ отъ казнокрадства, взяточничества, міроѣдства, когда ты не можешь разоблачать этихъ язвъ, не имѣя свободы слова и не будучи увѣренъ, что тебя не отправятъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ? Я тебѣ вотъ что скажу; работаютъ теперь лю-

ди до ноту въ лицѣ ради личной наживы, ради своей собственной карьеры, но такихъ людей, которые, если они не олухи царя небеснаго и если они видятъ дальше своего носа, работали бы, какъ волы, съ твердою вѣрой въ общественную пользу своего дѣла,—такихъ людей нѣтъ, потому что мы переживаемъ переходную эпоху и все, что мы теперь строимъ, строится только на время и должно перестроиться въ будущемъ. Вонъ я читалъ гдѣ-то въ журналѣ обвиненіе современнымъ людямъ, что ими руководитъ въ работѣ одно стремленіе—«жрать надо». А самъ-то этотъ писака почему толчетъ въ своихъ статьяхъ воду въ ступѣ, во имя чего?—Во имя того только, что ему тоже «жрать надо». Другой пользы изъ его писаній не выйдетъ, потому что онъ пишетъ не о томъ, о чемъ, по его мнѣнію, надо писать, о чемъ, по его мнѣнію, полезно писать, а о томъ, о чемъ можно писать,—пишетъ онъ, сознавая, что онъ и вопросъ не такъ ставитъ, какъ слѣдуетъ, и выводы дѣлаетъ не такіе, какіе нужно бы сдѣлать. Онъ, положимъ, пишетъ о гигіеническихъ условіяхъ жизни; расписываетъ и размазываетъ, какъ полезны гигіеническое устройство городовъ, строгій надзоръ за пищею, созданіе хорошихъ условій жизни для рабочаго люда. Да прахъ его побери,—мы и безъ него знаемъ, что хорошее хорошо, а дурное дурно!... А отчего же онъ не скажетъ намъ, почему у насъ все дурно и какъ сдѣлать это лучше? Пользы-то для общества отъ такого предпринятаго ради жратвы писанія и нѣтъ, а если и есть польза, такъ она только въ одномъ замѣчается—въ сѣяніи недовольства существующимъ. И вездѣ, на всякомъ поприщѣ, дѣлаютъ люди только то, что можно дѣлать, а не то, что нужно дѣлать,—и дѣлаютъ, разумѣется, кое-какъ, зная, что завтра сдѣланное ими кто-нибудь, можетъ-быть, передѣлывать будетъ, а нѣтъ такъ и просто разрушать станетъ.

Благолѣповъ усмѣхнулся горькой усмѣшкой.

— Я вонъ такъ ученичковъ разныхъ изъ латыни и греческаго учу. «Вы, говорю, зазубрите это для экзаменовъ,—послѣ-то вамъ эта накость не понадобится. Только до экзамена старайтесь въ памяти удержать». Ну, разумѣется знаніе-то и выходитъ формальное, а не серьезное. Но вѣдь иначе и быть не можетъ, когда я самъ не вѣрю ни въ пользу, ни въ прочность классицизма въ православной Россіи. При такомъ сознаніи можно выдѣлывать удивительныя штуки по части классической гимнастики, но только во имя того, что жрать нужно, а не во имя

убѣжденія, что этимъ ты приносишь пользу обществу. И во всемъ теперь такъ. Пользу приноситъ только одно — сѣяніе недовольства, потому что оно, и только оно, приведетъ тебя къ исполненію твоей завѣтной мечты.

— Какой?—отрывисто спросилъ Орловъ.

— А положимъ, чтобы никто не могъ тебя послать на житье въ такую трущобу, какъ наша, да чтобы никто не могъ зажать тебѣ рта, когда ты говорить хочешь.

Орловъ, взволнованный и блѣдный, молча прошелся по комнатѣ.

— Да, такъ ты вотъ до чего додумался!—сквозь зубы проговорилъ онъ.

— До того же, до чего и ты додумался,—отвѣтилъ Благолѣповъ.

Эта встрѣча, эта бесѣда «по душѣ» съ Благолѣповымъ точно озарили яркимъ свѣтомъ передъ Орловымъ и его завѣтныя стремленія, и страшную пропасть, зіявшую у его ногъ. Онъ увидалъ, что онъ былъ близокъ къ отчаянію, къ малодушному унынію, къ холодной апатіи, къ тому душевному настроенію, которое дѣлаетъ человѣка работающей машиной, заставляетъ его плыть спустя рукава по теченію, толкаетъ его искать забвенья въ картахъ, въ винѣ, въ развратѣ. Ему стало страшно, тяжело, обидно сознаніе, что и онъ можетъ стушеваться въ этой тысячеголовой безличной толпѣ пассивныхъ исполнителей чужой воли, дѣлающихъ все, что имъ прикажутъ. Ему точно кто-то далъ толчокъ. Въ немъ снова пробудилась энергія, страстное желаніе не сдаться малодушно враждебнымъ обстоятельствамъ.

II.

Свѣтлымъ лучомъ въ эти годы жизни Орлова въ провинціи являлись только письма княжны Софьи Александровны Русовой, уѣхавшей съ матерью и сестрой за границу. Эта дѣвушка никогда прежде не играла никакой видной роли въ жизни Орлова. Онъ когда-то носилъ ее на рукахъ, когда она была ребенкомъ; потомъ онъ нерѣдко игралъ и болталъ съ ней, какъ съ милой и ласковой дѣвочкой; далѣе онъ видѣлъ въ ней очень привѣтливую и кроткую барышню, смотрѣвшую на него какъ на брата—и только. Въ его воспоминаніяхъ о ней сохранилось одно представленіе, а именно то, что это кроткое созданіе любили

всѣ окружавшіе, начиная съ прислуги и кончая княземъ Русовымъ. Ее и нельзя было не любить, такъ какъ она сама шла на встрѣчу каждому съ мягкою и привѣтливою улыбкой. Добродушіе было вообще въ характерѣ Русовыхъ, не имѣвшихъ никакихъ поводовъ для мелочнаго раздраженія, для угрюмой озлобленности; но у этого слабаго и хрупкаго ребенка оно проявлялось иногда какъ-то болѣзненно. Достаточно было ей увидать на чьемъ-нибудь лицѣ выраженіе грусти, чтобъ она тотчасъ же явилась съ вопросами, почему человѣкъ грустенъ, не случилось ли чего-нибудь съ нимъ, не нуждается ли онъ въ чемъ-нибудь.

— Ты, папа, здоровъ? — тихо спрашивала она князя, заглядывая въ его глаза, когда онъ былъ невеселъ.

— Здоровъ, крошка! А что?—спрашивалъ князь, поднимая ее на руки.

— Такъ. Ты скучный сегодня,—говорила она, цѣлуя его.—Ты на меня не сердишься?

— За что же я могу на тебя сердиться?

— Я не знаю, но можетъ-быть... Ты скажи, если сердишься...

Она ласкала князя и онъ гладилъ ее нѣжно по головкѣ. Она не любила только свою гувернантку-англичанку—сухую и холодную женщину, старавшуюся только выдрессировать маленькихъ княженъ. Но княжна Софья была долго тщедушнымъ и слабымъ ребенкомъ и потому находилась чаще на рукахъ старой русской няньки изъ крѣпостныхъ, чѣмъ подъ надзоромъ гувернантки. Эта нянька, Ольга Родіоновна, не долюбливала англичанку и постоянно говорила:

— Развѣ онѣ знаютъ, какъ русское дитя воспитывать надо? Что ей наши дѣти?—чужія! Ей только бы онѣ въ струнку держались... А дѣтямъ ласка нужна, родная душа нужна.

Княжна страстно любила старушку, любила разсказы старушки, успокоивавшіе ребенка въ безсонныя ночи во время его недуговъ. Ольга Родіоновна была княжнѣ ближе матери, дороже матери. Княгиня Марья Львовна, вѣчно порхающая, вѣчно смѣющаяся, видѣлась съ дѣтьми только на минуту; Ольга Родіоновна оставалась съ болѣзненною княжной Софьей по цѣлымъ днямъ, по цѣлымъ ночамъ. Серьезная и степенная старушка, смотрѣвшая скорѣе старой барыней, чѣмъ слугой, слегка пощелкивая спицами за вязаньемъ шарфа, говорила съ княжной о деревнѣ, о мужикахъ, о родѣ и роднѣ князей Русовыхъ, о семейныхъ преданіяхъ. Отъ нея узнала дѣвочка, что народъ бѣденъ,

что народу тяжело жить, что народъ одинъ плательщикъ за всѣхъ, но что русовскіе крестьяне самые счастливые, потому что князья Русовы на всю Россію споконъ вѣка извѣстны, какъ самые добрые господа.

— Такихъ-то другихъ господъ можетъ-быть и нѣтъ,—серьезно говорила старушка.—Всегда были печальниками за народъ. Одна тетенька твоя, княжна Софья Владиміровна, сколько добра народу сдѣлала; сама и замужъ не вышла, и въ монастырь ушла жить, а для другихъ все была отдать готова.

Княжнѣ очень нравилось выраженіе «печальники за народъ»; ее очень интересовала личность тетки.

— Тетя жива еще или умерла?—спрашивала княжна.

— Жива, слава тебѣ, Господи, жива, только изъ монастыря никогда теперь не выѣзжаетъ. Тебя и назвали въ честь ея Софьей. Да ты на нее и похожа. Такая же она росла маленькая да хвореньская, а сердце ангельское.

— А ее нельзя увидѣть?—допрашивала княжна.

— Вотъ, можетъ-быть, въ деревню соберемся, тогда свозятъ въ монастырь. Княгиня-то Марья Львовна только не любитъ деревни, потому все здѣсь въ Павловскѣ да Петергофѣ и чахнемъ, а ужь чего бы лучше въ деревнѣ.

— Отчего же мама не любитъ деревню?—спрашивала княжна.

— Не нашего она рода,—сухо отвѣчала старушка, поджимая губы.

Старушка всегда говорила о княгинѣ Марьѣ Львовнѣ сдержанно, холодно и какъ бы презрительно.

Княжнѣ очень хотѣлось увидать и деревню, гдѣ такъ любятъ князей Русовыхъ, и тетку, отдавшую всю жизнь на благо ближнихъ. Наконецъ желанія княжны сбылись и князья Русовы провели одно лѣто въ деревнѣ. Съ перваго же раза деревня произвела неизгладимое впечатлѣніе на княжну, когда она увидала цѣлую толпу молодыхъ и старыхъ мужиковъ, вышедшихъ съ открытыми головами встрѣтить господъ съ хлѣбомъ-солью. Эти мужики, цѣловавшіе ея руки, называвшіе ее «нашей барышней», сразу представились ей близкими, родными, своею семьей. Это былъ тотъ народъ, печальниками за который были Русовы. Въ деревнѣ княжна совсѣмъ отбилась отъ рукъ англичанки, посѣщая съ Ольгой Родіоновной избы мужиковъ, принося бѣднымъ и больнымъ пособія и подарки, и миссъ Пирсъ даже пожаловалась княгинѣ Марьѣ Львовнѣ на Ольгу Родіоновну за то, что та са-

мовольничаетъ и держитъ ребенка постоянно при себѣ, таскаетъ ее по мужичьимъ избамъ. Княгиня сдѣлала осторожно замѣчаніе старушкѣ. Старушка выслушала выговоръ безмолвно, но ея лицо приняло строгое и суровое выраженіе. Вечеромъ она улучила минуту, когда по залѣ проходилъ князь, и обратилась къ нему.

— Жаловаться, батюшка, пришла къ тебѣ,—проговорила она тѣмъ фамильярнымъ тономъ, какимъ говорила въ домѣ со всѣми только она. — Пирша-то наша, наемница-то, Соничку отъ меня отбиваетъ. Дитя—слабое, хрупкое, нѣжное, такъ зачѣмъ же его на изморъ отдавать ей? И развѣ она знаетъ, какъ Русовыхъ-то воспитывали? Слава тебѣ, Господи, безъ нихъ, безъ наемницъ, и покойная Ольга Владиміровна, и Софья Владиміровна выросли,— крѣпостной глазъ оберегъ отъ всякой напасти. Соничка-то вотъ плачетъ съ нею, а она на нее кричитъ, точно на холопку какую. Это ужь совсѣмъ не резонъ.

Князь съ улыбкой смотрѣлъ на старуху.

— Кто же вамъ мѣшаетъ, Ольга Родіоновна, по своему-то сдѣлать, не жалуясь мнѣ?—спросилъ онъ, глядя ей въ глаза.— Кажется, вы—надъ дѣтьми командирша, а не кто другой.

— Знаю, знаю! Только не мнѣ бы командовать, а тебѣ. Ну, да на тебя-то, видно, рукой махнуть приходится. Отбился ты совсѣмъ отъ семьи.

Князь усмѣхнулся.

— Ты отбился, а меня вотъ не слушаютъ, старуху.

— Кто же это не слушаетъ-то?

— Да вотъ княгиня Марья Львовна приказала мнѣ сегодня сдать Соничку на руки Пиршѣ,—сказала старушка,— такъ я и не смѣла ослушаться. Княгиня Марья Львовна не нашего рода, такъ она, конечно, и не знаетъ, что Соничка совсѣмъ заблекнетъ у какой-нибудь наемницы, оттого она и сдѣлала такое распоряженіе. А ты-то, батюшка, ужь вели, чтобы все по-старому было.

— Да дѣлайте, какъ знаете,—сказалъ князь.—Если будутъ что возражать, скажите, что я такъ приказалъ.

Ольга Родіоновна кивнула головой.

— Я Соничку-то хочу завтра въ монастырь къ Софьѣ Владиміровнѣ свезти,— сказала она. — Пусть старушка полюбуется на дитя. Вѣдь Соничка-то вся въ нее, вся въ нее.

— Вы находите, Ольга Родіоновна?

— Еще бы! Какъ двѣ капли воды похожи. Одна въ нашъ родъ...

Князь сдвинулъ брови при этомъ щекотливомъ для него замѣчаніи.

— Отъ тебя-то, батюшка, будетъ какой-нибудь наказъ къ сестрицѣ?—спросила старушка.

— Я былъ уже у нея сегодня, — сказалъ князь. — Слаба становится, похудѣла... Вы кстати ѣдете къ ней,—она просила, чтобы вы заѣхали на цѣлый день...

— Такъ что-жь ты, батюшка, не сказалъ мнѣ? Память-то, видно, дѣвичья тоже стала,—сказала старуха, укоризненно качая головой.—Ей-богу, просто не узнаю тебя,—не тѣмъ человѣкомъ ты сталъ. Бранить бы тебя надо,—ну, да ужь Богъ съ тобой.

Князь разсмѣялся и поцѣловалъ старушку въ лобъ.

— Ворчунья вы!

— Ну да, не ворчи на тебя, такъ ты и совсѣмъ отобьешься отъ дому. Тоже хорошо: его просятъ сказать, чтобъ я пріѣхала въ монастырь, а онъ молчитъ... Завтра же, завтра же поѣду туда съ Соничкой...

— А Олю не возьмете?

— Соскучится она тамъ, — сухо отвѣтила старуха, очень холодно смотрѣвшая на бойкую и живую княжну Ольгу.

Она пошла на дѣтскую половину.

На другой день княжна Софья поѣхала съ Ольгой Родіоновной въ монастырь къ теткѣ. Ихъ провели по длинному пустынному корридору къ кельѣ матери Серафимы, бывшей княжны Софьи Владиміровны Русовой. Когда двери кельи растворились, посѣтительницъ, находившихся въ полутемномъ корридорѣ, облило яркимъ свѣтомъ солнца, заставившимъ ихъ на мгновеніе зажмурить глаза, и на нихъ пахнуло ароматомъ цвѣтущихъ розъ, левкоевъ и жасминовъ. Въ комнатѣ звенѣли голоса канареекъ и одна изъ нихъ вспорхнула съ руки старушки, сидѣвшей у затянутаго газомъ открытаго окна. Старушка поднялась съ мѣста на встрѣчу гостямъ и ея морщинистое лицо озарилось свѣтлою улыбкой. Это было изящное, маленькое, худенькое, слабое существо съ кроткими глазами, смотрѣвшими неопредѣленно въ даль. Она нѣжно обняла Ольгу Родіоновну, подругу своего дѣтства, и обласкала племянницу. Дѣвочка горячо прильнула губенками къ ея худенькой рукѣ.

— А я думала, она испугается меня, — мягкимъ голосомъ сказала монахиня.

— Что это ты выдумала, мать! Она тебя любитъ,—сказала Ольга Родіоновна, цѣлуя старушку.

— Любитъ?... Но она же меня еще вовсе не знаетъ?

— Тетку-то родную не знаетъ? — произнесла съ упрекомъ Ольга Родіоновна.—Да что это ты? Развѣ я изъ нея какого-нибудь Ивана, не помнящаго родства, рощу? Слава тебѣ, Господи, тоже княжна Русова.

— Я знаю, тетя, тебя. Я на тебя похожа,—сказалъ ребенокъ.

— Да, да, одна изъ нашего рода,—сказала Ольга Родіоновна.

Мать Серафима тяжело вздохнула, приподнявъ глаза къ небу.

— Точно, она похожа на меня. Ты, Ольга, это вѣрно замѣтила.

— Еще бы! Одна только и похожа! Дай Богъ, чтобы во всемъ была похожа.

— Я, тетя, и въ монахини пойду,—сказала дѣвочка.

— Зачѣмъ, дружокъ? Не всѣ же добрые люди должны идти въ монашество,—сказала ласково тетка, гладя ее по щекѣ.

— А ты, тетя, вотъ пошла,—сказала дѣвочка.

Старушка вздохнула, но ничего не отвѣтила на это.

— А тамъ все тоже, все тоже,—сказала тихо монахиня, обращаясь къ Ольгѣ Родіоновнѣ.—Я не распрашивала Александра, но я все поняла сразу. Бѣдный!...

—Самъ виноватъ, самъ виноватъ... Твердости мало!—сказала Ольга Родіоновна.

— Мнѣ тяжело, что онъ отчасти подъ моимъ вліяніемъ понесъ эти вериги,—проговорила монахиня.

— Ну, да вѣдь иначе же было нельзя,—замѣтила Ольга Родіоновна.—Для дѣтей жертва.

Мать Серафима позвала молоденькую послушницу и попросила ее показать Сонѣ церковь, садъ, кладбище. Ей хотѣлось остаться наединѣ съ Ольгой Родіоновной, чтобы поговорить о семейныхъ дѣлахъ.

Соня снова очутилась въ безмолвномъ корридорѣ, гдѣ иногда, какъ тѣни, безшумно проходили женщины въ черномъ. Тишина келій, цвѣтущій садъ, кротость тетки, ласки молодыхъ послушницъ, собравшихся вокругъ ребенка, когда въ монастырѣ разнеслась вѣсть, что этотъ ребенокъ «княжна Русова»,—все это по-

вѣяло такъ успокоительно на душу дѣвочки, что ей не хотѣлось ѣхать домой. Ей нравились и чинные поклоны монахинь, и однообразная черная одежда этихъ женщинъ, и отсутствіе всякой суетливости и тревоги. Здѣсь ничто не раздражало, а напротивъ того все успокоивало болѣзненно развитые нервы ребенка. Въ теченіе лѣта княжна часто уговаривала Ольгу Родіоновну съѣздить въ монастырь и каждый разъ возвращалась оттуда въ какомъ-то тихомъ и свѣтломъ настроеніи, какъ будто ей удалось крѣпко уснуть и увидѣть сладкій сонъ. Разъ она спросила Ольгу Родіоновну, почему тетка пошла въ монастырь,

— Свадьба когда растроилась, она и пошла въ монастырь,— коротко отвѣтила Ольга Родіоновна.

— Какая свадьба?

— Женихъ у тетеньки Софьи Владиміровны былъ, а когда его не стало, она и пошла въ монастырь.

— Онъ умеръ, няня?

— Нѣтъ, голубчикъ, не умеръ... Услали его далеко, далеко.

— Какъ, няня, услали?

— Мала ты еще, не поймешь теперь этого,— коротко сказала Ольга Родіоновна.

Какъ часто приходилось Сонѣ слышать этотъ несносный отвѣтъ. Ей или прямо говорили: «мала ты, послѣ узнаешь», или просто уклонялись отъ отвѣтовъ, оставляя ее въ недоумѣніи. Такое недоумѣніе пробудилъ въ ней, напримѣръ, одинъ случай. Проходя однажды по портретной галлереѣ, Соня спросила Ольгу Родіоновну:

— Это ты, няня?

Она указала на одинъ изъ старинныхъ портретовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ.

— Нѣтъ, это твоего папеньки сестра старшая, покойная княжна Ольга Владиміровна Русова,—отвѣтила нянька.

Дѣвочка съ недоумѣніемъ смотрѣла на портретъ и, кажется, не вѣрила, что это не портретъ ея няньки.

— А его съ тебя рисовали?—наивно спросила княжна.

— Что это, Соничка, какія глупости ты говоришь!—сказала Ольга Родіоновна наставительно.—Это ея портретъ, значитъ съ нея и рисовали его.

— Такъ отчего же онъ на тебя похожъ?

— Мало ли кто на кого похожъ... Всѣ люди по образу Божьему созданы.

Княжна недоумѣвала.

Потомъ она узнала многое и многое угадала. Она узнала, что женихъ тетки былъ декабристъ, товарищъ князя Александра Владиміровича, сосланный въ Сибирь. Невѣста хотѣла сперва слѣдовать за нимъ, а потомъ вдругъ она узнала о его смерти, почти все отдала въ пользу своихъ крестьянъ и пошла въ монастырь. Эти свѣдѣнія, добытыя дѣвочкой отрывочно, произвели на нее глубокое впечатлѣніе, надолго заставивъ ея мозгъ работать надъ размышленіями объ этихъ фактахъ, о томъ, почему и за что людей ссылаютъ, дурные ли это люди или хорошіе. Додумалась она впослѣдствіи, не разъ стоя передъ портретомъ княжны Ольги Владиміровны, и до того, что Ольга Родіоновна должна быть изъ ихъ рода. Она какъ-то услышала отъ отца шутливое замѣчаніе, что «Толстыхъ по длинному носу, а Русовыхъ по большому лбу сейчасъ узнаешь», и сообразила, что не даромъ у Ольги Родіоновны совсѣмъ русовскій лобъ. Но какже она имъ родня, если она изъ крѣпостныхъ? И почему ее такъ всѣ уважаютъ, даже сама княгиня Марья Львовна? Отчего она держитъ себя такъ фамильярно съ отцомъ? Тутъ есть какая-то тайна, недоступная дѣтскому уму. Впослѣдствіи все выяснилось, все понялось. Для этихъ думъ и размышленій было много свободнаго времени въ часы частыхъ недуговъ; на нихъ наталкивала та скука, отъ которой княгиня искала спасенія въ любовныхъ интригахъ, князь Александръ—въ кутежахъ, старшая сестра Сони—на балахъ и въ театрахъ. Когда княжнѣ Софьѣ было пятнадцать лѣтъ, она вступила въ дѣятельную переписку съ теткой монахиней, стала спрашивать у той совѣтовъ, просить у нея отвѣтовъ на волновавшіе молодую душу вопросы. Письма тетки—спокойныя, ласковыя, кроткія—говорили только одно: «Тебѣ Богъ послалъ богатство,—старайся употреблять его на пользу тѣхъ, кого обдѣлила судьба. Самое высшее счастіе человѣка—въ сознаніи, что онъ всегда былъ другомъ и помощникомъ ближнихъ, потому что кто поможетъ слабому, кто накормитъ голоднаго, тотъ дѣлаетъ это для самого Бога. Наше личное счастье не прочно; прочно только свѣтлое сознаніе, что мы исполняли заповѣди Божіи и любили ближняго, какъ самихъ себя. У кого есть это сознаніе, тотъ перенесетъ все—и невзгоды, и горе, и вражду. Безъ этого сознанія и при самой счастливой жизни внутри насъ когда-нибудь да проснется совѣсть и будетъ мучить насъ. Страшнѣе упрековъ совѣсти нѣтъ на свѣтѣ казни; у кого спокойна совѣсть, тотъ съ улыбкой мо-

жетъ вынести всѣ муки за правду, какъ ихъ выносили первые христіане, погибавшіе за ближнихъ, за человѣчество». Подобныхъ совѣтовъ и наставленій въ письмахъ тетки было не мало. Мать Серафима любила и умѣла писать, стараясь поддерживать въ людяхъ добрыя чувства и видя все спасеніе человѣчества въ нравственной чистотѣ, въ духѣ кротости и любви. Ея корреспонденція была очень обширна и подъ вліяніемъ ея писемъ не разъ созрѣвали такія рѣшенія, какъ рѣшеніе князя Александра Владиміровича Русова щадить свою жену ради дѣтей. Кроткая по натурѣ, по темпераменту, молоденькая княжна стала подъ вліяніемъ совѣтовъ тетки еще мягче въ отношеніяхъ къ людямъ. Она болѣе всего боялась кого-нибудь огорчить или обидѣть. Орловъ очень хорошо помнилъ, какъ разъ, увидавъ ее на домашнемъ балу, гдѣ она впервые появилась въ длинномъ платьѣ, онъ сказалъ ей «вы».

Она встревожилась.

— Митя, ты сердишься за что-нибудь на меня?—спросила она.

— Я?

— Да.

— За что же? Съ чего это вамъ пришло въ голову?

— Но ты говоришь мнѣ: «вы».

— Ахъ, Богъ мой!... Вы уже теперь не дѣвочка и было бы неловко...

— Митя!—проговорила она ласково,—я же считаю тебя за брата... Нѣтъ, ты говори мнѣ по-прежнему: «ты», а то я буду всегда думать, что ты разлюбилъ меня.

Она крѣпко сжала его руку. Въ этотъ вечеръ впервые въ его сердцѣ отозвалось какою-то тяжелою болью опасеніе, что это милое дитя можетъ когда-нибудь узнать его отношенія къ ея матери. Эти «проклятыя», какъ называлъ онъ ихъ, отношенія тогда начинали уже сильно тревожить его. Глядя на княжну, онъ какъ бы стыдился за себя: онъ боялся, что она можетъ все узнать; онъ смущался при мысли, что княгиня Марья Львовна можетъ его приревновать къ дочери. Еще болѣе теплыя, болѣе глубокія отношенія къ княжнѣ возникли въ немъ въ тотъ день, когда она подошла къ нему съ словами участія на могилѣ его матери. Онъ увидалъ въ этой дѣвушкѣ своего истиннаго друга, свою любимую сестру. Первое письмо, пришедшее къ нему отъ нея, влило въ его душу отраду. Впервые въ эти дни одиночества онъ долго думалъ о княжнѣ, припоминалъ черты этого кроткаго, задумчи-

ваго личика съ серьезными и въ тоже время ласковыми глазами.

Она писала ему:

«Кругомъ меня все цвѣтетъ, все благоухаетъ, изъ окна виднѣется синѣющее Женевское озеро, по дорогѣ мелькаютъ праздничныя лица гуляющихъ, а у меня на душѣ какъ-то пусто, какъ-то тяжело, какъ-то безотчетно грустно. Мнѣ хотѣлось бы быть тамъ—у насъ на родинѣ, въ нашей родной глуши, среди нашего родного народа. Меня точно давитъ здѣсь все—и эти горы, обступившія кругомъ Женеву и за которыя мнѣ хотѣлось бы унестись, и эти самодовольныя лица праздныхъ людей, чье счастіе такъ же чуждо мнѣ, какъ имъ чужды мои печали, и этотъ блескъ южной природы, противорѣчащій моему душевному настроенію. Я сижу здѣсь, а мои мысли носятся далеко, далеко. Мнѣ грезится няня: что-то дѣлаетъ въ деревнѣ безъ меня моя старушка; я думаю, скучаетъ и ворчитъ на тѣхъ, кто Богъ знаетъ зачѣмъ и для чего отъ роднаго угла бѣжитъ за границу и увозитъ туда насильно дѣтей. А папа? Тебѣ нечего говорить о его несчастіяхъ. Ты, конечно, знаешь всю его внутреннюю жизнь лучше меня. Я ее, къ сожалѣнію, узнала только недавно, только случайно. Бѣдный, бѣдный, какъ онъ долженъ былъ страдать всю жизнь, притворяясь и нося маску по неволѣ, когда его натура такъ пряма, такъ откровенна, такъ честна! Вспоминаешься мнѣ и ты. Тебѣ тоже не легко. Я случайно прочла твое письмо къ моей матери. Сколько у тебя непріятностей. Какъ бы хорошо было тебѣ, еслибы мы всѣ были ближе къ тебѣ».

Орловъ долго раздумывалъ надъ этими строками: ему такъ ясно, ясно представлялось милое, задумчивое личико княжны; ему казалось, что онъ видитъ на бумагѣ слѣды ея слезъ... Это она плачетъ и о немъ. О, какъ бы горячо онъ обнялъ ее теперь, еслибъ она вдругъ явилась здѣсь передъ нимъ! У ея ногъ онъ излилъ бы всю свою душу, разсказалъ бы ей всѣ свои невзгоды... И вдругъ его смутила мысль: «Она читала мое письмо къ ея матери... Что я писалъ въ этомъ письмѣ? Не было ли тамъ какой-нибудь дошлости? Не могла ли она догадаться по тону этого письма о моихъ отношеніяхъ къ княгинѣ?» Онъ тревожно припоминалъ содержаніе всѣхъ своихъ писемъ къ княгинѣ. Нѣтъ, его письма были сдержаны и приличны. Его отношенія къ княгинѣ давно уже приняли характеръ простой пріязни. Его давно уже смѣнили тамъ другіе любовники. Еслибъ его письмо пробу-

дило хоть тѣнь подозрѣнія въ душѣ княжны, она не писала бы ему такъ дружески, такъ тепло. Она слишкомъ сильно любитъ отца, чтобы быть ласковой съ любовницею своей матери.

Отъ княжны же приходили еще письма.

«Я здѣсь учусь педагогикѣ,—писала она.—Мнѣ хотѣлось бы изучить основательно этотъ предметъ. Можетъ-быть хоть когда-нибудь сбудется моя мечта и я устрою въ одной изъ нашихъ деревень большую школу и пріютъ для сиротъ. Въ послѣднее время мнѣ пришлось много слышать о народѣ, о его положеніи, о его нуждахъ. Насъ посѣщаетъ много молодыхъ людей. Maman либеральничаетъ съ ними, вторитъ ихъ рѣзкимъ фразамъ, играетъ какую-то новую роль недовольной, не сознавая того, что она-то не имѣетъ даже права быть чѣмъ бы то ни было недовольной. Надъ ней, кажется, смѣются эти люди, но они нуждаются въ ея деньгахъ, въ ея связяхъ и потому наружно ухаживаютъ за ней. Многіе изъ нихъ очень не нравятся мнѣ; они не лучше товарищей Александра; они принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые проповѣдуютъ воду и пьютъ вино, такъ что слово у нихъ идетъ въ разрѣзъ съ дѣломъ; но я все-таки благодарна нѣкоторымъ изъ нихъ, такъ какъ они на многое открыли мнѣ глаза. Я всегда любила народъ, благодаря нянѣ, благодаря тетѣ, благодаря отцу, но я все же мало понимала сущность положенія народа. Теперь многое мнѣ стало ясно. Здѣшняя молодежь проповѣдуетъ разныя крайнія мѣры, составляетъ заговоры, толкуетъ о рѣзнѣ и крови; но, Боже мой, развѣ можно путемъ насилія и убійства водворить миръ и любовь? Впрочемъ, лично я думаю, что вообще никакія мѣры не принесутъ желанныхъ плодовъ, покуда народъ будетъ вполнѣ невѣжественъ; въ потьмахъ мы сами можемъ постоянно заблуждаться; въ потьмахъ насъ могутъ обманывать на каждомъ шагу другіе. Прежде всего нужно вывести народъ изъ этой тьмы, нужно позаботиться о его грамотности, о его развитіи, и на это дѣло я, кажется, отдала бы всю жизнь. Я пришла къ этимъ взглядамъ можетъ-быть потому, что я сознаю, что я по натурѣ создана для учительства. Сидѣть вдали отъ всякой суеты и гама среди дѣтей и учить ихъ—это такая доля, которая манитъ меня болѣе всего. Какъ пріятно, какъ сладко видѣть ребенка, мало-по-малу усвоивающаго твои мысли, твои понятія, постепенно развертывающаго свои способности, свои таланты! За право жить такъ я отдала бы все».

Орловъ въ этихъ строкахъ узнавалъ знакомое ему «золотое сердце» княжны и ему казалось, что на него смотрятъ ея кроткіе и ласковые глаза. Его очаровывала эта цѣльность натуры, эта дѣвическая чистота его дорогой подруги. Нерѣдко онъ мечталъ теперь о ней, какъ влюбленный, и у него на душѣ становилось свѣтлѣе и легче, когда въ его душу закрадывалась надежда на встрѣчу съ княжною. Онъ упрекалъ себя иногда за то, что онъ не сблизился прежде тѣснѣе съ нею, что онъ такъ долго смотрѣлъ на нее только какъ на милаго ребенка. Теперь это былъ уже далеко не ребенокъ, а, вѣроятно, прелестная дѣвушка.

Да, ребенокъ не могъ бы написать ему того, что писала она ему въ послѣднемъ письмѣ изъ-за границы:

«Странныя чувства волнуютъ меня въ настоящую минуту. Мнѣ и тяжело, и весело; мнѣ хочется и плакать, и смѣяться. Я ѣду въ Россію, я ѣду въ деревню, я ѣду туда навсегда. Но какою цѣной это купилось? Ты знаешь несчастіе отца: онъ потерялъ дорогое ему существо. Это сразу подкосило его и мы нашли его за границей, куда онъ ѣздилъ, чтобы спасти дорогую ему женщину, разбитаго параличомъ. Медицинская помощь спасла ему жизнь, но это уже не прежній твердый и сильный старикъ, а слабое, безпомощное созданіе, нуждающееся въ уходѣ любящихъ людей. Я провела у его постели не мало безсонныхъ ночей и чѣмъ больше я отдавалась уходу за нимъ, тѣмъ яснѣе становилось въ моей душѣ сознаніе, что это не только святой долгъ, но что это сладкая обязанность. Я сознавала, что я дѣйствую безкорыстно; я сознавала, что онъ благодаритъ меня въ душѣ за каждую услугу; я сознавала, что онъ ищетъ постоянно глазами меня, и только меня, и впервые испытала, что значитъ счастіе. Когда ему стало легче, я сказала ему: «поѣдемъ домой, тамъ намъ будетъ лучше, тамъ у тебя буду не одна я, но будетъ и Ольга Родіоновна». Онъ молча протянулъ къ губамъ мою руку и на его глазахъ сверкнули слезы. Я поспѣшила сказать ему, чтобъ онъ не думалъ о какой-нибудь жертвѣ съ моей стороны, что мнѣ тамъ будетъ тоже лучше, что я буду учить крестьянскихъ ребятишекъ, что здѣсь мнѣ нехорошо. Онъ тихо прошепталъ мнѣ: «да, здѣсь тебѣ нехорошо!» Я сознавала, что мы оба поняли другъ друга. Да, мнѣ нужно было порвать съ этою жизнью, порвать съ матерью и сестрой—безъ ссоръ, безъ сценъ, потому что мы—чужія, вполнѣ чужія другъ другу,

по образу жизни, по взглядамъ, по стремленіямъ. Чѣмъ онѣ гордятся, того и стыжусь; чѣмъ онѣ радуются, то будитъ во мнѣ тоску. И вотъ мои мечты сбываются: я ѣду домой. Вчера, когда уже все было готово къ отъѣзду, я пошла прощаться — не съ матерью, не съ сестрой, а съ одинокою могилой, съ могилой той, которая одна умѣла озарить хотя слабымъ лучомъ счастія жизнь моего отца. Я поклонилась до земли передъ свѣжей насыпью этой могилы, передъ прахомъ этой женщины, спасавшей своею любовью моего отца».

Перечитывая это письмо и вспоминая все прошлое, Орловъ точно видѣлъ, какъ передъ его глазами росла и развивалась физически и нравственно эта дѣвушка, подобно прекрасной статуѣ, мало-по-малу формирующейся подъ рѣзцомъ художника изъ безформенной глыбы мрамора. «И красавицей, должно-быть, стала», думалось ему въ эти минуты. Ему страстно хотѣлось увидать ее и онъ забылъ все—и службу, и дѣла, и личныя непріятности, когда къ нему неожиданно долетѣла записка:

«Мы пріѣхали и остановились въ гостиницѣ «Европа». Отцу нужно отдохнуть съ дороги и кстати до отъѣзда въ деревню посовѣтоваться съ здѣшними медицинскими знаменитостями. Приходи скорѣй. Я и отецъ хотимъ поскорѣй повидаться съ тобою».

Онъ земли не чувствовалъ подъ собой, торопясь къ князю, къ ней...

Доѣхавъ до гостиницы, онъ сбросилъ пальто и быстро пошелъ по корридору къ помѣщенію, занятому княземъ. Едва успѣлъ онъ отворить дверь, какъ къ нему на встрѣчу бросилась княжна.

— Митя, голубчикъ, сколько лѣтъ!—раздались ея отрывочныя восклицанія и, прежде чѣмъ Орловъ успѣлъ опомниться, она обняла и поцѣловала его, какъ любимаго брата.

Онъ цѣловалъ ея руки и не могъ насмотрѣться на нее. Какъ она выросла, какъ похорошѣла. Вся въ черномъ, съ гладко зачесанными волосами, безъ всякихъ золотыхъ бездѣлушекъ и украшеній, она поражала простотой и строгостью своей красоты. Это было тоже хрупкое, стройное и граціозное созданіе съ мелкими чертами лица, съ тонкими темными бровями, съ большимъ спокойнымъ лбомъ; только ея щурившіеся, какъ у близорукихъ, глаза сдѣлались серьезнѣе, строже, да совершенно исчезло съ лица дѣтское выраженіе чего-то неопредѣленнаго, выраженіе

наивности и недоумѣнія, почти постоянно появлявшееся на этомъ личикѣ въ былые годы, когда княжна о чемъ-нибудь распрашивала, чѣмъ-нибудь смущалась. Теперь Орловъ сразу подмѣтилъ на этомъ лицѣ выраженіе задумчивости, сосредоточенности и грусти, — выраженіе, не исчезавшее даже и тогда, когда по ея лицу скользила улыбка.

— Пойдемъ къ отцу, онъ будетъ тебѣ радъ. Бѣдный, онъ не покидаетъ почти кресла, — говорила она. — Ты его не узнаешь: состарѣлся, посѣдѣлъ...

Орловъ прошелъ съ нею къ князю. Князь дѣйствительно былъ неузнаваемъ: онъ постарѣлъ на десятки лѣтъ. Длинные сѣдые волоса падали ему на плечи, на лбу прорѣзались крупныя морщины, сѣдая борода опускалась на грудь, полнота стала рыхлой, болѣзненной. Онъ сидѣлъ въ креслѣ съ окутанными теплымъ пледомъ ногами. Услыхавъ шаги, онъ поднялъ голову и привѣтливо улыбнулся при видѣ Орлова.

— Вотъ, братъ, какую развалину пришлось увидать, — сказалъ онъ, обнимая и цѣлуя Дмитрія Андреевича: — Умирать собирался, да вотъ она приказываетъ жить.

Князь указалъ на Софью Александровну и все его лицо озарилось свѣтлымъ выраженіемъ любви. Она нагнулась и поцѣловала его руку.

— А и онъ-то, Соня, измѣнился, сильно измѣнился, — сказалъ князь дочери, указывая на Орлова. — Похудѣлъ, пожелтѣлъ...

— Кого же, папа, жизнь краситъ, — со вздохомъ сказала княжна. — Тебѣ, Митя, тоже пришлось не мало испытать въ эти годы, — обратилась она къ Орлову.

— Да, не весело прожилъ, много всего насмотрѣлся и натерпѣлся, — отвѣтилъ Орловъ. — Въ Петербургѣ было худо въ послѣднее время, а здѣсь еще хуже: интриги, сплетни, дрязги — вотъ и вся здѣшняя жизнь. На первомъ планѣ вездѣ не общественное дѣло, не общественные интересы, а личныя отношенія. Ради личныхъ столкновеній и дрязгъ люди готовы погубить каждое дѣло. Кто вздумаетъ честно относиться къ исполненію своего долга, тотъ непремѣнно почувствуетъ себя безсильнымъ, одинокимъ, опуститъ руки и придетъ къ заключенію, что одинъ въ полѣ не воинъ.

— У насъ и вездѣ такъ, не въ одной провинціи, — сказалъ князь.

— Да, не въ провинціи это сильнѣе сознается. И нельзя сказать, чтобы честныхъ людей не было вовсе, но именно эти люди и являются самыми плохими практиками и потому они безсильны. Впрочемъ, что же я вамъ разсказываю: возьмите любой нумеръ газеты и вы увидите, какъ идутъ думскія дѣла, каковы дѣянія желѣзнодорожныхъ дѣятелей, что дѣлается въ акціонерныхъ обществахъ, въ земствѣ. Если о правительственныхъ учрежденіяхъ нѣтъ такихъ же свѣдѣній, то только потому, что объ этомъ не смѣютъ писать.

— Считаютъ нецензурнымъ обличеніе тѣхъ, кто подрываетъ своими мошенничествами авторитетъ правительства,—съ ироніей сказалъ князь.

— Все та же старая пѣсня вѣчныхъ недоразумѣній, Александръ Владиміровичъ,—отвѣтилъ Дмитрій Андреевичъ и сталъ распространяться о всякихъ злобахъ дня.

Княжна слушала съ сосредоточеннымъ вниманіемъ разсказы о томъ, какъ плохо идутъ дѣла, и, наконецъ, тихо проговорила:

— И все это отзывается на народѣ.

— Да, да, и опять та же старая пѣсня, тотъ же припѣвъ: людей нѣтъ!—сказалъ князь.

— Теперь это вѣрно еще болѣе, чѣмъ прежде, потому что людей нужно гораздо больше, чѣмъ прежде,—замѣтилъ Орловъ.— Россіи правительство за послѣдніе годы дало сильный толчокъ,— она сильно развила свою дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ,—а людей, подготовленныхъ къ этой дѣятельности, далеко не достаточно. Мы теперь какъ разъ переживаемъ переходную эпоху и, если можно такъ выразиться, стоимъ ниже существующихъ житейскихъ условій.

— Да, у насъ это всегда такъ было: съ одной стороны—великіе планы Петра, а съ другой—его исполнители, которыхъ нужно было бить дубинкою, чтобъ они дѣло дѣлали, какъ слѣдуетъ,— сказалъ князь.

— Только теперь хуже уже потому, что всѣхъ не перебьешь одною дубинкой: жизнь сложнѣе стала,—замѣтилъ Орловъ.

— Гласность—вотъ дубинка, которою еще можно бы многое сдѣлать,—проговорилъ князь.

— Еслибъ она была,—замѣтилъ Орловъ.

Потомъ разговоръ перешелъ на распросы Орлова о томъ, долго ли пробудетъ князь въ городѣ, какихъ докторовъ онъ хочетъ пригласить. Не касались только одного—вопроса о прошломъ, о

семьѣ, о недавнихъ личныхъ событіяхъ. Орловъ угадывалъ, что князю было бы тяжело говорить о женѣ, объ утратѣ Андреевой, о причинѣ, побудившей княжну уѣхать съ нимъ изъ-заграницы отъ матери. Мало-по-малу князь задремалъ, свѣсивъ голову на грудь.

— Пройдемъ въ другую комнату. Онъ позвонитъ, когда проснется. Теперь онъ часто такъ засыпаетъ днемъ,—тихо проговорила княжна.

Они вышли въ большую гостиную.

— Еслибы ты зналъ, какъ я счастлива, что я здѣсь!—сказала княжна Орлову.—Тамъ, за границей, мнѣ все чужое; тамъ на каждомъ шагу я сознавала, что я—лишняя, ненужная. Здѣсь хоть что-нибудь да буду дѣлать.

— Ты непремѣнно школу хочешь открыть?—спросилъ Орловъ.

— Я ни на что больше неспособна,—просто отвѣтила княжна.—Это же дѣло полезное, хорошее.

— И не легкое,—замѣтилъ Орловъ.

— Не думаю,—сказала княжна.—Правда, бѣдной учительницѣ, работающей изъ-за куска хлѣба чуть не въ курной избѣ, трудно, а мнѣ... Я же могу хорошо обставить школу, я буду сыта, одѣта... Нѣтъ, мнѣ будетъ легко. Впрочемъ, я не боюсь, еслибъ и было трудно. Другаго выбора нѣтъ: въ филантропію, какой у насъ занимались, я не вѣрю...

— Кстати,—сказалъ Орловъ,—ты совсѣмъ порвала съ матерью?

— Да.

Онъ вдругъ точно испугался случайно сорвавшагося съ его языка вопроса и не продолжалъ далѣе разговора на эту щекотливую для него тему; но княжна сказала:

— Я рада, что мы разстались. Я перестала ее уважать, а жить съ матерью и не питать къ ней уваженія—это невыносимо. Я уже далеко не дѣвочка, я уже чуть не старая дѣва и мнѣ просто становилось тамъ неловко...

Орловъ молчалъ, задумчиво ходя съ княжной по комнатѣ.

— Ты, конечно, знаешь причину, зналъ все и прежде. Я же только недавно узнала все, все...—продолжала княжна.

Орловъ поблѣднѣлъ. Въ его головѣ вдругъ промелькнула мысль: «неужели она знаетъ все и... обо мнѣ?»

— Бѣдный отецъ!—со вздохомъ продолжала она.—Я его полюбила теперь еще болѣе, когда мнѣ все стало ясно. Терпѣть

и молчать столько лѣтъ, зная, что надъ нимъ, можетъ-быть, смѣются разные негодяи—это подвигъ, это жертва, принесенная ради дѣтей, ради насъ.

Орловъ чувствовалъ, что у него замираетъ сердце, точно онъ ожидаетъ, что вотъ-вотъ все раскроется, что онъ самъ проговорится, сознается ей и она съ презрѣніемъ скажетъ ему: «а, такъ и ты былъ въ числѣ этихъ негодяевъ?»

— Жизнь калѣчитъ сотни тысячъ людей съ колыбели, она сгубила и твою мать,—тихо проговорилъ онъ, чтобы только не молчать.

— Я ее и не обвиняю,—сказала княжна.—Я вообще не понимаю возможности обвинять людей,—я только считаю нужнымъ сторониться отъ тѣхъ, кого не могу любить и уважать...

Она сдвинула брови и ея лицо сдѣлалось совсѣмъ строгимъ.

— Я вычеркиваю такихъ людей изъ своей жизни, изъ своей памяти,—проговорила она,—вотъ и все.

Въ ея голосѣ была какая-то холодность, сухость.

Ему вдругъ инстинктивно захотѣлось вступиться за княгиню, точно, отстаивая ее, онъ хотѣлъ отстоять отчасти и себя.

— Иногда надо прощать и примиряться,—сказалъ онъ.—Паденіе—тоже несчастіе.

— Да; но мнѣ кажется, что люди ужь слишкомъ часто мирятся. Прощать—это я понимаю, потому что и не обвиняю никого; но мириться...,—нѣтъ, я на это неспособна...

Потомъ она помолчала, смотря впередъ передъ собою прищуренными глазами, точно всматриваясь въ даль. Наконецъ, она вздрогнула, слегка встряхнула головой, какъ бы отгоняя какія-то тяжелыя мысли, и совсѣмъ измѣнившимся, ласковымъ тономъ сказала:

— Но какъ должно быть трудно тебѣ-то являться публичнымъ обвинителемъ несчастныхъ людей! Понимать, что они не виноваты, что они—загубленные обстоятельствами страдальцы, и обвинять! Ты радъ бы, я думаю, освободиться отъ этой обязанности?...

— Я только къ тому и стремлюсь,—сказалъ Орловъ.

— Это ужасно—вѣчно идти не по тому пути, который нравится, вѣчно подчиняться чьей-то чужой волѣ. Ты думаешь, что тебѣ дѣйствительно еще нельзя пріѣхать въ Петербургъ?

Они заговорили о дѣлахъ, касавшихся Орлова. Она выслушивала его жалобы и надежды съ участіемъ сестры, разспрашивала подробно, какъ онъ живетъ, съ кѣмъ онъ близокъ.

— Я здѣсь совершенно одинокъ, и еслибы не Благолѣповъ, я, кажется, съ ума сошелъ бы отъ тоски,—сказалъ Дмитрій Андреевичъ.

— Да, ты мнѣ писалъ о немъ. Ты часъ познакомишь?

— Хорошо. Это добрый малый, большая, но едва ли не окончательно свихнувшаяся сила. Коптитъ тоже здѣсь небо, потому что всѣ пути отрѣзаны къ дѣятельности. Впрочемъ, у насъ вездѣ такъ: одинъ опускаетъ крылья въ неровной борьбѣ, другому связали крылья при первомъ ихъ взмахѣ, и всѣ только жалуются и брюжжатъ. Вотъ поживешь здѣсь, на родинѣ,—увидишь, какъ все безрадостно, и, можетъ-быть, пожалѣешь о прежней жизни. Здѣсь иногда, кажется, бросилъ бы все и бѣжалъ бы...

— Куда?—коротко спросила она.

Онъ не нашелся, что отвѣтить. Онъ никакъ не ожидалъ этого простаго вопроса. Она, какъ бы въ раздумьи, какъ бы про себя сказала:

— Этого чувства я, вѣроятно, никогда не испытаю. Ты говоришь, что кругомъ все безрадостно,—какъ же можетъ явиться мысль о бѣгствѣ куда бы то ни было?

— Я думаю, и всегда бѣгутъ отъ горя, а не отъ радости,—замѣтилъ онъ.

Но она, не отвѣчая на это замѣчаніе, продолжала тѣмъ же тономъ:

— Вотъ тамъ, за границей, когда кругомъ пиры, пикники и катанья, мнѣ все хотѣлось бѣжать и бѣжать. Но когда я увидала больного отца, мнѣ вдругъ сразу захотѣлось быть при немъ, и только при немъ, не покидая его ни на минуту. Тамъ я чувствовала себя ненужной, лишней, а тутъ... Боже мой, тутъ каждое его движеніе, каждый взглядъ говоритъ мнѣ, что я нужна, что я вношу отраду въ чужую жизнь. Нѣтъ, жить съ тѣми, кто страдаетъ, и хоть чѣмъ-нибудь облегчать страданія — выше этого нѣтъ ничего на свѣтѣ, потому что только это пробуждаетъ сознаніе, что ты не лишній.

— Ты осталась все такою же, какой была въ дѣтствѣ: тебѣ надо вѣчно кого-нибудь утѣшать, кого-нибудь пригрѣвать, о комъ-нибудь заботиться...

Она улыбнулась.

— Ты знаешь, какъ меня за это называлъ дѣдушка?

— Ламинадовъ?

— Да.

— Нѣтъ, не знаю.

— «Властолюбивой принцессой». «Непремѣнно, — говорилъ онъ,—хочетъ она, чтобы каждый-то щенокъ былъ именно ей обязанъ своимъ спасеніемъ». Милѣйшій ворчунъ!... Ты знаешь, онъ вѣдь меня очень любилъ и, кажется, радовался именно тому, что я росла «властолюбивой принцессой». Но я понимаю, что онъ отчасти правъ: я люблю больше всего тѣхъ, кому я нужна... Можетъ-быть, еслибъ я была очень здоровымъ и крѣпкимъ человѣкомъ, выдающейся красавицей, или отличалась бы какими-нибудь особенными талантами, мое самолюбіе направилось бы въ другую сторону, какъ у сестры, вѣчно одерживающей побѣды надъ разными поклонниками,—ну, а теперь... теперь утѣшаюсь только тѣмъ, что и я могу быть кому-нибудь нужна...

Она опять улыбнулась.

— Однако, я точно рекомендуюсь тебѣ,—сказала она,—и хочу сразу выложить передъ тобою всю душу. Впрочемъ, мы такъ давно не видались и надо же знать, чѣмъ мы стали...

Въ его головѣ промелькнула мысль, что онъ-то, къ сожалѣнію, не можетъ передъ нею «выложить всю душу». А какъ бы ему хотѣлось это сдѣлать! Какъ бы ему хотѣлось разсказать ей все, все и выпросить у нея прощенье за мелкія ошибки во имя того добраго и честнаго, что еще уцѣлѣло въ немъ!... Но можно ли сознаться именно передъ ней въ своихъ ошибкахъ, заблужденіяхъ и паденьяхъ? Ему вспомнились ея слова: «прощать—это я понимаю, потому что и не обвиняю никого; но примиряться...,— нѣтъ, на это я неспособна». Да, она изъ тѣхъ, которыя примиряются только тогда, когда страсть заставляетъ ихъ забыть все. Ея же любовь къ нему—не страсть, а тихая привязанность сестры къ брату. Это онъ понялъ сразу. Чего бы онъ не далъ теперь, чтобы вызвать въ ней иное, болѣе сильное, болѣе горячее чувство! Тогда онъ все, все высказалъ бы ей и она не только простила бы, но примирилась бы...

III.

Князю посовѣтовали пробыть нѣсколько дней въ городѣ. Княжна и Орловъ были очень рады этому обстоятельству. Они видѣлись каждый день и нерѣдко ходили вмѣстѣ на прогулку, пользуясь первыми теплыми весенними днями. Княжна уже не боялась оставлять отца, такъ какъ онъ былъ теперь не одинъ.

Ольга Родіоновна не утерпѣла и пріѣхала въ городъ, чтобы поскорѣе увидать своихъ любимцевъ. Старушка отчасти заподозрила, что отъ нея скрываютъ опасность нездоровья князя, когда ей прислали телеграмму о томъ, что князь прибылъ въ городъ и останется тамъ на нѣкоторое время для отдыха и совѣтовъ съ докторами. Она была рада, что ея опасенія не оправдались и что князь хотя и страдалъ довольно сильно, но все же находился не въ опасномъ положеніи. Тотчасъ же по пріѣздѣ она вступила въ роль домоправительницы и часто замѣняла княжну около больного. Орловъ очень былъ радъ возможности почаще бывать съ глазу на глазъ съ княжною.

Разъ, гуляя съ нею, Дмитрій Андреевичъ встрѣтилъ Благолѣпова. Тотъ поклонился Орлову и хотѣлъ поскорѣй ускользнуть. Онъ вообще дичился женщинъ, тутъ же сконфузился еще болѣе, сразу угадавъ, что Орловъ идетъ съ княжной.

— Постой, постой! Познакомить надо... Никаноръ Ивановичъ Благолѣповъ! Софья Александровна Русова!—сказалъ Орловъ, удерживая пріятеля.—Вы оба уже отчасти знакомы, такъ какъ слышали отъ меня другъ о другѣ.

— Слышать-то обо мнѣ нечего,—хмуро отвѣтилъ Благолѣповъ, сдвинувъ угрюмо брови.

Княжна дружески протянула руку.

— Я очень рада. Митя такъ много писалъ о васъ,—сказала она.

— Да чего обо мнѣ писать?...

— Что вы единственный добрый человѣкъ около него,—сказала она.

— Что-жь, и на томъ спасибо, что хоть только за дурака считаетъ,—отвѣтилъ Благолѣповъ.—Добрые-то вѣдь всегда либо дураки, либо блаженные...

— Да ты ужь не юродствуй,—проговорилъ шутливо Орловъ, потрепавъ его по плечу.—Софья Александровна не кусается.

— Это онъ, изволите ли видѣть, ободряетъ меня!—укоризненно сказалъ Благолѣповъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Знаетъ, что мальчикъ-то застѣнчивъ,—ну, и ободряетъ его!

— Ахъ, я-то ужь это знаю, какъ можно растеряться въ обществѣ,—весело замѣтила княжна.—Я на одной свадьбѣ шоколатъ на столъ пролила и батистовымъ платкомъ вытерла,—а спрятать-то платокъ и некуда... Очень ужь я жалка была, должно-быть...

Благолѣповъ махнулъ рукой.

— Я въ грязныхъ калошахъ и въ шапкѣ въ залу пронеръ къ одному генералу отъ самой этой застѣнчивости... Встрѣтилъ его въ передней; заговорилъ онъ, смутился я,—ну, такъ и поперъ за нимъ во всемъ облаченіи...

Княжна улыбнулась.

— Ну, поворачивай-ка и пойдемъ лучше съ нами, чѣмъ такъ-то стоять,—сказалъ Орловъ.

Благолѣповъ пожалъ плечами, точно хотѣлъ сказать: «да чего вы ко мнѣ пристали», но все же пошелъ съ Орловымъ и княжною.

— Онъ вѣдь все равно гранитъ мостовую и ничего не дѣлаетъ,—проговорилъ Орловъ, обращаясь къ княжнѣ.

— Извѣстно, паршивая овца,—сказалъ Благолѣповъ.

— Это вы сами о себѣ такого мнѣнія?—спросила княжна.

— Велѣли такимъ считаться,—ну, и считаюсь,—отрывисто отвѣтилъ Благолѣповъ.

— И не пробуете сдѣлаться чѣмъ-нибудь другимъ?—спросила она.

— Попробуешь тутъ, какъ состоишь подъ надзоромъ!

— Я все-таки попробовала бы.

— Ничего вы не понимаете въ этомъ, барышня!—отрывисто сказалъ Благолѣповъ.—Что-жь, въ бѣга, что ли, пуститься?

— Отчего же и нѣтъ, еслибъ этимъ можно было спастись отъ бездѣйствія? Вѣдь такъ-то должно-быть ужь очень тяжело и обидно жить ни для чего.

— Кто говоритъ, что сладко!

— Да; но вѣдь ты забываешь, что его найдутъ, если онъ и уйдетъ отсюда, и тогда будетъ еще хуже,—сказалъ Орловъ, обращаясь къ княжнѣ.

— А развѣ есть надежда, что его скоро выпустятъ изъ-подъ надзора?—спросила она.

— Какія тамъ надежды!—угрюмо отвѣтилъ Благолѣповъ, безнадежно махнувъ рукой.

— Такъ что же можетъ быть худшее?—спросила княжна, смотря съ выраженіемъ недоумѣнія на него и на Орлова.

Благолѣповъ тоже съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Орлова, какъ бы вызывая его на отвѣтъ, и усмѣхнулся.

— Востроя барышня...,—съ наивнымъ простодушіемъ сказалъ онъ.—Сейчасъ сообразила, что худшаго ничего изъ этого не

выйдетъ: изловятъ и водворятъ опять подъ надзоръ—вотъ и все. Развѣ только посѣвернѣе водворятъ.

— Ну, положимъ, что худшаго ничего и не выйдетъ, да бѣжать-то для чего? Чтобы бездѣйствовать въ другомъ мѣстѣ?—загорячился Орловъ.

— А развѣ, Митя, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ онъ не могъ бы быть сельскимъ учителемъ, волостнымъ писаремъ, мало ли чѣмъ?—сказала она въ видѣ вопроса.

— Ну, это вы, барышня, сплоховали, не сообразили!—замѣтилъ Благолѣповъ.—Нигдѣ меня, во-первыхъ, съ вѣтру не возьмутъ, а во-вторыхъ вездѣ узнаютъ, что я подъ надзоромъ.

Княжна передернула плечами.

— Я не знаю законовъ и не знаю вашего положенія, но я все-таки стала бы пробовать, пытаться, достигла бы чего-нибудь. Вы вотъ такой здоровый, бодрый, сильный—и ничего не дѣлать—это ужасно, ужасно обидно!

— Что-жь, прикажете фальшивый паспортъ, что ли, выправить, уголовщину сотворить, чтобы какимъ-нибудь волостнымъ писаремъ быть?—сказалъ Благолѣповъ съ ироніей.

— Еслибъ этимъ путемъ можно было освободиться отъ бездѣйствія, я бы пошла и на то! Да лучше поплатиться,—дорого поплатиться за это,—но только бы не сознавать, что пальца о палецъ не стукнешь для пользы ближнихъ. Вѣдь въ вашемъ положеніи до отчаянія дойти можно, до сумашествія, до...

— До пьянства люди доходятъ этакъ-то, сложа руки сидя,—угрюмо вставилъ Благолѣповъ.

— А съ фальшивыми паспортами до Сибири,—закончилъ Орловъ.

— Ну, и что-жь? Ну, и что-жь?—горячо возразила княжна.—Съ чистою совѣстью въ Сибири, вѣроятно, гораздо легче жить, чѣмъ здѣсь съ вѣчными угрызеніями совѣсти, съ вѣчнымъ сознаніемъ, что ты—ненужный, лишній, тунеядецъ...

Она вдругъ смолкла и измѣнившимся голосомъ, совсѣмъ сконфузившись, прибавила:

— Извините, пожалуйста... Я это говорю вообще, а совсѣмъ не о васъ... Я вовсе не хотѣла...

— Да ничего, ничего, валяйте!—сказалъ добродушно Благолѣповъ.—И не такихъ комплиментовъ наслушались.

Княжна сконфуженно молчала. Ей было ужасно больно сознавать, что она оскорбила Благолѣпова.

— Вы не сердитесь?—проговорила она ласково, спустя минуту и стараясь заглянуть въ его глаза.—Я, право, лично о васъ самаго, самаго хорошаго мнѣнія! Митя такъ хвалилъ всегда васъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы не сердились на меня...

Она протянула ему руку. Онъ неуклюже сжалъ ее и сильно потрясъ.

— Въ доказательство того, что вы не сердитесь, заходите вечеромъ къ намъ съ Митей,—сказала она.

— Да съ чего вы взяли, что я разсердился!—сказалъ Благолѣповъ.—Я и не такъ еще самъ себя ругаю.

— Такъ придите?

— Ну, вечеромъ-то сегодня...—началъ Благолѣповъ, неловко подыскивая предлогъ для отказа и почесывая за ухомъ.

— Что ты, какъ это можно! Онъ и тебя, и князя боится,—проговорилъ Орловъ.—Вы вѣдь аристократы!

— Убирайся ты! Никого я не боюсь, а только что же вамъ во мнѣ?—сказалъ Благолѣповъ.—Такъ развѣ отъ скуки побаловаться...

Княжну точно что-то больно кольнуло при послѣднихъ словахъ Благолѣпова. Она вдругъ словно сжалась, словно ушла въ какую-то раковину.

— Ну, какъ хотите,—коротко проговорила она.

Они дошли до гостиницы «Европа» и княжна наскоро простилась съ Орловымъ и Благолѣповымъ.

Оба товарища медленно пошли въ обратный путь. Благолѣповъ хмурился и не отвѣчалъ на вопросы Орлова. Наконецъ онъ плюнулъ и отрывисто проговорилъ:

— Свинья, такъ свинья и есть!

— Ты это кого?—спросилъ Орловъ.

— Кого же, какъ не себя,—отвѣтилъ Благолѣповъ.—Мнѣ человѣкъ руку протягиваетъ, а я свое свиное рыло въ сторону ворочу.

Орловъ громко разсмѣялся.

— Какъ ты думаешь,—спросилъ Благолѣповъ, спустя минуту,—теперь-то ловко будетъ, если я явлюсь вечеромъ?

— Да вѣдь она же звала,—отвѣтилъ Орловъ.

— А ты оглохъ, что ли, что не слыхалъ, какъ я отрѣзалъ?—сказалъ Благолѣповъ.

— Ну, теперь отказался, а вечеромъ нашелъ возможность придти—вотъ и все. Да ты чего это, не думаешь ли съ нею це-

ремониться? Не начни сдуру ей говорить: «ваше сіятельство». Она, братъ, простой, сердечный человѣкъ.

— Ну да, всѣ глупѣе тебя, ничего сами не распустятъ, если ты не разжуешь да въ ротъ не положишь,—проговорилъ Благолѣповъ.

Вечеромъ Орловъ едва удержался отъ смѣха, когда за нимъ зашелъ Благолѣповъ, чтобъ идти къ Русовымъ. Благолѣповъ былъ дѣйствительно смѣшонъ: на немъ былъ синій галстухъ съ бѣлыми горошинами, завязанный въ два банта; его большая, довольно красивая голова подпиралась невообразимо туго накрахмаленнымъ, высокимъ воротничкомъ, вѣроятно, взятымъ у кого-нибудь на время, такъ какъ онъ былъ, повидимому, слишкомъ тѣсенъ для Благолѣпова; его волосы, всегда стоявшіе какой-то разметанной вѣтромъ копной, были густо напомажены очень пахучей помадой и тщательно приглажены. Онъ напоминалъ теперь не то мелкаго лакеишку, не то мѣщанина-сидѣльца въ праздничномъ туалетѣ. Онъ старался смотрѣть чинно и серьезно, точно приготовлялся къ какому-то торжеству. Но чинность и серьезность смѣнялись все сильнѣе и сильнѣе тревогой, по мѣрѣ приближенія друзей къ гостиницѣ. Благолѣповъ былъ точно на иголкахъ и даже отеръ съ лица потъ.

— Что это, ты и платокъ надушилъ? — шутливо спросилъ Орловъ.

— Вотъ выдумалъ,— отрывисто отвѣтилъ Благолѣповъ.— Просто лодеколонцемъ его намазалъ...

Почти у подъѣзда гостиницы онъ сквозь зубы проворчалъ:

— Вернуться, что ли?

— Чего ты?!—спросилъ Орловъ.

— Да вотъ князь тамъ этотъ, старый хрѣнъ... Еще кого-нибудь встрѣтишь...

— Да, да, смотри, носъ откусятъ!

— Тебѣ хорошо зубы-то скалить, коли ты привыкъ передъ публикой у себя въ судѣ кривляться, а я...

— А ты не ругайся и иди, если пошелъ,—сказалъ Орловъ.

Они вошли въ гостиницу и прошли къ Русовымъ. Не прошло и получаса, какъ князь уже добродушно улыбался, слушая грубовато-шутливыя выходки и своеобразную рѣчь «молодаго дикаря», какъ онъ называлъ потомъ Благолѣпова. Никаноръ Ивановичъ, уже нисколько не стѣсняясь, развязно разсказывалъ о себѣ, о своихъ похожденіяхъ, придавая самымъ горестнымъ воспо-

минаніямъ изъ своего прошлаго комическій оттѣнокъ. Вопросъ коснулся того, какъ и почему попался Благолѣповъ подъ арестъ и потомъ подъ полицейскій надзоръ, какъ неблагонадежный человѣкъ.

— Извѣстно, какъ. Это какъ дорвались мы до вопросовъ,— ну, и стали орать. Орали-орали, насъ и оцапали, голубчиковъ. Вотъ и все!—пояснилъ Благолѣповъ.

— Я васъ немного не понимаю,—замѣтилъ съ улыбкой князь.— Вы говорите: «дорвались до вопросовъ». Что вы хотите этимъ сказать?

— Да, вотъ-съ, я вамъ эту эпопею, ваше сіятельство, разскажу по порядку,—сказалъ Благолѣповъ.—Вы видите, я обломъ. А какъ же мнѣ не быть обломомъ, если объ меня всѣ ухваты въ дѣтствѣ обломалъ дядя, уча меня уму-разуму. Попивалъ человѣкъ съ горя,—ну, ему и нужно было на комъ-нибудь душу отвести. Бывало колотитъ, колотитъ, даже притомится. А тетка-старушка плачетъ: «Варваръ, разбойникъ, измучилъ дядю роднаго, жалости-то въ тебѣ къ старику нѣтъ, душегубецъ!»... Извѣстно, жаль тоже ей было старика. Ну, такъ и росъ я обломомъ. Потомъ въ семинаріи снова одни драли, а другіе водку учили пить. При такомъ-то воспитаніи, ваше сіятельство, конечно, не только манерамъ какимъ-нибудь свѣтскимъ не научишься, но и о жизни-то дѣйствительной понятія какія-то несуразныя составишь, точно на лунѣ чуть не десять лѣтъ прожилъ. Потомъ пришлось мнѣ, воспылавшему скоропостижнымъ рвеніемъ къ наукѣ, чуть не Христовымъ именемъ побираясь, пѣшкомъ съ обозами пропереть до Питера и тутъ ужъ коммуна началась. Сошлось насъ такихъ-то голяковъ да обломовъ, какъ я, головъ семь, и помѣстились мы всѣ въ одной комнатѣ въ Гавани. Двѣ выходныя пары платья у всѣхъ-то семерыхъ были; бывало, кто раздобудетъ деньги, на того счетъ и живемъ, пока опять кто-нибудь другой не достанетъ деньжицъ малую толику. Совсѣмъ коммунисты были: ничего своего, все—общее. Пристроились мы въ университетъ и стали работишки частной искать; съ одной стороны съ профессорами и студентами сошлись, а съ другой—съ практической общественной жизнью столкнулись носъ къ носу. Тутъ-то и начались у насъ, князь, вопросы: и на лекціяхъ профессора ихъ поднимаютъ, и студенты ихъ треплютъ, вкривь и вкось ихъ разрѣшая, и сама жизнь ихъ подсказываетъ, потому что тутъ тебѣ на урокахъ да на перепискѣ обочтутъ, тамъ передъ тобой какая-нибудь

юнина на притѣсненія родительскія плачется, въ третьемъ мѣстѣ на спандалъ какой-нибудь семейный напоришься. Ну, какъ дорвались мы, съ луны-то на землю упавшіе люди, до этихъ вопросовъ и пошли галдить да орать. Это ужь, батенька, всегда такъ: припустите голоднаго къ ѣдѣ, сейчасъ облопается. Это вѣрно. Ну, такъ-то вотъ и мы тогда этими вопросами облопались. Я, еслибы мнѣ тогда волю дали, все государство въ одинъ мигъ перестроилъ бы: и женщинамъ права далъ бы, и закрытыя заведенія уничтожилъ бы, и латынь разную вывелъ бы, и коммуны устроилъ бы. Все ужь такъ-то ясно я вдругъ понялъ, точно до меня люди никогда ни о чемъ и не думали, а я посмотрѣлъ на все своими ясными очами—да все сразу и сообразилъ. Тутъ-то я и сталъ горло драть... Ну, и остановили: «кто ты такой? Почему орать смѣешь? Развѣ это по твоему званію полагается?...» Оно вѣдь и точно, не въ такихъ я чинахъ былъ, чтобъ орать.

— Ну, а еслибы не остановили?—спросилъ князь.

— Титулярнымъ, а то надворнымъ совѣтникомъ былъ бы теперь,—благодушно отвѣтилъ Благолѣповъ.

Княжна со вздохомъ замѣтила:

— Много же вы перенесли въ жизни!

— Много-то много, милая барышня, да жаль, что глупо какъ-то переносить все заставляли,— обратился къ ней Благолѣповъ.—За что надо было бить, за то не били. Чему надо было учить, тому не учили. Чему научили, то пришлось забывать да переучивать. Да вотъ и теперь: считаютъ человѣка опаснымъ, а велятъ сидѣть сложа руки,—ну, человѣку-то и лѣзутъ всякія грѣховныя мысли въ голову. Такъ-то я, можетъ-быть, смиреннымъ учителемъ физики или химіи сдѣлался бы, а теперь вотъ все злоумышляю отъ нечего дѣлать. Да это и во всемъ такъ: вонъ хоть, напримѣръ, засадятъ для исправленія мальчугана-воришку между опытными ворами въ тюрьму,—ну, глядишь, изъ него и выработается крупный артистъ по мошеннической части.

Разговоръ перешелъ на тему о разныхъ житейскихъ противорѣчіяхъ, о такихъ несообразностяхъ, какъ введеніе въ Россіи классицизма, когда страна нуждается въ развитіи промышленности, сельскаго хозяйства, желѣзныхъ дорогъ, горнаго дѣла,— однимъ словомъ, во всемъ такомъ, что можетъ процвѣтать только при помощи естествознанія и чего не двинутъ впередъ никакіе классическіе языки.

— Народъ бѣдствуетъ, государство въ долгу, все въ застоѣ, а мы и ухомъ не ведемъ, учимъ себѣ дѣтей латыни, тонне въ ней-то и спасеніе Россіи,—уже совсѣмъ серьезно говорилъ Благолѣповъ.—Что-жь мудренаго, что на насъ нѣмецъ насѣлъ да жидъ изъ насъ соки высасываетъ. Мы вѣдь точно младенцы безпомощные. Куда ни обернешься, вездѣ все другіе выдумываютъ, вездѣ все другіе устраиваютъ да всѣмъ руководятъ. Вы посмотрите, кто управляетъ большими сельскими хозяйствами баръ—нѣмецъ, кто ворочаетъ фабричнымъ и заводскимъ дѣломъ—нѣмецъ; да однихъ врачей станешь считать, такъ на двухъ Ивановыхъ да Михайловыхъ десять Бауеровъ да Кёнигевъ насчитаешь. Ну, а намъ и горя мало, зубримъ себѣ латынь, чтобъ отъ вольнаго духа да безбожія спастись. Ей-богу, иногда кажется, что какіе-то враги отечества подсказываютъ намъ, что дѣлать, чтобъ окончательно погубить родину.

— Не мудрено, что васъ выслали, если вы всегда такъ выражались,—вставилъ замѣчаніе князь.

— Ну-у! Вѣдь это же всѣ теперь говорятъ, всѣ ругаютъ эту проклятую классическую систему,—проговорилъ Благолѣповъ, удивленный замѣчаніемъ князя.

— Да дѣло не въ томъ, а въ тонѣ,—сказалъ князь.—Можно многое порицать да умѣть это дѣлать.

— Ну, ужь этого отъ него, Александръ Владиміровичъ, не требуйте,—шутливо замѣтилъ Орловъ.—Порицать и критиковать онъ не умѣетъ, а ругаться—на это онъ мастеръ.

— Что-жь, извѣстно, насъ приличіямъ да манерамъ въ семинаріи не учили,—сказалъ Благолѣповъ.—Вонъ мужики еще хуже ругаются, такъ за это нельзя же ихъ считать злоумышленниками...

— Кто говоритъ,—сказалъ шутливо князь,—у каждаго свой façon de parler.

— Именно, ваше сіятельство, такъ! Вотъ вѣрное слово сказали. У каждаго свой фасонъ. Всѣхъ на одну колодку не передѣлаешь,—согласился Благолѣповъ.

Часовъ въ десять князь, по обыкновенію, задремалъ. Молодые люди перешли въ другую комнату и проболтали тамъ еще съ часъ. Благолѣповъ самъ себѣ удивлялся, какъ онъ развернулся, и былъ очень доволенъ собою. Разсказывая княжнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ, Благолѣповъ мелькомъ, съ обычной шутливостью, замѣтилъ:

— Иногда просто тошно становится; только и отрады, что махнешь на все рукой да и заньешь.

Княжна горячо замѣтила:

— Какъ это вы можете шутить такими вещами! Что можетъ быть отвратительнѣе пьянства!

— Вѣрно, боитесь, милая барышня, пьяныхъ?—пошутилъ Благолѣповъ.

— Вовсе не боюсь! Но что же можетъ быть хуже пьянства? Это добровольное помѣшательство. Пьяному нельзя ни въ чемъ довѣриться, за пьянаго никогда нельзя поручиться. Я просто не понимаю, какъ можетъ большинство мужчинъ, даже неглупыхъ и честныхъ, такъ хладнокровно относиться къ этому.

— Это потому, что всѣ у насъ пьютъ,—сказалъ Благолѣповъ.

— Хорошо оправданіе!... У насъ и взятки почти всѣ берутъ, значитъ надо и на взяточничество хладнокровно смотрѣть

— Ишь какая вы строгая!—пошутилъ Благолѣповъ.

— Да полноте балаганить! — раздражительно сказала княжна.—Есть вещи, которыми не шутятъ! Неужели вы ко всему такъ легко относитесь? Въ такомъ случаѣ, за что же вы ругаете тѣхъ, кто стоитъ выше васъ въ общественномъ положеніи?... За то только, что они больше васъ могутъ пропивать да безобразничать?

— Да я, можетъ-быть, за это ихъ вовсе и не ругаю.

— Такъ за что же?... За то, что они плохо свои обязанности исполняютъ?—Такъ вы и вовсе ничего не дѣлаете.

— Руки связаны...

— А вы развязать-то ихъ пробовали?

— Можетъ-быть и пробовалъ,—сказалъ Благолѣповъ неохотно.

Княжна прямо взглянула ему въ глаза и покачала головой.

— Не къ лицу вамъ ложь, Никаноръ Ивановичъ,—сказала она грустнымъ тономъ.

Благолѣповъ вдругъ разсердился, на что, какъ всегда казалось Орлову, онъ былъ вовсе неспособенъ.

— Ну, не пробовалъ, не пробовалъ!—сказалъ онъ грубо.— Да вамъ-то что?... Ну да, и пью я, и баклушничаю, и даромъ землю копчу, и не пробую развязать руки,—а вамъ-то что?

Княжна серьезно и пристально смотрѣла на него.

— Мнѣ что?—Мнѣ вовсе нѣтъ до этого дѣла, если это дѣйствительно такъ,—отвѣтила она спокойно.—Мало ли людей ве-

детъ такую жизнь, всѣ почти такъ живутъ, иные еще и воруютъ, и взятки берутъ, и народъ обираютъ...

Она говорила такъ холодно и равнодушно, что Благолѣповъ вспылилъ еще болѣе.

— Что же, это вы хотите сказать, что, молъ, если ты такой же подлецъ, какъ и всѣ, такъ съ тобой и говорить нечего?...

— Напрасно вы сердитесь,—сказала княжна.—Вы сказали, что мнѣ нѣтъ дѣла до того, какъ вы живете, и я соглашаюсь съ этимъ—вотъ и все.

— А въ душѣ подлецомъ называете...

— Да вамъ-то до этого какое дѣло?—съ улыбкой спросила княжна.

Благолѣповъ вытащилъ изъ кармана платокъ и отеръ себѣ лобъ.

— Въ потъ вогнали!—сказалъ онъ уже своимъ обычнымъ тономъ.—Ну, полноте ругаться и помиримтесь!

— Да мы еще не ссорились, Никаноръ Ивановичъ,—съ улыбкой отвѣтила она.—Вотъ поближе познакомимся, тогда будемъ и серьезно ссориться.

— Ты, братъ, съ ней держи ухо востро: она—строгая, ничего не прощаетъ,—проговорилъ Орловъ.

— Ну да, легко вамъ строгой-то быть, когда безгрѣшной выросли, потому что въ кружевныхъ пеленкахъ, сытою, обутою да одѣтою росли,—сказалъ Благолѣповъ княжнѣ.—Экое диво, что человѣкъ воромъ не сдѣлался, когда своихъ деньжищъ не знаетъ куда дѣвать...

— А развѣ только изъ богачей и выходятъ хорошіе люди?—спросила княжна.

— Что выдумали!

— Да вы же сами сказали, что я выросла безгрѣшной потому, что росла среди довольства.

— А любите же вы, барышня, ловушки разставлять!

Она перемѣнила тонъ и серьезно замѣтила:

— Нѣтъ, Никаноръ Ивановичъ, долго будетъ, если станемъ добираться, почему одинъ хорошимъ выросъ, а другой дурнымъ, да это ни къ чему и не поведетъ. Ужь лучше, не вникая въ причины, просто смотрѣть, хорошій или дурной человѣкъ стоитъ передъ нами, и съ хорошимъ сходиться, а отъ дурного отходить въ сторону, ограждать себя и другихъ отъ него.

— Паршивая, молъ, овца, такъ и пусть ее безъ призору гибнетъ...

— А было бы лучше, еслибъ оставлять гибнуть здоровыхъ овецъ, а паршивыхъ спасать?

— Да здоровыя-то и безъ пасъ не погибнутъ...

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы о народѣ-то, о его благѣ, о работѣ на пользу его толкуете? Или народъ въ вашихъ глазахъ—паршивая, а не здоровая овца?

— Да, да, суровая моралистка,—проговорилъ Орловъ, вмѣшиваясь въ разговоръ,—а попадись тебѣ на встрѣчу какая-нибудь умирающая отъ нищеты дѣвушка и ты начнешь няньчиться съ нею, хоть бы это было совершенно падшее созданіе.

— Ахъ, чувство жалости! Да развѣ отъ него можно отдѣлаться?—сказала княжна.—Но я никогда не задумалась бы въ выборѣ, кому помочь: десятку падшихъ нравственно или десятку честныхъ людей, еслибы нужно было сдѣлать этотъ выборъ. А во имя жалости... я вотъ разъ какого-то совсѣмъ облѣзлаго щенка цѣлый мѣсяцъ лѣчила...

Благолѣповъ вдругъ разразился добродушнымъ смѣхомъ.

— Да вотъ и теперь желаете опять исцѣлить облѣзлаго щенка...

— Теперь?

— Ну да, не даромъ же мнѣ наставленія читали.

Княжна покачала головой.

— Да, васъ точно надо бы вылѣчить... отъ всего напускного,—серьезно сказала она.

Благолѣповъ ушелъ отъ Русовыхъ въ сильно возбужденномъ и веселомъ настроеніи.

— Совсѣмъ точно свой товарищъ,—говорилъ онъ про княжну дорогою.—Бабы совсѣмъ въ ней не чувствуешь. Счастливецъ ты право, Митька!

— Счастливецъ?.. Почему?—съ удивленіемъ спросилъ Орловъ.

— Да вотъ поженитесь...

Орловъ даже слегка покраснѣлъ.

— Что ты выдумалъ!

— Что выдумалъ! Извѣстно, женишься. Вѣдь, поди, влюбленъ въ нее?

Орловъ молчалъ. До этой минуты ему и въ голову не приходило, что онъ давно любитъ княжну гораздо болѣе, чѣмъ сестру. Онъ теперь ходилъ къ ней каждый день, онъ думалъ о ней всѣ эти дни, онъ забывалъ съ нею все, что было невесе-

лаго въ его жизни; но онъ ни разу не задалъ себѣ прямаго вопроса, почему она ему такъ дорога, къ чему ведетъ это сближеніе. Теперь вдругъ въ его головѣ мелькнула мысль: «да, я могъ бы отдать ей всю жизнь». И тотчасъ же онъ точно чего-то испугался. А связь съ княгиней? Что сказала бы княжна, еслибъ она узнала это? Да каково было бы и ему сознавать, что онъ жилъ съ матерью и потомъ женился на дочери? Какъ взглянулъ бы онъ въ глаза женѣ, когда пріѣхала бы ея мать? Еще будь княжна инымъ человѣкомъ, это было бы позволительно, а съ нею... Нѣтъ, нѣтъ, она слишкомъ чистое созданіе.

— Чего языкъ-то прикусилъ?—сказалъ Благолѣповъ, хлопнувъ его по плечу.—Сердчишко то, чай, заговорило...

Дмитрій Андреевичъ очнулся.

— Нѣтъ, братъ, не такого ей мужа нужно,—грустно отвѣтилъ онъ и махнулъ рукой.

— Да что ты?—спросилъ заботливо Благолѣповъ.—Чѣмъ ты ей не мужъ? Годы подходящіе, красивъ еще, на дорогѣ стоишь, любитъ она тебя...

— Любитъ, потому что не знаетъ...

— Тебя-то?

— Не спрашивай, все равно ничего не узнаешь,—сказалъ отрывисто Орловъ.—Скажу тебѣ только одно, что никогда не бывать мнѣ ея мужемъ... Гдѣ намъ!

И въ то же время въ его головѣ мелькала мысль: «а чего бы я ни сдѣлалъ, какой жертвы ни принесъ бы, чтобы быть ея мужемъ!»

Онъ вернулся домой въ тяжеломъ настроеніи, съ опущенною головой. Образъ княжны теперь вставалъ въ его воображеніи съ такой поразительной отчетливостью. Какъ она хороша въ своей дѣвической чистотѣ, со своею кроткою любовью, со своимъ спокойнымъ и серьезнымъ взглядомъ на жизнь! Онъ вспомнилъ, какъ когда-то она нѣжно обратилась къ нему на могилѣ его матери, какъ она встрѣтила его съ открытыми объятіями здѣсь въ городѣ, какъ она ухаживаетъ за отцомъ, какъ она обращается съ Ольгой Родіоновной. Сколько женственности, сколько искренности во всемъ этомъ! Такая жена можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ своею любовью. Кромѣ того у нея честные взгляды, желаніе добра ближнимъ; съ такою женой можно быть нравственнымъ и полезнымъ обществу человѣкомъ,—она можетъ будить,

подталкивать къ дѣятельности. Ему представилась картина тихой семейной жизни въ деревенской глуши съ княжною, съ княземъ, среди дѣтей; онъ сталъ бы заниматься хозяйствомъ, служить въ земствѣ; она наблюдала бы за школой; они ввели бы много полезнаго въ своихъ имѣніяхъ, они были бы счастливы лично и приносили бы посильную пользу обществу. И вдругъ какъ-нибудь случайно, внезапно, она узнала бы все... Онъ сознавалъ, съ какимъ отвращеніемъ она взглянула бы на него. Да развѣ и могъ бы онъ лгать ей всю жизнь, скрывать передъ нею вѣчно тайну? Она—воплощенная искренность,—съ ней и стыдно, и больно лицемѣрить. Еслибъ отыскать въ ней хоть какую-нибудь слабость, какой-нибудь недостатокъ,—ему было бы легче, а то... Охъ, ужь эти люди не отъ міра сего! Жутко становится съ ними простому смертному. Нѣтъ, нѣтъ, бракъ съ нею невозможенъ! А еслибы?...

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней Орловъ зашелъ по обыкновенію къ Русовымъ и не засталъ дома княжны, уѣхавшей къ доктору. Заглянувъ къ князю, Орловъ увидалъ, что старикъ спитъ, и прошелъ въ гостиной въ открытую дверь на балконъ. Тамъ сидѣла Ольга Родіоновна и по обыкновенію вязала одинъ изъ тысячи связанныхъ ею шарфовъ. Онъ поздоровался съ нею и присѣлъ тутъ же. Узнавъ отъ старушки, что княжна уѣхала къ доктору распросить о положеніи князя, онъ замѣтилъ, закуривая папиросу:

— Сказала бы мнѣ, а то ей не такъ ловко.

— Что-жь, не дѣвочка пятнадцатилѣтняя она,—сказала Ольга Родіоновна.—Ей же за отцомъ придется въ деревнѣ ходить, такъ надо все знать, какъ и что дѣлать. Тутъ доктора-то не нашему деревенскому чета. Нашъ еще ошибокъ какихъ-нибудь надѣлаетъ.

Орловъ слушалъ разсѣянно и въ головѣ его повторялась только одна фраза, что княжна уже не пятнадцатилѣтняя дѣвочка.

— Да, да, совсѣмъ невѣста,—сказалъ онъ безсознательно, точно думая вслухъ.

— Ну, Соничка-то, вѣроятно, и не выйдетъ замужъ,—сказала старушка.—У насъ въ родѣ дѣвушки-то почти всѣ такъ и оставались незамужницами. Да и не радость тоже замужство-то. Сама хороша—мужъ негодяй, сама негодяйка—мужа, смотришь, хорошаго загубитъ. Какъ въ лотереѣ, въ бракѣ-то: тысяча проигрышей, а выигрышъ одинъ...

— Ну, такъ разсуждать, Ольга Родіоновна, такъ и никому нельзя ни жениться, ни выходить замужъ,—сказалъ Орловъ.

— Отъ судьбы не уйдешь, а тоже такъ-то зря броситься на шею первому встрѣчному тоже не радость. Кому нужно, тѣ и выходи; кто и такъ можетъ прожить, лучше не рискуй. Вонъ у нея и женихи были, да, слава Богу, не пошла...

Ольга Родіоновна опустила на колѣни вязанье и повернулась лицомъ къ Орлову.

— Помнишь графа Николая Аркадьевича Грузина?—спросила она.

Орловъ утвердительно кивнулъ головой.

— Тоже имѣлъ наглость предложить руку. Какъ жилъ-то, я думаю, знаешь?—Кутилъ, кутилъ, истрепался весь, такъ вотъ и вздумалъ жениться. Я даже испугалась, когда онъ сдѣлалъ предложеніе Соничкѣ. Хорошо, что сама она не любила его и отказала, а то не хотѣлось мнѣ, а пришлось бы разсказать...

— А что?—спросилъ Орловъ, невольно смущаясь.

Онъ зналъ, что графъ Грузинъ былъ однимъ изъ его предшественниковъ у княгини.

— Такъ, хорошій ужь очень человѣкъ!—сухо сказала старушка, принимаясь снова за вязанье.—Стыда и совѣсти нынче у людей нѣтъ. Святого ничего нѣтъ. Имъ все ни по чемъ. Сватаются за молодую дѣвушку, а на себя, назадъ-то, не оглянутся, съ какими глазами передъ Божьимъ алтаремъ предстанутъ. Безбожники!...

— Княжна принадлежитъ къ такому кругу, гдѣ вся молодежь кутитъ,—проговорилъ нерѣшительно Орловъ.—На это, Ольга Родіоновна, не приходится обращать вниманія, или, лучше сказать, не приходится смотрѣть слишкомъ строго, лишь бы можно было надѣяться, что въ будущемъ человѣкъ остепенится, исправится.

— Кутежъ кутежу рознь,—сказала Ольга Родіоновна сухо.—А иной негодяй сватается за дѣвушку, когда и въ глаза-то ей, кажется, должно бы было стыдно смотрѣть.

«Знаешь ты обо мнѣ что-нибудь или нѣтъ?»—вертѣлось въ головѣ у Орлова, всматривавшагося въ лицо старухи. Ему было не по себѣ отъ ея суроваго и рѣзкаго тона, точно она намекала ему на его собственное положеніе. «Если знаетъ, все разскажетъ Сонѣ при первой моей попыткѣ жениться», продолжало мелькать въ его головѣ. Онъ еще пристальнѣе всматривался въ это стро-

гое и серьезное лицо, точно стараясь прочитать въ ея душѣ. Но это было вовсе не такъ легко, какъ казалось,—Ольга Родіоновна была опытнымъ дипломатомъ, выросшимъ въ строгой школѣ стараго барскаго дома и умѣвшимъ скрывать свои антипатіи и симпатіи. Она ни разу, ни однимъ намекомъ, напримѣръ, не подала Орлову повода думать, что она смотритъ на него сверху внизъ, какъ на пригрѣтаго князьями изъ прихоти голяка, хотя въ душѣ она именно такъ смотрѣла на него. Орловъ никогда не слыхалъ отъ нея дурного слова, не подмѣтилъ ни одного недоброжелательнаго взгляда, но теперь въ его головѣ почему-то настойчиво мелькала мысль: «Меня-то ужь ты не пощадишь!» Онъ точно вдругъ понялъ эту старуху. Ему вдругъ показалось, что она навѣрное знаетъ про него все и презираетъ его.

Въ эту минуту вернулась княжна. Она заглянула въ комнату отца и тоже пришла на балконъ. Поздоровавшись съ Орловымъ и перекинувшись нѣсколькими словами съ Ольгой Родіоновной, она присѣла на стулъ. Ольга Родіоновна вышла и молодые люди остались вдвоемъ.

— А мнѣ Ольга Родіоновна разсказала, что за тебя графъ Грузинъ сватался,—сказалъ Орловъ.—Ты мнѣ этого не говорила.

— Да что же объ этомъ было и говорить? Мало ли кто сватался! Я же довольно выгодная невѣста, — разсѣянно отвѣтила княжна, вынимая изъ бумаги купленныя ею по дорогѣ книги.

— Ну, не всѣ же ради выгоды могли предлагать тебѣ руку.

— Можетъ-быть... Я, Митя, по правдѣ сказать, вовсе и не задумывалась надъ этимъ вопросомъ,—отвѣтила она равнодушно, поднимая на него свои глаза.—Я ихъ не любила,—что же мнѣ было думать, почему и за что они любятъ меня? Изъ этого все равно ничего не вышло бы...

— Но вѣдь не думаешь же ты весь вѣкъ остаться въ дѣвушкахъ?—настойчиво допрашивалъ онъ.

— Объ этомъ, Митя, нечего впередъ думать и загадывать. Что будетъ, то и будетъ. Я знаю только, что безъ любви я не выйду замужъ...

— И ты никого не любила?

Она точно вдругъ испугалась этого разговора, точно чутьемъ угадала, до чего онъ можетъ довести, и торопливо отвѣтила:

— Нѣтъ, нѣтъ, не любила, не люблю... Мнѣ только всегда дѣлалось тяжело и грустно, когда мнѣ предлагали руку... За-

чѣмъ они дѣлали это и шли на непріятный и для меня, и для нихъ отказъ?... Когда любовь взаимна,—все дѣлается само собою, безъ объясненій, безъ предложеній, угадывается чутьемъ... Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется.

Она сразу круто оборвала и перемѣнила разговоръ и Орлову показалось, что она старалась быть съ нимъ какъ можно ласковѣе, какъ можно нѣжнѣе, точно ей хотѣлось изгладить въ немъ какое-то непріятное впечатлѣніе. Орловъ опечалился; онъ смутно сознавалъ, что она угадала его мысли, его намѣреніе и отклонила даже возможность объясненія съ его стороны. Какое-то горькое чувство пробудилось въ душѣ Дмитрія Андреевича; онъ досадовалъ даже на себя за то, что онъ началъ этотъ разговоръ. «Страстный вздыхатель рекогносцировки вздумалъ дѣлать!»—съ ироніей думалъ онъ и его лицо искажалось недоброй, насмѣшливой улыбкой. Княжна между тѣмъ стала говорить о скоромъ отъѣздѣ, о своихъ планахъ, о школѣ. Во время этой бесѣды на балконъ снова вернулась Ольга Родіоновна.

— А мы вотъ бесѣдуемъ о вашей будущей деревенской жизни,—сказалъ ей Орловъ.—Завидую я вамъ. Хорошо у васъ тамъ, тихо. Вотъ Соня заведетъ школу. Ужь не попросить ли мнѣ князя взять меня въ управители,—шутливо добавилъ онъ.

— Ну, тебѣ еще въ люди надо прежде выйдти, чиновъ нахватать,—сказала Ольга Родіоновна.

— А безъ чиновъ-то развѣ нельзя, Ольга Родіоновна?

— Ну да, не будешь же такъ весь вѣкъ разночинцемъ болтаться,—отвѣтила старушка.

— Да развѣ я разночинецъ? Я ужь и теперь тоже не кто-нибудь, а товарищъ прокурора...

— Великая тоже птица!

Орлова точно раздразнило это пренебреженіе.

— Великая не великая, а съ меня этого довольно, — сказалъ онъ.

— Не возрадовался бы тоже, батюшка, еслибы такъ и пришлось всю жизнь отставнымъ товарищемъ прокурора остаться.

— Такъ вы думаете, что я за чинами гонюсь?

— Каждый гонится за тѣмъ, чего у него нѣтъ.

«Такъ вотъ ты какъ на меня смотришь», подумалъ Дмитрій Андреевичъ и почти съ ненавистью взглянулъ на Ольгу Родіоновну. Между нимъ и ею вдругъ точно пропасть легла. Ему опять

пришла въ голову мысль о томъ, что она-то его не пощадитъ, если онъ присватается за княжну. Но знаетъ ли она что-нибудь? Да развѣ она можетъ не знать чего-нибудь, что дѣлалось въ домѣ князей Русовыхъ? Это—Церберъ, это—Аргусъ, это—всевидящее око князей Русовыхъ. А можетъ-быть она и просмотрѣла его отношенія къ княгинѣ?... Впрочемъ, что ему за дѣло до того, знаетъ ли она что-нибудь или нѣтъ? Его дѣло и такъ проиграно, по крайней мѣрѣ покуда. А въ будущемъ?... Развѣ можно ручаться за будущее?

А. Михайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МАЗЕПА.

ГЛАВА IX *).

Участіе малороссіянъ въ Сѣверной войнѣ въ ея первые годы.—Дьякъ Борисъ Михайловъ у гетмана.—Совѣты Мазепы.—Первыя посылки козаковъ въ Ливонію и Ингрію.—Участіе козаковъ въ Эрестферской битвѣ.—Успѣхи шведскаго короля въ Польшѣ.—Взятіе Быхова козаками.—Милости царя къ гетману.—Волненія въ Запорожьи.—Походъ гетмана на правую сторону Днѣпра.—Мировичъ и Апостолъ съ козаками въ Польшѣ.—Дѣло съ Палѣемъ.—Арестованіе Палѣя.—Возвращеніе Мазепы съ войскомъ назадъ.—Судьба отправленныхъ въ Польшу козацкихъ отрядовъ.—Ссылка Палѣя въ Сибирь.

11-го ноября 1699 года въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвою, происходили черезъ полномочныхъ первые тайные переговоры между царемъ и королемъ польскимъ противъ Швеціи. Настроенный ливонскимъ измѣнникомъ шведскаго короля Паткулемъ, король Августъ затѣвалъ отнять у Швеціи Ливонію, нѣкогда принадлежавшую Польской Рѣчи Посполитой и уступленную Швеціи по Оливскому договору. Августъ обязывался стараться склонить къ этой войнѣ чины Рѣчи Посполитой, а самъ Петръ обѣщалъ давать ему вспоможеніе войскомъ.

Военныя дѣйствія открылись въ 1700 году польскимъ королемъ въ Ливоніи. Тогда отъ царя данъ былъ указъ малороссійскому гетману послать въ Ливонію козаковъ въ помощь польскому королю. Гетманъ собралъ отрядъ изъ охотниковъ и назначилъ надъ нимъ наказнымъ гетманомъ полтавскаго полковника Искру. Едва только снаряжена была эта посылка, какъ является новый царскій указъ—идти гетману самому съ 10.000 козаковъ. Не успѣлъ гетманъ выступить, какъ въ августѣ пришелъ новый указъ—не ходить вовсе. Когда по этому указу гетманъ распустилъ собиравшееся войско на домашнія работы,—вдругъ приходитъ

*) *Русская Мысль* 1882 г., кн. IV.

иной указъ: отправить наскоро 12.000 козаковъ. «Мнѣ бы,—написалъ тогда гетманъ Головину,—хотѣлось самому лично служить великому государю и туда нести свою голову, гдѣ его величество обрѣтается: тогда и войско при гетманѣ было бы стройнѣе и въ случаяхъ военныхъ козаки показали бы болѣе отваги; но пусть будетъ такъ, какъ творитъ премудрая и превысокоразсмотрительная монаршая воля. Гдѣ его царскому величеству угодно будетъ меня держать, *тамъ нехай и буду* [1]).

Надъ посланнымъ отрядомъ наказнымъ назначенъ былъ племянникъ Мазепы, Обидовскій (сынъ сестры его отъ перваго ея брака): въ отрядѣ было по 4.000 нѣжинцевъ и черниговцевъ, по 1.000 кіевцевъ и стародубчанъ и четыре охотныхъ полка. Прибывши во Псковъ, Обидовскій съ частью своихъ козаковъ поспѣшилъ къ Нарвѣ, гдѣ должна была происходить битва. Но тамъ дѣло было уже покончено: пораженное шведами русское войско разбѣжалось. Обидовскій вернулся во Псковъ не видѣвши непріятеля и въ февралѣ 1701 года скончался. Начальство надъ отрядомъ занялъ кіевскій полковникъ Мокіевскій. Полковники, оставшись безъ Обидовскаго, ссорились и ругались между собою, доносили своему гетману на Мокіевскаго, Мокіевскій доносилъ на прочихъ, пока наконецъ ихъ отпустили, указавши замѣнить другимъ отрядомъ [2]).

Первыя высылки козаковъ на сѣверъ не обошлись безъ жалобъ на тягости и всякаго рода лишенія; въ особенности роптали тѣ, которые были высланы въ отрядѣ Искры. Отъ дурной осенней погоды и отъ недостатка продовольствія и конскаго корма, многіе убѣгали самовольно домой, направляясь черезъ польскія владѣнія. Хотя за это гетманъ подвергалъ ихъ тюремному заключенію, однако долженъ былъ въ письмахъ своихъ къ Головину замѣтить, что невозможно такъ насиловать людей: одни вернулись безъ лошадей, у другихъ лошади едва ползутъ и многіе козаки остались безъ одежи и безъ обуви [3]). Козаки, бывшіе съ Обидовскимъ, по возвращеніи въ Украину, жаловались, какъ гетманъ выражался: «хоть не въ очи, такъ за̀ очи»,—что великороссіяне во псковской землѣ ихъ стѣсняли и обижали, когда они ѣздили по волостямъ за фуражомъ, били ихъ и сорокъ человѣкъ пометали въ воду. Эти козаки, возвращаясь домой, встрѣтили на до-

[1]) Арх. Ин. Дѣлъ 1700 г., августъ. Подлинники.
[2]) Арх. Юст. кн. 83, л. 155.
[3]) Ibid., л. 116.

рогѣ посланный гетманомъ на смѣну имъ другой козацкій отрядъ въ 7.000, подъ наказнымъ гетманствомъ гадяцкаго полковника Боруховича, и разсказали своимъ землякамъ, что съ ними дѣлалось въ Московщинѣ; тѣ, испугавшись, задумали ворочаться назадъ, но гетманъ послалъ къ нимъ нарочнаго сказать, что если они самовольно воротятся, то онъ прикажетъ ихъ вѣшать [1]). Отрядъ Боруховича ничего не сдѣлалъ замѣчательнаго.

Въ февралѣ 1701 года царь Петръ видѣлся съ королемъ Августомъ въ Биржахъ [2]) и послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ пирушкахъ, оба государя заключили формальный союзъ. Петръ обѣщалъ Августу 15.000 войска въ помощь, обязываясь устроить на свой счетъ магазины для его продовольствія и сверхъ того въ придачу 100.000 рублей. Будущія завоеванія были заранѣе подѣлены союзниками: Петръ себѣ бралъ Ингрію и Карелію,—Августу и Рѣчи Посполитой уступалъ Остзейскій край. Польскіе паны, бывшіе на этомъ совѣщаніи, требовали еще отъ Россіи уступки права на правобережную Украину. Петръ, по этому вопросу, отправилъ дьяка Бориса Михайлова къ Мазепѣ.

Когда, пріѣхавши въ апрѣлѣ въ Батуринъ, этотъ дьякъ сообщилъ гетману условія, какихъ требовали поляки, гетманъ благодарилъ царя за довѣріе къ себѣ, потомъ, прочитавши присланныя польскія условія, сказалъ:

«Поляки требуютъ отдачи имъ Трехтемирова, Стаекъ и Триполья—это можно имъ уступить, лишь бы они, прежде отдачи имъ этихъ мѣстъ, подтвердили договоръ; а чтобъ дозволить имъ, какъ они хотятъ, населять Чигиринщину и другія мѣста въ правобережной Украинѣ, того никакъ нельзя, потому что тогда съ лѣваго берега будутъ люди переходить на житье на правый берегъ, и въ единое лѣто заселится все днѣпровское побережье; поляки учнутъ его называть своимъ и оттого, по такой близости, будутъ происходить ссоры. Запорожцы будутъ склонны къ правой сторонѣ и мнѣ гетману будутъ отдавать послушаніе развѣ только по крайней неволѣ. И такъ отъ правобережныхъ жителей и отъ запорожцевъ будетъ намъ происходить всегдашнее безпокойство. Просятъ поляки уступить имъ нѣсколько селъ въ Стародубскомъ полку: и этого нельзя, оттого что Стародубскій полкъ дѣлится отъ польскихъ владѣній рѣкою Сожью. Не малое число ратныхъ людей и казны обѣщаетъ государь полякамъ, но

[1]) Ibid., л. 653.

[2]) Мѣстечко Ковенской губ., Поневѣжскаго уѣзда, при р. Опощѣ.

какое будетъ вспоможеніе съ польской стороны? Не чаю я отъ поляковъ добра: и прежде брали они царскую казну, а по договору не поступали, да еще твердили, будто миръ заключилъ безъ ихъ воли самъ король, а не Рѣчь Посполитая. Противно договору они многія православныя церкви обратили въ унію и въ прошломъ году соборную львовскую церковь отдали унитамъ. Вызвалъ король въ прошломъ году нашего великаго государя на войну подъ Ругодивъ (Нарву), а самъ прочь отступилъ. Съ поляками дружить опасно. Наши кроникары пишутъ: пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ, полякъ русину не будетъ братомъ.—И до нынѣ такъ исполняется! Ужъ коли съ ними договоръ чинить, такъ съ ихъ первѣйшими сенаторами, арцыбискупомъ гнѣзненскимъ и великимъ короннымъ гетманомъ Любомирскимъ, которые у нихъ всѣ дѣла вѣдаютъ и за Днѣпромъ у нихъ есть вотчины».

Дьякъ Борисъ Михайловъ сказалъ:

«Великій государь о всякихъ принадлежностяхъ, что належатъ къ малороссійскому краю, безъ совѣта своего вѣрнаго подданнаго гетмана и кавалера ничего чинить не изволитъ и для того обнадеженія я, Борисъ, сюда и присланъ нарочно» [5]).

Вскорѣ послѣ этого свиданія гетманъ получилъ указъ идти на войну самому. Онъ выступилъ и, добравшись до рѣки Сожи, тамъ остановился, дожидаясь своихъ полковниковъ къ сбору. Но 26 іюня онъ получилъ иной указъ—воротиться и послать отрядъ козаковъ. Гетманъ выслалъ пять полковъ *) подъ наказнымъ начальствомъ миргородскаго полковника Апостола, приказавши роздать козакамъ «чехами» на годовую службу и на мѣсячные кормы [6]). Эти малороссійскіе козаки участвовали въ сраженіи при Эрестферской мызѣ, гдѣ былъ разбитъ шведскій генералъ Шлиппенбахъ. Донося своему гетману объ этой побѣдѣ, полковники жаловались, что великороссіяне отнимали у малороссіянъ военную добычу и обращались съ ними съ пренебреженіемъ. «Едва ли,—замѣчали полковники,—кто впередъ изъ нашихъ, услышавши отъ товарищей о такомъ доброхотствѣ, захочетъ идти въ эту царскую службу, развѣ съ понужденіемъ и насиліемъ». Вотъ уже вторая подобная жалоба, показывавшая, какъ неладно было малороссіянамъ съ великороссійскими войсками. Козаки эти были отпущены въ январѣ слѣдующаго 1702 года, но «козацкое по-

[5]) Арх. Ин. Дѣлъ 1701 г., № 20.

*) Миргородскій, Лубенскій, Переяславскій, Полтавскій и Нѣжинскій.

[6]) Арх. Юст. кн. 83, л. 847.

сольство», т.-е. рядовые козаки, уходило къ шведамъ. По этому поводу царская грамота къ козакамъ гласила такъ: «Намъ великому государю слышать о томъ прискорбно, однакожъ мы васъ атамановъ и козаковъ и все поспольство увѣщеваемъ, дабы вы, припоминая Бога и крестное ваше цѣлованіе и службы вашихъ предковъ и отечество свое, возвратились въ домы свои безъ всякаго сумнѣнія, а наша великаго государя милость никогда отъ васъ отъемлема не будетъ. Кто же сію милость презритъ и по прежнему въ домъ свой не возвратится, и тѣ лишены будутъ нашей царской милости и воспріимутъ смертную казнь и отчество ихъ и наслѣдіе въ вѣчномъ проклятіи да пребудутъ» [7]).

Видно, что, недовольные дурнымъ обращеніемъ великороссіянъ, малороссіяне, бывшіе тогда въ походѣ, не сознавали преступленія въ томъ, чтобы идти служить царскимъ врагамъ. Вернувшись въ Малороссію, козаки кричали: «что нашъ гетманъ? Вонъ въ Москву ѣздитъ, да милости получаетъ, кавалерію ему дали, а о насъ не радитъ, что мы на царской службѣ разоряемся! Коли такъ и впередъ будетъ, такъ мы лучше пойдемъ польскому королю служить» [8]).

Самъ гетманъ Мазепа былъ тогда въ большой милости у государя, съѣздилъ въ Москву и тамъ получилъ милости какъ себѣ, такъ и тѣмъ, за кого ходатайствовалъ [9]).

Въ 1702 году въ Польшѣ совершились крупныя событія. Уничтоживши саксонское войско короля Августа подъ Ригою, Карлъ XII вступилъ въ предѣлы Рѣчи Посполитой. Вскорѣ Варшава была у него во власти. Польскіе паны одинъ за другимъ стали переходить на его сторону [10]). Въ іюнѣ, послѣ Клишинской побѣды надъ саксонскимъ войскомъ, Карлъ овладѣлъ Краковомъ. Здѣсь дѣла нѣсколько перевернулись. Карлъ, засѣвши въ Краковѣ, расположилъ свое войско въ Тарновскихъ горахъ: шведы озлобили поляковъ поборами съ жителей и неуваженіемъ

---

[7]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., № 1.

[8]) Арх. Юст. кн. 83, л. 642.

[9]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г., №№ 15, 17—19 и 23.—Въ этотъ разъ, по его представленію, выданы были вдовѣ племянника Мазепы Обидовской, дочери генеральнаго писаря Кочубея, жалованныя грамоты на угодья и села въ полкахъ: [redacted] (Крупичъ), Прилуцкомъ (Переводъ) и Лубенскомъ (Коровницы), асаулу Ломиковскому—на разныя маетности, а запорожцамъ въ рвонныхъ съ придачею матерій, соболей и суконъ.
:н. 86, л. 400.

1882
6

къ костеламъ [11]). Сторона короля Августа стала подниматься. Преданные ему поляки составили въ Сендомирѣ конфедерацію и взаимно присягнули стоять за своего короля. Тѣмъ, которые пристанутъ къ врагу, конфедерація угрожала смертною казнію. Польское кварцяное войско было также еще за короля Августа [12]). 29 августа король Августъ былъ снова въ Варшавѣ съ 24.000 войска саксонскаго *), а Карлъ съ 30.000 своего войска стоялъ въ Краковѣ. Въ это время православные люди, бывшіе въ Польшѣ, сообщали въ Малороссію, что у польскихъ пановъ сенаторовъ идетъ рѣчь о томъ, какъ бы примирить короля польскаго со шведскимъ и обратить ихъ оружіе на Москву съ тѣмъ, чтобы возвратить Польшѣ Украину [13]).

Между тѣмъ царь 27 іюля далъ Мазепѣ указъ отправить козаковъ къ литовскимъ городамъ Быхову и Могилеву, чтобы не допускать шведской партіи полякамъ укрѣпиться въ этихъ городахъ [14]). Быховъ уже осаждалъ вѣрный королю Августу староста мозырскій Халецкій, стараясь добыть засѣвшихъ тамъ поляковъ партіи Сапѣгъ, такъ называемыхъ сапѣжинцевъ, приставшихъ къ шведскому королю. По распоряженію гетмана Мазепы прибылъ туда отрядъ козаковъ въ 12.000 подъ наказнымъ гетманствомъ стародубскаго полковника Миклашевскаго [15]).

Дѣло подъ Быховомъ пошло для русской стороны удачно. Осаждавшихъ козаковъ и поляковъ партіи Августа было 18.000 съ сотнею пушекъ; въ Быховѣ—4.000 гарнизона изъ сапѣжинцевъ, 150 запорожцевъ перебѣжчиковъ и до полуторы тысячи разнаго сброду. Осаждавшіе стали палить въ крѣпость. Комендантъ Биздюкевичъ былъ раненъ кирпичомъ, раздробленнымъ козацкимъ ядромъ, и 12 октября послалъ объявить, что сдается, только не полякамъ, а русскому царю. Затѣмъ подписали договоръ о сдачѣ крѣпости: комендантъ, старобыховскій губернаторъ, поставленный владѣльцемъ города, Сапѣгою, нѣкоторыя лица изъ рыцарства и еврейскій кагалъ. Тотчасъ Халецкій ввелъ туда

---

[11]) Ibid., л. 698.—...костелы дерутъ и съ людей великіе харчевые и денежные запасы емлютъ.

[12]) *Otwinowski*: „Dzieje pan. Aug. II", str. 32—44.—Арх. Юст. кн. 86, л. 668—671.

*) Саксонское войско было въ Польшѣ въ то время потому, что король польскій Августъ былъ наслѣдственный владѣтель Саксоніи.

[13]) Арх. Юст. кн. 86, л. 700.

[14]) Ibid., л. 508.

[15]) Арх. Ин. Дѣлъ 1702 г. Подлинники, августъ.

королевскихъ драгунъ, а быховскій гарнизонъ долженъ былъ присягнуть королю Августу и идти въ Могилевъ. Всѣмъ объявлялась амнистія и ненарушимость правъ, дарованныхъ городу его владѣльцами Сапѣгами.

По возвращеніи Миклашевскаго отъ Быхова, гетманъ казался недоволенъ Миклашевскимъ за то, что онъ допустилъ Халецкому взять Быховъ на королевское имя, тогда какъ осажденные сдались на имя царское, а не на королевское. Мазепа хотѣлъ было казнить смертію запорожцевъ, служившихъ Сапѣгамъ, взятыхъ въ Быховѣ и теперь приведенныхъ въ Батуринъ; но бывшіе при взятіи Быхова полковники упросили гетмана пощадить виновныхъ, потому что сами они ранѣе поклялись душами своими, что преступникамъ окажется милость [16]).

Зимою съ 1702 на 1703 годъ гетманъ снова ѣздилъ въ Москву и воротился съ новыми пожалованіями; онъ получилъ Крупецкую волость со всѣми принадлежащими къ ней селами и деревнями, ему надарили соболей, бархатовъ, вина и прочаго [17]). Польскій король, во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ малороссійскимъ войскомъ, прислалъ Мазепѣ орденъ Бѣлаго Орла.

Въ слѣдующій затѣмъ 1703 годъ мы почти не видимъ участія козаковъ въ войнѣ на сѣверѣ; извѣстно только, что запорожцы находились на устьѣ Невы и жаловались, что имъ не даютъ ни крупъ, ни сухарей, а заставляютъ жить на одномъ хлѣбѣ, да и того даютъ только половину противъ положеннаго [18]). Вернувшись на Запорожье, эти сѣчевики своими разсказами настраивали товарищей противъ великорусской власти. Разгорѣлось волненіе, возбуждаемое заклятымъ врагомъ москалей Костею Гордѣенкомъ, бывшимъ тогда въ званіи кошевого атамана. Возмутительный духъ разносился по Украинѣ, отчасти запорожцами, которые каждый годъ отъ Сырной недѣли до Пасхи, по давнему обычаю, посѣщали своихъ свойственниковъ въ Украинѣ, отчасти малороссійскими торговцами, проживавшими по временамъ въ Сѣчѣ по своимъ торговымъ дѣламъ. Въ гетманщинѣ народное негодованіе возбуждалось и подогрѣвалось своевольствами, которыя не переставали показывать ратные царскіе люди. «Купы» (шайки) удальцовъ стали бѣгать въ запорожскія степи и гетманъ нашелъ необходимымъ, съ цѣлію недопускать народъ до побѣговъ, обста-

[16]) Арх. Юст. кн. 86, л. 723 и 824.
[17]) Арх. Ин. Дѣлъ 1703 г., № 12.
[18]) Арх. Юст. кн. 94, октябрь 1703 г..

вить, какъ онъ выражался, охотными полками весь рубежъ гетманскаго регимента. Въ Запорожьѣ, гдѣ увеличивалось число бѣглецовъ, загоралось желаніе идти въ Украину и расправляться тамъ съ москалями, панами и арендаторами *). Въ особенности бѣгство въ Сѣчу происходило изъ Полтавскаго полка. Гетманъ по этому поводу отставилъ полтавскаго полковника Искру и счелъ нужнымъ замѣтить въ своемъ донесеніи въ Приказъ, что вообще у всего малороссійскаго народа «зѣло отпадаетъ сердце къ великому государю» [19]). Это тревожное положеніе не разразилось однако никакимъ всеобщимъ волненіемъ въ народѣ и не прервало участія козаковъ въ царской войнѣ со Швеціею.

Съ 1704 года царь Петръ нашелъ удобнѣе посылать малороссіянъ противъ шведовъ не на сѣверъ, а въ польскія области въ качествѣ вспомогательныхъ военныхъ силъ своему союзнику королю Августу II, и съ этою цѣлью указано было гетману держать въ Польшѣ своего резидента, а съ коронными гетманами вести «любительную корреспонденцію» [20]).

Въ апрѣлѣ по царскому указу Мазепа долженъ былъ со всѣмъ своимъ войскомъ, переправившись черезъ Днѣпръ у Кіева, вступить за рубежъ польскихъ владѣній и чинить промыселъ надъ нерасположенными къ королю Августу панами, нещадно опустошая огнемъ и мечомъ ихъ маетности. Мазепа шелъ уже со скрытымъ намѣреніемъ схватить Палѣя и въ своихъ донесеніяхъ въ Приказъ постоянно сообщалъ на основаніи показаній какого-то бѣглаго канцеляриста изъ Бѣлой-Церкви, что Палѣй безпрестанно сносится съ Любомирскими, которые рѣшительно уже пристали къ шведамъ. Между тѣмъ, отклоняя Палѣя отъ всякаго противъ себя подозрѣнія, онъ приглашалъ его къ себѣ на соединеніе съ своими полчанами и спрашивалъ, какъ знатока мѣстныхъ путей: куда идетъ лучше трактъ въ Польшу—черезъ Подоль, или черезъ Волынь?

Въ самой Рѣчи Посполитой дѣла для короля Августа пошли плохо. Паны уже перестали между собою толковать о примиреніи двухъ королей во вредъ Россіи, но прямо одинъ за другимъ

---

*) ...арендаровъ и пановъ бити и грабити и зовсѣмъ розбити: кгдыжъ правѣ намъ не доны бути, терпѣлисьмо же отцовъ и братовъ и кревныхъ нашихъ держали въ неволѣ и въ конецъ хотятъ закабалити, а мы за вольность козацкую идемъ на такихъ противныхъ намъ воевати.

[19]) Арх. Юстиціи кн. 94, мартъ 1703 г.

[20]) Ibid., кн. 95.—Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г., № 2.

отступали къ шведской сторонѣ и приходили къ согласному отрѣшенію короля Августа отъ престола и къ выбору иного короля. Августъ, подозрѣвая, что выборъ ихъ остановится на комъ нибудь изъ сыновей покойнаго короля Яна Собѣскаго, приказалъ арестовать и отправить въ Саксонію двухъ братьевъ Собѣскихъ, Якова и Константина. Это, какъ показали послѣдствія, не спасло Августа отъ конкурентовъ.

Гетманъ Мазепа въ маѣ стоялъ обозомъ близь могилы Перепетыхи *), ожидая прибытія козацкихъ полковъ, которымъ приказалъ спѣшить [21]). Отсюда, по желанію короля Августа, сообщенному царскимъ резидентомъ въ Варшавѣ, гетманъ отправилъ въ Польшу 3.000 козаковъ съ миргородскимъ полковникомъ Даніломъ Апостоломъ, а четвертую тысячу поручилъ комиссаріусу князю Дмитрію Михаиловичу Голицыну, который шелъ съ великорусскими военными силами туда же въ помощь королю Августу.

15 іюня Мазепа съ войскомъ стоялъ подъ Паволочью на шляху Гончарихѣ. Здѣсь прибылъ къ нему Палѣй съ своими полчанами, не подозрѣвая никакихъ козней, и расположился особымъ обозомъ рядомъ съ обозомъ гетмана. Мазепа у себя въ обозѣ принималъ Палѣя очень радушно и угощалъ. По этому поводу гетманъ писалъ къ Головину: «Вотъ уже наступила четвертая недѣля, какъ Палѣй находится при мнѣ (при боку моемъ гетманскомъ). Онъ безпрестанно пьянъ и день и ночь, не видалъ я его трезвымъ. Я стараюсь обратить его противъ Любомирскихъ и предлагалъ ему дать своихъ козаковъ для умиленія его полчанъ, но онъ, насыщенный духомъ Любомирскихъ, все только отговаривается то болѣзнью, то другими предлогами». Между тѣмъ Любомирскій, владѣлецъ Полоннаго, написалъ гетману Мазепѣ, что удивляется, зачѣмъ это гетманъ съ козацкими силами вступилъ въ черту владѣній Рѣчи Посполитой. Самъ онъ, Любомирскій, стоитъ съ войскомъ не съ дурнымъ какимъ умысломъ противъ короля Августа, а для того, чтобы оберегать край отъ мужицкихъ бунтовъ, и просилъ гетмана оказывать покровительство его маетностямъ. Съ тѣхъ поръ все лѣто стоялъ Мазепа у Паволочи, переписывался съ Головинымъ и сообщалъ ему разные доводы измѣны Палѣя и связи его съ врагами. Гетманъ писалъ, что пріѣзжалъ къ нему Самусь, говорилъ, что Палѣй ничего добраго не желаетъ ни царю Петру, ни королю Августу, что Палѣй собиралъ раду въ Коше-

*) Языческое гробовище Сквирскаго уѣзда, раскопанное въ 1846 году.

[21]) „Лѣт. Грабянки", стр. 256.

ватой *) и произносилъ такія рѣчи, которыя показывали худой умыселъ противъ Мазепы и его войска. Гетманъ писалъ, что пріѣзжалъ къ нему изъ Дубна польскій полковникъ Барановскій и жаловался, что налѣвскіе «гультаи» разоряютъ маетности пановъ вѣрныхъ королю Августу, наконецъ прислалъ Мазепѣ письмо Іосифъ Потоцкій кіевскій воевода: «за два года назадъ,—писалъ онъ,—съ подущенія Палѣя свирѣпствовало хлопство надъ своими панами по всему Поднѣстрью, а Палѣй оглашалъ, будто вѣроломные варварскіе поступки совершаются до имя царя и съ согласія гетмана войска запорожскаго. Нынѣ, обращаясь какъ песъ на свою блевотину, взялся Палѣй за то же: по его наущенію своевольная шайка замучила моего сотника Алексѣя, мятежники овладѣли Немировымъ и разграбили». Пріѣзжали къ Мазепѣ губернаторы разныхъ маетностей и коменданты городовъ, убѣгавшіе отъ «гультаевъ»; они извѣщали о разныхъ шайкахъ, бродившихъ по краю. Единомышленникъ Палѣевъ Шпакъ изъ Умани составилъ ватагу и дѣлалъ разоренія около Днѣстра, ссылаясь на то, будто это творится съ согласія царя и гетмана войска запорожскаго. Другой предводитель ватаги въ томъ же краѣ былъ сотникъ Палѣева полка Назуленко; третій—запорожецъ изъ Сѣчи, Корсунъ; четвертый — въ окрестностяхъ Каменца — Ворона [22]). Всѣ они называли себя царскими полковниками. Пріѣзжавшіе къ Мазепѣ губернаторы представляли ему, что все это отъ этихъ бунтовъ идетъ отъ Палѣя, наконецъ и самъ король Августъ написалъ къ Мазепѣ, жалуясь, что разбои чинятся надъ шляхетствомъ около Буга и Днѣстра по наущенію Палѣя.

Мазепа 10 іюля пригласилъ Палѣя въ свой обозъ и сообщилъ ему о жалобахъ, возникшихъ на него. Палѣй отвѣчалъ: «Я своимъ полчанамъ запретилъ обижать поляковъ; но не всѣ меня слушаютъ; иной самовольно своимъ путемъ идетъ. Что же мнѣ дѣлать! На то они люди войсковые. Они смотрятъ на то, какъ ведутъ себя ляхи съ ихъ королемъ. Вотъ какъ я услышу о добромъ поведеніи короля и ляховъ, то и смирю гультаевъ: полны будутъ висѣлицы!» Гетманъ сказалъ Палѣю, чтобъ онъ, по желанію царскому, ѣхалъ въ Москву. «Не зачѣмъ мнѣ туда ѣздить» отвѣчалъ Палѣй. Тогда Мазепа не отпустилъ Палѣя въ его обозъ, а задержалъ въ своемъ обозѣ, однако не открывалъ

*) Мѣстечко Таращанскаго уѣзда на р. Роси.

[22]) Рукоп. Имп. Пуб. библ. Польская, folio, № 11.—Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 637.

ему объ умыслѣ отправить его насильно въ Москву. — «Вотъ уже шестой день сидитъ Палѣй у меня въ обозѣ, — писалъ Мазепа Головину, — онъ безпросыпно пьянъ, кажется уже пропилъ послѣдній умъ, какой у него оставался! Это человѣкъ безъ совѣсти и гультайство у себя держитъ такое же, каковъ самъ: не знаютъ они надъ собою ни царской, ни королевской власти и всегда только къ грабежамъ и разбоямъ рвутся. Самъ Палѣй даже не помнитъ что говоритъ: я предложилъ ему ѣхать въ Москву, — онъ отказался; я черезъ нѣсколько дней сталъ упрекать его за это, а онъ мнѣ сказалъ, что ничего не помнитъ, потому что былъ тогда пьянъ». Но сидя въ гетманскомъ обозѣ, если только вѣрить донесенію Мазепы, Палѣй внушалъ мятежническіе замыслы четыремъ сотникамъ Полтавскаго полка, говоря: «Добра не буде, поки вы не збудете вашихъ панивъ и орандаривъ». Сотники сами передали это гетману [23]).

Въ концѣ іюля Мазепа передвинулъ свой обозъ къ Бердичеву, а 1-го августа приказалъ взять Палѣя подъ караулъ, и тотчасъ отправилъ въ Бѣлую Церковь извѣщеніе, что отдаливши, по извѣстнымъ ему причинамъ (для певныхъ причинъ), Палѣя отъ полковничества, вручаетъ этотъ урядъ Михайлу Омельченку, обязывая послушаніемъ къ нему всѣхъ подчиненныхъ Палѣю полчанъ [24]) *).

Большая часть полчанъ палѣевыхъ не находилась тогда съ нимъ близь козацкаго стана, слѣдовательно не могла противодѣйствовать гетманскимъ распоряженіямъ, а тѣ, которые были съ Палѣемъ, не могли, по своему малолюдству въ сравненіи съ козацкимъ войскомъ Мазепы, защищать своего полковника. Въ Бѣлой Церкви находился Палѣевъ гарнизонъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Эти «гультаи», получивши приказаніе гетмана сдать Бѣлую Церковь, заупрямились и кричали: «поки батька нашого Палія не уздримъ, поты не піддамося гетманови». Но бѣлоцерковскіе мѣщане закричали на нихъ: «коли вы добромъ не уступите, то мы васъ отсюда выбьемъ вонъ, никому иному кланяться не будемъ, только пану гетману». Это произошло оттого, что

---

[23]) Арх. Ин. Дѣл. Подлинники, іюль.—Арх. Юст. кн. 95.

[24]) Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. II, стр. 640.

*) ... абысьте вы всѣ належитое оному отдавали послушенство и всякую яко старшому своему повинность. Онъ зась яко справный и благоразсудительный человѣкъ такъ знатиметъ, якъ добрыхъ миловати и на оныхъ респектъ оказывати, а злыхъ и преступныхъ слушнымъ каранемъ наказывати.

мѣщане боялись присылки военной силы, если добровольно не сдадутъ Бѣлой Церкви.

Гетманъ послалъ въ Бѣлую Церковь 200 человѣкъ самусевцевъ (т.-е. бывшаго самусева полка) и прибавилъ къ нимъ еще 100 человѣкъ Переяславскаго полка, которымъ также велѣлъ называться самусевцами. Онъ между козаками распустилъ такой слухъ, будто все это сдѣлалось съ Палѣемъ по наущенію Самуся, который, досадуя, что Палѣй бралъ съ Любомирскихъ деньги, а съ нимъ Самусемъ не подѣлился, заявилъ гетману объ измѣнѣ Палѣя съ тѣмъ, чтобы въ Бѣлой Церкви были поставлены въ гарнизонъ козаки самусевой ватаги [25]).

Чтобы показать Палѣя еще болѣе виновнымъ передъ царскимъ правительствомъ, Мазепа послалъ Головину сказку отобранную будто бы у еврея, хвастовскаго орандаря, черезъ посредство котораго Палѣй велъ сношенія съ Любомирскими. Въ этой сказкѣ сообщалось, что коронный подкоморій Любомирскій говорилъ еврею такъ: «пусть Палѣй набираетъ побольше войска и переманиваетъ къ себѣ отъ гетмана Мазепы сердюковъ и компанѣйцевъ, а когда мнѣ пришлетъ шведскій король деньги, я Палѣю дамъ изъ нихъ часть. Саксонскій песъ посадилъ Собѣскихъ въ тюрьму. Будемъ ему мстить, пока силъ нашихъ станетъ. Бѣлая Церковь будетъ Палѣю отдана въ вѣчное владѣніе. Только пусть Палѣй будетъ всегда желателенъ дому Любомирскихъ [26]).

24 августа того же года [27]) гетманъ писалъ Головину, что онъ «бежевильнаго» (безумнаго) пьяницу Палѣя отослалъ за карауломъ въ Батуринъ вмѣстѣ съ его пасынкомъ Симашкомъ и велѣлъ держать ихъ обоихъ въ батуринскомъ замкѣ до царскаго указа. «Еслибы,—замѣчалъ гетманъ,—не предостерегъ меня уманскій сотникъ, то Палѣй въ ту ночь, которая послѣдовала за вечеромъ, когда онъ былъ взятъ подъ караулъ, убѣжалъ бы въ Запорожье черезъ Межигорскій монастырь, гдѣ для него уже были приготовлены челны на Днѣпрѣ».

Мазепа еще изъ Паволочи отправилъ къ королю Августу канцеляриста Дмитрія Максимовича съ вопросомъ, что ему дальше дѣлать и куда идти. 10 августа подъ Бердичевъ Максимовичъ прибылъ съ отвѣтомъ. Король писалъ, чтобы гетманъ послалъ къ нему 30.000 козаковъ, а самъ бы съ остальнымъ войскомъ рас-

[25]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники 1704 г., августъ.—Арх. Юст. кн. 95.
[26]) Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлинники. Донесеніе Мазепы 10 августа.
[27]) Ibid. Донесеніе 24 августа.

положился близь Полоннаго въ маетностяхъ Любомирскихъ въ наказаніе владѣльцамъ за недоброжелательство къ королю Августу. Но Мазепа доносилъ въ Приказъ, что исполнить въ точности королевской воли онъ не можетъ, потому что тогда бы самъ остался безъ военной силы. Вмѣсто требуемыхъ 30.000, Мазепа отправилъ королю только 10.000 подъ наказнымъ гетманствомъ переяславскаго полковника Мировича. Тогда всего козацкаго войска при королѣ Августѣ, вмѣстѣ съ усланными прежде съ миргородскимъ полковникомъ, было 17.000. «Мнѣ докучаетъ, — писалъ Мазепа Головину, — король Августъ письмами, требуя, чтобъ я ради его королевскихъ прибылей укрощалъ своевольство, начавшееся отъ Палѣя и его гультайства, да и шляхта брацлавскаго и подольскаго воеводствъ то и дѣло что пріѣзжаетъ ко мнѣ съ докучливыми просьбами помочь имъ отобрать въ свое владѣніе маетности, изъ которыхъ выгналъ ихъ Палѣй. А ко мнѣ, между тѣмъ, пріѣзжаютъ панскіе подданные и просятъ дозволенія прогнать лядскихъ губернаторовъ» *).

Стоянка козаковъ подъ Бердичевомъ сопровождалась большими лишеніями и неудобствами. Привезенные съ собою запасы истощились. Въ покупкѣ все было дорого, да и многимъ козакамъ не за что было купить: въ то время всю Малороссію одолѣвало безденежье, такъ какъ вывозная торговля остановилась по случаю неустройствъ въ Польшѣ и малороссіяне перестали гонять воловъ на продажу въ Гданскъ и Силезію [28]). Скудость продовольствія была тѣмъ ощутительнѣе, что въ обозѣ было многолюдство. Съ гетманомъ было тысячъ двадцать козаковъ, а кромѣ нихъ были еще и великороссійскіе ратные люди подъ гетманскимъ начальствомъ: послѣдніе были плохо одѣты, плохо вооружены и плохо содержимы. Многое побуждало гетмана желать скорѣйшаго окончанія этого похода и возвращенія въ Украину. Молдавскій господарь писалъ Мазепѣ, что пользуясь войною, возникшею между царемъ и шведскимъ королемъ, турки думаютъ вступить въ союзъ съ послѣднимъ и не сегодня-завтра татары ворвутся въ Украину. Получались кромѣ того вѣсти о новыхъ

*) ... никгды бы ляхи не показали себя способными справитися з бунтовщиками понеже самые подданные ихъ къ бунтамъ склонны и не хотятъ долѣе ига лядскаго надъ собой терпѣти. Какъ уже изъ чотырохъ городовъ: Винницы, Бершада, Ягорлыка и Новоконстантинова пріѣзжали подданные ко мнѣ и просили, чтобъ я позволилъ имъ губернаторовъ своихъ вонъ выгнати не могучи болшъ терпѣти несносныхъ грабительствъ.

[28]) Арх. Юст. кн. 95, л. 455.

замыслахъ запорожцевъ производить смуту въ народѣ *). Опять носились обычныя воззванія противъ «орендарей» и пановъ [29]) и по донесенію гетмана данъ былъ указъ кіевскому воеводѣ въ случаѣ надобности посылать ратныхъ людей для усмиренія запорожцевъ, если они явятся въ Украину бить богатыхъ людей и торговцевъ [30]).

24 августа гетманъ получилъ извѣстіе, что король польскій ушелъ изъ королевства, а малороссійскому гетману поручалъ опустошать нещадно маетности Любомирскихъ на Волыни [31]). Гетманъ не приступалъ къ исполненію королевскаго желанія до полученія о томъ же указа отъ своего государя, а только подвинулся далѣе на Волынь и въ сентябрѣ сталъ таборомъ за Любаромъ [32]). Тогда между козаками началось волненіе. Стали составлять купы (кружки) и порывались домой. Въ день Воздвиженія произошелъ большой шумъ въ козацкомъ таборѣ. Его подняли самусевцы и палѣевцы, а къ нимъ приставали и городовые козаки разныхъ полковъ. Подходили съ палками къ шатрамъ начальныхъ людей. Требовали вести ихъ домой. Носились слухи, что шведскій король съ приставшими къ нему поляками замышляетъ переходить на лѣвую сторону Днѣпра и занять тамъ зимнія становища. Между тѣмъ почти передъ глазами гетмана Мазепы волынская шляхта, послѣ успѣховъ Карла XII въ Червоной Руси, объявила себя на сторонѣ шведскаго короля, а потомъ вскорѣ услышавши, что дѣло короля Августа начинаетъ поправляться, опять заявила охоту стоять за Августа [33]). То же произошло и съ Любомирскими: Мазепа по приказанію короля расположилъ козаковъ въ маетностяхъ Любомирскихъ въ наказаніе за то, что они отпали отъ Августа, но потомъ скоро получилъ извѣстіе, что Любомирскіе опять поддались королю Августу, и приказалъ козакамъ выйти изъ ихъ маетностей [34]). Все это показывало, что польское шляхетство начало колебаться то въ ту, то въ противную сторону, и становилось невозможнымъ услѣдить: кто другъ, а кто врагъ царскому союзнику.

---

*) «...всиваты колотнечу въ людяхъ.

29) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлин. 1704 г. Донесеніе Мазепы отъ 10 іюля.

30) Арх. Юст. кн. 95, л. 550 и далѣе.

31) Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлин., августъ.

32) Ibid., сентябрь.

33) Арх. Юст. кн. 95, л. 600—603.

34) Ibid., л. 859.

Наконецъ царскій резидентъ въ Варшавѣ прислалъ Мазепѣ отъ имени короля польскаго разрѣшеніе возвратиться домой и гетманъ 12 октября поворотилъ назадъ свое войско. 18 октября Мазепа былъ въ Хвастовѣ, а 29 прибылъ въ Батуринъ [35]), жалуясь въ своемъ донесеніи въ Приказъ, что польскій король напрасно продержалъ козаковъ безъ дѣйствія и безъ всякой пользы для своего дѣла.

Въ то время, когда Мазепа съ войскомъ совершалъ свой походъ на Волынь и обратно, посланные на помощь польскому королю полковники Мировичъ и Апостолъ такъ исправляли возложенныя на нихъ порученія. Мировичъ былъ свидѣтелемъ взятія Львова Карломъ XII. По донесенію козацкаго полковника, это событіе произошло 26 августа оттого, что львовскій комендантъ Каминскій тайно мирволилъ шведамъ и впустилъ ихъ ночью въ городъ черезъ потайную калитку. По описанію шведскаго историка Нордберга, Каминскій послѣ взятія города скрывался и уже на другой день добровольно явился и сдался шведамъ [36]). Прикомандированный къ коронному референдарію Ревускому, Мировичъ съ козаками отступилъ предъ напоромъ шведовъ къ Бродамъ и увидалъ, что поляки болѣе непріязненно относятся къ козакамъ чѣмъ къ самимъ шведамъ. Многіе изъ поляковъ, видя торжество противной партіи, стали разъѣзжаться по своимъ домамъ, «а насъ козаковъ,—писалъ Мировичъ,—ведутъ въ осеннее время по болотамъ и на стоянкахъ за связку сѣна бьютъ» [37]). Миргородскій полковникъ Апостолъ былъ прикомандированъ къ генералу Брандту, вмѣстѣ съ нимъ счастливо выдержалъ сраженіе противъ шведскаго отряда майора Лейонгельма: шведы въ числѣ 760 человѣкъ были разбиты. «Большую часть ихъ,—говоритъ Апостолъ,—мы перекололи», а 300 человѣкъ приведены были плѣнными къ королю Августу [38]). По извѣстію Нордберга, эти шведы сдались военноплѣнными, Брандтъ принялъ ихъ ласково, а козаки, которыхъ съ Брандтомъ было до трехъ тысячъ, отобрали у шведовъ оружіе, и сперва обѣщавши имъ жизнь, потомъ варварски ихъ перекололи [39]). Вслѣдъ за пораженіемъ Лейонгельма сдался въ Варшавѣ шведскій генералъ Горнъ: козаки участвовали въ этомъ важномъ дѣлѣ.

---

[35]) Ibid., л. 619. 720.—Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлин., октябрь.
[36]) *Nordberg* (французскій переводъ), т. II, стр. 488—490.
[37]) Арх. Ин. Дѣлъ 1704 г. Подлин., сент. 7.
[38]) Ibid. 1704 г. Донесеніе Апостола изъ Закрочима августа 31.
[39]) *Nordberg*, т. II, стр. 492.

Козаки, бывшіе съ миргородскимъ полковникомъ, были очень довольны обращеніемъ съ ними генерала Брандта. Апостолъ, въ своемъ донесеніи гетману, называлъ его «человѣкомъ правдивой совѣсти: любо и жить и умирать съ нимъ и можно съ нимъ разговаривать безъ толмача, и еслибъ не онъ, то мы бы не знали какъ съ этими нѣмцами обходиться, не умѣя говорить съ ними». Но не такъ отнеслись козаки къ Паткулю, подъ команду котораго потомъ поступили. Это былъ, по словамъ Апостола, человѣкъ «гордомысленный», не говорилъ иначе какъ по-нѣмецки и кругомъ его были все нѣмцы, обращавшіеся съ козаками презрительно. Паткуль даже не счелъ нужнымъ показать имъ царскій указъ, по которому долженъ былъ ими командовать. Козаки износили свои одежды, терпѣли голодъ, имъ не давали провіанта, а приказывали самимъ для себя молотить снопы, молоть зерно и печь хлѣбъ. Паткуль этимъ не ограничился. Онъ вздумалъ обучать козаковъ нѣмецкому строю съ мушкетами, а тѣхъ, которые не могли скоро навыкнуть, велѣлъ бить жестоко и грозилъ висѣлицею. Чуть какой козакъ выпятится изъ строя, его тотчасъ приказываютъ бить, не обращая вниманія, хотя бы онъ былъ въ числѣ полковыхъ старшинъ [40]). Въ Познани, гдѣ стояли козаки и обучались нѣмецкому строю, козацкій сотникъ Родзянка замѣтилъ: «развѣ когда полгода поучатся, тогда обучатся!» Это сочтено было дерзостію; Паткуль хотѣлъ казнить Родзянку смертію и помиловалъ только послѣ усиленныхъ просьбъ за него всѣхъ козаковъ. Въ Познани, наконецъ, обступили козаковъ кругомъ 2.000 саксонской конницы и 2.000 пѣхоты; прежде—всѣхъ старшинъ взяли подъ караулъ, потомъ изъ обоза пріѣхали Паткуль съ Брандтомъ и приказали нѣмцамъ побрать у козаковъ для себя лучшихъ лошадей, а прочихъ лошадей неизвѣстно куда дѣли и козаки остались пѣшими. Это печальное событіе сообщено было полковнику переяславскому, который, вмѣстѣ съ референдаріемъ Ревускимъ, шелъ къ Варшавѣ по пути отъ Львова. «Какъ скоро наше товариство,—сообщалъ Мировичъ гетману,—услыхало о томъ, какъ обходятся нѣмцы съ ихъ братіею козаками, такъ и въ мысли ни у кого не стало чтобъ идти далѣе за Вислу». И отъ польскихъ жолнѣровъ, съ которыми принуждены были совершать походъ, козаки Мировича много натерпѣлись. «Поляки безчестятъ нашихъ людей,—писалъ Мировичъ,—хлопами и свинопасами на-

---

[40]) Арх. Ин. Дѣлъ. Донесеніе Апостола, отъ 20 октября.

зываютъ, плашмя саблями бьютъ, заспоривши за какую нибудь связку сѣна или за поросенка. Никто изъ нашихъ добраго слова отъ ляховъ не услышитъ, кричатъ на насъ: въ нашихъ есте рукахъ, нога ваша не уйдетъ отсюда, всѣхъ васъ тутъ вырубимъ». Подъ Тыкоциномъ 20 октября Мировичъ съ козаками отсталъ отъ референдарія, взялъ путь къ Бугу, мимо Люблина, и отпустилъ козаковъ для лучшаго прокормленія на Полѣсье, тѣмъ болѣе, что носились слухи о моровомъ повѣтріи во Львовѣ, въ Бѣломъ-Камени, въ Бродахъ и Кременцѣ [41]). Козаки, бывшіе у миргородскаго полковника, лишившись лошадей, отобранныхъ у нихъ нѣмцами, шли пѣшкомъ къ Кракову, недалеко Велюна наткнулись на шведовъ и на поляковъ шведской стороны, принуждены были вступить съ ними въ бой и были разбиты. Ихъ погибло тамъ 1.700 человѣкъ, осталось всего 80, которые прибыли въ Украину съ двумя сотниками полковъ Нѣжинскаго и Прилуцкаго [42]).

Полковники Мировичъ и Апостолъ воротились въ ноябрѣ, отговариваясь и холодомъ и голодомъ. Въ царскомъ указѣ о нихъ 20 декабря сказано, что хотя оба они достойны казни за распущеніе козаковъ и за самовольный уходъ со службы, но царь, по ходатайству гетмана, простилъ ихъ вины [43]).

Палѣй сидѣлъ въ батуринскомъ замкѣ до первыхъ мѣсяцевъ 1705 года. Его имущество было описано и опись послана въ Москву. У него найдено до 2.000 червонцевъ, кромѣ дукачей, бывшихъ по украинскому обычаю на женскихъ коралловыхъ монистахъ; 5.274 талера найдено сокрытыми въ землѣ, такъ какъ въ тѣ времена земля была обычною сохранною казною, предохранявшею капиталы отъ непріятелей и разбойниковъ. Кромѣ того сумма 15.000 чеховъ числилась розданной въ долгъ разнымъ лицамъ. Серебряная посуда, составлявшая въ то время обычную роскошь козацкихъ старшинъ, не представляла у Палѣя большаго изобилія, по крайней мѣрѣ если сравнивать съ богатствами этого рода, найденными у Самойловича послѣ его низложенія: всего посуднаго серебра у Палѣя было вѣсомъ 5 пуд. 39 фунтовъ. За то у Палѣя было не мало дорогаго богато-оправленнаго оружія и одеждъ мужскихъ и женскихъ, бархатныхъ, луданныхъ, златоглавныхъ и проч. Его бывшій факторъ іудей и его род-

[41]) Ibid., Подлинники 1704 г. Донесеніе Мировича.
[42]) Арх. Юст. кн. 96.
[43]) Ibid.

ственникъ Омельченко (занявшій полковническую должность) показывали, однако, что Палѣй зарылъ еще въ землѣ большой кладъ, но не знали гдѣ. Гетманъ безъ царскаго указа не смѣлъ по этому поводу подвергать Палѣя и жену его пыткѣ, хотя этого ему хотѣлось.

Въ началѣ 1705 года Мазепа, будучи въ Москвѣ, лично представлялъ царю, что Палѣя оставлять въ Украинѣ негодится, а слѣдуетъ отправить его въ Великую Россію, но и въ столицѣ не держать долгое время и опредѣлить ему мѣсто ссылки гдѣнибудь подальше [44]) *). Палѣй былъ доставленъ вмѣстѣ съ своимъ пасынкомъ Симашкомъ въ Москву въ мартѣ 1705 года [45]). Сначала указомъ 30 мая велѣно было сослать Палѣя въ Енисейскъ и держать тамъ до кончины живота [46]). Но по этому указу онъ почему-то отправленъ не былъ, а 30 іюля состоялся другой указъ, которымъ приказывалось везти Палѣя до Верхотурья въ три подводы, въ сопровожденіи десяти солдатъ, оттуда препроводить въ Тобольскъ, а изъ Тобольска въ Томскъ, гдѣ положено было содержать его постоянно [47]) **).

Народная память создала о пребываніи Палѣя въ Сибири поэтическій образъ такого рода: Палѣй собирается идти молиться Богу; его вѣрный «чура» натягиваетъ на него сѣрую свиту и даетъ въ руки еловую вѣтвь. Онъ идетъ къ часовнѣ и не знаетъ, молиться ли ему Богу или тосковать. Воротившись изъ часовни, онъ беретъ «бандуру» и поетъ пѣсню, въ которой выражаетъ и свое горе и современную народную философію: «горе жить въ свѣтѣ: одинъ, запродавши свою душу, вышиваетъ себѣ золотомъ одежды; другой, какъ въ дикомъ лѣсу, слоняется въ Сибири». Ясно, что здѣсь судьба Палѣя противополагается судьбѣ Мазепы, погубившаго его и продолжавшаго жить въ роскоши и изобиліи [48]).

---

[44]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники 1705 г., 8 февраля.

*) ...понеже порозумѣемъ яко многіе его жалѣютъ и переговорюютъ.

[45]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г., № 3.

[46]) Арх. Юст. кн. 100, л. 132.

[47]) Ibid., л. 346.

**) .... и какъ къ вамъ тобольскіе служилые люди въ Томскъ привезутъ Семена Палѣя, и вы бъ его Семена Палѣя, принявъ въ Томскѣ, велѣли до нашего великаго государя указу держать на постояломъ дворѣ за крѣпкимъ карауломъ и нашего великаго государя жалованья давать ему изъ тамошнихъ доходовъ и какъ пристойно по рублю на день, а буде вашимъ недосмотромъ какимъ случаемъ онъ, Семенъ Палѣй, бѣжитъ и вамъ быть въ жестокомъ наказаніи. (Грамота царскимъ воеводамъ въ Томскъ.)

[48]) Сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, изд. 1834 г., стр. 113.

ГЛАВА X.

Милость царя къ гетману.—Поѣздка гетмана въ Москву.—Недовѣріе къ полякамъ.—Казнь сотника Мандрики.—Дѣло о размежеваніи границъ Турціи.—Запорожье въ этомъ вопросѣ.—Новый походъ Мазепы съ войскомъ въ Польшу.—Новый король въ Польшѣ.—Неудовольствія польскихъ пановъ.—Подчиненіе Замостья.—Возвращеніе козаковъ на Волынь.—Мазепа въ Дубно.—Полковникъ Горленко.—Оскорбленія, наносимыя великороссіянами малороссіянамъ.—Крестины въ Бѣлой Криницѣ.—Княгиня Дольская.—Первое искушеніе.

Во всѣ предшествовавшіе годы ни на волосъ не нарушались самыя лучшія отношенія Мазепы къ царю. Между гетманомъ и царемъ происходили частые обмѣны подарковъ, какъ между близкими друзьями; одинъ другому посылали на гостинецъ произведенія составлявшія для получавшаго рѣдкость. Напримѣръ, Мазепа отправлялъ Петру въ Москву къ царскому столу своей охоты дичь, лосей и сернъ, также изъ малороссійскихъ садовъ дуль, яблокъ, вишень и щепъ разныхъ плодовыхъ деревьевъ, а царь Мазепѣ, вмѣстѣ съ разными гостинцами, присылалъ произведенія сѣверной природы, напримѣръ, живую рыбу изъ Невы и Ладожскаго озера [1]). Въ началѣ 1705 года гетманъ снова былъ принятъ въ Москвѣ, по собственнымъ его словамъ, «зъ великимъ уконтентованемъ», и описаніе пріема, сдѣланнаго ему въ этомъ году, показываетъ, какъ высоко цѣнили тогда гетмана. Съ самаго новаго года начали по царскому указу готовить кормы для лошадей Мазепы, а для его свиты — вина и съѣстные припасы. Мазепа въѣхалъ въ столицу 17 января вмѣстѣ съ генеральнымъ асауломъ Скоропадскимъ и съ пятью знатными войсковыми товарищами; за нимъ прибыла многолюдная свита, состоявшая изъ слугъ и челядниковъ, на двухстахъ подводахъ; всѣмъ каждодневно отпускались въ изобиліи столовые запасы и напитки въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ достоинству гостей. Во время бытности царя въ своей столицѣ, гетманъ былъ много разъ приглашаемъ къ государю на пиры и вмѣстѣ съ тѣмъ на бесѣды о текущихъ дѣлахъ. Тогда предположено было повторить на весну походъ въ Польшу на помощь партіи короля Августа. Но Мазепа встрѣтилъ тогда въ Москвѣ вообще недовѣріе къ Польшѣ, съ которою Московское государство находилось въ союзѣ противъ шведовъ. Мазепа не только не уничтожалъ такого недовѣрія, а еще поддерживалъ. «А что еслибы поляки показали намъ вражду,—не сыскался ли бы у нихъ новый Палѣй, который былъ бы намъ тогда полезенъ?»—спрашивалъ Мазепу Головинъ, давая тѣмъ гетману

[1]) Арх. Юст. кн. 100, л. 47.—Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подлинники.

понять, что на случай признаютъ не безполезнымъ и того Палѣя, котораго гетманъ домогался заслать подальше и безповоротнѣе.— «Для поляковъ,—отвѣчалъ Мазепа,—всякій козакъ есть Палѣй, но правобережные козаки безъ лѣвобережныхъ ничего съ ляхами не сдѣлаютъ! Въ городкахъ они могутъ еще кое-какъ обороняться, а въ полѣ отпора не дадутъ. Да ихъ теперь тамъ и немного: козачества всего 4.700 человѣкъ при 8.200 душахъ всего населенія мужскаго пола. Намъ и на нашей сторонѣ надобно остерегаться лядскаго нападенія. Ляхи насъ не терпятъ и войска польскія, стоя на зимовыхъ квартирахъ, гдѣ только встрѣтятъ малороссіянъ изъ гетманщины, обираютъ ихъ, называютъ измѣнниками и бьютъ [2]).

По возвращеніи гетмана въ Украину царь оказалъ Мазепѣ новый знакъ своего довѣрія, приказавши казнить смертію Мандрику, сотника Кобецкой сотни Кіевскаго полка, за дерзкія слова о Мазепѣ [3]) [*]).

Къ гетману начали присылать польскіе паны Любомирскій и Шембекъ приглашенія оказать помощь войсками своего регимента для приведенія русскихъ подданныхъ въ послушаніе панамъ. Гетманъ отговаривался неимѣніемъ на то царскаго указа, а присланному по этому дѣлу пану Радзіевскому говорилъ такъ: «люди тамошніе быть подъ властію вашею не хотятъ, говорятъ что имъ лучше быть подъ бусурманами, чѣмъ подъ ляхами, да не только подъ бусурманами, а хоть бы и подъ самымъ Люцыперомъ... особенно послѣ того, какъ два года тому назадъ польный коронный гетманъ истреблялъ ихъ старыхъ и малыхъ около Буга и Днѣстра. Намъ приневоливать ихъ трудно, а вотъ когда король Августъ воротится въ Польшу и вся Рѣчь Посполитая будетъ съ нимъ въ единомысліи, тогда быть можетъ его царское величество, ради любви и пріязни къ королю, и найдетъ какой нибудь способъ устроить такъ, чтобъ Украина правобережная стала спокойна подъ польскою властію» [4]).

---

[2]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подлин., февр.

[3]) Арх. Юст. кн. 96, л. 222 и 265.

[*]) „Мѣстный городовой атаманъ донесъ, что этотъ сотникъ, ѣдучи съ нимъ на одной повозкѣ, говорилъ: не буде у насъ на Украинѣ добра поки сей гетманъ живый буде, бо сей гетманъ—одно зъ царемъ розумѣетъ; царь на Москвѣ своихъ губитъ и въ ссылку засилаетъ, а гетманъ розными способами до уваленія Украину приводитъ и теперъ якъ самъ слышишь килька добрыхъ молодцовъ безъ всякой помочи и надежды пропало; для того-то онъ часто на Москву бѣгае, щобъ тамъ науку брать, якимъ то способомъ сей народъ сгубити". Мандрика сознался, что онъ говорилъ это будучи пьянъ.

[4]) Арх. Юст. кн. 96, л. 307.

Весною гетманъ получилъ указъ идти съ войскомъ на Волынь, а въ маѣ пришелъ другой указъ, которымъ предписывалось ему идти на-легкѣ безъ тяжелой артиллеріи къ Бресту; въ іюнѣ же присланъ третій указъ идти самому къ Сендомиру, а въ Литву отправить козацкій отрядъ для соединенія съ великороссійскими военными силами. Тогда гетманъ отправилъ въ Литву отрядъ сборнаго козацкаго товарищества, по одному извѣстію въ 3.000 [5]), по другому же [6]) 4.500 человѣкъ, назначивъ надъ этимъ отрядомъ наказнымъ гетманомъ прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка и давши ему запасовъ на полгода. Затѣмъ съ Мазепою войска, готоваго къ походу, было 40.000 городовыхъ козаковъ и охотныхъ пѣшихъ и конныхъ полковъ. Съ нимъ должны были разомъ идти три великороссійскихъ полка сѣвскаго разряда [7]).

Отправляясь на войну, гетманъ принималъ участіе въ коммиссіи о проведеніи рубежей между царскими и турецкими владѣніями. Веденіе этого дѣла возложено было царемъ на дьяка Емельяна Украинцева, но въ іюнѣ гетманъ писалъ къ Меншикову, что запорожцы противодѣйствуютъ порубежному дѣлу, домогаясь, чтобы граница была на Бугѣ и Днѣпръ оставался бы въ ихъ власти [8]). Такія требованія выражались смѣлымъ и дерзкимъ тономъ въ письмахъ кошевого атамана Гордѣенка къ дьяку Украинцеву и къ гетману,—и Мазепа, испытавши, какъ онъ выражался, что увѣщанія гетманскія пристаютъ къ запорожцамъ какъ горохъ къ стѣнѣ, отправилъ на границу къ югу нѣсколько сотенъ Нѣжинскаго полка, приказавши по требованію Украинцева укрощать оружіемъ упрямство и своевольство «тыхъ псовъ запорожцевъ». Московское правительство, однако, обошлось тогда ласково съ запорожцами, послало имъ милостивую грамоту, въ которой прощались имъ всѣ вины, указывало имъ содѣйствовать порубежной коммиссіи, жить въ согласіи съ великороссійскими людьми и казнить промежду себя противниковъ, дерзающихъ производить безпорядки. Эта порубежная коммиссія, на которую съ козацкой стороны гетманомъ былъ посланъ войсковой товарищъ Максимовичъ, не пришла къ желанному концу. Турецкіе коммиссары выставляли съ своей стороны разныя претензіи, а русскіе домогались, чтобы турки на кизикерменской и таванской землѣ не возобнов-

[5]) Ibid., л. 256.
[6]) Арх. Ин. Дѣлъ. Подлинники 1705 г. мая 20.
[7]) Арх. Юст. кн. 96, л. 307.
[8]) Ibid., л. 395.

ляли крѣпостей, по крайней мѣрѣ, до окончанія войны царя со шведами [9]).

Гетманъ выступилъ 18 іюня. Дошедши до Паволочи, онъ отправилъ впередъ Самуся и Искру, приказавши имъ опустошать по козацки подольскія маетности Потоцкаго и винницкое староство, находившееся тогда во владѣніи Лещинскаго, выбираемаго шведскою партіей въ короли. Впрочемъ, гетманъ велѣлъ только уничтожать панскихъ губернаторовъ, а поспольству не дѣлать никакого разоренія, чтобы можно было потѣшить войско добычею [10]). Въ первой половинѣ іюля Мазепа съ войскомъ вступилъ на Волынь: тамошнее шляхетство прислало къ нему депутацію и просило обойти мимо ихъ воеводство, потому что всѣ обыватели его вѣрны королю Августу. Они указывали на воеводства подольское и руское, гдѣ находились маетности пановъ, приставшихъ къ шведской сторонѣ. Сообщая объ этомъ въ Приказъ, Мазепа изъявлялъ мало довѣрія къ искренности и постоянству поляковъ, хотя бы и такихъ, которые выдавали себя неизмѣнными приверженцами короля Августа *). Онъ опасался, чтобы даже самые гетманы польскіе не задумали, измѣнивши внезапно королю Августу, заступить путь козацкому войску. Мало надѣялся Мазепа и на самихъ своихъ козаковъ и вспоминалъ событія давнихъ временъ, когда козаки выдавали головою ляхамъ своихъ предводителей [11]) **).

Мазепа съ своимъ войскомъ съ 13 іюля по 4 августа стоялъ таборомъ на берегу рѣки Случи близь Стараго Константинова [12]). Всѣ панскіе губернаторы и евреи разбѣжались, остались на своихъ мѣстахъ одни православные, народъ бѣдный ***). Мазепа приказалъ своимъ козакамъ скосить весь хлѣбъ на корню, а остальной вытоптать лошадьми въ маетностяхъ Потоцкаго

---

[9]) Ibid., л. 447, 471 и 481.

[10]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г., іюнь. Подлинники.

*) ...мало кого албо и нѣкого щирозичливого на сторону короля Августа во всей Польщѣ ни въ кого духвати и хочь нѣкоторыи оказываются зичливыми бути, а въ сердцу що иншого кнуютъ якъ маю отъ тутейшихъ перестерогу.

[11]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подл. іюль.—Арх. Юст. кн. 96, л. 483.

**) ...у нихъ такой обычай въ тяжкихъ разахъ албо утѣкати, албо гетмана и старшины своей отступивши въ руки непріятелеви оныхъ выдавати, чинячи себе невиновными.

[12]) Арх. Юст. кн. 96, л. 496.

***) ...заразъ всѣ губернаторы и жиды порознь вглубь Польщи розбѣглися, тилько самая убожь зосталася и то наши православныи, а в замку нѣсколко драгонiи запершося.

и другихъ пановъ шведской партіи и наложилъ на жителей контрибуцію въ пользу своего войска *).

Во время стоянки подъ Старымъ Константиновомъ посѣщалъ гетмана панъ подкоморій Любомирскій, и увѣрялъ его въ своей преданности къ королю Августу, но губернаторъ этого пана, управлявшій его маетностію въ Полонномъ, подкупленный заранѣе Мазепою, сообщалъ секретно, что его панъ обманываетъ гетмана: онъ дружитъ съ новоизбраннымъ королемъ Лещинскимъ и теперь, побывавши у малороссійскаго гетмана въ обозѣ, пошлетъ извѣстить Лещинскаго о всѣхъ порядкахъ, какіе замѣтитъ въ козацкомъ таборѣ. Поэтому Мазепа, какъ доносилъ онъ Головину, держалъ себя такъ осторожно съ Любомирскимъ, чтобы тотъ не въ силахъ былъ ничего отъ него вывѣдать. «Я,—выражался Мазепа,—сюда вошелъ какъ агнецъ среди волковъ: здѣсь нѣтъ ни одного человѣка искренно преданнаго королю Августу; они кажутся ему вѣрными не по нравственному долгу, а по принужденію, потому что видятъ вблизи царское войско. Всѣ здѣшніе православные обыватели, которые бываютъ у меня въ обозѣ и хлѣбъ-соль ѣдятъ, предостерегаютъ меня, что шляхта—исконные враги намъ» **).

4 августа Мазепа съ войскомъ былъ уже въ Зборовѣ, съ большимъ затрудненіемъ переправившись черезъ рѣку Серетъ подъ Залозцами: вездѣ плотины и мосты были умышленно снесены обывателями, чтобы задерживать походъ козацкаго войска, а таборъ, который шелъ съ гетманомъ, былъ чрезмѣрно великъ: въ немъ было 16.000 повозокъ, такъ какъ по царскому указу козаки взяли съ собою запасовъ на цѣлые полгода. По селеніямъ все было пусто; обыватели недѣли за двѣ до прихода русскихъ войскъ ушли изъ своихъ дворовъ.

---

*) ... іюля 27 рушилемся къ Збаражу для досмотру, якую могу учинити руйну о такую постараюся: збоже все едно сжати, а другое конми вытоптати велю и прикажу абы контрибуцію выдано на войско, якую если дадутъ, то заразъ войско великороссійское и малороссійское при мнѣ зостающее потѣшу. Тоже и Бродамъ, главной маетности Потоцкихъ учинити велю.

**) ...имѣлъ розные розмовы, хотячи щось помыслного себѣ по мнѣ выразумѣти, лечъ ничого не могъ отъ мене вытягти, бомъ якъ въ мовѣ, такъ и въ дѣлахъ осторожне з нимъ поступовалъ. Увойшолемъ якъ агнецъ межи волковъ, где мало кого албо ни одного королю зичливого нѣтъ, развѣ когда царскаго войска сильнѣе будетъ рука, мусятъ быти не изъ цноты, але з примусу зичливыми. Теперъ всѣ тутейшіе обыватели що въ обозѣ у мене бываютъ, хлѣбъ-соль ѣдятъ, остерегаютъ, мовячи: шляхта саме исконныи враги наши.

Зборовъ былъ маетностію королевича Александра Собѣскаго. Гетманъ приказалъ здѣсь своему войску вести себя скромнѣе чѣмъ въ маетностяхъ Потоцкаго и другихъ отъявленныхъ враговъ короля Августа, но сознавался, что невозможно было обойтись безъ нанесенія вреда: таборъ, идя по дорогѣ, долженъ былъ по неволѣ зацѣплять нивы съ посѣянными на нихъ хлѣбами и располагаться тамъ на попасъ и на ночлегъ, потому что близко дороги не было травъ.

12 августа коронный гетманъ Іеронимъ Любомирскій прислалъ къ Мазепѣ своего ловчаго Куницкаго, которому приказалъ находиться постоянно при гетманѣ и домогаться скорѣйшаго соединенія козацкаго войска съ польскимъ. Но гетманъ подозрѣвалъ, что этотъ резидентъ присланъ только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы высматривать положеніе козацкаго войска. Кромѣ того гетманъ жаловался, что его безпокоятъ безпрестанныя посѣщенія шляхты съ разными просьбами объ охраненіи ихъ шляхетскихъ маетностей; гетманъ подозрѣвалъ въ гостяхъ шпіоновъ *).

14 августа козаки подошли ко Львову. Мазепа долженъ былъ вести ихъ къ Сендомиру на соединеніе съ саксонскимъ войскомъ, но не зналъ, куда это войско двинулось, потому что не получалъ о томъ извѣстія отъ Паткуля. 23 августа козаки вошли въ Бельзское воеводство. На всемъ пути своемъ, начиная отъ Збаража, они истребляли хлѣба на корню и пасѣки въ волостяхъ Потоцкаго и другихъ; обыватели отовсюду бѣжали съ своими семьями и пожитками передъ приближеніемъ козацкаго войска, какъ будто передъ приближеніемъ татарской орды. Доставалось маетностямъ не только пановъ враждебныхъ королю Августу, но и всѣмъ безъ различія, и шляхтичи кричали, что имъ остается сѣсть на коней и обороняться отъ козаковъ [13]) **).

---

*) ...отъ пріѣзжаючихъ по сту и по двѣсти человѣкъ шляхты, то з сказками о залоги, то о универсалы охраненія просячи, а найбольше в ищѣгахъ безпрестанная дѣется докука и трудность, якое отъ роду моего не мѣлемъ.

[13]) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г., августъ—сентябрь. Подлинники.

**) Каштеляне, подкоморіи и инніи урядники пріѣздячи до мене в обозъ говорятъ: мы сподѣвалися що ваша милость по указу своего монархи пріишолъ Рѣчи Постолитои особливе наши воеводства боронити отъ шведскаго здирства и розоренія, ажъ видимо иначе дѣется, когда войска козацкія внивець добра наши розоряютъ и мусимъ рады не рады всѣ воеводства на конь всѣдши отъ такого утисненя войску вашему боронитися. И любо я ихъ политичными раціями збуваю же войско такъ великое не можетъ безъ того обойтися, щобъ не принесли в добрахъ вашихъ якои шкоды, однакъ оны тымъ не контенты. Теперъ зась знову муситься чинити имъ разореніе, когда з гуменъ для корм-

1 сентября козацкій таборъ былъ подъ Грубешовымъ. Агенты Мазепы посланные въ Варшаву извѣщали, что король шведскій посылаетъ противъ козаковъ приставшихъ на его сторону поляковъ, но полученный передъ тѣмъ царскій указъ снова предписывалъ гетману, чтобъ онъ, зашедши въ средину Польскаго королевства, избѣгалъ битвы до соединенія съ саксонскимъ войскомъ. Царь Петръ повторялъ ему приказаніе нещадно опустошать маетности пановъ враждебныхъ королю Августу и налагать на нихъ контрибуціи, а подканцлеръ Шемберкъ обращался къ Мазепѣ съ иною просьбою: щадить маетности не только расположенныхъ къ Августу, но и враговъ его, потому что они все-таки подданные Рѣчи Посполитой *). Изображая разоренное состояніе края, самъ Мазепа въ донесеніяхъ къ царю замѣчалъ, что если начать отягощать контрибуціями тѣхъ, которые хотя и не расположены къ Августу, но прикидываются его сторонниками, то можно побудить ихъ всѣхъ къ войнѣ противъ козаковъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ 3 сентября совершилась коронація Станислава Лещинскаго, избраннаго въ короли при живомъ королѣ Августѣ по волѣ Карла XII. Примасъ королевства архіепископъ гнѣзненскій хотя и былъ расположенъ къ Станиславу, но уклонялся отъ исполненія обряда коронаціи. Онъ опасался гнѣва папы, благоволившаго къ королю Августу, и поручилъ исполнить обрядъ львовскому архіепископу [14]). Послѣ этого событія шведская сторона въ Польшѣ стала усиливаться, но паны страннымъ образомъ какъ будто играли своею присягою: они то признавали новокороноваинаго короля Станислава, то опять возвращались на сторону Августа. Епископъ вармійскій Залускій добровольно отступилъ отъ Августа къ Станиславу, потомъ уѣхалъ отъ Станислава къ Августу въ Саксонію, куда удалился король Августъ; тамъ, живя вблизи Августа, Залускій началъ снова тайныя сношенія со Станиславомъ. Братъ коронаго гетмана Любомирскаго призналъ Станислава и обѣщалъ своимъ вліяніемъ расположить на

ленія себе и коней войско пашню буде брати. Бо такая тутъ проклятая земля же одинъ пѣсокъ да глей и когда позбирали з поля пашню, то сама гола земля осталась!

*) ...не тилько зычливыхъ королю пановъ, но и не зычливыхъ, поневажъ то все подданные Рѣчи Посполитой, которой въ пришлый часъ для всякихъ податковъ и выплаты контрибуціи люди потребны и жебы тымъ въ крайнее отчаяніе и зычливыхъ королю не привести.

14) *Adlerfeld*, т. II, стр. 235.—*Nordberg*, т. II, стр. 31—35 (во французскомъ переводѣ).

его сторону все войско, а потомъ опять объявилъ себя за Августа. Подскарбій Пребендовскій недавно хлопоталъ въ пользу Августа у прусскаго короля, а потомъ вдругъ присталъ къ Станиславу, когда узналъ, что тотъ былъ коронованъ. Поляки той и другой партіи обѣщали своимъ соотечественникамъ золотыя горы и чудеса всевозможнѣйшихъ благъ, желая приманить къ себѣ свою братію, но пристававшіе легко отступали назадъ, какъ только замѣчали, что обѣщанія могутъ остаться и неисполненными. Приверженцы Августа распускали слухъ, что новоизбранный въ короли Станиславъ, въ благодарность за свое избраніе, обѣщалъ шведскому королю Курляндію, а Сапѣгамъ часть Литовскаго княжества въ качествѣ независимаго наслѣдственнаго владѣнія [15]). Они думали возстановить своихъ соотечественниковъ противъ шведской стороны страхомъ, что при такой перемѣнѣ власти не будетъ удержу мятежному хлопству противъ шляхетства, какъ уже то было во время нашествія на Польшу короля Густава *), а духовенству внушали опасеніе, что у духовныхъ особъ отнимутся имѣнія, какъ поступлено въ Швеціи [16]).

Между тѣмъ Паткуль, одинъ изъ первыхъ заправщиковъ Сѣверной войны, сошелъ съ своего поприща. Король Августъ недовольный имъ за растрату денегъ, полученныхъ отъ царя Петра для уплаты войску, приказалъ арестовать его въ то самое время, когда Паткуль собирался жениться на богатой вдовѣ Румеръ, съ тѣмъ чтобы потомъ уѣхать въ Швейцарію и тамъ жить себѣ частнымъ человѣкомъ. Его засадили въ крѣпость Зонненштейнъ въ Саксоніи [17]). Это случилось тогда, когда малороссійскій гетманъ дожидался отъ него руководительства, куда ему идти съ козацкимъ войскомъ.

23 сентября, остановившись обозомъ подъ Уханью, Мазепа получилъ царскій указъ послать требованіе къ ординату Замойскому, владѣльцу крѣпости Замостья — пустить туда гарнизонъ русскихъ войскъ, чтобъ не дать шведамъ овладѣть этой крѣпостью. Требованіе это, посланное гетманомъ, не имѣло успѣха. Орди-

---

[15]) Рук. Имп. Публ. библ. Polskie, folio, № 17.

*) ...że iak za Karola Gustawa chłopstwo polskie zbuntowane było na zniesienie szlachty, a Rptey większy niepokóy urość może od kozaków którzy kiedyś królewstwo pustoszyli teraz by de novo sprzeciwić się mogli gdyby car moskiewski do nich roskazał że ich Polska chce nazad odebrac.

[16]) Рук. Им. Пуб. библ. Разноязычн. Miscelanea, folio, № 39, л. 190.

[17]) *Nordberg*, т. II, стр. 42. Франц. перев.

нать отвѣчалъ, что ему не нужно иностранной помощи. Тогда Мазепа двинулся съ войскомъ по направленію къ Замостью. На пути своемъ Мазепа замѣчалъ, что польская шляхта поголовно склоняется на сторону Станислава Лещинскаго. Враждебная Августу сторона тѣмъ болѣе выигрывала, что козаки, а еще болѣе великорусскіе ратные люди, шедшіе съ козаками подъ командой Неплюева, будучи голодны, такъ много себѣ позволяли, что нещадили и божіихъ храмовъ, хотя за это и постигало ихъ строгое наказаніе.

Подходя къ Замостью, гетманъ повторилъ ординату свое предложеніе и при этомъ даже пригрозилъ, что въ случаѣ упрямства онъ прибѣгнетъ къ военнымъ мѣрамъ. Замойскій опять отказалъ, объясняя, впрочемъ, что для этого нужны были бы особыя письма къ нему отъ короля Августа и отъ царя. Пріѣзжалъ потомъ въ качествѣ коммиссара какой-то Цакваскій, но такъ какъ онъ особаго письма королевскаго не привезъ, то ординатъ и ему отказалъ. Тогда гетманъ расположился обозомъ подъ Замостьемъ. Польскіе гетманы коронный и польный нѣсколько разъ приглашали его къ нимъ на свиданіе, но онъ не поѣхалъ и сообщилъ Головину, что недовѣряетъ имъ *).

Во время мѣсячной стоянки подъ Замостьемъ была попытка новокороннованнаго короля склонить малороссійскаго гетмана къ измѣнѣ русскому царю. Прибылъ какой-то полякъ Вольскій съ тайнымъ предложеніемъ пристать къ Лещинскому и шведскому королю. Гетманъ подвергъ его пыткѣ, показаніе, вынужденное этою пыткою, вмѣстѣ съ отобранною у него инструкціей, отправилъ въ Малороссійскій Приказъ, а самого шляхтича Вольскаго не отправилъ, опасаясь, чтобъ его не отгромили на дорогѣ **).

*) ...кто можетъ такимъ людямъ малодушнымъ здоровье свое поберечи и менше бы о самого мене здоровье, бо у великого государя много такихъ слугъ какъ я. Идетъ мнѣ о войскахъ великороссійскихъ и малороссійскихъ жебы оныхъ з утратою своего здоровья не погубити поневажъ голосы такъ носятся, что будто и до арматы якихъ у себе не мѣютъ до Замостя послали для нейкогось надъ нами промыслу.

**) Изъ письма къ царю отъ 13 окт.: Се уже четвертое отъ короля шведскаго и отъ псевдо-короля польскаго Лещинскаго беззаконно теперь въ Варшавѣ коронованнаго устремлялося на мою душу и на мою непреоборимую подданскую вѣрность искушеніе, которые покушаются мене своими факціями и злоковарными предестьми къ себѣ привлонити, присылали зъ Варшавы в сихъ числахъ в обозъ до мене гетмана нѣякогось шляхтича Вольскаго, якого я велѣвши допросити з пыткою, посылаю распросныя рѣчи его до двору Вашего Царскаго Пресвѣтлаго Величества, изъ которыхъ совершенный будешь Ваше

Мазепа въ донесеніи своемъ увѣрялъ государя въ своей подданнической вѣрности, неколебимой ни предъ какими искушеніями *).

7 ноября Мазепа извѣстилъ Головина, что, наконецъ, ординатъ Замойскій допускаетъ вступить въ крѣпость гарнизону изъ 1.000 великороссійскихъ ратныхъ людей и 200 малороссійскихъ козаковъ, обязываясь въ теченіи мѣсяца содержать гарнизонъ этотъ на свой счетъ, но съ тѣмъ, чтобы всѣ его маетности были изъяты отъ контрибуцій. 12 ноября, сообразно царской

Царское Пресвѣтлое величество извѣстенъ съ чимъ онъ Вольскій и отъ кого до мене посланъ и что ему ко прельщенію моей непреодолимой подданской вѣрности повѣрено втайнѣ мнѣ предложити. А его самого Вольскаго для того не посылаю, что нынѣ тѣмъ путемъ трудный небезбѣдный и несвободный проѣздъ, обавляючися абы его кто с противной стороны нечаянно не отгромилъ.

Въ инструкціи привезенной Вольскимъ было: 1) король весьма извѣстенъ еще отъ дѣда своего, какую склонность къ отчизнѣ своей всегда имѣлъ г. Мазепа, нынѣ же вящіе чинити непотребно доводы яко разумному человѣку сколь многощербныя Р. Поспол. польской суть настоящія помѣшанія, а что вяще короля Августа защищать, то истиннѣйшую прорекаютъ сей Р. П—той правъ и вольностей пагубу. 2) До трактованя съ г. Мазепою дана полная мочь г. Борковскому, но понеже далная дорога къ сему вырозумленію, того ради заблагоразсуждено, дабы приносцу его послать, который бы что подлиннаго могъ уложить и умовленную вещь съ королемъ шведскимъ утвердить прежде нежели войску его противъ козаковъ рушиться. 3) Тотъ же приносецъ сего объявитъ г. Мазепѣ несмертельную славу, которую воспріиметъ изъ вспокойства отчизны своей, всякую вольность, которая ему отъ маестата и Р. П—той дана будетъ, освобожденія изъ подъ владѣнія тиранскаго, впослѣди награжденіе какое самъ себѣ желати будетъ. 4) Въ которомъ основаніи ежели сіе дѣло счастливое пріиметъ поведеніе и ежели приносецъ сего что подлиннаго и истиннаго отъ г. Мазепы съ собою принесетъ, то обязуется король для истинности сего трактату отъ короля шведскаго гваранцію получить и къ нему немедленно отослать, и на то обнадеживаніе короля шводскаго, что когда къ мирнымъ договорамъ съ Москвою придетъ, то въ первомъ пунктѣ заключится содержаніе сего трактату, который нынѣ состоится. 5) Донесетъ (Вольскій), что столько войска въ Украину на президіумъ дадутъ, сколько г. Мазепа потребовати будетъ. 6) Симъ подобіемъ дѣло къ дѣйству привести всѣхъ способнѣйшее видится совершеніе, еже чрезъ публичные бунты гораздо опаснѣйшій, а чрезъ настоящій секретный трактатъ можетъ самъ г. Мазепа подать способы, которые ему для интересу Р. Посп—той короля и себѣ самому полезны быть покажутся. 7) Просить о резолюціи на всякой пунктъ сколь скоро возможно. Данъ въ Варшавѣ 28 сентября 1705 года, при подписаніи и положеніи нашей печати. Станиславъ король. Адамусь Радомскій секретарь комнатный К. К—го В—ства. (Арх. Ин. Дѣлъ № 3.)

*) ...онъ гетманъ во всѣхъ искушеніяхъ аки столпъ непоколебимый и адамантъ несокрушимый и его малую службишку и подданскую вѣрность зломыслящихъ людей коварство и злокозная прелесть не могли умягчити, сокрушити, преклонити и преодолѣти.

волѣ, Мазепа разставилъ половину своего войска въ воеводствѣ Бельзскомъ и въ землѣ Хелмской, въ такомъ опустѣломъ краѣ, гдѣ чувствовался недостатокъ запасовъ для людей и корма для лошадей, а съ остальною половиною двинулся на Волынь [18]).

Прибывши на Волынь, Мазепа заложилъ свою квартиру въ Дубно. Тутъ прибылъ къ нему изъ Гродна полковникъ прилуцкій Горленко, назначенный нанаднымъ гетманомъ надъ отрядомъ, высланнымъ въ Литву. Когда этотъ отрядъ прибылъ въ Гродно, царь приказалъ Горленку послать 1.000 козаковъ къ Ригѣ, отдавши ихъ подъ команду генерала Рона. Горленко съ остальными остался въ Гродно. Еще въ концѣ сентября онъ, Горленко, черезъ курьера письменно сообщалъ своему гетману о бѣдственной судьбѣ козаковъ, посланныхъ къ Ригѣ *), и о всякихъ обидахъ, терпимыхъ козаками въ литовскомъ краѣ отъ великороссійскихъ начальныхъ людей [19]) **). По царскому указу устроены были тамъ временныя почты и на эти почты высланы были прилуцкіе козаки: эти-то козаки особенно терпѣли отъ нахальства русскихъ офицеровъ, ѣздившихъ на почтовыхъ лошадяхъ ***). Случалось, что у козаковъ забирали лошадей и

[18]) О всемъ, касающемся похода Мазепы къ Замостью, смотри Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подлинники.

*) Выбрались они на двѣ недѣли и въ одежу на студень не запаслися и любо подъ Ригою трохи были корму придбали, да и тотъ уже схарчили, а теперь панове полковники драгунскіе съ полками своими становятся по селамъ, а козакамъ не позволяютъ не только по обыкновенію въ селахъ кормитися але и выпросити корму въ село козаковъ не пущаютъ, а еслибы якій пришолъ въ село, то драгуны заразъ выбиваютъ, для чого вездѣ въ полѣ мусятъ голодомъ и холодомъ погибати и многіе зъ нихъ маючи конѣ выпрацованыи уже и близко пѣшими зостаются.

[19]) Государ. Архивъ. Письмо Орлика къ Яворскому, напечатанное въ *Основѣ* 1862 г., листопадъ.

**) ....Сами мы корму з дому привезеного не маемъ и любо по царскому указу дано намъ муки житнои по три шапки или по четыре въ мѣсяцъ на человѣка меншъ дано нежели саддатамъ дается. Тымъ хлѣбнымъ провіантомъ безъ соли, безъ крупъ, безъ сала если возможно прожити? Купити соли, крупъ и сала не маемо за что. Лошади у козаковъ такъ уставичными черезъ шесть мѣсяцевъ працами, посылками и корму ради скудости суть знужени, що нѣчимъ болшъ служити, надто що есть найтруднѣйшая: козаки мало не всѣ суть голѣ и босѣ, кгды свиты, чоботы и шапки, которые зъ домовъ были, подрали, кожуховъ не споминаемъ, бо тое заледво который маетъ не взявши, черезъ шестимѣсячное по рожныхъ мѣстахъ на службѣ монаршои пребываючи и дожчевой сліоты не по однокротъ дознавши погнили, подрали, а иныхъ купити отнюдъ не маемо чимъ.

***) ....Лошадей на почтовой гоньбѣ загнали, трехъ козаковъ прилуцкихъ невѣдомые люди напали и порубали сокирами, на почтѣ козаковъ стоючихъ кто кольвекъ ѣде забиваетъ, и трудно ихъ знати бо не кажуться (ibidem).

уѣзжали на нихъ, а козаки потомъ должны были отыскивать своихъ взятыхъ лошадей и находили ихъ измученными шибкою ѣздой и остающимися безъ корма; случалось и такъ, что офицеръ, взявшій козака съ лошадью, гналъ безъ милости и билъ разомъ и лошадь и козака *). Горленко жаловался, что его самого, наказнаго гетмана, насильно столкнули съ коня и забрали подъ подводы лошадей у него и у прочихъ козацкихъ начальныхъ людей съ нимъ ѣхавшихъ **). 9 ноября Горленко упросилъ Шафирова исходатайствовать ему отпускъ со службы, ссылаясь на болѣзнь въ ногѣ. Оставивъ надъ своими полчанами въ Гродно своего сына Андрея, онъ явился къ гетману въ Дубно вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ кіевскимъ полковникомъ Мокіевскимъ. Тамъ на словахъ они сообщили гетману подробнѣе и точнѣе о всѣхъ оскорбленіяхъ, которыя претерпѣли малороссійскіе козаки отъ великорусскихъ офицеровъ. Горленко прибавилъ, что онъ нарочно притворился больнымъ, потому что боялся, чтобъ его съ козаками не услали въ Пруссію и не стали бы тамъ учить козаковъ регулярному строю. Объ этой посылкѣ козаковъ для обученія регулярному строю писалъ еще прежде гетману Иванъ Чарнышъ, находившійся при гетманскомъ племянникѣ Войнаровскомъ, также въ Гродно. Чарнышъ писалъ, что онъ даже видѣлъ копію съ царскаго указа объ этомъ. Быть-можетъ это было предположеніе Петра тогда состоявшееся и тотчасъ отмѣненное, такъ какъ все царствованіе Петра изобилуетъ распоряженіями, которыя тотчасъ и отмѣнялись.

Изъ другихъ мѣстъ гетманщины Мазепа получалъ жалобы на дурное обращеніе великоруссовъ съ малороссіянами. Черниговскаго полка городенскій сотникъ доносилъ своему полковнику Полуботку, что ѣхавшій съ солдатами изъ Могилева въ Кіевъ Иванъ Павл. Зыковъ допускалъ своихъ солдатъ чинить надъ жителями безчинства и поругапія**)***). Въ Черниговѣ проѣзжалъ изъ Москвы

---

*) ....Взявши съ почты коня и козака съ нимъ гонятъ безъ милости, а когда уныраются, то бьютъ и коня и козака разомъ: за чимъ, говоритъ, у тебе лошадь худа? Въ полѣ встрѣтятъ козака отнимутъ лошадь и самого ограбятъ и побьютъ (ibidem).

**) ....наконецъ и тое приложилъ, будто его, Горленка, наказного гетмана кудась едучаго съ коня сопхнено и насилно съ подъ его и съ подъ прочихъ ему послѣдучихъ началнихъ людей кони въ подводы забраны (ibidem).

**) Арх. Ин. Дѣлъ 1705 г. Подлинники. Донесеніе Полуботка гетману.

***) ....хоромы отмыкали, шубы и платья забирали, гусей и куръ рѣзали, во дворѣ сотниковомъ въ небытности его занявши квартиру, господаря чуть не

съ аптекой нѣкто Роптѣевъ и требовалъ 44 подводы; хотя ему обѣщались ихъ выставить, но онъ, не дождавшись, послалъ своихъ людей ловить лошадей въ полѣ, а наловивши болѣе ста, требовалъ, чтобы хозяева выкупали ихъ отъ него. Мазепа, получая съ разныхъ сторонъ такія вѣсти, до того раздражился, что въ кругу близкихъ къ себѣ старшинъ высказалъ, что другой бы склонился къ предложенію, которое присылалъ къ нему Станиславъ Лещинскій съ Вольскимъ [21]) *).

Находясь въ Дубно, Мазепа ѣздилъ на короткое время въ Бѣлую-Криницу и тамъ былъ воспріемникомъ у князя Вишневецкаго. Мать двухъ Вишневецкихъ, урожденная Ходоровская, Анна, вдова Константина Вишневецкаго, воеводы бельзскаго, по смерти мужа была за другимъ мужемъ, княземъ Дольскимъ, любимцемъ покойнаго короля Яна Собѣскаго, великимъ маршаломъ литовскимъ, умершимъ въ 1695 году. Вдова послѣ двухъ мужьевъ, княгиня Дольская была еще не стара**) и обладала въ высшей степени качествами прелестницы. Мазепа съ нею крестилъ дочь, родившуюся у ея сына. По извѣстію современника близкаго къ Мазепѣ, онъ тогда велъ съ нею денныя и ночныя бесѣды, и въ это-то время брошено было первое искушеніе передаться на шведскую сторону ***).

Н. Костомаровъ.

убили до смерти, еслибъ не спрятался въ колодцѣ, выпустили изъ кухвы горѣлку для смѣха, дьячка изъ церкви съ клироса вывели и такъ отколотили что едва ли будетъ живъ, гонялись за людьми и кололи ихъ щипцами, такъ что бѣдные люди съ семьями хотятъ всѣ бѣжать со дворовъ своихъ, взяли до семидесяти лошадей и многихъ не возвратили, такъ и пропали.

[21]) Письмо Орлика къ Яворскому. Гос. Арх.

*) ....якого-жъ намъ добра впредь надѣятися за наши вѣрныя службы и хтожъ бы былъ такій дуракъ, якъ я, чтобъ подъ сее время не преклонился до противной стороны на такія пропозиціи, якія Станиславъ Лещинскій до мене присылалъ.

**) Сынъ ея Михаилъ гетманъ литовскій родился въ 1680 году.

***) .... въ краткихъ числѣхъ по пріѣздѣ Димитрія Горденка въ Дубно прошенымъ былъ Мазепа въ кумовство и на христины отъ князя Вишневецкаго воеводы (не воеводы, а наштелана) краковскаго до Бѣлои Криницы, котораго дочери будучи тамъ съ маткою его княгинею Дольскою воспріемникомъ якіе имѣлъ съ нею денные и нощные конференціи и если такъ малый вѣтрикъ реляціи Димитрія Горленка и Ивана Черныша поколибалъ сердце его, Мазепы, и до измѣны преклонилъ или княгиня Дольская прелестми своими ему оную выперсвадовала, о томъ самъ единый Богъ вѣсть. Однакъ отъ большей части разсуждаю, что тая прелестница мѣла его обезумить. (Письмо Орлика къ Яворскому. Гос. Арх.)

ПАНЪ ТАДЕУШЪ.

(Поэма Мицкевича.)

Книга IV *).

ДИПЛОМАТІЯ И ОХОТА.

Тадеуша будитъ видѣніе въ папильоткахъ.—Поздно замѣченная ошибка.—Корчма.—Эмиссаръ.—Ловкое примѣненіе табакерки для возвращенія разговора на настоящій путь.—Маточникъ.—Медвѣдь.—Опасное положеніе Тадеуша и графа.—Три выстрѣла.—Споръ сапгушковки и сагаласовки, разрѣшенный въ пользу горешковской одностволки.—Вигосъ.—Разсказъ войскаго о поединкѣ Домейки съ Довейкой, прерванный травлей зайца.—Конецъ разсказа о Довейкѣ и Домейкѣ.

Ровесники литовскихъ воинственныхъ князей,
Деревья Бѣловѣжа и Свитязи моей,
Понаръ и Кушелева! Вы тѣнію дубравы
Когда-то осѣняли увѣнчанныя главы
Миндовы, Витенеза, прославленныхъ мужей!
Тамъ Гедыминъ при блескѣ охотничьихъ огней
Лежалъ и слушалъ пѣсни маститаго Лиздейки
И, убаюканъ шумомъ плескавшейся Вилейки
И синевой Виліи, среди Понарскихъ горъ,
Онъ на медвѣжьей шкурѣ, смежилъ усталый взоръ,
Во снѣ увидѣлъ волка желѣзнаго явленье **),
А пробудясь и помня небесное велѣнье,
Построилъ городъ Вильно, что посреди лѣсовъ
Какъ будто волкъ межъ зубровъ, медвѣдей, кабановъ.
И Вильно породило, какъ римская волчица,

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. IX.

**) Великій князь Гедыминъ, по преданію, на Понарской горѣ разъ увидалъ во снѣ желѣзнаго волка и, по совѣту вайделота Лиздейки, основалъ городъ Вильно.

Ольгерда и Кейстута, чья мощная десница
Прославилась въ охотѣ и въ рыцарскихъ бояхъ,
Враговъ ли настигая или звѣрей въ лѣсахъ.
И тайну вѣковую тотъ сонъ открылъ предъ нами,
Что вѣкъ жила отчизна желѣзомъ и лѣсами.
Мой лѣсъ! бывалъ послѣдній изъ нашихъ королей,
Носившій шлемъ Витольда, подъ сѣнію твоей, —
Изъ древнихъ Ягеллоновъ послѣдній и любимый,
Въ Литвѣ король-охотникъ [1])! О, лѣсъ мой, лѣсъ родимый!
О, если только будетъ угодно небесамъ,
Родимыя деревья, чтобъ я вернулся къ вамъ, —
Найду ли васъ живыми? Вы всѣ ли уцѣлѣли, —
Вы, подъ шатромъ которыхъ лежалъ я въ колыбели?
А живъ ли дубъ старинный съ пустымъ своимъ дупломъ [2]),
Гдѣ дюжина, бывало, садилась за столомъ?
Тѣнистый лѣсъ Мендога! растешь ли ты понынѣ
Близъ храма въ Новогрудкѣ [3])? А въ дальней Украинѣ
Надъ берегами Роси шумитъ ли до сихъ поръ
Густой старинной липы развѣсистый шатёръ
Надъ домомъ Головинскихъ, гдѣ сотня паръ, бывало,
Въ ея тѣни обширной когда-то танцевала?
О, памятники наши! васъ рубитъ безъ конца
Что день топоръ пещадный казны или купца,
Не оставляя пташкамъ пріюта мирныхъ сѣней,
Ни уголка поэту для сладкихъ вдохновеній...
А чернолѣсской липы густой и темный кровъ —
Какъ много сердцу Яна внушилъ онъ дивныхъ сновъ!
Какъ сладко вѣтви дуба таинственную чару
Навѣяли на струны казацкому гусляру [4])!...
Родимыя деревья! какъ много чудныхъ думъ
Мнѣ навѣвалъ, бывало, вашъ незабвенный шумъ,
Когда, стрѣлокъ немѣткій, насмѣшекъ избѣгая,

---

[1]) Сигизмундъ-Августъ, по старинному обычаю возведенный въ литовскіе великіе князья и очень любившій охоту.

[2]) Въ повѣтѣ Росенскомъ, въ имѣніи Паскевича, земскаго писаря (pisarza ziemskiego), росъ дубъ, извѣстный подъ именемъ „Baublis“ и нѣкогда, во времена язычества, чтимый за святыню. Въ дуплѣ этого исполина Паскевичъ устроилъ кабинетъ остатковъ литовской старины.

[3]) Не далеко отъ новогрудскаго костела росли старинныя липы, которыхъ много вырублено около 1812 года.

[4]) Поэма Гощинскаго — „Zamek Kaniowski“.

Вслѣдъ за ушедшимъ звѣремъ и сверстниковъ бросая,
Я забывалъ о травлѣ, одинъ въ лѣсу глухомъ,
И на землю бросался, мечтая, а кругомъ
Мохъ серебрился пышно съ красой своею дикой,
Какъ будто весь въ гранатахъ, осыпанный черникой;
По бархатнымъ пригоркамъ, межъ листьями кустовъ,
Брусника разсыпалась какъ бисеръ корольковъ.
Вкругъ было темно; вѣтви—и густы, и дремучи—
Своей зеленой сѣтью висѣли словно тучи.
Когда-жъ надъ тихимъ кровомъ нависнувшихъ вѣтвей
Шумѣлъ въ вершинахъ вѣтеръ надъ головой моей,—
И стонъ, и шумъ, и грохотъ сливались въ буйномъ спорѣ,
И, мнилось, тамъ висѣло клокочущее море.

Внизу точь-вточь руины: тамъ вывороченъ дубъ,
Торча корнями кверху, какъ бы огромный срубъ;
Тутъ пень, густой травою, какъ тыномъ, обнесенный,
Къ нему припалъ какъ будто поверженной колонной.
Взглянуть въ средину страшно: здѣсь потаенный кровъ
Лѣсныхъ владыкъ—медвѣдей, и вепрей, и волковъ.
А у воротъ бѣлѣютъ обгрызенныя кости:
Тутъ за свою отвагу, знать, поплатились гости.
Порой рога оленьи изъ зелени мелькнутъ,
Какъ будто два фонтана, и тотчасъ пропадутъ;
Звѣрь исчезаетъ быстро, желтѣя въ чащѣ бора,
Какъ лучъ, запавшій въ дебри, что исчезаетъ скоро.

И снова все спокойно; лишь на сучкѣ въ тиши
Постукиваетъ дятелъ и прячется въ глуши;
Но все стучитъ, укрывшись тамъ гдѣ-то, изъ-за дали,
Какъ бы ребенокъ въ пряткахъ, чтобы его искали.
Съ орѣхомъ въ лапкѣ векша, усѣвшись межъ вѣтвей,
Грызетъ его, а хвостикъ надъ головой у ней
Виситъ, какъ будто съ каски перо у кирасира.
Она глядитъ спокойно среди лѣснаго мира;
Но лишь завидитъ гостя, то, совершивъ полетъ,
Танцорка по деревьямъ какъ молнія мелькнетъ,
Пока въ дуплѣ чуть виднымъ нырнетъ, спасенью рада,
Какъ дерева роднаго достигшая дріада.
И снова тишь.

Вдругъ шорохъ межъ листьями вѣтвей;
Раздвинулась ихъ чаща и вотъ глядитъ изъ ней

Лицо еще румяней, чѣмъ красная рябина.
То сборщица орѣховъ, крестьянская дѣвчина,
Плетеная корзинка въ рукахъ ея полна
Брусники алой, свѣжей, какъ и сама она.
Съ ней рядомъ стоя, мальчикъ гнетъ вѣтку надъ собою,
Она же рветъ орѣхи поднявшею рукою.
Но вотъ примчало эхо и лай, и звукъ роговъ.
Услыша приближенье охоты и стрѣлковъ
И зашумѣвъ вѣтвями, они, полны тревоги,
Въ глуши деревъ пропали, какъ бы лѣсные боги.

* * *

Движенье въ Соплицовѣ. Но ни возня псарей,
Ни скрипъ колесъ, ни крики, ни ржанье коней,
Ни звукъ роговъ призывныхъ, что по двору гремѣли,—
Ничто не поднимало Тадеуша съ постели.
Онъ въ платьѣ, не раздѣвшись, спалъ, какъ сурокъ въ норѣ;
Искать его не думалъ никто во всемъ дворѣ;
Всѣ заняты по горло теперь облавой были;
Среди хлопотъ и шума о немъ и позабыли.
Въ оконный ставень ярко ужъ солнца лучъ сіялъ
Сквозь щелку въ видѣ сердца и прямо разсыпалъ
На спящаго сіянье. Сквозь сонъ въ мгновенье это
Невольно уклоняясь отъ брызжущаго свѣта,
Тадеушъ отвернулся, но, отнынѣ пробужденъ,
Теперь вполнѣ очнулся. Съ какимъ довольствомъ онъ
Проснулся, будто птичка, счастливый и довольный,
И вспоминалъ пріятно, съ улыбкою невольной,
Про все, что было мило ему вчерашнимъ днемъ,
Краснѣлъ, вздыхалъ и сердце такъ сладко билось въ немъ...
Взглянулъ и—что за диво!—въ оконной яркой щели,
Въ томъ сердцѣ, чьи-то очи, расширившись, блестѣли
Такъ точно, какъ бываютъ расширены они,
Когда изъ свѣта смотрятъ на что-нибудь въ тѣни.
И маленькую ручку увидѣлъ: защищала
Она глаза отъ свѣта, а солнышко сіяло
Сквозь розовые пальцы, лучами ихъ пробивъ
И имъ придавши алый, рубиновый отливъ.
Онъ увидалъ и губки съ улыбкою лукавой,
И зубки точно жемчугъ съ коралловой справой,

А щечки, хоть ладонью слегка заслонены,
Дышали будто розы всей свѣжестью весны.

Спалъ подъ окномъ Тадеушъ и, самъ прикрытый тѣнью,
Онъ, лежа, удивлялся волшебному видѣнью,
Надъ самымъ изголовьемъ сіявшему въ окнѣ,
Не зная, на яву ли онъ видитъ, или во снѣ,
Одну изъ тѣхъ головокъ, прелестно-милыхъ, нѣжныхъ,
Что видятся младенцамъ въ ихъ грёзахъ безмятежныхъ.
Въ боязни и восторгѣ Тадеушъ трепеталъ;
Головка наклонилась и—мигомъ онъ узналъ
Тѣ кудри золотыя невѣдомой красотки,
Въ которыхъ бѣлымъ снѣгомъ сверкали папильотки
И ярко серебрились при солнечныхъ лучахъ,
Какъ вѣнчикъ лучезарный порой на образахъ.

Онъ всталъ, но, шумъ услыша, исчезло во мгновенье
И больше не являлось волшебное видѣнье.
Лишь снова стукъ раздался и голосъ со двора:
—«Заспались, панъ, вставайте! Къ охотникамъ пора!»
Руками въ оба ставня толкнулъ онъ торопливо
И, распахнувшись настежъ, ихъ половинки живо
Ударились объ стѣны; прыгнулъ въ окошко онъ,
Кругомъ окинувъ взоры, взволнованъ и смущенъ,
Но ни души—все пусто... Неподалеку сада,
Увѣнчанная хмѣлемъ, виднѣлася ограда;
Надъ ней цвѣтовъ гирлянды качалися слегка.
Не вѣтеръ ли ихъ тронулъ, иль чья-нибудь рука?
Идти онъ не рѣшался, но молча, долгимъ взоромъ,
Глядѣлъ, какъ хмѣль нависшій качался надъ заборомъ.
Глаза поднявши, палецъ онъ приложилъ къ губамъ,
Какъ будто бы къ молчанью себя принудилъ самъ,
Боясь его нарушить; чело обвилъ рукою
И будто бы о чемъ-то припоминалъ душою,
Кусалъ до боли палецъ, въ раздумье погруженъ.
—«Какъ хорошо мнѣ, Боже!»—тутъ громко молвилъ онъ.

А на дворѣ, гдѣ шумно лишь за минуту было,
Теперь уединенье могильное царило:
Всѣ были на охотѣ. Свернувъ ладонь рожкомъ
И къ уху приложивши, въ молчаніи нѣмомъ
Прислушался Тадеушъ: по вѣтру изъ-за дали
Собачій лай и крики чуть слышно долетали.

Ему въ конюшнѣ лошадь осѣдлана была;
Онъ взялъ ружье и мигомъ помчался какъ стрѣла
Къ корчмамъ, что у часовни стояли возлѣ бора
И гдѣ ловцы собраться должны ужъ были скоро.
По сторонамъ дороги, одна лицомъ къ другой,
Тамъ двѣ корчмы стояли, какъ будто бы съ враждой.
Владѣнье старой замокъ давно себѣ присвоилъ,
А новую Соплица на зло ему построилъ;
Въ одной, какъ будто дома, Гервасій пировалъ,
Протасъ же первымъ гостемъ въ другой всегда бывалъ.
Была корчма Соплицы обыденной харчевней;
Напротивъ, былъ у старой фасонъ особый, древній,
Что плотниками Тира въ дали былыхъ временъ
Придуманъ и по свѣту жидами разнесенъ.
То стиль архитектуры, исчезнувшій съ вѣками,
Невѣдомый, Литвѣ же оставленный жидами.
Корчма такого рода—точь-вточь орѣхъ двойной;
Она изъ двухъ отдѣловъ подъ кровлею одной:
Изъ дворика съ навѣсомъ и чистаго покоя;
Передній дворикъ смотритъ вполнѣ ковчегомъ Ноя.
Тамъ множество животныхъ: коровъ, коней, воловъ,
И козы съ бородами, и птицы всѣхъ родовъ,
Тьмы гадовъ, насѣкомыхъ. Такой ковчегъ сараемъ
На языкѣ обычномъ мы просто называемъ.
Не то въ покоѣ заднемъ: все какъ-то чудно тамъ;
Напоминаетъ съ виду онъ Соломоновъ храмъ,
Что плотничьяго дѣла отцы во время оно—
Строители Хирама—воздвигли для Сіона.
До насъ въ еврейскихъ школахъ подобный стиль дошелъ.
Корчмы же и сараи по плану этихъ школъ:
Изъ драни иль соломы навѣсъ, истеръ и скошенъ,
Какъ бы колпакъ жидовскій, что снялся и поношенъ;
Крыльцо же въ домъ и сѣни, гдѣ лицевой фасадъ,
Колоннокъ деревянныхъ поддерживаетъ рядъ.
Колонны эти, право, въ архитектурѣ диво:
Онѣ полугнилыя и прочно, хоть и криво,
Стоятъ какъ башни въ Пизѣ; у нихъ, конечно, нѣтъ
Подножій, капителей—красы античныхъ лѣтъ.
Надъ ними полукружье изъ дерева рѣзное—
Готической эпохи наслѣдье вѣковое.

Не плодъ рѣзца, конечно,—безхитростный узоръ:
Его сработалъ живо лишь плотницкій топоръ.
Собой напоминаютъ тѣ линіи кривыя
На шабашѣ еврейскомъ подсвѣчники рѣзные,
Остроконечья—съ пищей, подобно той, что жидъ
Навязываетъ на лобъ, когда мольбы творитъ,
Что по-жидовски—«цицесъ». Вдали корчма такая
Собой напоминаетъ, понурая, кривая,
Фигуру на молитвѣ стоящаго жида.
Растрепанная стрѣха—какъ будто борода,
А кровля—точно шапка; фасадъ же дымный, черный—
Точь-вточь кафтанъ жидовскій, а верхъ его узорный—
Какъ цицесъ.

Два отдѣла въ корчмѣ; въ одномъ изъ нихъ,
Съ еврейской школой сходномъ, рядъ комнатъ небольшихъ
Для дамъ и для проѣзжихъ; въ другомъ—большое зало;
Вокругъ столиковъ высокихъ и длинныхъ тамъ не мало
И столиковъ пониже, подобныхъ тѣмъ столамъ,
Какъ бы отцамъ ребята.

Сидѣло много тамъ
И хлоповъ, и крестьянокъ, и мелкой шляхты мѣстной,
А экономъ—особо. Случился день воскресный,
И къ Янкелю, чтобъ выпить и время провести,
Зашло гостей изъ церкви не мало по пути.
У каждаго стояла тамъ доброй водки чарка;
Съ бутылкою ходила вокругъ столовъ шинкарка.
На Янкелѣ былъ длинный кафтанъ почти до пятъ;
Серебряныхъ застежекъ на немъ свѣтился рядъ.
Одной рукою гладилъ онъ бороду сѣдую,
За шелковый свой поясъ засунувши другую;
Съ достоинствомъ хозяйскимъ вокругъ бросая взоръ,
Привѣтствовалъ входящихъ, вступая въ разговоръ;
Мирилъ гостей сидѣвшихъ, гдѣ распри возникали;
Самъ не служилъ, но только прохаживался въ залѣ.
Старикъ еврей почтеннымъ былъ въ околодкѣ всемъ;
Корчму держалъ онъ долго; никто во вѣкъ о немъ
Не говорилъ худого,—и нечего, конечно,—
Напитками довольны въ корчмѣ бывали вѣчно;
Безъ плутовства, но вѣрно разсчетъ всегда сводилъ,
Не возбранялъ веселья, но буйства не любилъ;

Увеселенья очень любилъ онъ, и не мало
Порой крестинъ и свадебъ въ его корчмѣ бывало,
А въ праздникъ музыкантовъ сзывалъ онъ изъ села:
Въ корчмѣ играли бубны, и скрипка тамъ была.
И самъ онъ одаренъ былъ талантомъ музыкальнымъ,
И прежде съ инструментомъ своимъ національнымъ —
Съ цимбалами—когда-то блуждалъ онъ по дворамъ
И пѣсенникомъ добрымъ прослылъ и здѣсь, и тамъ.
Онъ говорилъ прекрасно, хоть былъ еврей природный,
Предпочиталъ всѣмъ пѣснямъ всегда напѣвъ народный
И привозилъ, за Нѣманъ поѣздку совершивъ,
То польскую мазурку, то галицкій мотивъ.
И говорили даже,—Богъ знаетъ, вѣрно-ль это,—
Что распустилъ онъ первый тогда среди повѣта
Напѣвъ изъ-за границы, невѣдомый для насъ,
Теперь же знаменитый, который въ первый разъ
Отъ польскихъ легіоновъ когда-то услыхала
Отчизна итальянцевъ. Талантъ пѣвца не мало
Всегда въ отчизнѣ нашей сочувствія найдетъ
И на Литвѣ стяжаетъ и деньги, и почетъ.
Разбогатѣвши, Янкель, и взысканный судьбою,
Свои цимбалы бросилъ съ ихъ звонкою игрою,
Заживъ съ дѣтьми осѣдло, хозяйничалъ въ шинкѣ;
Онъ былъ и подравиномъ въ сосѣднемъ городкѣ;
Былъ всюду чтимымъ гостемъ, совѣтникомъ отличнымъ,
Знакомъ былъ съ хлѣбнымъ торгомъ, а также съ заграничнымъ
На корабляхъ,—въ деревнѣ подобнымъ знатокомъ
Всѣ дорожатъ; онъ также сталъ добрымъ полякомъ.
Споръ межъ корчмами, часто кровавый споръ по злобѣ,
Всегда мирилъ онъ первый, взявъ въ управленье обѣ.
Онъ въ равномъ былъ почетѣ у враждовавшихъ лицъ:
Приверженцевъ Горешковъ, сторонниковъ Соплицъ.
Вліянье надъ врагами одинъ имѣлъ онъ часомъ;
Надъ ключникомъ суровымъ съ придирчивымъ Протасомъ.
Тотъ съ грозною рукою, тотъ съ дерзкимъ языкомъ
Вражду смиряли оба всегда предъ старикомъ.
Въ отлучкѣ былъ Гервасій; онъ счелъ себя не въ правѣ
Неопытнаго графа сегодня на облавѣ

Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ оставить на людей
Безъ своего совѣта и помощи своей.
Въ углу корчмы почетномъ, гдѣ межъ двумя скамьями
Всегда сидѣлъ Гервасій, какъ первый межъ гостями,
Сегодня бернардина хозяинъ посадилъ,—
Его, какъ видно, Янкель весьма высоко чтилъ.
Увидя, что у гости стаканъ уже не полонъ,
Къ монаху въ ту-жь минуту поспѣшно подошелъ онъ
И липоваго меду велѣлъ долить въ стаканъ.
Былъ съ Янкелемъ, какъ слышно, давно знакомъ ужь панъ
Въ чужихъ краяхъ когда-то. Въ корчму ночной порою
Ходилъ монахъ и часто бесѣдою живою
Съ жидомъ о чемъ-то важномъ былъ занятъ. Бернардинъ
Велъ торгъ, ходили слухи; но это—вздоръ одинъ.
Со шляхтой разсуждая въ полголоса, въ бесѣдѣ
Монахъ облокотился на столъ; его сосѣди
Спѣшили поживиться ксендзовскимъ табакомъ;
Чихалъ какъ будто пушка шляхетскій носъ потомъ.
— «Ну, отче преподобный,—сказалъ, чихнувъ, Сколуба,—
Табакъ отмѣнный, право, его и нюхать любо!
Мой носъ такого сроду еще не нюхалъ, знать...
(Свой длинный носъ погладивъ, тутъ онъ чихнулъ опять)
И вправду бернардинскій; изъ Ковно, видно, родомъ,
Изъ города, что славенъ и табакомъ, и медомъ.
Я былъ тамъ лѣтъ...»—«Панове,—прервалъ его Робакъ,—
Дай Богъ вамъ на здоровье! Однако мой табакъ
Изъ стороны гораздо дальнѣйшей, чѣмъ по мнѣнью
Почтеннаго Сколубы: по своему рожденью
Табакъ изъ Ченстохова; князья Павлины тамъ
Его приготовляютъ; гдѣ знаменитый храмъ
Иконы, чудесами великими преславной,
Святой и присной Дѣвы, Владычицы державной
Въ отчизнѣ нашей польской... Владычица,—она
Княжною и литовской въ народѣ названа
И польскую корону хранитъ по наше время;
Но, ахъ, въ краю Литовскомъ у насъ раскола сѣмя!...»
— «Изъ Ченстохова?—Вильбикъ промолвилъ.—Въ тѣ края
Назадъ уже лѣтъ тридцать за отпущеньемъ я
Ходилъ на богомолье. А правда-ль, по газетамъ,

Что будто бы французы теперь въ мѣстечкѣ этомъ
И будто бы разграбить хотятъ святой костелъ?
Я въ «Вѣстникѣ Литовскомъ» на дняхъ о томъ прочелъ...»
— «Не правда!—молвилъ квестарь.—Нѣтъ, пане, слухъ невѣрный!
Наполеонъ—католикъ воистину примѣрный.
Вѣдь онъ помазанъ папой и съ нимъ въ ладу живетъ:
Они ведутъ ко благу во Франціи народъ
Отъ прежнихъ заблужденій. А правда, въ Ченстоховѣ
Казны для нуждъ народныхъ не мало наготовѣ—
Для Польши, для отчизны... Такъ самъ Господь велитъ:
Его алтарь отчизнѣ всегда принадлежитъ.
Мы въ княжествѣ Варшавскомъ найдемъ въ защиту Польшѣ
Уже сто тысячъ войска, а скоро будетъ больше.
А кто-жь оплатитъ войско, литвины, какъ не вы?
А вы даете деньги лишь сборщикамъ Москвы!...»
— «Дастъ чортъ!...—воскликнулъ Вильбикъ.—Отъ насъ берутъ ихъ силой...»
— «Панъ!—отозвался хлопецъ съ покорностью унылой
И почесалъ затылокъ, отдавъ поклонъ панамъ.—
Для шляхты лишь полъ-горя, а каково-то намъ!
Вѣдь насъ дерутъ какъ лыко...»—«Хамъ, что твое страданье!—
Тутъ закричалъ Сколуба.—Вѣдь это обдиранье
Привычно вамъ какъ угрю... А каково-то намъ,
Привыкшимъ къ старымъ льготамъ, сіятельнымъ панамъ!
Ахъ, братцы, прежде шляхтичъ былъ дома полноправенъ!...
(«Да,—вскрикнули сосѣди,—былъ воеводѣ равенъ!»)
Теперь же для признанья шляхетства своего
Должны мы на бумагѣ доказывать его...»
— «Ну, вамъ,—сказалъ Юрага,—не столько горя, пане,
Вѣдь ваши предки были не больше какъ мѣщане,
Я-жь—княжескаго рода, и у меня пытать
Патента на шляхетство? Да гдѣ онъ?—Богу знать...
Пускай москаль у дуба въ лѣсу пойдетъ и спроситъ
Патентовъ, но которымъ вершину онъ возноситъ!...»
— «Князь!—молвилъ Жагель,—горе тебѣ не одному:
Быть-можетъ есть и митра тутъ не въ одномъ дому».
—«У васъ въ гербу есть крестикъ,—кричалъ Подгайскій,—это
Есть неофита въ родѣ извѣстная примѣта...»

— «Вздоръ!—тутъ вмѣшался Бирбашъ,—я отъ татаръ-князей,
А все-жъ имѣю крестикъ въ гербѣ у Кораблей...»
— «На желтомъ полѣ митра» родъ князя означаетъ,—
Сказалъ Мицкевичъ;—это Стрыйковскій объясняетъ».
И шумъ, и крикъ, и споры посыпались кругомъ.
Ксендзъ вынулъ табакерку и началъ табакомъ
Всѣхъ угощать скорѣе; вмигъ тишина настала,
И, взявши по щепоткѣ, вся шляхта зачихала.
Тутъ, пользуясь минутой, сказалъ отецъ Робакъ:
— «О, еслибы вы знали, кто нюхалъ мой табакъ!
Самъ генералъ Домбровскій,—повѣритъ ли кто въ мірѣ,—
Изъ табакерки этой щепотки взялъ четыре!»
—«Домбровскій?!»—всѣ вскричали.—«Да, самый генералъ...
Мы въ лагерѣ съ нимъ были; онъ Гданскъ у нѣмцевъ бралъ;
Писать сбираясь что-то, разъ онъ заснуть боялся,
Взялъ табаку щепотку, понюхалъ, расчихался
И, мнѣ плечо похлопавъ, сказалъ: «Отецъ святой,
Ксендзъ бернардинъ, мы скоро увидимся съ тобой
Въ Литвѣ; пускай литвины табакъ изъ Ченстохова
Готовятъ въ ожиданьи,—не нюхаю другаго».
Всю шляхту въ изумленье рѣчь эта привела
И радостью такою все общество зажгла,
Что всѣ на мигъ умолкли, потомъ за словомъ слово
Тихонько повторялось:—«Табакъ? Изъ Ченстохова?
Въ Литву? Домбровскій? Съ юга?» Затѣмъ у всѣхъ вокругъ
Слились въ восторгѣ общемъ слова и мысли вдругъ.
«Домбровскаго!»—всѣ разомъ тутъ крикнули какъ братья,
Другъ друга заключивши восторженно въ объятья:
Татарскій графъ и хлопецъ въ движеніи одномъ,
Грифъ и корабль, а митра съ короной и крестомъ,
Все... И монаха даже тутъ позабыли живо
И лишь кричали громко: эй, водки, меду, пива!
Прислушивался долго къ нимъ квестарь, а потомъ
Тотъ хоръ прервать желая, всѣхъ снова табакомъ
Попотчивалъ, ихъ говоръ вдругъ перебивъ чиханьемъ,
И обратился къ шляхтѣ онъ, пользуясь вниманьемъ:
— «Вамъ нравится табакъ мой? Взгляните же сюда,
Что въ самой табакеркѣ сокрыто, господа!»
Тутъ крышку табакерки, табакъ платкомъ стирая,
Онъ показалъ; была тамъ картинка небольшая:

Какъ рой мушиный войско, а посреди верхомъ,
Какъ жукъ, огромный всадникъ, что, вѣрно, былъ вождемъ;
Коня онъ шпорилъ, будто взлетая надъ землею,
И поднялъ къ носу руку, узду держа другою.
— «Взгляните,—молвилъ квестарь,—какъ грозенъ! Кто же онъ?—
Узнайте!»—Тутъ столпились къ нему со всѣхъ сторонъ.
— «То царь великій, видно; но русскій царь едва ли,—
Цари въ странѣ Россійской вѣкъ табаку не знали».
— «Царь?—тутъ воскликнулъ Цыдзикъ,—а въ сюртукѣ простомъ?
Цари, я думалъ, ходятъ всѣ въ платьи золотомъ;
У москалей же всякій ихъ генералъ, мосьпане,
Такъ золотомъ и свѣтитъ, какъ щука вся въ шафранѣ».
— «Ба!—тутъ замѣтилъ Рымша,—я въ юности видалъ
Косцюшку, что народомъ всѣмъ въ Польшѣ управлялъ:
Героемъ былъ, ходилъ же онъ въ краковскомъ кафтанѣ,
Въ простой чамарнѣ то-есть».—«Въ какой такой, мосьпане?
Вѣдь это тарататка»—замѣтилъ Вильбикъ здѣсь.
— «Но та вѣдь съ бахромою, кафтанъ же гладкій весь!»—
Вскричалъ Мицкевичъ. Говоръ сталъ оживленъ и жарокъ
О формахъ тарататокъ различныхъ и чамарокъ.
Тутъ хитрый Робакъ нити перерванныхъ рѣчей
Опять на табакеркѣ соединилъ своей:
Попотчивалъ,—всѣ стали, желая здравья хоромъ,
Чихать, и обратился онъ снова съ разговоромъ:
— «Какъ только часто нюхать начнетъ Наполеонъ
Въ бою табакъ—примѣта, что побѣждаетъ онъ.
Аустерлицъ примѣромъ: французы такъ стояли
При пушкахъ; москали же тьмой тьмущей наступали.
Глядѣлъ безмолво цезарь; московскіе полки—
Что ни стрѣльнутъ французы—валятся какъ листки...
Одинъ во слѣдъ другому... Не усмотрѣть и глазомъ,
И что ни полкъ, то цезарь нюхнетъ за каждымъ разомъ.
Царь Александръ, за этимъ братъ царскій Константинъ,
Францискъ нѣмецкій цезарь—тутъ всѣ въ моментъ одинъ
Удрали; цезарь, видя ихъ бѣгъ съ такимъ поспѣхомъ,
Взглянулъ на нихъ и съ пальцевъ стряхнулъ табакъ со смѣхомъ.

Когда кому случится увидѣть, господа,
Войска Наполеона,—припомните тогда!»
— «Ахъ,—закричалъ Сколуба,—почтенный ксендзъ, когда же
Мы этого дождемся? Подъ каждый праздникъ даже,
Какой бы ни былъ въ святцахъ, сулятъ француза намъ...
Глаза мы проглядѣли по разнымъ сторонамъ.
А москали на шеѣ... Отъ нихъ какъ встарь нѣтъ мочи...
Покамѣстъ выйдетъ солнце, роса намъ выѣстъ очи...»
— «Мосьпане,—ксендзъ промолвилъ,—лишь бабамъ горевать,
Жидовское же дѣло—сложивши руки ждать,
Чтобъ кто въ корчму заѣхалъ и постучалъ въ ворота.
Вѣдь намъ съ Наполеономъ не велика работа
Сбить москалей... Онъ швабамъ ужь трижды вздулъ бока,
Стопталъ прусаковъ подлыхъ, британцамъ далъ шлепка
И за море ихъ выгналъ,—придется русскимъ худо...
А знаешь ли, мосьпане, что слѣдуетъ отсюда?—
Что шляхта наша сядетъ тогда лишь на коней,
Взявъ сабли, какъ ужь не съ кѣмъ и биться будетъ ей.
Наполеонъ же скажетъ, самъ сладивъ со врагами:
Безъ васъ я обойдуся,—мы не знакомы съ вами...
Да, ждать гостей намъ мало и ихъ просить къ себѣ:
Столы должны мы вынесть, собрать людей въ избѣ,
И передъ пиромъ нужно очистить домъ отъ сора...
Да, дѣти, повторяю: очистить нужно скоро...»
Молчали всѣ, въ толпѣ же раздались наконецъ
Вопросы:—«Какъ очистить? Какъ понимать, отецъ?
Готовы, что ни скажешь, мы сдѣлать все на свѣтѣ,
Лишь объясни точнѣе, отецъ, намъ рѣчи эти...»
Ксендзъ выглянулъ въ окошко, прервавши разговоръ;
Интересуясь чѣмъ-то, въ даль устремилъ онъ взоръ,
Потомъ сказалъ, вставая:—«Мнѣ некогда. Объ этомъ
Поговоримъ мы послѣ подробнѣе; съ разсвѣтомъ,
Панове, ѣду въ городъ я завтра по дѣламъ
И, сборъ церковный кончивъ, заѣду, вѣрно, къ вамъ».
— «Оттуда въ Нехрымово заночевать пожалуй,—
Тутъ экономъ замѣтилъ,—тамъ радостью не малой
Хоружнаго почтишь ты. У насъ твердили вѣкъ:
Какъ нехрымовскій квестарь, счастливый человѣкъ...»

— «И намъ,—сказалъ Зубковскій,—не сдѣлаешь ли чести?
Кусокъ холста найдешь тамъ, кадушку масла вмѣстѣ,
Барана иль корову. Ксендзъ, не забудь во вѣкъ,
Что квестарь и въ Зубковѣ счастливый человѣкъ!»
— «И къ намъ!»—сказалъ Сколуба.—«Къ намъ!—молвилъ Тераевичъ,—
Ксендзъ никогда голодный не покидалъ Пуцевичъ».
Такъ шляхта осыпала ксендза со всѣхъ сторонъ
И просьбами, и лаской; но былъ за дверью онъ.
Въ окошко онъ увидѣлъ Тадеуша; стрѣлою
Тотъ по дорогѣ мчался съ поникшей головою,
Безъ шляпы, съ поблѣднѣвшимъ и пасмурнымъ лицомъ
И, сильно шпоря лошадь, стегалъ ее хлыстомъ.
Ксендзъ, увидавши это, смутился почему-то
И быстрыми шагами пошелъ онъ въ ту-жь минуту
Туда, гдѣ въ отдаленьи чернѣлъ дремучій боръ
На цѣломъ горизонтѣ, насколько хватитъ взоръ.

* *
*

Кто въ нѣдра пущъ литовскихъ невѣдомыхъ проникъ?
Кому знакомъ дремучій, глубокій ихъ тайникъ?
Рыбакъ лишь у прибрежья дно измѣряетъ въ морѣ,
Стрѣлокъ лишь по опушкѣ блуждаетъ въ темномъ борѣ;
Едва знакомы дебри поверхностно ему,
Но пущи онъ не знаетъ таинственную тьму.
Извѣстна лишь по сказкамъ намъ эта глушь лѣсная;
Тамъ не была отъ вѣка еще нога людская;
Тѣхъ мѣстъ, какъ бы заклятыхъ, ничей не видѣлъ взоръ.
Когда ты углубишься въ дремучій самый боръ,
Тамъ встрѣтишь валъ огромный изъ старыхъ пней съ корнями,
Трясиной окруженный съ несмѣтными ручьями;
Подъ сѣтью травъ заросшихъ тамъ гнѣзда осъ, шершней;
Что шагъ—то муравейникъ да логовище змѣй.
Когда-бъ смѣльчакъ безумный прошелъ и тѣ преграды,
Тамъ гибели страшнѣйшей ждутъ новыя засады:
Тамъ, словно волчьи ямы, что ступишь, подъ ногой,
Прудки, на половину заросшіе травой;
Ихъ глубины бездонной никто еще не знаетъ;
По общему повѣрью, въ нихъ дьяволъ обитаетъ;
Въ кроваво-ржавыхъ пятнахъ ихъ слизлая вода;

Сирадъ ядовитый, тяжкій дымится отъ пруда.
Вкругъ безъ коры и листьевъ деревья, какъ больныя,
Червивы, низкорослы, плѣшивыя, кривыя;
Мохъ колтуномъ разросся на виснущихъ вѣтвяхъ,
Слои грибовъ поганыхъ на ихъ горбатыхъ пняхъ
И, надъ прудомъ склоняясь, семья деревъ толпится,
Какъ сходбище колдуній къ котлу, гдѣ трупъ варится.
За озерки же эти не только что ногой
Проникнуть невозможно, но даже взоръ людской
Блуждалъ бы тамъ напрасно: какъ облакомъ тѣнистымъ,
Тамъ дальше все закрыто паровъ туманомъ мглистымъ,
Что вѣчно надъ трясиной выходитъ изъ болотъ;
Въ концѣ-жъ, за этой мглою (въ народѣ слухъ идетъ)
Есть край богатый, пышный среди дремучихъ сѣней—
Столица королевства животныхъ и растеній;
Всѣхъ травъ и всѣхъ деревьевъ въ ней скрыты сѣмена;
Оттуда въ цѣломъ свѣтѣ идутъ ихъ племена.
Какъ въ Ноевомъ ковчегѣ, звѣрей любаго рода,
По крайней мѣрѣ, пара тамъ скрыта для приплода;
А въ самыхъ нѣдрахъ пущи, держа придворный штатъ,
Медвѣди, туры, зубры владыками царятъ;
А рысь и россомаха, прожорливы и быстры,
Вкругъ нихъ въ вѣтвяхъ гнѣздятся, какъ чуткіе министры;
А дальше, какъ вассалы подвѣдомственныхъ странъ,
Живетъ шляхетство волчье, олени и кабанъ;
Вверху орелъ и соколъ, гнѣздясь надъ головами,
Живутъ, какъ бы клевреты, господскими крохами.
Патріархально пары тѣхъ царственныхъ звѣрей
Живутъ въ дремучей чащѣ незримо для людей,
Родятся, умираютъ въ пріютѣ безопасномъ,
Никто изъ нихъ не сгибнулъ съ людьми въ бою напраспомъ;
На выселки далеко дѣтей по лѣсу шлютъ,
Не покидая сами спокойный свой пріютъ,
Ни пуль, ни бранной стали въ своей глуши не знаютъ,
Но смертью натуральной подъ старость умираютъ;
Имѣютъ и кладбище, и тамъ, бросая свѣтъ,
Слагаетъ перья птица, а звѣрь кладетъ скелетъ;
Медвѣдь, зубовъ лишившись, когда жевать не въ силахъ,
Олень, утративъ гибкость въ ногахъ, подъ старость хилыхъ,
Съ застывшей кровью заяцъ, полуживой отъ лѣтъ,

Ослѣпшій старый соколъ и воронъ, что ужь сѣдъ,
Орелъ съ скривленнымъ клювомъ, когда уже для пищи
Навѣки онъ затворенъ, уходитъ на кладбище.
А даже звѣрь и меньше, пораненный, больной,
Сложить при смерти кости спѣшитъ въ свой край родной.
Вотъ потому въ доступныхъ мѣстахъ для человѣка
Нигдѣ костей звѣриныхъ не водится отъ вѣка.
Въ столицѣ ихъ, по слухамъ, хорошій, добрый строй:
Народъ звѣриный правитъ у нихъ вѣдь самъ собой.
Людской прогрессъ покамѣстъ не могъ растлить ихъ нрава,
Нѣтъ корня бѣдъ въ ихъ царствѣ—нѣтъ собственности права;
Имъ чужды поединки, стратегія въ бою,
Живутъ понынѣ внуки, какъ праотцы въ раю,
И только звѣрь, попавшій въ сообщество людское,
Порою получаетъ понятіе о боѣ.
Но миромъ и согласьемъ исполненъ ихъ пріютъ:
Тамъ звѣри не кусаютъ другъ друга и не бьютъ,
И окажись случайно кто изъ людей въ ихъ сферѣ,
Хоть даже безоружный,—не тронули бы звѣри,
И вѣрно съ изумленьемъ глядѣли бы они
На чуждаго пришельца, какъ въ памятные дни,
Какъ ихъ отцы въ эдемѣ въ послѣдній день творенья
Глядѣли на Адама, съ нимъ въ мирѣ до паденья.
Но человѣкъ, по счастью, туда не попадетъ:
Въ то царство смерть и ужасъ обороняютъ входъ.
Лишь иногда случится, забѣглая борзая,
Въ тѣ дальнія болота и дебри попадая
И страшную картину лѣсную увидавъ,
Въ безумномъ страхѣ, съ визгомъ, назадъ бѣжитъ стремглавъ,
И долго подъ хозяйской ласкающей рукою
Дрожитъ, въ ногахъ валяясь съ тревогою шальною.
Для ловчихъ недоступна глушь тайниковъ такихъ
И «Маточникъ» зовется на языкѣ у нихъ.

* *
*

Глупецъ медвѣдь, сидѣлъ бы ты въ маточникѣ вѣчно!
Тамъ про тебя и войскій не свѣдалъ бы, конечно.
Но или запахъ улья прельстилъ тебя въ лѣсу,
Иль аппетитъ почуявъ къ дозрѣвшему овсу,

Ты вышелъ на опушку, гдѣ лѣсъ довольно свѣтелъ,
И гдѣ твой слѣдъ лѣсничій сейчасъ же и замѣтилъ,
Затѣмъ шпіоновъ хитрыхъ, загонщиковъ послалъ,
Чтобъ твой ночлегъ провѣдать, замѣтить твой привалъ;
Теперь съ облавой войскій тебѣ назадъ въ берлогу,
Вездѣ разставивъ стражей, загородилъ дорогу.

Пріѣхавши, Тадеушъ узналъ, что съ давнихъ поръ
Борзыя разбѣжались уже далеко въ боръ.
Все тихо; напряженно всѣ преданы вниманью
И словно важной рѣчи пустынному молчанью
Всѣ внемлютъ; ждутъ напрасно, недвижимо въ тиши,
Лишь музыка лѣсная разносится въ глуши.
Какъ водолазы въ морѣ, псы рыщутъ въ темномъ лѣсѣ;
Охотники, двустволки держа на перевѣсѣ,
На войскаго взираютъ; а тотъ, припавъ къ землѣ,
Къ ней ухомъ приложился; такъ часто на челѣ
У лѣкаря читаетъ толпа друзей рѣшенье:
Возьметъ ли смерть больного, иль ждетъ выздоровленье.
Такъ войскій и надежду и страхъ внушалъ имъ всѣмъ.
—«Есть, есть!»—онъ тихо молвилъ и всталъ съ земли затѣмъ.
Имъ не слыхать покамѣстъ. Чу!... песъ пролаялъ. Скоро
Другой, за ними двадцать... И вся собачья свора
Попавъ на слѣдъ, пустилась разсѣянной толпой,
Визжа и громко лая. Ужь это не простой,
Обычный бѣгъ въ погонѣ за зайцемъ или ланью:
Сейчасъ же это слышно по ярому визжанью.
Лай частый и короткій и отгадать легко,
Что звѣрь уже навѣрно теперь не далеко
И что медвѣдя гонятъ. Псы смолкли на мгновенье;
Догнали; снова лаютъ. Звѣрь въ бѣшеномъ смятеньи
Борзыхъ калѣчитъ вѣрно: сквозь громкій лай порой
Доносится все чаще собакъ предсмертный вой.

Тутъ, каждый наготовѣ съ двустволкою своею,
Впередъ согнулся лукомъ, протягивая шею.
Ждать болѣе не въ силахъ, ловцы съ постовъ своихъ
Спѣшатъ навстрѣчу звѣрю, хотя ужь войскій ихъ,
Дозоромъ объѣзжая, предупреждалъ при этомъ,
Что кто, оставивъ мѣсто, пренебрежетъ совѣтомъ,
Того, холопъ онъ будетъ иль панычъ, наравнѣ
Онъ смычкою своею отдуетъ по спинѣ.

Но тщетно: убѣжали всѣ, вопреки приказу,
И три ружья по лѣсу тутъ загремѣли сразу.
Открылась канонада, вдругъ, по дубравѣ всей;
Медвѣжій рѣвъ раздался всѣхъ выстрѣловъ звучнѣй,—
Отчаянья, и боли, и злобы рѣвъ безумный;
За нимъ же звуки рога, и крикъ погони шумной,
И лай собакъ; ловцы же иные въ боръ спѣшатъ,
Курки другіе взводятъ, и каждый очень радъ.
Одинъ лишь войскій грустно твердитъ, что плохо дѣло.
Охотниковъ толпа же вся вмѣстѣ полетѣла,
Чтобы прервать медвѣдю дорогу въ глушь лѣсовъ.
Звѣрь, устрашенный крикомъ охотниковъ и псовъ,
Назадъ пустился къ мѣсту, гдѣ ловчихъ было мало,
Въ ту сторону, откуда толпа ихъ убѣжала
И гдѣ остались только немногіе изъ нихъ:
Тадеушъ, графъ и войскій, да нѣсколько другихъ.
Тутъ лѣсъ былъ рѣже; сучья въ лѣсной глуши трещали;
Какъ громъ изъ тучъ, оттуда медвѣдь пустился; рвали
Его, гоня, борзыя; на заднихъ лапахъ онъ
Попятился и, съ рѣвомъ, врагами окруженъ,
Переднихъ лапъ когтями рвалъ изъ земли коренья,
Пни смоляные, мохомъ обросшіе каменья.
Ихъ во враговъ швыряя и сукъ сломавъ большой,
Онъ имъ, какъ бы дубиной, махалъ передъ собой.
Тутъ на стоявшихъ ловчихъ онъ ринулся съ размаха;
То былъ Тадеушъ съ графомъ; тѣ, въ двухъ шагахъ, безъ страха,
Стояли, дуло ружей направивъ въ пасть ему,
Какъ два громоотвода въ грозовой тучи тьму.
Стрѣлки, націливъ дружно, врага свалить хотѣли.
(Неопытные!) Разомъ ихъ ружья загремѣли
И промахнулись. Быстро на нихъ метнулся звѣрь.
Они вдвоемъ схватили рогатину теперь,
Къ себѣ таща поспѣшно. Глядятъ, а въ пасти красной
Зубовъ двумя рядами сверкаетъ зѣвъ ужасный,
А когти страшной лапы грозятъ уже въ упоръ.
Блѣднѣя, отскочили, и гдѣ рѣдѣетъ боръ,
Туда бѣжали; звѣрь же за ними, во мгновенье,
Ударилъ... Промахнулся... Привсталъ... Еще движенье—

И съ графа черной лапой сорвалъ онъ полъ-волосъ...
Съ мозговъ и черепъ даже, какъ шляпу, онъ бы снесъ,
Но регентъ и ассессоръ тутъ выскочили съ боку,
А спереди Гервасій ужъ былъ неподалеку;
За нимъ явился квестарь, хотя и не съ ружьемъ,
И, словно по командѣ, стрѣльнули всѣ втроемъ.
Медвѣдь, какъ будто кошка, прыгнувъ передъ борзыми,
Упалъ объ землю мордой и лапами своими
Перевернулся кверху и тѣла своего
Крававой тушей къ графу упалъ и, сбивъ его,
Рычалъ и встать пытался, но тою же минутой
Въ него со злостнымъ «стряпчимъ» впился «исправникъ» лютый.

Изъ-за пояса войскій взялъ рогъ воловій свой —
И длинный, и крапленый, какъ змѣй боа витой;
Его прижалъ онъ ко рту обѣими руками,
Какъ бочки вздувши щеки, съ кровавыми глазами,
Полузакрывши вѣки, въ себя втянулъ животъ
И всею силой легкихъ въ рогъ заигралъ. И вотъ,
Зарокотавъ какъ буря, раздался звукъ могучій
И отозвался эхомъ вокругъ въ глуши дремучей.
Охотники притихли, отдавшись всей душой
Волшебной мощи звуковъ съ ихъ дивной чистотой.
Старикъ свое искусство, забытое съ годами,
Во всей красѣ и блескѣ явилъ передъ ловцами.
Онъ оживилъ, наполнивъ нѣмую глушь лѣсовъ,
Спустилъ какъ будто псарню и началъ новый ловъ.
Исторія охоты въ игрѣ его звучала:
Сперва какъ будто рѣзкій и громкій звукъ сигнала,
Потомъ визжанье псарни и лай со всѣхъ сторонъ,
Порой же, словно выстрѣлъ, срывался твердый тонъ.

Онъ смолкъ на мигъ, но рога не отнялъ, и казалось,
Что онъ еще играетъ: то эхо отдавалось.

Вновь заигралъ, и мнилось, что рогъ мѣнялъ свой видъ
Въ его устахъ: то грубо, то нѣжно зазвучитъ,
Звѣрей изображая: сначала въ волчью шею
Онъ вытянулся съ трелью протяжною своею,
Потомъ медвѣжьей пасти послышался въ немъ ревъ,
Затѣмъ мычанье зубра, по вѣтру долетѣвъ.

Онъ смолкъ на мигъ, но рога не отнялъ, и казалось,
Что онъ еще играетъ: то эхо отдавалось;

И, выслушавши рога ту мастерскую трель,
Ее передавали дубъ дубу, ели ель.
Вновь заигралъ, и сотня роговъ, казалось, въ рогѣ,
И лай, и крикъ звѣриный, шумъ травли и тревоги.
Тутъ рогъ приподнялъ войскій и, грянувъ въ небеса,
Торжественнаго гимна раздались голоса.
Онъ смолкъ на мигъ, но рога не отнялъ, и казалось,
Что онъ еще играетъ: то эхо отдавалось.
Роговъ какъ будто бездну таилъ дремучій боръ,
И разносилъ ихъ звуки деревъ несмѣтный хоръ.
Все шире и все дальше игра струилась эта,
Все чище, тише, тоньше, пока далеко, гдѣ-то
Въ преддверіи небесномъ послѣдній звукъ затихъ.
Панъ войскій отнялъ руки и, выпавши изъ нихъ,
Повисшій рогъ качался на кушакѣ ремённомъ.
Съ лицомъ багровымъ войскій и словно вдохновлённымъ,
Въ безволвьи, неподвижно, поднявши къ небу взоръ,
Ловилъ послѣднихъ звуковъ вдали смолкавшій хоръ.
Межъ тѣмъ вокругъ раздались и громъ руконлесканій,
И крики поздравленій и громкихъ восклицаній.
Все стихло постепенно, и взоры всѣхъ теперь
Огромный трупъ медвѣдя привлекъ. Убитый звѣрь
Ничкомъ въ травѣ высокой лежалъ окрававленный,
Къ землѣ припавши грудью, весь пулями пронзенный,
Передніе же лапы онъ распростеръ крестомъ;
Еще дышалъ; на землю струилась кровь ручьемъ.
Приподнимая вѣки, лежалъ онъ безъ движенья;
Псы впились въ уши звѣрю, полны остервененья:
Повисъ налѣво «стряпчій», направо же терзалъ
«Исправникъ» и изъ шеи кровь черную сосалъ.
Рогатиной желѣзной псамъ челюсти раздвинуть
Распорядился войскій и навзничъ опрокинуть
Прикладами медвѣдя, и вслѣдъ за тѣмъ кругомъ
Вновь троекратный виватъ раздался будто громъ.
— «А что?—вскричалъ ассессоръ, ружья погладивъ дуло,—
«А что моя двустволка? Небойсь, не обманула!
А что? моя? Хоть птичка не велика собой,
А какъ хватила славно!... Ей это не въ первой:
Ужь не стрѣльнетъ на воздухъ, всегда добьется толку!...

Вѣдь это князь Сангушко мнѣ подарилъ двустволку».
Онъ ружьецо работы отмѣнной показалъ
И всѣ его при этомъ достоинства считалъ.
Но тутъ вмѣшался регентъ, потъ на лицѣ стирая:
— «Бѣжалъ я за медвѣдемъ, вдругъ войскій, обгоняя,
Кричитъ мнѣ: «стой на мѣстѣ!»—Да гдѣ-жь стоять? Медвѣдь
Какъ заяцъ мчится въ поле... Нѣтъ, вижу, не поспѣть...
Все дальше... Потерялъ я надежду напослѣдокъ.
Смотрю направо—валитъ, а лѣсъ тутъ вовсе рѣдокъ.
Тутъ я ружье прицѣлилъ: ну, Мишенька, постой!
Подумалъ я, и баста!... Вотъ онъ и... не живой!
На славу бьетъ двустволка,—вполнѣ сагаласовка,
Съ клеймомъ: *Сагаласъ*, *Лондонъ*, внизу *Балабоновка*».
(Извѣстный польскій слесарь тамъ жилъ, и ружья онъ
Фабриковалъ для Польши на англійскій фасонъ.)
— «Какъ!—заоралъ ассессоръ.—Какъ? Тысяча чертей!
Панъ застрѣлилъ медвѣдя? Онъ не въ умѣ, ей-ей!»
— «Да, я!—тутъ вскрикнулъ регентъ,—и спорить панъ не въ правѣ:
Тутъ всякій мнѣ свидѣтель,—то было при облавѣ!...»
Споръ сдѣлался всеобщимъ, большой размѣръ принявъ;
Кто думалъ, что ассессоръ, а кто, что регентъ правъ.
Гервасія забыли: всѣ съ боку прибѣжали;
Что было впереди же, зналъ кто-нибудь едва ли.
Тутъ войскій подалъ голосъ:—«Ну, вотъ, паны, теперь
Ужь есть о чемъ поспорить,—не маловажный звѣрь!
Медвѣдь—не жалкій заяцъ. Не стыдно въ спорѣ этомъ
Искать рѣшенья шпагой и даже пистолетомъ...
Вашъ споръ уладить трудно. Итакъ, по старинѣ,
На поединокъ выйти вамъ надобно, по-мнѣ.
Я помню двухъ сосѣдей въ мои года былые,
Порядочные люди, дворяне коренные,
А жили близъ Вилейки, раздѣлены рѣкой;
Одинъ звался Домейкой, Довейкою—другой.
Медвѣдицу однажды они убили оба,
Кто-жь именно—Богъ знаетъ; возникли споръ и злоба;
И чисто по-шляхетски потомъ рѣшили споръ:
Черезъ медвѣжью шкуру стрѣлялися въ упоръ.
Всѣ много говорили о поединкѣ этомъ,
И даже пѣснопѣній онъ послужилъ предметомъ..

А я былъ секундантомъ. Какъ было все, сейчасъ
Я съ самаго начала вамъ поведу разсказъ».
Но тутъ конецъ Гервасій вдругъ положилъ всѣмъ спорамъ.
Осматривалъ медвѣдя внимательнымъ онъ взоромъ;
Затѣмъ, доставши ножикъ, онъ звѣрю черепъ снялъ,
Разрѣзалъ мозгъ медвѣжій и изъ него досталъ
Засѣвшую въ немъ пулю, обтеръ ее полою
И, приложивши къ дулу, ее передъ толпою
Онъ поднялъ на ладони, промолвивши:—«Друзья,
Смотрите, эта пуля—не ваша, а моя,
Изъ этой одностволки, горешковской... (При этомъ
Ружье плохое стало вниманія предметомъ
Съ обмотаннымъ простою веревкою стволомъ.)
Не я стрѣлялъ однако... О, въ случаѣ такомъ
Нужна отвага... Руки и ноги задрожали...
Ко мнѣ же,—вспомнить страшно,—два паныча бѣжали,
За ними звѣрь, хватая послѣднее дитя
Горешковскаго рода (по матери хотя)...
О, Господи!—я вскрикнулъ... Услышалъ Вседержитель,
И бернардинъ на помощь явился какъ спаситель...
Всѣхъ нынче пристыдилъ онъ... О, бравый онъ монахъ!
Курка не смѣлъ я тронуть, дрожа и впопыхахъ.
Изъ рухъ моихъ онъ вырвалъ ружье; нацѣлясь живо,
Стрѣльнулъ онъ по медвѣдю... О, это просто диво!
Межъ двухъ головъ намѣтясь, за сто шаговъ попасть,
У звѣря выбивъ зубы, какъ разъ въ медвѣжью пасть!
Панове! одного лишь въ теченье долгой жизни
Стрѣлка я зналъ такого, извѣстнаго въ отчизнѣ
По столькимъ поединкамъ; у дамскихъ башмачковъ
Отстрѣливалъ каблукъ онъ... А плутъ изъ всѣхъ плутовъ!
Въ ту памятную пору извѣстенъ онъ былъ краю...
Усачъ... Извѣстный Яцекъ... Фамиліи не знаю.
Но ужь ему не время ходить на медвѣдей:
Въ аду бездѣльникъ вѣрно погрязнулъ до ушей.
Ксендзу и честь и слава! Онъ спасъ двоихъ отъ смерти,
И даже трехъ. Гервасій не хвастаетъ, повѣрьте.
Но если только въ зубы медвѣжьи бы попалъ
Послѣдній изъ Горешковъ, и я бы жить не сталъ,—
И старческія кости медвѣдь изгрызъ бы вмѣстѣ...
Пойдемте-жь, отче, выпьемъ за здравье вашей чести!»

Ксендза искали тщетно. Всѣ видѣли, что онъ,
Лишь только мѣткой пулей медвѣдь былъ поражонъ,
Къ Тадеушу и графу спѣшилъ среди дубровы;
Увидя же, что оба и цѣлы, и здоровы,
Возвелъ онъ къ небу очи, съ молитвой на устахъ,
И, словно отъ погони, сокрылся второпяхъ.
Межъ тѣмъ охабки сучьевъ, по войскаго приказу,
И пни въ костеръ сложили. Огонь блеснулъ, и сразу
Дымъ какъ сосна разросся сѣрѣющимъ столбомъ
И балдахиномъ сверху раскинулся кругомъ.
Со скрещенныхъ рогатинъ, подъ острыми концами,
Тамъ котелки повисли пузатыми бонами.
Муку, жаркое, зелень съ возовъ уже несутъ
И хлѣбъ. Судья же отперъ ларецъ дорожный; тутъ
Бѣлѣетъ рядъ бутылокъ головками своими.
Большой кувшинъ хрустальный онъ выбралъ между ними.
(То Робака подарокъ) Онъ гданской водкой былъ
Наполненъ,—тѣмъ напиткомъ, что для поляковъ милъ.
Кувшинъ поднявши кверху, судья промолвилъ слово:
—«Въ честь Гданска! Онъ былъ нашимъ и—нашимъ будетъ снова!»
Серебряную влагу лилъ въ чары онъ кругомъ.
И золото, сверкая, заканало потомъ *).

Въ котлахъ кипѣлъ ужь бигосъ. Сказать словами трудно,
Какъ дивно вкусенъ бигосъ и какъ онъ пахнетъ чудно.
Лишь рифмы звонъ услышишь, да словъ наборъ пустой,
Но не пойметъ ихъ сути желудокъ городской:
Чтобъ кушанья и пѣсни въ Литвѣ цѣнить какъ надо,—
Нужны облава, бодрость и сельская отрада.

Но бигосъ превосходенъ и въ сущности своей;
Онъ стряпается вкусно изъ добрыхъ овощей:
Изъ рубленой капусты заквашеной варится,
Что въ ротъ сама собою идетъ, какъ говорится.
Изысканнаго мяса отборные куски
Она содержитъ, скрывши во влажные листки;
Кипитъ она, покуда не выпуститъ всѣ соки,
Пока начинка пуститъ паровъ своихъ потоки,
А вкругъ распространится пріятный ароматъ.

---

*) Въ бутылкахъ гданской водки на днѣ бываютъ листки золота.

Готово. Троекратно стрѣлки кричатъ виватъ;
Вооружившись ложкой, берутъ начинку съ бою.
Звонъ мѣди, дымъ, и бигосъ ужъ таетъ камфорою
И вотъ исчезъ; лишь пасти котловъ дымятъ кругомъ,
Какъ будто бы волканы съ угаснувшимъ жерломъ.
Когда уже довольно напились и поѣли,
Сложили звѣря на возъ и всѣ верхами сѣли.
Межъ ними завязался веселый разговоръ,
Лишь регентъ и ассесоръ вступили въ новый споръ:
Одинъ—о превосходствѣ двустволки санґушковской,
Другой—сагаласовки своей балабановской.
Былъ сумраченъ Тадеушъ, а вмѣстѣ съ нимъ и графъ:
Они стыдились оба, въ охотѣ оплошавъ.
Кто на Литвѣ добычу упуститъ изъ облавы,
Тому труда не мало къ возстановленью славы.
Графъ говорилъ, что первый рогатину взялъ онъ,
Но былъ ему помѣхой въ то время компаньонъ.
Тадеушъ утверждалъ же, что такъ какъ онъ сильнѣе
И ловче той тяжелой рогатиной владѣя,
Хотѣлъ спасти онъ графа. Такъ межъ собой они
Средь шума толковали и общей болтовни.
Въ срединѣ ѣхалъ войскій. Старикъ достопочтенный
Былъ говорливъ и полонъ веселости отмѣнной.
Противниковъ желалъ онъ развлечь и помирить
И продолжалъ разсказа перерванную нить.
—«Касательно вотъ этихъ Домейки и Довейки,—
Они въ сосѣдствѣ жили на берегахъ Вилейки;
Ко мнѣ ходили въ гости нерѣдко той порой,
Хоть мой фольваркъ далеко былъ надъ рѣкой Ушой.
Панъ регентъ, панъ ассесоръ! хоть я желалъ дуэли,
Не думайте однако, чтобъ я и въ самомъ дѣлѣ
Кровопролитья жаждалъ... Спаси Господь! Я васъ
Комедійкой потѣшить хотѣлъ на этотъ разъ,
Состроить вновь ту штуку, что сдѣлалъ я когда-то,
Назадъ тому лѣтъ сорокъ, да какъ замысловато!
Ее не помнитъ юность; во время же мое
До самаго Полѣсья всѣ знали про нее.
«И странно: для сосѣдей зерномъ вражды служили
Фамиліи, что слишкомъ уже похожи были,—
До крайности. На сеймѣ для партіи своей

Сторонники Довейки, ища себѣ друзей,
Разъ шляхтичу шепнули: «дай голосъ за Довейку!»
А этотъ не разслышалъ и подалъ за Домейку.
Разъ маршалокъ Рупейко обѣденной порой
Домейкѣ виватъ крикнулъ, другіе же толпой
Довейкѣ закричали, а посреди сосѣди
Смѣшали ихъ и вовсе при шумѣ на обѣдѣ.
«Былъ хуже случай въ Вильнѣ: тамъ шляхтичъ подъ хмѣлькомъ
Съ Домейкой бился, раненъ былъ саблей, а потомъ,
Изъ Вильны возвращаясь въ обратный путь до дома,
Съ Довейкою случайно сошелся у парома.
Поплывъ съ нимъ по Вилейкѣ, сосѣда онъ спросилъ:
Кто онъ такой?—«Довейко»—сосѣдъ проговорилъ.
Тутъ шляхтичъ хвать рапиру безъ словъ, и у Довейки—
Разъ, два—и усъ обрубленъ соперникомъ Домейки.
Всему же въ довершенье случилось такъ потомъ,
Какъ будто бы нарочно, что, вновь сойдясь вдвоемъ,
На полеванье тезки вблизи другъ друга стали
И, высмотрѣвши разомъ, въ медвѣдицу попали.
Она сейчасъ же, правда, повалена была,
Но пуль съ десятокъ въ брюхѣ ужь передъ тѣмъ несла;
Заразъ у многихъ ружья одинъ размѣръ имѣли.
Кѣмъ звѣрь убитъ, возможно-ль увѣриться на дѣлѣ?
«Тутъ молвили: «Довольно! Ждать нечего добра!
Связалъ насъ Богъ ли, чортъ ли, а развязать пора!
Мы въ свѣтѣ какъ два солнца,—ужь это черезъ мѣру!...»
Итакъ, берутъ рапиры, становятся къ барьеру.
Склоняемъ тщетно къ миру мы доблестныхъ людей,—
Напротивъ, у обоихъ запальчивость сильнѣй;
Оружіе мѣняютъ, прибѣгли къ пистолетамъ.
Кричимъ, что слишкомъ близко становятся при этомъ;
Они-жь, на зло, чтобъ смертью вѣрнѣй рѣшился споръ,
Черезъ медвѣжью шкуру стрѣлять хотятъ въ упоръ.
«Будь секундантъ, Гречеха!»—Стрѣляли-жь превосходно.
«Готовъ... но вырыть яму, когда вамъ такъ угодно.
Нельзя-жь ничѣмъ окончить дуэль такихъ бойцовъ...
Но бейтесь по-шляхетски,—не въ родѣ мясниковъ...
Вы—молодцы: такъ что же сближаться попустому?
Приставьте ружья прямо въ животъ одинъ другому.

Нѣтъ?... Ну, такъ пистолеты я вамъ согласенъ дать!
Не дальше и не ближе однако же стрѣлять,
Какъ чрезъ медвѣжью шкуру. Моими же руками
Я разстелю ту шкуру, какъ секундантъ, межъ вами
И самъ же высь разставлю: вамъ въ сторону вонъ ту
Стать возлѣ самой морды, а вамъ вотъ здѣсь, къ хвосту.
Согласны!... Время?—Утромъ. Гдѣ?—За корчмой Ушою».
Разстались. Я же, взявши Виргилія съ собою...»
Но вдругъ нежданнымъ крикомъ былъ войскій пре-
рванъ тутъ,—
Шмыгнулъ сѣрякъ. Ужь «соколъ» и «нуцый» вслѣдъ бѣгутъ.
Псы бросились въ облаву: они, конечно, знали,
Что съ поворотомъ въ поле съ нимъ встрѣтятся едва ли.
Они безъ смычекъ были и кинулись стремглавъ
Въ догоню зайца, ловчимъ опомниться не давъ.
Ужь регентъ и ассессоръ собрались для облавы,
Но удержалъ ихъ войскій и крикнулъ имъ:—«Куда вы?
Стоять! Ни съ мѣста! Шагу я болѣе не дамъ!
Ужь заяцъ къ полю близокъ,—отсюда видно вамъ...»
И, правда, заяцъ въ поле, псовъ чуя за собою,
Сѣрѣя въ пашнѣ, рвался, растянутый струною.
Торчали уши, будто у серны двое рогъ;
Почти не видно было подъ нимъ мелькавшихъ ногъ;
Онъ словно ихъ не двигалъ, земли касаясь ими,
Какъ стрижъ воды крылами летучими своими.
За зайцемъ пыль клубилась, неслися псы за нимъ,
И всѣ казались чѣмъ-то какъ будто бы однимъ,
Какъ будто бы чрезъ поле ползло подобье змѣя:
Былъ заяцъ головою, за нимъ, какъ будто шея,
Надъ полемъ клубы пыли по воздуху легли,
Борзые-жь извивались двойнымъ хвостомъ вдали.
И регентъ, и ассессоръ дыханье притаили.
Какъ мертвый блѣденъ регентъ, глядя на тучи пыли;
Блѣднѣетъ и ассессоръ: предсталъ для ихъ очей
Видъ роковой—чѣмъ дальше, тѣмъ все длиннѣе змѣй...
Но вотъ онъ разорвался какъ будто на двѣ пряди:
Ужь голова у лѣса, а хвостъ далеко сзади...
Вотъ голова исчезла, мелькнувъ еще въ лѣскѣ,
А хвостъ передъ опушкой остался вдалекѣ.
Псы бѣдные въ смущеньи шныряли возлѣ бора,

Какъ будто обоюдно исполнены укора,
И поплелись обратно тихонько между нивъ,
Хвосты поджавши къ брюху и уши опустивъ,
И глазъ поднять не смѣли, въ стыдѣ понуривъ рыло,
И вдалекѣ остались съ конфузомъ и уныло.

Панъ регентъ ѣхалъ мрачно, съ опущеннымъ челомъ;
Не весело асессоръ поглядывалъ кругомъ.
Доказывали оба, что будто безъ привычки
Ужасно трудно бѣгать борзымъ ихъ не на смычкѣ,—
Что заяцъ не дорогѣ попался имъ врасплохъ,
А путь отъ острыхъ камней такъ былъ на панскій плохъ,
Что псовъ бы не мѣшало снабдить и сапогами.

Охотничья премудрость вѣщала ихъ устами,
И ловчіе не мало могли бы почерпнуть,
Но слушали небрежно и, продолжая путь,
Свистали, иль смѣялись и, вспомнивъ о медвѣдѣ,
Облаву обсуждали въ живой своей бесѣдѣ.
На бѣгство зайца войскій небрежно кинулъ взоръ
И продолжалъ спокойно свой прежній разговоръ:
—«На чемъ остановился однако-жъ я, пане?—
Да, вотъ на чемъ: обоихъ я ихъ поймалъ на слове:
Черезъ медвѣжью шкуру стрѣляться имъ; не путь
Всѣ въ кринъ, что оба на смерть другъ въ друга попадутъ...
А я смѣюсь, отъ друга Марона вѣрно зная,
Что шкура звѣря—мѣра нисколько не пустая.
Вѣдь про Дидону, вѣрно, паны, извѣстно вамъ,
Что въ Ливію приплывши, она насыпу тамъ
Земли кусокъ достала съ неликою нуждою,
Что лишь воловья шкура могла прикрыть собою,
А на участкѣ этомъ сталъ Карѳагенъ потомъ *),
И, вотъ, не мало ночью подумалъ я о томъ.

«Едва разсвѣтъ занялся, какъ ѣдетъ умь Довейко
Въ двуколкѣ, а на встрѣчу верхомъ спѣшитъ Довейко,
И видитъ мостъ косматый чрезъ синюю рѣку—
Тесьма изъ шкуры звѣря, разорванной въ клочки.
Былъ у хвоста Довейко сейчасъ поставленъ мною,

*) Царица Дидона велѣла нарѣзать на тесьмы воловью шкуру и этою длинною тесьмой окружила обширное поле, гдѣ построила Карѳагенъ. Войскій вычиталъ описаніе этого событія не въ „Энеидѣ“, а вѣроятно въ комментаріяхъ схоластиковъ.

На сторонѣ-жъ противной Домейко за рѣкою.
Теперь хоть вѣкъ стрѣляйте, но только знайте: вамъ,
Пока не помиритесь, я разойтись не дамъ...
Ну, тѣ—въ обиду. Шляхта со смѣха помирала...
Я съ помощью ксендза ихъ увѣщевалъ не мало:
И Божіе писанье привелъ имъ, и статутъ.
Что дѣлать?... Засмѣялись и помирились тутъ.
«Пріязнью неразрывной смѣнилася ихъ ссора
И въ бракъ съ сестрой Домейки вступилъ Довейко скоро;
Довейкину сестру же Домейко взялъ женой
И раздѣлили ровно имѣнье межъ собой;
На мѣстѣ же событій и имъ въ воспоминанье
Корчму воздвигли, давъ ей «Медвѣдицы» названье».

Л. Пальминъ.

Сельско-хозяйственные очерки Россіи.

II *).

В первой главѣ мы видѣли, что основная причина земледѣльческаго прогресса есть размноженіе населенія. Но указанный факторъ есть явленіе біологическое, а въ общественно-исторической жизни онъ проявляется различно, сообразно экономической организаціи страны. Если земледѣльческій промыселъ ведется тамъ мелкими собственниками и всѣ удобныя земли уже заняты, то размноженіе населенія за извѣстные предѣлы отразится въ обществѣ прямымъ недостаткомъ земли для приложенія труда или сильнымъ паденіемъ производительности послѣдняго въ томъ случаѣ, если земледѣльцы попытаются добыть требуемое количество продуктовъ усиленнымъ приложеніемъ труда, вооруженнаго старыми сельско-хозяйственными пріемами. Для достиженія желательнаго равновѣсія между силами и потребностями общества съ одной стороны и количествомъ добываемыхъ продуктовъ съ другой, необходимо сдѣлать такой шагъ впередъ въ агрикультурномъ отношеніи, который бы увеличилъ производительность земледѣльческаго труда, далъ обществу возможность получать бо́льшее количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, не растрачивая своихъ экономическихъ силъ; за этимъ послѣдуетъ расширеніе и обрабатывающей промышленности, долженствующее поглотить остальной излишекъ труда.

При капиталистическомъ хозяйствѣ, когда земля вынесена на рынокъ, гдѣ она покупается и арендуется, недостатокъ ея, вызванный размножившимся населеніемъ, выражается сильнымъ ростомъ арендной платы. Если это возвышеніе ренты является

*) *Русская Мысль*, кн. I.

естественно, слѣдуетъ за увеличеніемъ цѣны хлѣба, оно покрывается доходами промысла и фермеры не испытываютъ неудобствъ отъ такого возвышенія арендной платы; но тогда всякій хозяинъ, съумѣвшій увеличить производительность своего труда, получитъ огромные барыши (ибо хлѣбъ будетъ имъ проданъ по стоимости его добыванія на самомъ плохомъ участкѣ земли), и это служитъ импульсомъ къ примѣненію открытій агрономической науки. Возможно однако, что ростъ ренты будетъ непосредственно зависѣть вовсе не отъ измѣненій цѣны хлѣба и произойдетъ, несмотря на неподвижность послѣдней, обусловливаясь исключительно сильнымъ спросомъ на землю со стороны размножающагося населенія; соотвѣтствующее же повышеніе цѣны хлѣба будетъ задержано, благодаря, напримѣръ, появленію на рынкѣ дешеваго иностраннаго продукта. Тогда возвышеніе ренты падетъ не на потребителей, а на производителей, предпринимательская прибыль уменьшится и хозяева-капиталисты смогутъ продолжать свое существованіе лишь подъ условіемъ увеличенія интенсивности земледѣлія. Описанный случай представляетъ весьма обыдновенное явленіе въ исторіи. Такъ, на англійскомъ рынкѣ, напримѣръ, въ извѣстный моментъ появился дешевый русскій хлѣбъ, за нимъ идетъ стоющій еще менѣе американскій, за которымъ въ свою очередь виднѣется австралійскій, африканскій и пр. Это заставило англійскихъ хозяевъ не только стараться объ увеличеніи производительности своего труда, но и перемѣнить сельско-хозяйственную позицію, направивъ главныя свои силы на организацію (интенсивнаго) скотоводческаго хозяйства. Новая система земледѣлія дала имъ возможность до поры до времени выдерживать растущую арендную плату; но вотъ съ искусствомъ европейцы вступаетъ снять въ борьбу естественная сила американской природы: янки вооружилъ ее новѣйшими физико-механическими приспособленіями и заатлантическое мясо, пробившись на европейскій рынокъ, ставитъ передъ англійскимъ фермеромъ новую задачу; дальнѣйшее развитіе интенсивнаго хозяйства (или перемѣна его системы) является условіемъ sine qua non существованія англійскаго земледѣльческаго капитализма. Послѣдній и стремится теперь сохранить свое значеніе, преобразовывая хозяйство для производства молочныхъ продуктовъ и культуры овощей. Хотя Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причислена къ группѣ странъ крупнаго земледѣлія, тѣмъ не менѣе агрономы, пишущіе для нея, стоятъ всецѣло на капиталистической точкѣ зрѣнія: крупное хо-

зяйство есть главное дѣтище, выростить которое они стараются и считаютъ это возможнымъ. Г. Людоговскій, напримѣръ, въ политико-экономическомъ отдѣлѣ своей книги говоритъ: «изложенные въ этомъ отдѣлѣ *законы* имѣютъ мѣсто лишь при современномъ строѣ общества, представлявшемъ основную посылку, отъ которой отправлялся авторъ. Ему извѣстно, что такой взглядъ признается до нѣкоторой степени узкимъ и допускаетъ возраженія. Ни объемъ, *ни характеръ, ни назначеніе сочиненія не соотвѣтствуютъ иной точкѣ отправленія*. Въ основаніи послѣдней лежатъ три положенія: 1) существованіе въ странѣ неограниченнаго права собственности, 2) свободнаго труда и 3) неограниченной конкурренціи на рынкѣ»*). Кто знакомъ съ положеніемъ Россіи и ея хозяйствомъ, тому извѣстно, какъ «свободно» нашъ земледѣлецъ подряжается на господскія работы и насколько «неограниченна» конкурренція между купцами, скупающими крестьянскій хлѣбъ. Не говорю уже о полной собственности на землю—формѣ, которую врядъ ли можно считать господствующею въ Россіи. Но, и помимо сказаннаго, наше земледѣліе въ общемъ основано вовсе не на «свободномъ» (наемномъ) трудѣ и не такой его формѣ принадлежитъ, кажется, будущее. Писатели-агрономы однако оставляютъ всѣ эти вопросы неразсмотрѣнными, не допуская, повидимому, и тѣни сомнѣнія въ приложимости къ русскому обществу законовъ буржуазной политической экономіи; сдѣлаемъ же и мы нѣсколько шаговъ съ ними, посмотримъ на механизмъ капиталистическаго земледѣльческаго прогресса.

Мотивомъ его, какъ мы видѣли, является сильный ростъ ренты: для сохраненія прежней предпринимательской прибыли фермеръ долженъ получать большій денежный доходъ. Это легко дѣлается само собой, если не существуетъ препятствій росту цѣны земледѣльческихъ продуктовъ: она тогда подымается пропорціонально возвышенію арендной платы. Если же этому положенъ предѣлъ конкурренціей внутреннихъ или внѣшнихъ производителей, то капиталистамъ остается одно—увеличить количество получаемыхъ съ земли цѣнностей, что можетъ быть достигнуто лишь усиленнымъ приложеніемъ къ производству труда и капитала. Но здѣсь выступаетъ на сцену основной законъ земледѣлія, а именно: прогрессивное паденіе производительности вновь затрачиваемыхъ капиталовъ и труда. Такъ какъ вознагражденіе

*) „Основы сельско-хозяйственной экономіи", стр. VII.

них при этом остается прежним, то, коль скоро указанное повышение производительности затрат достигнет известных размеров, дальнейшее продолжение их на старом технологическом основании становится невозможным; тогда является необходимость применить к производству радикальное улучшение, которое бы сильно двинуло вперед умственность земледельческого труда, наступает эпоха коренных преобразований в рассматриваемой отрасли промышленности.

Итак, в процессе развития интенсивности земледелия, насколько он обусловливается экономическими отношениями в обществе, нужно различать два момента: 1) движение в направлении, уже определенном практикой, расширение затрат труда и капитала на старом технологическом основании и 2) применение иных физических и химических приемов, вносящих в производство нечто совершенно новое. В первом случае всякая следующая затрата дает все меньший доход; во втором ближайшие расходы возвышают производительность земледельческого труда. Поэтому в первом случае предел развития интенсивности капиталистического земледелия положен существующей дороговизной труда и капитала: чем они дешевле, тем меньшею прибавкой валового дохода может довольствоваться предприниматель, делающий новые затраты; чем они дороже, тем больше ему нужно получить, дабы согласиться продолжать вкладывать в землю капитал, тем скорее он остановится на пути развития интенсивности земледелия. Новый толчок последнему даст такое агрономическое изобретение, которое сильно двинет вперед производительность земледелия, благодаря чему явится возможность увеличить затраты на производство дорогих капиталов и труда. Так, например, в черноземных местностях России, где еще не введено удобрение полей, и пока оно не имеет места, повышение урожаев достигается улучшением обработки почвы; но чем больше затрачивается труда на тщательную обработку, тем менее (относительно) получается от нея выгод и, наконец, дальнейший рост расходов на земледелие становится здесь невозможным. Но если изменить трехпольный оборот в многопольный, с посевом трав, что даст хозяину возможность расширить скотоводство и обратить получающийся от того навоз на удобрение полей, тогда положение земледелия существенно изменится: затраты на описанное преобразование будут очень даже производительны, гораздо произ-

водительнѣе расходовъ, сдѣланныхъ раньше; законъ уменьшенія усиѣшности труда утрачиваетъ свое значеніе на то время, пока новая система не обнаружитъ главнѣйшихъ своихъ результатовъ, послѣ чего наступаетъ опять чередъ господства вышеупомянутаго закона.

Наши писатели-агрономы, нужно сказать, недостаточно опредѣленно разграничиваютъ оба момента развитія интенсивности земледѣлія; они выдвигаютъ на первый планъ законъ надежія производительности затратъ, причутъ гдѣ-то въ уголкѣ, затрогивая лишь мимоходомъ, законъ противоположный первому, вслѣдствіе чего весь процессъ развитія сельскаго хозяйства поставленъ ими въ слишкомъ обсолютную зависимость отъ дешевизны труда и капитала, что въ свою очередь приводитъ ихъ къ необходимости для оправданія односторонней теоріи сочинять законы и даже переиначивать факты. Г. Людоговскій, напримѣръ, ставитъ слѣдующія положенія, какъ регулирующія земледѣльческій прогрессъ: «1) высокая рента дѣлаетъ необходимою болѣе интенсивную систему хозяйства, а высокая цѣна труда и капитала дѣлаетъ *необходимою* (?) болѣе экстенсивную систему; 2) низкая рента дѣлаетъ возможною болѣе экстенсивную систему, а низкія цѣны труда и капитала дѣлаютъ возможною болѣе интенсивную систему; 3) если совпадаютъ высокая рента и низкая цѣна труда и капитала, то предлежитъ условія выгодности самой интенсивной системы; 4) если же совпадаютъ низкая рента съ высокою цѣной труда и капитала, то наиболѣе выгодною оказывается самая экстенсивная система» *). А вотъ что говоритъ г. Ермоловъ: «По мѣрѣ возрастанія цѣнъ на землю, какъ вслѣдствіе болѣе высокой степени ея плодородія, такъ и вслѣдствіе большей густоты населенія, обусловливающей и соотвѣтственное пониженіе цѣнъ на трудъ, напримѣръ, въ нашей средней черноземной полосѣ, въ губерніяхъ юго-западныхъ, въ Царствѣ Польскомъ, а также въ ближайшихъ окрестностяхъ городовъ (?) и т. п.,—становится все болѣе и болѣе умѣстною интенсивная система, которая является, наконецъ, единственно возможною при высокихъ цѣнахъ на землю и низкихъ на трудъ и капиталъ,—условія, почти не встрѣчающіяся у насъ, но обычныя въ западной Европѣ (?) и составляющія корень господствующихъ тамъ системъ хозяйства, именно вслѣдствіе этого столь отличающихся

*) Ibid., стр. 79.

отъ нашихъ и столь трудно переносимыхъ на нашу почву» *). Такимъ образомъ, условіе, *обычное въ Европѣ и почти не встрѣчающееся у насъ*, это—низкая цѣна труда. Около большихъ городовъ заработная плата также понижается. Очевидно, что такая натяжка появилась ради поддержанія теоріи о зависимости земледѣльческаго прогресса отъ низкой заработной платы. Мы же думаемъ, что, напротивъ того, дорогой трудъ при существованіи другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ способствуетъ земледѣльческому прогрессу, побуждая хозяевъ на радикальныя улучшенія, которыя одни способны вознаградить ихъ за громадныя затраты, требуемыя историческимъ моментомъ. Но тѣ же условія становятся тормозомъ на пути дальнѣйшаго развитія интенсивности капиталистическаго производства, когда такія радикальныя улучшенія невозможны и приходится лишь расширять затраты на производство въ размѣрахъ, уже однажды очерченныхъ. Точно также и возвышеніе прежней низкой заработной платы, которое въ обрабатывающей промышленности можетъ быть наверстано новымъ механическимъ изобрѣтеніемъ и которое обыкновенно даже служитъ импульсомъ къ послѣднему,—въ земледѣліи, гдѣ механическая наука, наиболѣе покорная человѣку, играетъ второстепенную роль, это возвышеніе вознагражденія рабочаго, при невозможности пропорціонально поднять цѣну хлѣба, можетъ служить причиной застоя капиталистическаго земледѣлія или даже его регресса. Поэтому-то оно и вызываетъ такія жалобы хозяевъ; поэтому-то послѣдніе и являются самыми непримиримыми противниками возвышенія благосостоянія рабочаго.

Приложимъ эти общія теоретическія разсужденія къ частному вопросу, насъ интересующему, къ русскому капиталистическому земледѣлію. Посмотримъ, насколько устойчиво его положеніе при существующихъ условіяхъ со стороны ренты, капитала, труда и сбыта продукта, и какъ велика надежда, что капиталистъ болѣе или менѣе быстро поведетъ разсматриваемую отрасль промышленности по желательному пути прогресса. Остановимся прежде всего на той обстановкѣ крупнаго хозяйства, какая создалась благодаря измѣненію ренты въ послѣднее двадцатилѣтіе.

По господствующему ученію, рента равняется избытку продукта на лучшихъ участкахъ земли сравнительно съ худшими и вообще находящимися въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и такъ

*) „Организація полеваго хозяйства“, т. I, стр. 44.

какъ, по мѣрѣ размноженія населенія, въ обработку приходится пускать все менѣе и менѣе удобные участки земли, то естественно, что вмѣстѣ съ этимъ растетъ и рента. Именно населеніе не можетъ уменьшить своего потребленія жизненныхъ продуктовъ, какъ бы они дорого ни добывались, ниже извѣстныхъ предѣловъ, то есть цѣна хлѣба на рынкѣ во всякій данный моментъ будетъ такова, чтобъ ею окупались расходы по добыванію этого продукта при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. А въ такомъ случаѣ хлѣбъ, получаемый съ лучшихъ участковъ, дастъ несоразмѣрно большой барышъ, избытокъ котораго надъ среднимъ уровнемъ прибыли останется въ рукахъ землевладѣльца. Отсюда видно, что, при естественныхъ условіяхъ, ростъ ренты есть непосредственный результатъ возвышенія цѣны хлѣба,—первый идетъ за послѣднимъ и между обоими явленіями должна существовать извѣстная пропорціональность. Если же послѣдняя отсутствуетъ, если ростъ арендной платы недостаточно объясняется измѣненіями цѣны хлѣба, то остается допустить, что или раньше рента не достигала естественнаго уровня, къ которому она теперь быстро стремится, или (при неподвижности земледѣлія) что въ средѣ самихъ сельско-хозяйственныхъ дѣятелей происходитъ броженіе, идетъ борьба за существованіе, борьба за землю, и орудіемъ въ этой борьбѣ служатъ, между прочимъ, расходы производства, взимаемые по сущности послѣдняго (рента), но являющіеся въ рукахъ одной изъ борющихся сторонъ молотомъ, которымъ она бьетъ и себя и другого въ надеждѣ, что своя шея крѣпче. Упорство борьбы (быстрота роста ренты) можетъ сдѣлать болѣе или менѣе правильное заключеніе о характерѣ борющихся сторонъ. Именно земледѣльцы-капиталисты, воюя другъ съ другомъ, не могутъ въ возвышеніи ренты зайтись очень далеко,—работать непредѣленное время въ убытокъ, лишь бы заставить замолчать соперника, не допустить истощаемость ихъ кармановъ. Мелкіе же земледѣльцы-хозяева въ своей борьбѣ съ крупными имѣютъ то преимущество, что они могутъ отказаться отъ прибыли, ограничиваясь доходами, не превышающими заработной платы; а если ихъ стремленіе къ самостоятельности очень велико, то пониженіе доходовъ съ арендованной земли они продолжаютъ и дальше, наверстывая потерю усиленнымъ трудомъ на участкѣ и заработкомъ на сторонѣ.

Въ Россіи въ послѣднее двадцатилѣтіе арендная плата возросла громадно: по разсчетамъ г. Янсона, въ первое только де-

пятилѣтіе послѣ реформы продажныя и арендныя цѣны земли въ черноземной полосѣ поднялись на 300—400%, въ послѣднее же десятилѣтіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ возвышеніе сдѣлалось еще болѣе значительнымъ: въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, напримѣръ, онѣ въ 4—5 разъ выше цѣнъ начала шестидесятыхъ годовъ. Цѣна хлѣба тоже возросла, но далеко не въ указанныхъ размѣрахъ (мы не говоримъ о послѣднемъ неурожайномъ періодѣ); она поднялась за тотъ же промежутокъ времени не выше 50—80 и можетъ-быть 100%. На истинную причину такого количественнаго различія въ движеніи обѣихъ цѣнъ намекаетъ другая черта современныхъ аграрныхъ порядковъ, именно то обстоятельство, что арендныя и продажныя цѣны мелкихъ участковъ вдвое и втрое превышаютъ таковыя же цѣлыхъ имѣній. Это даетъ намъ право заключить, что необыкновенное возвышеніе ренты послѣ реформы произведено мелкими съемщиками-крестьянами, что оно служитъ указателемъ интенсивности стремленія послѣднихъ завоевать себѣ самостоятельное положеніе въ земледѣльческой промышленности, вырвать разсматриваемую отрасль труда изъ рукъ владѣльцевъ, въ которыхъ она въ значительной мѣрѣ находилась во времена господства крѣпостныхъ порядковъ. Въ сказанномъ насъ убѣждаетъ еще болѣе то обстоятельство, что арендная плата за землю въ черноземной полосѣ давно уже превысила естественные предѣлы: она поглотила процентъ на капиталъ, значительную часть, а можетъ-быть и всю, предпринимательскую прибыль и теперь уже урѣзываетъ заработную плату. Въ этомъ насъ достаточно убѣждаютъ заявленія и разсчеты статистиковъ, агрономовъ и вообще внимательныхъ наблюдателей народнаго быта.

Г. Ермоловъ, напримѣръ, говоритъ слѣдующее: въ черноземной мѣстности «въ огромномъ большинствѣ случаевъ доходность имѣнія, помимо плодородія почвы, обусловливается, во-первыхъ, тою неизбѣжною необходимостью, въ которую поставлены крестьяне вслѣдствіе густоты населенія, отсутствія заработка, низкой цѣны рабочей платы, нанимать у помѣщиковъ землю по цѣнѣ, *какую они назначатъ*. Цѣны эти обыкновенно весьма высоки и далеко не всегда покрываются продуктами, получаемыми съ земли; напротивъ, онѣ зачастую не окупаютъ затратъ и *не вознаграждаютъ труда, положеннаго крестьянами на обработку земли*. Извѣстно, что нерѣдки у насъ въ этихъ именно благословенныхъ губерніяхъ тѣ мѣста, гдѣ крестьяне довольны уже

тогда, когда на снятой землѣ ихъ трудъ хотя только оплачивается» [1]). Чаславскій выражается еще болѣе опредѣленно. Въ Курской губерніи тотчасъ по освобожденіи крестьянъ «земли сдавались такъ, что крестьянинъ получалъ изъ сбора въ свою пользу 1 снопъ и помѣщикъ 1 снопъ, впослѣдствіи же помѣщикъ сталъ получать 1½ и даже 2 снопа». Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ испольная система стала замѣняться денежной, крестьянской же арендой. «Спросъ на землю еще болѣе увеличился, арендныя цѣны росли съ каждымъ годомъ и дошли теперь въ среднемъ отъ 14 до 18 руб. за десятину подъ озимь въ разныхъ уѣздахъ, отъ 8 до 12 руб. за десятину ярового и отъ 15 до 25 руб. за сѣнокосъ». Обработавъ двѣ десятины (озимаго и ярового хлѣба), уплативъ ренту и отложивъ сѣмена, крестьянинъ получитъ за свои труды, за затрату капитала, за рискъ и пр., при среднемъ урожаѣ, 8 руб., т. е. 4 руб. съ десятины—доходъ, далеко недостаточный для покрытія расходовъ одного только труда. Естественно, что «хорошій заработокъ на арендныхъ земляхъ крестьянинъ можетъ имѣть только при отличномъ урожаѣ; при плохомъ же и среднемъ у крестьянъ или не остается ничего, или остаются ничтожныя крохи и получаемый хлѣбъ достается покупкою по слишкомъ дорогой цѣнѣ» [2]). Въ Аткарскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, арендная плата возвысилась до «такихъ размѣровъ, что сдѣлалась просто неносильной для крестьянина,—напримѣръ, земля сдается отъ 7 до 15 руб. за десятину и болѣе. Платя такую цѣну за землю, при какомъ хотите урожаѣ, крестьянину будетъ всегда оставаться очень мало за свой трудъ» [3]). Но и эта чрезмѣрная рента въ текущемъ году повысилась по всей губерніи еще процентовъ на 30, и чтобы возвратить затраты земледѣльца, урожай будущаго лѣта долженъ быть не меньше нынѣшняго, считающагося необычно высокимъ. «Какія бы ни были климатическія условія, но дать такое количество хлѣба обязательно» [4]). Извѣстный земскій дѣятель, кн. Волконскій, ревизовавшій, по порученію земскаго собранія, Раненбургскій уѣздъ, вынесъ объ интересующемъ насъ вопросѣ такое заключеніе: «За десятину пара крестьяне платятъ помѣщику 15 р.,

---

[1]) „Организація полеваго хозяйства“, т. I, стр. 15.

[2]) „Хлѣбная торговля въ центральномъ районѣ Россіи“, ч. II.

[3]) „5-й довд. въ ком. Моск. Общ. сельскихъ хозяевъ по вопросу о хуторахъ“, стр. 13.

[4]) *Порядокъ* 1881 т., № 304.

за границе под яровой посѣвъ—12 рублей. У государственныхъ крестьянъ можно снять и дешевле, но надо впередъ отдать деньги, а взять ихъ не откуда. Поэтому предпочитаютъ снимать помѣщичью землю. Уплата идетъ и деньгами, и работой, и тиветон круглый годъ, такъ что крестьяне положительно не выходятъ изъ долговъ. Между тѣмъ цѣни такая, что *барыша можно получить только при хорошемъ урожаѣ. Крестьяне довольны, если получатъ за свой трудъ солому*». Въ другой мѣстности того же уѣзда крестьяне «нагнали цѣны отъ 12 до 14 руб. за десятину въ худшихъ мѣстахъ уѣзда и отъ 15 до 17 руб.—въ лучшихъ. Хлѣбъ при посредственномъ урожаѣ едва окупитъ эту цѣну, при плохомъ же придется еще приплатить за солому, а денегъ взять не откуда. Мало-по-малу крестьяне должаютъ, платятъ неаккуратно и имъ отказываютъ отъ земли. Несмотря на высокую арендную плату, *какой самому владѣльцу никогда не получить*, по всему уѣзду отдача земли въ наемъ крестьянамъ очень сильно сократилась». Въ третьей волости господствующія цѣны «очень высокія, *едва окупающіяся въ хорошій урожай*» *). Большое имѣніе гр. Бобринскаго въ Тульской губерніи, хозяйство котораго построено на свеклосахарномъ производствѣ, большую часть земли однако сдаетъ въ аренду крестьянамъ, «такъ какъ они находятъ возможнымъ давать *высокую наемную плату даже за ту землю, при собственной обработкѣ которой владѣлецъ получаетъ убытокъ*» **). Въ Черниговской губерніи арендная плата, хотя она уже затронула вознагражденіе рабочаго, все еще стремится вверхъ. Такъ, по разсчету г. Варзера, крестьянинъ Черниговскаго уѣзда, получая съ арендованной десятины 30 пудовъ ржи и платя за нее ренты больше половины урожая, оставляетъ въ свою пользу меньше 15 пудовъ, тогда какъ расходы по обработкѣ и на сѣмена стоятъ 17 пудовъ. Несмотря на чистый убытокъ крестьянина отъ такого хозяйства, арендная плата, благодаря вмѣшательству въ аграрныя отношенія крупныхъ сѣмейниковъ-евреевъ, продолжаетъ расти и расти ***). Крестьянинъ Борисоглѣбскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, получаетъ отъ арендованной земли выгоды лишь при хорошемъ урожаѣ; при плохомъ она не только не приноситъ никакого дохода, но даже крестьянину нѣтъ разсчета убирать хлѣбъ, который составляется

*) „Докладъ членовъ губ. зем. управы. Ревизія уѣздовъ".

**) „Сельское хозяйство и лѣсоводство", 1878 г., 7 и 8.

***) *Отеч. Зап.* 1878 г., кн. I.

въ нихъ, т. е. крестьяне совершенно отказываются отъ урожая, оставляя его владѣльцу земли вмѣсто арендной платы, хотя бы часть ея и была внесена въ видѣ задатка» *). Даже въ нечерноземной полосѣ, гдѣ крестьяне не такъ нуждаются въ землѣ, ибо имѣютъ подсобные заработки, и тамъ рента приближается къ уровню, за которымъ обработка земли уже не даетъ чистой прибыли. По примѣрному разсчету г. Шарапова, только богатый крестьянинъ нечерноземной полосы, арендующій лучшую землю и лучше ее обрабатывающій, получитъ значительныя выгоды отъ операцій; средній же и бѣдный больше выиграютъ, если займутся въ батраки **).

Какъ это движеніе ренты должно отразиться на нашемъ капиталистическомъ земледѣліи и насколько оно способствуетъ его процвѣтанію и дальнѣйшему развитію?

Обратите еще разъ вниманіе на размѣры арендной платы по отношенію къ валовому доходу отъ земли. Послѣдній зачастую «не вознаграждаетъ труда, положеннаго крестьяниномъ на обработку земли»; «барышъ можно получать только при хорошемъ урожаѣ»; «крестьяне довольны, если получатъ за свой трудъ солому»; крестьяне даютъ дорого даже за ту землю, «при собственной обработкѣ которой владѣлецъ получаетъ убытокъ», и т. д. Это значитъ, что подъ видомъ арендной платы помѣщикъ получалъ со съемщика не только ренту, но и многіе изъ элементовъ чистаго дохода: процентъ на капиталъ, котораго онъ не затрачивалъ, прибыль по предпріятію, въ которомъ онъ не участвовалъ, страхъ за рискъ, котораго онъ не несъ и т. д.; въ его пользу зачастую переходитъ даже вознагражденіе за трудъ работника-земледѣльца. Представьте же себѣ, читатель, свою персону на мѣстѣ, напримѣръ, курскаго землевладѣльца, который можетъ выбирать между собственнымъ хозяйничаньемъ и положеніемъ рентьера, получающаго за двѣ десятины (озимую и яровую) 30 рублей. При среднемъ урожаѣ валовой доходъ будетъ 47 р.; за вычетомъ ренты и сѣмянъ, арендатору-мужику остается 8 р. При собственномъ хозяйничаньи владѣльца, изъ этихъ 8 рублей нужно удѣлить проценты на затраченный капиталъ, страховую премію, расходы по обработкѣ и проч. Достаточно ли этой суммы? — На это намъ отвѣтитъ, наприм., хотя имѣніе Карамзина, въ Обоянскомъ уѣздѣ: оказывается, что тамъ 8-ми руб-

*) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.", т. I.

**) „Докладъ Шарапова о малоземельи крестьянъ".

лей хватитъ лишь на уборку хлѣба [1]), но вѣдь нужно же посѣять его, а предварительно подготовить землю и т. д. Или возьмите средне-земельнаго владѣльца Тамбовской губерніи, получающаго за двѣ десятины арендной платы 23 руб. Хозяйничая самъ, онъ при среднемъ урожаѣ кромѣ этихъ 23 руб. добылъ бы еще 6 мѣръ ржи (на сумму 3 руб.) и 7 мѣръ овса (стоимостью 2 р.), а за то взялъ бы на себя рискъ по предпріятію и проч. [2]). Приведемъ еще примѣръ тульскаго помѣщика, получающаго, посредствомъ отдачи земли крестьянамъ исполу, 8 руб. съ десятины трехпольнаго сѣвооборота. Хозяйничая своимъ инвентаремъ и батраками, онъ получилъ бы съ озимой и яровой десятины около 48 руб. кромѣ сѣмянъ, а обработка ихъ стоила бы ему около 20 рублей. Чистый доходъ будетъ 28 руб.—рублемъ съ третью на десятину больше ренты, а изъ-за такого барыша не стоитъ нести всѣ расходы и рискъ, связанные съ самостоятельнымъ веденіемъ дѣла [3]). Очевидно, что матеріальные, коммерческіе разсчеты помѣщика будутъ не въ пользу капиталистическаго земледѣлія; одною сдачей земли онъ «получаетъ такіе доходы, о которыхъ при крѣпостномъ правѣ помѣщики не могли и мечтать, и потому въ этой (черноземной) полосѣ изъ помѣщиковъ хозяйничаютъ сами очень немногіе, справедливо предпочитая раздачу земель въ аренду крестьянамъ подесятинно и погодно» [4]). Хозяйничаютъ главнымъ образомъ любители дѣла, а не однихъ высокихъ барышей,—тѣ, которые руководствуются при этомъ не только матеріальными разсчетами, но и нравственными мотивами.

Если крестьянинъ высокимъ отступнымъ отбилъ у *владѣльца* земли охоту заниматься сельскимъ хозяйствомъ, то тѣмъ болѣе сдѣлалъ онъ невозможнымъ появленіе капиталиста-хозяина-*арендатора*. Помѣщикъ, ведя собственное хозяйство, не несетъ главнаго расхода—ренты; онъ рискуетъ только получить меньше, чѣмъ имѣлъ бы сдавъ землю крестьянамъ, и это обыкновенно будетъ случаться, такъ какъ земля даетъ избытки лишь при урожаяхъ выше среднихъ. Арендаторъ же капиталистъ понесъ уже затраты на аренду, еще не зная, каковы будутъ доходы;

---

[1]) „Сельское хозяйство и лѣсоводство", 1878 г., 7.

[2]) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.", т. I, отдѣлъ I, стр. 55 и 56.

[3]) „Статист.-экономическія изслѣдованія Сергіевской вол.", стр. 50 и 51.

[4]) „Сборникъ госуд. знаній", т. II, ст. Чаславскаго: „О земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ", стр. 194.

а такъ какъ послѣдніе лишь въ рѣдкихъ случаяхъ окупаютъ всѣ издержки по производству, то браться за дѣло капиталистъ могъ бы, если-бъ обладалъ предвидѣніемъ того, какова и когда будетъ урожай. Но и отъ самого земледѣльца-хозяина мы не можемъ требовать, чтобъ онъ руководствовался исключительно нравственными мотивами, чтобы на первомъ планѣ у него стояли не коммерческіе разсчеты, а любовь къ дѣлу. Поэтому, за немногими исключеніями, и капиталистъ-арендаторъ, и самъ владѣлецъ, рѣшившись вести собственное хозяйство, должны неизбѣжно прибѣгать къ искуственнымъ пріемамъ для возвышенія своихъ доходовъ,—пріемамъ, основаннымъ на безпощадной эксплуатаціи рабочей силы, какъ единственнаго элемента производства, на которомъ можно наверстать потери по найму земли. Вотъ причина процвѣтанія, такъ называемой, зимней наемки крестьянъ на лѣтнія работы за половинную плату, но съ выдачей денегъ впередъ; вотъ причины, почему малодушные чуткій къ нравственнымъ требованіямъ помѣщикъ бросаетъ свое имѣніе и ищетъ службы: онъ видитъ, что вести въ настоящее время хозяйство «правильнымъ наемнымъ трудомъ, если не прибѣгать къ безпереводной эксплуатаціи крестьянъ, пользуясь ихъ нуждою» *), нѣтъ разсчета,—видитъ это и бѣжитъ отъ соблазна. А его мѣсто занимаютъ менѣе разборчивые люди—жиды христіанскаго и іудейскаго вѣроисповѣданія. Особенно приводными высоко держатъ знамя капиталистическаго земледѣлія, какъ настоящіе герои современнаго сельскаго хозяйства, оказались евреи, всею своей предыдущей исторіей, столь благопріятной для развитія эксплуататорскихъ стремленій и способностей, какъ бы нарочно воспитывавшіеся для веденія сельско-хозяйственнаго дѣла въ Россіи. Пригодны они здѣсь потому, что съумѣли довести расходы про производству до minimum'а, ограничивая передко только тратой на наемъ земли, а самое производство ведя безъ участія капитала: плуги, ихъ, напримѣръ, вовсе не куплены,—«имъ всю зиму ковалъ одноглазый деревенскій кузнецъ, причемъ онъ работалъ въ видѣ процента за занятый для уплаты податей десятокъ рублей». Рабочіе у еврея столь же дешевые: «одинъ, такъ же какъ и кузнецъ, работаетъ за процентъ; другой еще зимою къ крестинамъ или свадьбѣ взялъ ведро водки и остался долженъ за нее; третьяго корова или лошадь была захвачена на потравѣ сорной травы—

*) *Труды Вольно-Экономическаго Общества* 1873 г., стр. 6.

и хозяин ея работаетъ въ видѣ штрафа; нѣкоторые получаютъ вмѣсто платы иногда соль или табакъ, но чаще топливо или дерево на постройку изъ помѣщичьяго лѣса. Словомъ, то, что помѣщику стоило бы рубль, арендатору обходится въ гривенникъ»*). Потому-то первый и передаетъ послѣднему бразды сельско-хозяйственнаго управленія. Эксплуатируя безбожно рабочую силу, современный хозяинъ столь же безпощадно относится и къ производительнымъ силамъ земли. И то, и другое логически вытекаетъ изъ его положенія: взявшись прать противъ рожна, онъ можетъ надѣяться выиграть только пуская въ ходъ необыкновенныя средства; затѣявъ непосильную борьбу, ему остается одно — не брезгать никакими мѣрами. Отъ этому правилу и слѣдуетъ.

Итакъ, общественно-экономическая обстановка настоящаго момента такова, что крупное земледѣліе у насъ можетъ процвѣтать лишь будучи построено на кабалѣ, истощая производительныя силы и человѣка, и природы. Этимъ опредѣляется общественное значеніе разсматриваемой формы земледѣльческаго промысла; но для насъ теперь важны не результаты, а причины указаннаго явленія. Эти послѣднія кроются въ стремленіи къ хозяйственной самостоятельности, сильно развившемся въ крестьянствѣ по освобожденіи отъ путъ, связывавшихъ его въ крѣпостную эпоху. Когда рушилось рабство, поколебалась и крупная культура, что было на руку возрождавшемуся мелкому земледѣлію; а когда, нѣсколько оправившись, помѣщики вздумали возвратить себѣ утраченную позицію, крестьяне стали ихъ подкупать, предложили раздѣлить съ ними доходы отъ предпріятія, взявъ рискъ исключительно на себя, лишь бы сохранить въ своихъ рукахъ руководство дѣломъ. Разсчетъ народа оказался вѣрнымъ: старое поколѣніе помѣщиковъ — исконныхъ хозяевъ, считавшихъ земледѣліе своимъ естественнымъ занятіемъ и любившихъ его наиболѣе, опасный противникъ стремленія крестьянъ къ самостоятельности — прельстилось предложеніями народа и теперь доживаетъ свой вѣкъ не у дѣлъ, а новое смотритъ совсѣмъ въ другую сторону; такимъ образомъ, кромѣ крестьянства, въ Россіи нѣтъ класса, связаннаго интимными узами съ разсматриваемой отраслью промышленности и потому готоваго заниматься этимъ дѣломъ, несмотря на относительно малые барыши, имъ даваемые. Привлечь капиталистовъ земледѣліе можетъ лишь обѣщая большіе доходы, чего сдѣлать оно ре-

*) „Западная библіотека", т. I.

цительно не въ силахъ. Поэтому нужно полагать, что мирныя завоеванія народа въ разсматриваемой отрасли труда достаточно прочны, что онъ не даромъ вынесъ столько страданій, и если самъ, благодаря затѣянной борьбѣ, разорился, то по крайней мѣрѣ приготовилъ лучшее существованіе своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Итакъ, текущій моментъ есть время борьбы за господство мелкой и крупной культуры. Первая пока побѣждаетъ, и не одно вышеописанное орудіе—высокая арендная плата—дало ей перевѣсъ. Народъ и другими способами выказываетъ свою антипатію капиталистическому земледѣлію.

Читателю, вѣроятно, уже достаточно надоѣли жалобы помѣщиковъ на дороговизну рабочихъ, ихъ пьянство, лѣность и неисполненіе своихъ обязательствъ. Сколько бы ни были утрированы эти сѣтованія, но въ основѣ ихъ лежитъ элементъ истины, составляющій ахиллесову пяту русскаго капиталистическаго земледѣлія. Принужденное работать при невыгодныхъ условіяхъ со стороны арендной платы и сбыта своихъ продуктовъ, послѣднее должно относиться особенно чутко къ затрудненіямъ, вытекающимъ изъ другихъ обстоятельствъ производства, именно со стороны капитала и труда. Здѣсь, въ пользованіи этими факторами производства, ему нужно наверотать потери, которыя оно несетъ по милости высокой ренты и дешеваго продукта. Дешевый трудъ и дешевый капиталъ—вотъ тѣ столбы, на которые нужно опереться крупному хозяйству, сваливаемому неблагопріятной общественно-экономическою обстановкой. Русскій рабочій въ послѣднее десятилѣтіе значительно подешевѣлъ *), но сельско-хозяйственный капитализмъ однако находитъ его чрезмѣрно дорогимъ и старается еще понизить заработную плату зимнею наемной, работой за отрѣзки, выгонъ и т. п. Но идти дальше по этому пути уже невозможно: обѣднѣніе народа достигло страшныхъ размѣровъ. Въ ближайшемъ будущемъ должны быть приняты мѣры обезпеченія благосостоянія народа, а за ними неизбѣжно послѣдуетъ возвышеніе заработной платы и можетъ-быть пониженіе цѣны хлѣба. Оба эти условія крайне неблагопріятны для свободнаго полета капиталистическаго земледѣлія; и если оно стѣсняется современнымъ состояніемъ обоихъ моментовъ, если ему трудно преодолѣть затрудненія, вытекающія изъ теперешней, крайне низкой, заработной платы, то понятно, какъ неблагопріятно отразится на немъ

*) См. объ этомъ *Рус. Богат.* 1880 г., кн. X, и *Отеч. Зап.* 1881 г., кн. IX.

ей возвышеніе. Такимъ образомъ вышеприведенныя жалобы хозяевъ на доротовизну рабочихъ имѣютъ важное значеніе, быть-можетъ, не столько потому, что онѣ выражаютъ дѣйствительное положеніе дѣла, сколько по заключающемуся въ нихъ пророческому смыслу о ближайшей судьбѣ крупнаго земледѣлія.

Мы не можемъ игнорировать и другихъ жалобъ хозяевъ на рабочихъ. Хотя капиталисты никогда не находятъ послѣднихъ достаточно для себя пригодными и готовы всегда кинуть въ нихъ камнемъ, но основательность или по крайней мѣрѣ серьезность сѣтованій русскихъ хозяевъ слишкомъ краснорѣчиво подтверждается самимъ ходомъ дѣла: сокращеніемъ помѣщичьяго хозяйства, переходомъ земель въ руки купцовъ, крестьянъ и т. д., а наблюденія лицъ, спокойнѣе относящихся къ вопросу и вдумывающихся въ факты, попадающіеся на глаза, разъясняютъ намъ, что лежитъ въ основѣ жалобъ.

Дѣло въ томъ, что крестьянинъ всѣми силами сопротивляется водворенію у насъ батрацкаго труда; многое перепробуетъ онъ прежде, чѣмъ рѣшится отрѣшиться отъ своей самостоятельности и превратиться въ механическаго исполнителя чужой воли; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ предпочитаетъ наняться къ своему брату мужику, гдѣ онъ чувствуетъ себя вольнѣе, гдѣ надъ нимъ не самодурствуютъ, не унижаютъ его человѣческаго достоинства. «Нѣшто хорошій работникъ пойдетъ къ барину?—разсуждаетъ солидный московскій крестьянинъ.—У меня-то ему свободнѣе: онъ за однимъ столомъ сидитъ, чай пьетъ, хоть и меньше получаетъ; а тамъ-то онъ словно песъ на цѣпи. Развѣ такой пойдетъ, что никто не беретъ, либо долженъ барину» *). И дѣйствительно, къ помѣщикамъ нанимаются обыкновенно неудачники,—чтобы не сказать сильнѣе,—раззорившіеся, съ сомнительною способностью къ упорному труду и еще болѣе сомнительною рѣшимостью непремѣнно исполнить принятыя на себя обязательства. «Какія бы суммы ни предлагалъ помѣщикъ, прилагать свой трудъ къ его землѣ есть для крестьянина всегда крупная жертва (кромѣ меньшинства бѣдняковъ), и онъ подчиняется ей только въ силу общественной необходимости или совершенно критическаго положенія, когда есть возможность получить отъ барина денегъ или хлѣба въ кредитъ» **). О Псковской

*) «Сборникъ статист. свѣдѣній по Моск. губ.», т. V, вып. 1, стр. 174.
**) «Докладъ Шарапова Моск. Общ. сел. хоз. о малозем. кр.», стр. 17.

губерніи г. Веберъ говоритъ то же самое. «Въ постоянные годовые работники поступаютъ преимущественно крестьяне-односемейники, т. е. члены крестьянской общины, положеніе которыхъ, послѣ семейнаго раздѣла, стало имъ не подъ-силу. Изрѣзавъ свой покосъ подъ ленъ, пропивъ или продавъ изъ нужды единственную лошадь или корову, лишивши себя этимъ возможности поступить въ испольные или издѣльные работники», крестьянинъ бросаетъ надѣлъ и идетъ въ батраки. Если въ числѣ послѣднихъ и попадаются иногда члены большой крестьянской семьи, то это большею частью «съ физическими недостатками, которые дѣлаютъ ихъ негодными къ усиленнымъ крестьянскимъ работамъ, отчего семья и нашла выгоднымъ поставить ихъ въ батраки». Солидные члены многочисленныхъ хозяйствъ идутъ тоже иногда въ батраки, но лишь на время, «чтобы кое-что заработать и потомъ оправиться». Остальной контингентъ постоянныхъ рабочихъ составляютъ безземельные. Такимъ образомъ громадное большинство, идущее въ батраки—народъ крайне ненадежный, потерявшій подъ собой твердые устои, обыкновенно пьяницы, не боящіеся ни хозяина, ни мироваго, которымъ съ нихъ взять все равно нечего. Въ силу такихъ обстоятельствъ, «батрацкій трудъ положительно менѣе выгоденъ, нежели издѣльная или испольная обработка земли, и землевладѣлецъ постоянно рискуетъ, что его поля останутся не засѣянными». Вслѣдствіе подобнаго рода убытковъ и риска, мелкія хозяйства Псковской губерніи и большинство крупныхъ «предпочитаютъ издѣльный или испольный трудъ батрацкому», приспособляютъ свое хозяйство къ потребностямъ мужицкаго, организуя для собственнаго завѣдыванія скотоводческую систему, какъ требующую всего менѣе рабочихъ рукъ, а ненужныя для сего угодья отдавая крестьянамъ въ аренду или исполу. «Мы убѣждены,—прибавляетъ г. Веберъ,—что это единственный способъ раціональнаго хозяйства». И нужно прибавить, что такого же мнѣнія держатся, повидимому, и другіе помѣщики Псковской губерніи; по крайней мѣрѣ собственнымъ инвентаремъ земля обрабатывается здѣсь не больше, какъ въ пятнадцати имѣніяхъ *).

Русскій крестьянинъ вездѣ одинаковъ, вездѣ онъ одержимъ жаждою самостоятельности; въ Воронежской губерніи, напримѣръ (Богородскомъ уѣздѣ), крестьянина «наниматься въ рабочіе мо-

*) «Очерки сельск. хоз. въ губ. Псковской».

жетъ заставить лишь крайняя нужда» [1]); въ Нѣжинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, «быть хозяиномъ, а не работникомъ» или «челядникомъ» — это идеалъ каждаго сельскаго жителя, почему «въ нашихъ имѣніяхъ вся система хозяйства построена на скопщинѣ, т.-е. раздачѣ земли исполу» [2]); въ Курской губерніи, какъ и въ Псковской или Московской, солидный хозяинъ идетъ въ батраки только «вслѣдствіе временнаго затрудненія». Но эти затрудненія въ черноземной нестепной полосѣ, по причинѣ малоземелья, гораздо постояннѣе, а потому помѣщичьи хозяйства здѣсь лучше обезпечены рабочею силой. Однако это обезпеченіе далеко не доходитъ до того, чтобы капиталистическое земледѣліе могло обходиться исключительно батрацкимъ трудомъ; напротивъ того, и въ этой густонаселенной мѣстности, съ избыточнымъ рабочимъ персоналомъ, помѣщичье земледѣліе построено главнымъ образомъ на самостоятельномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, и гдѣ послѣднее черезчуръ разстроено, тамъ сами капиталисты, раздавая крестьянамъ земли, принимаютъ мѣры къ его поддержанію; въ другихъ мѣстностяхъ сдача крестьянамъ земли въ аренду практикуется владѣльцами спеціально съ цѣлью привлечь на свои поля рабочихъ. Поэтому врядъ ли въ цѣлой Россіи мы найдемъ много такихъ экономій, которыя бы сами обрабатывали всѣ свои угодья; громадное большинство ихъ значительную часть земель сдаютъ крестьянамъ, а остальную эксплуатируютъ трудомъ тѣхъ же крестьянъ-хозяевъ, но не батраковъ. Такъ, напримѣръ, «образцовое» имѣніе въ Курской губерніи, г. Карамзина, изъ 3.200 десятинъ пахатной земли 1.500 отдаетъ сосѣднимъ крестьянамъ въ аренду, требуя уплату послѣдней не деньгами, а работой [3]); экономія кн. Кочубея, Саратовскаго уѣзда, сдаетъ крестьянамъ 17.000 дес. земли изъ 20½ тысячъ [4]); имѣніе гр. Бобринскаго, Тульской губерніи, изъ 7.000 дес. земли эксплуатируетъ средствами владѣльца всего 3.000, а 4.000 сдаетъ крестьянамъ [5]) и т. д. Въ послѣднее время земскими силами приступлено къ систематическому изслѣдованію въ экономическомъ отношеніи многихъ черноземныхъ губерній (Черниговской, Рязанской, Тамбовской и др.). По немногимъ уже изданнымъ матеріаламъ можно

[1]) „Сельск. хоз. и лѣс.", 1881 г., 6.
[2]) „Нѣжинскій уѣздъ", стр. 110.
[3]) „Сельск. хоз. и лѣс.", 1878 г., 7, и 1880 г., 3, 4 и 6.
[4]) Ibid., 1879 г., 10.
[5]) Ibid., 1877 г., 7.

судить, насколько справедливо выше развитое обобщеніе: такъ, въ Борисоглѣбскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, Тамбовской губерніи, изъ 170.000 дес., принадлежащихъ частнымъ землевладѣльцамъ, сами они обрабатываютъ около 60.000, слѣдовательно немного больше $^1/_3$, остальную же сдаютъ крестьянамъ; но и первая часть эксплуатируется ими вовсе не помощью батраковъ, а по преимуществу силами самостоятельныхъ хозяевъ-крестьянъ. Доказательствомъ служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что частные землевладѣльцы уѣзда содержатъ очень мало скота, почему «только въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ собственный скотъ, да и то только отчасти, употребляется на сельско-хозяйственныя работы; въ остальныхъ же его употребляютъ только для работъ при усадьбѣ, а всѣ остальныя работы производятся крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ» *). Въ Черниговскомъ уѣздѣ нѣтъ ни одного имѣнія, ведущаго хозяйство своими орудіями, скотомъ и рабочими; въ Борзенскомъ уѣздѣ той же губерніи такихъ имѣній 11 изъ 122, а въ Нѣжинскомъ—25 изъ 330 имѣній уѣзда. Но всѣ эти 25 имѣній принадлежатъ не дворянамъ, а казнамъ, и эксплуатируютъ ихъ хозяева не наемнымъ персоналомъ, а «въ своихъ собственныхъ семьяхъ находятъ нужное число рабочихъ». Въ 118 имѣніяхъ того же уѣзда большая часть полей сдается крестьянамъ исполу, самимъ же владѣльцемъ или крупнымъ арендаторомъ обрабатывается табачная плантація, а то и часть поля; для этой цѣли въ хозяйствѣ держится одинъ плугъ и нѣсколько рабочихъ, но обходятся и безъ нихъ, лишь выговаривая при сдачѣ земли крестьянину извѣстный отработокъ. Наконецъ въ 187 имѣніяхъ вся земля сдается мелкимъ съемщикамъ **).

Приведенные факты и заявленія свѣдущихъ лицъ, хотя ихъ и недостаточно для окончательнаго разрѣшенія вопроса, даютъ намъ однако право присоединиться къ мнѣнію, что современный крестьянинъ характеризуется сильнымъ стремленіемъ къ хозяйственной самостоятельности, вслѣдствіе чего онъ всѣми способами избѣгаетъ поступленія въ батраки и рѣшается на это лишь по крайней необходимости. Мы тѣмъ охотнѣе присоединяемся къ высказанному мнѣнію, что оно подтверждается и ростомъ арендной платы: и отсутствіе хорошихъ батраковъ, и быстрый ростъ ренты—оба вытекаютъ изъ одного основнаго мотива, кото-

*) „Сбор. стат. свѣд. по Тамбовск. губерн.“, т. I, отд. I, стр. 32, и отд. II, стр. 60.

**) „Нѣжинскій уѣздъ“, стр. 121, 125 и 171.

рый мы формулировали выше и который крайне неблагоприятенъ для капиталистическаго земледѣлія; понятно, почему послѣднее находитъ трудъ чересчуръ дорогимъ и низкопробнымъ.

Нельзя сказать, чтобы подавляющее вліяніе ренты и организаціи рабочей силы помѣщичьяго хозяйства ослаблялось выгодными для него условіями со стороны третьяго элемента производства—капитала. Напротивъ того, по мнѣнію нашихъ агрономовъ, ученыхъ и не ученыхъ, вопросъ о капиталѣ — сторона «едва ли не самая печальная и не наиболѣе тормозящая правильное развитіе у насъ сельско-хозяйственнаго дѣла. Непомѣрная дороговизна и рѣдкость капитала въ Россіи—фактъ невоспѣтый. Между тѣмъ, какъ обыкновенный доходъ, даваемый земледѣліемъ, будетъ 5—6 процентовъ, земледѣльческій кредитъ обходится хозяину рѣдко когда дешевле $7^1/_2\%$ и очень часто въ 8—10% *). Выдержать такой налогъ капиталистическое земледѣліе можетъ не иначе, какъ возвысивъ свою доходность до 10%**), что однако составляетъ у насъ очень рѣдкое явленіе. Такъ заявляютъ хозяева, и мы соглашаемся, что они не совсѣмъ не правы. Скорѣе можно усомниться въ основательности жалобъ на другую сторону вопроса — на недоступность капитала земледѣлію; законность такого сомнѣнія сдѣлается читателю понятной, если онъ вспомнитъ, что банки и ипотечная операція дали помѣщикамъ въ послѣднія 20 лѣтъ немного разъ меньше милліарда рублей. Но хозяева положительно утверждаютъ, что у нихъ нѣтъ денегъ; что были онѣ, да сплыли, и сплыли самымъ безшабашнымъ образомъ; что ихъ нужно снабдить новыми капиталами, которыми они распорядятся уже совсѣмъ иначе, именно—обратятъ ихъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. Только капиталъ этотъ долженъ быть дешевъ, а 8—10 процентная вознагражденія земледѣліе по существу своему дать не можетъ. Такія требованія спеціальнаго земледѣльческаго кредита побуждаютъ насъ нѣсколько остановиться на разрѣшеніи слѣдующаго вопроса: ипотечный кредитъ способенъ ли вообще сослужить службу сельско-хозяйственному промыслу? Привлекаетъ ли онъ къ нему дѣйствительно капиталы или служитъ иному богу, ничего общаго съ земледѣльческимъ производствомъ и его прогрессомъ не имѣющему? Остановиться на этомъ вопросѣ мы считаемъ тѣмъ удобнѣе, что онъ послужитъ темою изслѣдованія г. Ерошевскаго, изъ брошюры по-

*) *Ермолов*: „Организація полеваго хозяйства", т. I, стр. 15 и 16.

**) „Сельск. хоз. и лѣс.", 1879 г., I.

тораго—«Къ вопросу о поземельномъ кредитѣ»—мы и почерпаемъ нижеслѣдующіе факты и заключенія.

По господствующему ученію, земледѣліе для своего процвѣтанія нуждается въ двоякаго рода кредитѣ, какъ источникѣ капитала: краткосрочномъ, личномъ—для улучшеній временныхъ, быстро-возвращающихся, и долгосрочномъ—для постоянныхъ улучшеній. Перваго рода кредитъ можетъ быть пріобрѣтенъ, на общемъ основаніи, подъ личную отвѣтственность хозяина; для постоянныхъ же улучшеній земледѣлія, возвращающихъ капиталъ медленно и по частямъ, нуженъ спеціальный кредитъ, характеризующійся, соотвѣтственно цѣли, для которой употребляется, долгосрочностью и постепенностью погашенія долга. Вотъ причины, почему сельское хозяйство не можетъ удовлетвориться общимъ кредитомъ, почему оно требуетъ спеціальныхъ, ипотечныхъ учрежденій, основанныхъ на залогѣ земель.

Съ этой точки зрѣнія широкое развитіе ипотечнаго кредита въ Европѣ въ XIX вѣкѣ есть явленіе отрадное, указывающее на быстроту сельско-хозяйственнаго прогресса; обремененіе земель долгами—выдающаяся черта того же періода—есть въ сущности прекращеніе доходовъ хозяевъ,—слѣдовательно, возвышенія ихъ благосостоянія. Но въ такомъ случаѣ почему же они такъ жалуются на тяжесть долговъ, почему продажа имѣній за долги растетъ съ каждымъ годомъ? Не пора ли усомниться въ истинности господствующаго ученія и отыскать другую причину быстраго развитія ипотечнаго кредита? Такимъ вѣрнымъ по данному вопросу явился нѣмецкій экономистъ Ротбертусъ. Въ противоположность общему мнѣнію, онъ утверждаетъ, что причиной земельной задолженности являются не сельско-хозяйственныя улучшенія, а мобилизація земли, переходъ ея изъ рукъ въ руки. Это явленіе развилось повсюду съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и развитіемъ капиталистическаго, товарнаго производства. Принципы этого послѣдняго—свобода и конкурренція, будучи распространены на недвижимую собственность, привели къ тому, что послѣдняя была вынесена на рынокъ и, какъ всякій другой товаръ, пошла путешествовать изъ рукъ въ руки. При этихъ переходахъ по куплѣ-продажѣ или по раздѣлу между наслѣдниками орудіемъ обращенія является обыкновенно кредитъ,—рѣдко кто пріобрѣтаетъ собственность на чистыя деньги; большею частью ими уплачивается только незначительная часть стоимости имущества, а для пріобрѣтенія недостающей суммы поку-

наемная недвижимость закладывается въ банкъ. Такимъ образомъ земля, попавъ въ руки даже лица желающаго хозяйничать, повышать культуру и пр., оказывается уже достаточно обремененною долгами; значительная часть доходовъ имѣнія идетъ на погашеніе послѣднихъ, а тутъ еще является настоятельная необходимость новаго займа для веденія дѣла, для его улучшенія. Нужно прибѣгнуть опять къ кредиту, но уже не столь выгодному, такъ какъ занять приходится у частнаго лица; земля перезакладывается разъ, можетъ-быть и другой; срочные платежи растутъ гораздо быстрѣе доходовъ и, выносятся они хозяиномъ каждый разъ съ большимъ и большимъ затрудненіемъ; а тамъ случилось временное разстройство по хозяйству, дѣла запускаются еще больше — и имѣніе, пріобрѣтенное съ благими цѣлями возвышенія сельско-хозяйственной культуры, идетъ съ молотка, попадаетъ въ другія руки, гдѣ опять проходитъ описанныя выше фазы упадка. Читатель видитъ, что разсматриваемая теорія совершенно противоположна предыдущей: по этому ученію, ипотечный кредитъ служитъ не сельско-хозяйственному производству, а обращенію земли; посредствомъ этого кредита капиталъ помѣщается не къ хозяину, желающему работать въ земледѣльческой области, — его пріобрѣтаетъ прежній землевладѣлецъ, разрывающій теперь связь съ землей и намѣревающійся обратить свои финансовыя средства на другое предпріятіе. Слѣдовательно, ипотечный кредитъ не только не привлекаетъ капиталовъ къ земледѣлію, но даже отвлекаетъ ихъ отъ него, обращаетъ землю въ орудіе добыванія денегъ для другихъ, не сельско-хозяйственныхъ, цѣлей. Единственная выгодная сторона описываемыхъ порядковъ та, что сказаннымъ путемъ создается возможность пріобрѣсть землю лицу неимѣющему капитала, но чувствующему влеченіе къ сельско-хозяйственной дѣятельности и потому способному вывести эту отрасль труда по пути прогресса. Но выгода эта достигается столь дорогою цѣной, что этимъ поглощаются всѣ рессурсы новаго владѣльца, и у него уже не остается ничего для выполненія прямой своей задачи, для которой онъ именно и пріобрѣталъ землю. Высказанныя заключенія подтверждаются слѣдующими данными, касающимися мобилизаціи земли и ея послѣдствій. . . . .

Для того, чтобы хозяинъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ производства прочныхъ улучшеній, нужно, чтобы земля оставалась въ его рукахъ очень продолжительное время, такъ какъ постоянныя улучшенія даютъ окончательные плоды по прошествіи даже

десятилѣтій. Что же мы наблюдаемъ въ дѣйствительности? Какъ долго въ среднемъ владѣлецъ пользуется пріобрѣтеннымъ имуществомъ?—Оказывается, что періодъ владѣнія повсюду весьма кратокъ для того, чтобы серьезно связать хозяина съ его производствомъ. Именно въ большинствѣ европейскихъ странъ—Пруссіи, Австріи, Франціи, Силезіи и проч. — быстрота обращенія земли такова, что не позволяетъ ей оставаться въ однѣхъ рукахъ дольше 13—16 лѣтъ—періодъ не всегда достаточный даже для совершенія прочнаго измѣненія въ производствѣ (напримѣръ, перемѣны сѣвооборота), не говоря уже о воспользованіи плодами трудовъ реорганизатора. Такое положеніе не въ состояніи побудить собственника къ предпринятію радикальныхъ агрикультурныхъ улучшеній, а способствуетъ, напротивъ того, хищнической системѣ хозяйства, поддерживаетъ во владѣльцахъ стремленіе скорѣе воспользоваться производительными силами земли, пока она не перешла въ другія руки.

Столь широко развивающаяся мобилизація земли приводитъ и къ другимъ невыгоднымъ для сельскаго хозяйства послѣдствіямъ. Размѣръ имѣнія, наиболѣе удобный для производства улучшенія, долженъ быть такой, который бы давалъ возможность хозяину—будетъ ли онъ мелкій или крупный собственникъ—самому завѣдывать предпріятіемъ; слѣдовательно, для мелкой культуры это будетъ участокъ, способный быть эксплуатируемымъ семьей, а для крупной—имѣніе должно быть среднихъ размѣровъ, доступное во всей цѣлости и по частямъ хозяйскому глазу. Въ противоположность сказанному, мобилизація современнаго землевладѣнія приводитъ къ уничтоженію среднихъ помѣщичьихъ и семейныхъ крестьянскихъ участковъ и къ размноженію очень мелкихъ, на которыхъ уже нельзя вести правильнаго земледѣльческаго хозяйства, а развѣ только огородное,—и крайне большихъ, которые для правильной эксплуатаціи должны быть разбиты на части. Словомъ, мобилизація земельной собственности, поддерживаемая спеціальнымъ ипотечнымъ кредитомъ, ведетъ къ крайнему нарцелированію и концентраціи земли — явленію, неблагопріятствующему сельско-хозяйственному производству.

И вотъ, въ тотъ именно моментъ, когда земельный кредитъ на Западѣ, искуственно созданный для поддержанія частнаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства, проявилъ въ полной силѣ свое тлетворное вліяніе на одно и другое, наше капиталистическое земледѣліе взываетъ къ его помощи, надѣясь найти въ немъ ту

точку опоры, какая ему необходима, чтобы перевернуть свое жалкое существованіе. Читатель видитъ, сколь тщетны эти надежды, и, вѣроятно, согласится, что послѣдствіемъ развитія ипотечнаго кредита въ Россіи, какъ и въ Европѣ, будетъ обремененіе земельной собственности долгами, быстрая ея мобилизація, крайности концентраціи и парцелированія — все обстоятельства неблагопріятствующія сельско-хозяйственной дѣятельности, между прочимъ, въ капиталистической ея формѣ и тѣмъ паче превращенію экстенсивныхъ системъ въ интенсивныя. Эти естественные результаты отношенія къ землѣ, какъ къ товару, — отношенія прочно утвердившагося и широко развившагося, благодаря именно спеціальнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, — уже успѣли въ достаточной степени проявиться и въ Россіи: жалобамъ на раззореніе банковъ, какъ извѣстно читателю, нѣтъ конца; переходъ земли изъ рукъ въ руки совершается съ значительною быстротой. Намъ еще далеко, правда, въ этомъ отношеніи до Европы, но вѣдь мы и проходимъ лишь первыя ступени той лѣстницы, по которой западныя хозяйства значительно уже спустились и приблизились къ раззоренію: банки у насъ начали свою разрушительную миссію всего какихъ-нибудь 10—15 лѣтъ, а для такого періода достаточно, надѣюсь, и тѣхъ успѣховъ, какіе рисуются нижеприводимыми, правда отрывочными, фактами мобилизаціи земельной собственности въ Россіи.

Когда г. Ерощевскій писалъ свою книгу, онъ могъ по данному вопросу привести только примѣръ Московской губерніи, гдѣ земля остается въ однѣхъ рукахъ въ среднемъ 25—26 лѣтъ; послѣ того обнародованы новыя цифры, изъ которыхъ видно слѣдующее. Въ Полтавской губерніи изъ двухъ почти милліоновъ десятинъ частнаго землевладѣнія за 8 лѣтъ перешло изъ рукъ въ руки по куплѣ-продажѣ около 380.000 десятинъ *), въ годъ въ среднемъ 46.685 дес., что соотвѣтствуетъ сорокалѣтнему пребыванію земли въ однѣхъ рукахъ. Мы не знаемъ, сколько земли перешло за это время иными способами, и потому воздерживаемся отъ окончательнаго заключенія. Но вотъ въ Нижегородской губ., о которой свѣдѣнія полнѣе, мы узнаемъ, что за послѣднія 10 лѣтъ изъ 1.457.137 десятинъ частнаго землевладѣнія перешло изъ рукъ въ руки 367.447 дес. **); это значитъ, что земля не

*) „Статистическія свѣдѣнія о пространствѣ дачъ и проч. въ Полтавской губерніи".

**) „Сборникъ статистическихъ и справочныхъ свѣдѣній по Нижегородской губ.". 1880 г.

задерживается въ однѣхъ рукахъ дольше, какъ на 30 лѣтъ. Въ Самарской губерніи земля еще подвижнѣе: за послѣдніе три года изъ 2.200.000 десятинъ дворянской земли въ другія руки перешло 300.000 *); ежегодно слѣдовательно уплываетъ изъ дворянскихъ рукъ 5%, что соотвѣтствуетъ двадцатилѣтнему пребыванію земли у того же владѣльца.

Итакъ, капиталъ не оправдалъ разсчетовъ крупныхъ хозяевъ,—онъ не смягчилъ и не смягчитъ въ будущемъ рѣзкихъ вліяній чрезмѣрно высокой ренты и низкаго развитія батрацкаго труда. Помѣщикамъ остается возложить надежды на выгодный сбытъ продукта: можетъ быть онъ совершается при такихъ условіяхъ, что всѣ вышеописанныя затрудненія теряютъ свое значеніе, и владѣлецъ, несмотря ни на что, пожнетъ побѣдныя лавры. Но именно въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ капиталистическаго хозяйства оно и получаетъ окончательный ударъ: цѣна помѣщичьяго хлѣба держится ниже естественнаго уровня подъ вліяніемъ конкурренціи со стороны двухъ соперниковъ—крестьянскаго продукта и иностраннаго. «Нужда гонитъ крестьянъ на базаръ; они продаютъ тамъ хлѣбъ по чемъ ни попало и тѣмъ сбиваютъ съ него цѣну въ такое время, когда деньги сельскому хозяину всего нужнѣе»,—жалуется, напримѣръ, помѣщикъ Тамбовской губерніи **); «хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ при настоящихъ условіяхъ не могутъ выдерживать со стороны дешевизны конкурренціи съ крестьянскимъ», когда положеніе крестьянъ таково, что «имъ необходимо въ извѣстное время, во что бы то ни стало, продать продукты, чтобы добыть деньги»,—заявляетъ изслѣдователь частнаго землевладѣнія Московской губерніи ***). Но гораздо болѣе грознымъ соперникомъ помѣщичьему хлѣбу на рынкѣ нужно признать продуктъ иностраннаго производства.

Не далеко то время, когда Россія будетъ вытѣснена съ международнаго хлѣбнаго рынка. Зерно—такой продуктъ, который всего дешевле и легче производится первобытными неистощенными почвами; поэтому съ пріобщеніемъ къ международнымъ сношеніямъ молодыхъ странъ старыя предоставляютъ имъ добывать на всѣхъ хлѣбъ, сами же переходятъ къ производству другихъ, бо-

*) *Русскій Курьеръ* 1891 г. № 175, изъ *Голоса*.

**) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.“, т. I, отд. I, стр. 62.

***) „Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губ.“, т. V, вып. I, стр. 195.

лѣе цѣнныхъ, продуктовъ. Когда-то и Россія была такой первобытной страной, что давало и ей возможность въ свое время прокармливать Европу. Теперь эту ея роль беретъ на себя еще болѣе молодая—Америка; но и послѣдняя—не единственная въ этомъ родѣ: есть еще не мало мѣстностей, постепенно колонизуемыхъ и культивируемыхъ европейцами, которыя одна за другой будутъ исполнять роль поставщиковъ зерновыхъ продуктовъ на европейскіе рынки. Теперь мы уступаемъ это мѣсто Америкѣ, но и она спасуетъ передъ позднѣйшими соперниками, и т. д. Россіи, если она думаетъ сохранить за собой мѣсто въ международной торговлѣ продуктами земледѣлія, нужно отъ производства хлѣба обратиться къ скотоводству,—такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ наши публицисты-агрономы. Ихъ планы и предположенія болѣе или менѣе подробно разбирались нами въ другомъ мѣстѣ *), поэтому теперь мы ограничимся лишь указаніемъ на два обстоятельства, разрушающія радужныя фантазіи публицистовъ нашего капитализма. Первое то, что и европейское сельское хозяйство, передавъ добываніе зерна Россіи и Америкѣ, обратило свои заботы на развитіе скотоводства, такъ что съ своимъ мясомъ, масломъ и проч. на чужихъ рынкахъ намъ придется встрѣтиться съ продуктомъ внутренняго производства; во-вторыхъ, мясной европейскій рынокъ представлялъ до сихъ поръ поле мало доступное внѣшней конкурренціи лишь потому, что производители не умѣли сохранять мясо въ прокъ и оно не выдерживало лѣтней перевозки на далекія разстоянія. Въ послѣдніе же годы, какъ извѣстно, вопросъ этотъ наконецъ разрѣшился въ положительную сторону; и хотя такимъ образомъ для Россіи создалась абстрактная возможность торговать съ иностранцами мясомъ, но, къ прискорбію нашихъ крупныхъ хозяевъ, путь этотъ не запрытъ и для американцевъ, и на рынкахъ Европы давно уже появилось мясо заатлантическаго происхожденія. Годъ назадъ мы говорили о тѣхъ надеждахъ, какія возбуждены были въ помѣщичьихъ хозяйствахъ указаннымъ событіемъ; мы видѣли, какъ русское производство пыталось воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ на первый разъ хотя бы для снабженія мясомъ одного только Петербурга. Но вотъ прошелъ годъ, и хотя перевозка этого продукта на дальнія разстоянія сдѣлалась однимъ изъ обыденныхъ источниковъ доходовъ въ рукахъ предпріимчивыхъ и умѣлыхъ американцевъ,—русскіе

*) *Отеч. Записки* 1881 г., кн. III: „Фантазіи и дѣйствительность русскаго капитализма“.

все еще сидятъ пока надъ изобрѣтеніемъ какихъ-то вагоновъ. Можно надѣяться, что когда они, наконецъ, рѣшатъ для себя вопросъ, съ которымъ давно уже покончили американцы, послѣдніе окажутся такъ прочно утвердившимися на международномъ мясномъ рынкѣ, что могутъ съ спокойной усмѣшкой слѣдить за попытками русской торговой лягушки раздуться до толщины американскаго быка.

Иначе говоря, пока наше крупное сельское хозяйство преобразуется въ направленіи, требуемомъ положеніемъ современнаго международнаго земледѣльческаго рынка, послѣдній представитъ опять новыя отношенія, которыми тоже воспользуемся не мы, плетущіеся въ хвостѣ цивилизаціи, а тѣ, которыхъ мы считаемъ своими путеводителями и соперниками, которые представляютъ активныхъ дѣятелей въ международной торговлѣ, создающихъ новыя отношенія, а не склоняющихъ предъ ними голову.

Америка и подобныя ей страны имѣютъ то преимущество надъ европейцами, что тогда какъ послѣдніе должны затрачивать капиталъ для приданія истощенной продолжительною культурой почвѣ плодородія, первые имѣютъ это плодородіе даромъ: оно заключается въ нетронутыхъ естественныхъ силахъ земли. Это даетъ имъ возможность экстенсивными, слѣдовательно, болѣе дешевыми, системами хозяйства получать тѣ продукты, которые въ Европѣ добываются интенсивными способами. Одного указаннаго преимущества Америки можетъ быть достаточно для того, чтобы наверстать потери, которыя она принуждена нести вслѣдствіе своей отдаленности отъ рынка (Европы). Но Америка обладаетъ еще одной даровою силой, что очень рѣзко отличаетъ ее отъ Россіи: недостатокъ и дороговизна рабочихъ вмѣстѣ съ сильнымъ развитіемъ техники служатъ причиною, что сельскіе хозяева Америки въ огромныхъ размѣрахъ примѣняютъ къ производству машины. Для примѣра мы укажемъ на ферму Глина въ Калифорніи размѣромъ въ 65.000 акровъ, изъ коихъ 45.000 (17.000 дес.) находятся подъ пшеницей. Эта громадная экономія, которая потребовала бы въ Россіи нѣсколько тысячъ рабочихъ, обходится однако всего 50 рабочими при посѣвѣ и 150 при уборкѣ; за то одна молотильная машина, напримѣръ, обмолачиваетъ въ день до 1.000 четвертей хлѣба*). Благодаря указаннымъ двумъ сторонамъ своего хозяйства—естественному плодородію почвы и широкому примѣненію

*) „Сельское хозяйство и лѣсоводство“. 1881 г., 4: „Изъ заграничной литературы“.

машинъ, продуктъ американскаго земледѣлія въ состояніи выдержать путешествіе черезъ океанъ, дабы фигурировать на европейскомъ рынкѣ. Еслибы въ немъ здѣсь нуждались, никто бы на это не посѣтовалъ; но въ томъ-то и дѣло, что онъ излишенъ, что запросы рынка удовлетворялись и европейскими производителями, что свободнаго мѣста для него тамъ не нашлось. Пришлось поэтому завоевывать его силою, и тутъ-то оказалось, какое значеніе имѣетъ первобытное плодородіе почвы въ рукахъ предпріимчивой и технически развитой расы: англійскіе хозяева-капиталисты, несмотря на свое интенсивное земледѣліе (или, вѣрнѣе, по причинѣ послѣдняго), на свою образованность, опытность и т. п., должны были уступить поле сраженія американцамъ; будучи не въ силахъ продавать такъ же дешево у себя дома, какъ продаютъ американцы, пріѣхавъ для этого къ нимъ за тысячи верстъ, они понемногу бросаютъ англійскія фермы съ ихъ усовершенствованнымъ хозяйствомъ и перебираются въ страну своихъ соперниковъ, гдѣ, по примѣру послѣднихъ, станутъ эксплуатировать землю наиболѣе грубыми способами.

Въ Россіи господствуетъ экстенсивное хозяйство, но время его проходитъ; дальнѣйшее развитіе земледѣлія, по непреложнымъ историческимъ законамъ, будетъ совершаться въ направленіи, въ какомъ оно шло на Западѣ: естественное плодородіе почвы должно быть усилено затратой капитала, а продукты земледѣлія станутъ получаться труднѣе,—они будутъ стоить относительно дороже, особенно имѣя въ виду, что развитіе техники, по причинѣ нашей отсталости и дешевизны труда, будетъ идти въ Россіи значительно медленнѣе, чѣмъ на Западѣ. Словомъ, у насъ впереди, приблизительно, все тотъ процессъ, какой имѣлъ мѣсто въ Англіи и который въ концѣ концовъ привелъ къ тому, что англійскій хозяинъ-капиталистъ спасовалъ передъ американцемъ; это значитъ, что и нашему крупному производителю лучше не схватываться съ янки, что пытаться ему занять на внѣшнемъ рынкѣ мѣсто англійскаго фермера, изгоняемаго оттуда Америкой, будетъ комичною выходкой, не больше. То-есть внѣшній рынокъ, при той напряженности борьбы конкурентовъ, какая съ каждымъ годомъ становится сильнѣе и сильнѣе, долженъ быть признанъ ускользающимъ изъ рукъ русскихъ производителей, и нашему капиталистическому хозяйству въ своемъ преобразовательномъ движеніи остается основываться исключительно на развитіи внутренняго рынка. Но здѣсь оно столкнется съ соперникомъ не менѣе

грознымъ, чѣмъ американцы, фигурирующіе на внѣшнемъ рынкѣ; соперникъ этотъ—ограниченность потребностей русскаго народа и существованіе другой формы хозяйства, преслѣдующей ту же цѣль.

Ожидаемыя перемѣны въ сельскомъ хозяйствѣ будутъ состоять въ усиленіи его интенсивности, которая характеризуется разнообразіемъ культивируемыхъ растеній и примѣненіемъ въ широкомъ размѣрѣ удобренія. То и другое будетъ достигнуто, если въ полевой сѣвооборотъ введется культура травъ, картофеля, свекловицы и проч.; эти растенія, затѣмъ, должны быть переработаны въ вино, сахаръ, крахмалъ, а отбросы соотвѣтствующихъ техническихъ производствъ вмѣстѣ съ культивируемой на поляхъ травой дозволятъ расширить скотоводство, которое въ свою очередь дастъ хозяину съ одной стороны мясо, масло и т. п. для продажи, съ другой—навозъ для полей. Но, спрашивается, кто же будетъ потреблять всѣ эти продукты? Разсчитывать на вывозъ ихъ за границу, какъ мы уже заявляли, будетъ чистой иллюзіей, а народное потребленіе не расширяется съ такою быстротой, какая нужна нашему капитализму. Чтобы выиграть на этомъ пунктѣ, дабы приготовить внутренній рынокъ, столь необходимый для реорганизаціоннаго движенія земледѣлія подъ флагомъ капитализма, послѣдній долженъ прежде всего озаботиться возвышеніемъ народнаго благосостоянія. Но не черезчуръ ли рискованъ подобный шагъ? Не будетъ ли это подрывомъ собственнаго существованія крупнаго земледѣлія? Разбогатѣвшій народъ потерпитъ ли на себѣ руку капитала? Даже больше—мыслимо ли поднять русскаго мужика, какъ потребителя, если не обезпечить его, какъ самостоятельнаго производителя?

Отвѣчать на этотъ вопросъ сколько-нибудь обстоятельно—значитъ написать цѣлыя сотни страницъ, а между тѣмъ отношеніе его къ предмету нашей статьи—косвенное. Поэтому мы ограничимся лишь слѣдующимъ краткимъ формулированіемъ основныхъ положеній. Поднять народное благосостояніе можно или увеличивъ заработную плату крестьянина, какъ наемнаго рабочаго, или увеличивъ чистый доходъ отъ его самостоятельнаго производства. Первый путь требуетъ пышнаго развитія капиталистическаго производства, и потому можетъ показаться, что къ этому-то и должны быть направлены усилія общества. Однако, подобный опытъ нами уже сдѣланъ: двадцать лѣтъ послѣ реформы прошли именно въ систематическихъ заботахъ о крупномъ производствѣ, и въ

результатѣ—регрессъ послѣдняго и обѣднѣніе народа *). Затѣмъ, выше мы видѣли, что по крайней мѣрѣ капиталистическое земледѣліе при современныхъ условіяхъ процвѣтать не можетъ. Именно въ видахъ его поддержанія у насъ и зашла рѣчь о поднятіи народнаго благосостоянія; будетъ, слѣдовательно, самопротиворѣчіемъ—перевертывать вопросъ и ставить въ основу то положеніе, которое раньше мы признали за слѣдствіе.

Съ другой стороны, все то, что высказывается въ послѣднее время въ печати и что составляетъ главный предметъ настоящихъ заботъ правительства, свидѣтельствуетъ, что въ обществѣ созрѣло убѣжденіе о неразрывной связи народнаго благосостоянія съ положеніемъ его хозяйства: уничтоженіе солянаго налога, облегченіе выкупныхъ платежей, организація долгосрочнаго кредита для покупки крестьянами земель, отдача имъ въ аренду казенныхъ угодій, заботы о переселеніи крестьянъ — всѣ эти мѣры, которыми думаютъ поднять народное благосостояніе, направлены къ поддержанію *самостоятельнаго крестьянскаго производства*.

Но много ли выиграетъ отъ этого капиталистическое земледѣліе? Не существующій нынѣ рынокъ откроется — это правда; но вѣдь параллельно съ ростомъ рынка будетъ имѣть мѣсто и снабженіе его продуктами *мелкаго* хозяйства. Оба явленія—развитіе крестьянскаго производства и возвышеніе его благосостоянія—будутъ идти одновременно, поддерживая другъ друга: по мѣрѣ освобожденія перваго отъ путъ, связывающихъ его въ настоящее время, будетъ подыматься послѣднее, что въ свою очередь послужитъ для высшаго развитія крестьянскаго производства и еще больше упрочитъ его. Капиталистическому земледѣлію здѣсь уже нѣтъ мѣста, и еслибъ оно паче чаянія попыталось втереться, крестьянству останется лишь расширить примѣненіе тѣхъ—правда, героическихъ—мѣръ, какими онъ съ нимъ борется нынѣ: еще болѣе высокой арендною платой, обращеніемъ въ наемный персоналъ негодной части своего рабочаго состава, пониженіемъ цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и, какъ слѣдствіемъ борьбы, сокращеніемъ собственнаго потребленія народъ создастъ обстановку, аналогичную современной, въ которой задыхается крупное земледѣліе.

Итакъ, хотя въ Россіи находятся условія, считаемыя агрономами благопріятными для развитія интенсивнаго капиталисти-

*) Смотр. объ этомъ въ *Отеч. Зап.* 1881 г., кн. VIII и IX: „Экономическій упадокъ Россіи“.

ческаго земледѣлія, высокая арендная плата и низкая цѣна труда, но, къ несчастію, самое существованіе крупнаго хозяйства находится у насъ подъ вопросомъ. И, что интересно, его губятъ именно упомянутыя «благопріятныя» условія: чрезмѣрно-высокая рента окружаетъ капиталистическое производство атмосферою черезчуръ большаго риска; низкопробный дешевый трудъ вмѣстѣ съ дорогимъ капиталомъ еще усугубляетъ возможность убытка для хозяина; условія внутренней и внѣшней торговли не дозволяютъ наверстать потери соотвѣтственнымъ возвышеніемъ цѣны продукта. При такой комбинаціи обстоятельствъ развитіе интенсивности земледѣлія подъ руководствомъ капитала можно считать пріятной, или, если угодно, «полезной» игрушкой, но никакъ не серьезнымъ историческимъ явленіемъ.

В. В.

Изъ Лудвига Кондратовича.

Овидій въ Полѣсьи.

Въ Римъ цезарь Августъ нѣкогда,—конечно, ради тона,—
Призвалъ и помѣщеніе далъ музамъ Геликона,
Былъ милостивъ до щедрости, не зналъ для нихъ покоя,
Горацієвъ, Виргиліевъ къ себѣ звалъ на жаркое—
И вдругъ онъ нарушеніе замѣтилъ этикета:
Интрижку съ его дочерью Овидія поэта.
Онъ былъ придворнымъ Августа и, главное, въ томъ сила,
Что дѣвушкѣ Овидія ухаживанье льстило.
Живая, чернобровая и съ огненною кровью
Была римлянка Юлія... Нельзя шутить съ любовью:
Тутъ бѣсъ не спитъ, и долго ли пропасть отъ искушенья?

. . . . . .

Такъ думалъ Цезарь...

. . . . . .

Съ друзьями совѣщался онъ о дѣлѣ томъ проклятомъ
И вотъ что понадумали Агриппа съ Меценатомъ:
«Измыслить нужно средство намъ въ «прохладномъ» самомъ
родѣ,—
Жаль, что Каэнна милая еще у насъ не въ модѣ,—
И вотъ на что намъ слѣдуетъ немедленно рѣшиться:
Пусть на Эвксинскомъ морѣ онъ немножко прохладится,
А если не научится и тамъ болтать онъ прозой,
То въ Пинскъ сошлемъ Овидія съ острасткой и съ угрозой».
Какъ сказано, такъ сдѣлано. Назонъ, убитый, хворый,
Попавъ въ трущобы пинскія, сбирать сталъ мухоморы,
За раками, за рыбами ходилъ-бродилъ по суткамъ,

Изъ лука изъ сарматскаго стрѣлялъ въ лѣсу по уткамъ
И письмами къ пріятелямъ онъ надоѣлъ безмѣрно:
«Соскучился о Римѣ я, живу ужасно скверно;
Умаслите вы цезаря, мнѣ вымоливъ прощенье;
Я комарамъ—подумайте!—здѣсь отданъ на съѣденье».
Друзья, какъ это водится, всегда при первомъ горѣ,
Наобѣщавъ съ три короба, о немъ забыли вскорѣ,
А Юлія, коварная, дошла до вѣроломства:
Съ преторіанскимъ всадникомъ давно свела знакомство.

. . . . . .

Поэтъ-изгнанникъ (съ цезаремъ плохія, видно, шутки)
Въ имѣньи Радзивиловомъ скончался въ Давидгрудкѣ
(По имени владѣтеля такъ мѣсто называлось)...
Судьба съ пѣвцами бѣдными не разъ такъ обращалась.

Я, дѣвъ подобныхъ Юліи нигдѣ не соблазнявшій
И никогда Овидіемъ себя не называвшій,—
Я, волею-неволею, какъ онъ, несчастливъ въ жизни,
Какъ въ Пинскѣ онъ, въ изгнаніи живу въ Борейковчизнѣ,
Гдѣ мнѣ весною велѣно природой наслаждаться:
Здѣсь на березахъ розгами привыкъ я любоваться;
На нивахъ нѣтъ ни колоса, трава не выростаетъ;
Красивѣе репейника цвѣтовъ никто не знаетъ.
Мнѣ, бѣдному изгнаннику, въ заброшенномъ мѣстечкѣ
И раковъ не приходится ловить,—нѣтъ близко рѣчки.
А сельскія красавицы, краса, приманка глаза?—
Изъ нихъ любая моется въ году два только раза;
Изъ нихъ любая каждаго озлитъ, иль распотѣшитъ,
И косу золотистую разъ только въ годъ расчешетъ;
А платье бѣлоснѣжное у ней и въ праздникъ даже
Украшено узорами изъ грязи и изъ сажи...
Красавицы литовскія, Пояты и Альдоны!
Иль умывались чаще вы, иль ваши селадоны
И рыцари суровые, въ косматой ихъ одеждѣ,
Не очень-то разборчивы въ любви бывали прежде
И, струнамъ арфъ обязаны, прекрасными казались
Литвянки наши древнія, хоть рѣдко умывались...

Вхожу я въ садъ, является жидъ съ видомъ униженья...
Ахъ, нѣтъ, не жидъ—еврейскаго полякъ происхожденья.
До сорока, не болѣе, давъ сребрениковъ въ лѣто,

Онъ арендуетъ садикъ мой на цѣлый годъ за это
И, мужъ предусмотрительный, слѣдитъ съ улыбкой гадкой,
Не стану-ль груши, яблоки я воровать украдкой,
Псалмы ерусалимскіе мнѣ подъ носъ напѣвая...
На чемъ же успокоится душа моя живая?
Въ вопросы философскіе по горло углубиться?
Иль подъ тѣнистымъ тополемъ съ свирѣлью пріютиться?...
Пусть житель этой мѣстности вторымъ Ньютономъ будетъ,
Но яблока паденіе въ немъ мысли не пробудитъ.

Иду въ свою я комнату... Въ той комнатѣ, гдѣ прежде
Такъ хорошо работалось, гдѣ вѣрилъ я надеждѣ,—
Тамъ груда книгъ валяется и ихъ никто не тронетъ,
Да эхо одинокое подъ шагъ тяжелый стонетъ...

Охотники.

(Lowiec.)

Предкамъ охота служила забавой,
Страсть къ ней скрывается въ сердцѣ литвина;
Онъ встарину, еще въ дни Гедымина,
Билъ и волковъ, и медвѣдей со славой.
Мы и теперь на охотѣ ретивы,
Мчаться готовы чрезъ пашни, иль нивы;
Если-жь звѣрей нѣтъ, поладимъ мы съ горемъ:
Дичь мы стрѣляемъ и просто «дичь поремъ»...
Будемъ же славить прогрессъ нашъ блестящій:
Славься охота и вѣкъ настоящій!...

Время сѣдое—вотъ врагъ человѣка!
Время убить—вотъ вопросъ самый главный!
Но у охотниковъ поздняго вѣка
Есть на то методъ довольно забавный:
Вистъ по копѣйкѣ, бесѣда изъ сплетенъ,
Смотришь—день длинный почти незамѣтенъ...
Можно дремотой, къ тому же, забыться...
Трупомъ минута къ минутѣ ложится
И современное мудрое племя
Пышно хоронитъ *убитое время*.

Кончился день и домой каждый скачетъ
На-боковую,—спитъ сладко, со свистомъ;
Но и во снѣ также ближнихъ судачитъ,
Но и во снѣ наслаждается вистомъ.
Сонъ заслужённый счастливца качаетъ,
Чистая совѣсть его не смущаетъ
И никогда онъ, какъ Титъ, я увѣренъ,
И не помыслитъ: «Друзья, день потерянъ!»
Развѣ одна лишь негодная муха
Носъ пощекочетъ ему, или ухо.

Но, разумѣется, мужъ изощренный
Въ битвахъ съ подобнымъ ничтожнымъ твореньемъ
И щекотаньемъ его раздраженный,
Муху сражаетъ однимъ мановеньемъ...
Послѣ такой незапятнанной жизни
И умереть ему можно въ отчизнѣ,
Страха не зная, не зная заботы...
Это все дѣло послѣдней охоты:
Самъ на себя онъ охотился, словно,
И убиваетъ свой вѣкъ хладнокровно.

Если же сходятъ въ могилу другіе,
Люди труда и великаго дѣла,
Какъ ему жалки ихъ думы благія
И какъ надъ ними хохочетъ онъ смѣло:
«Эти великія души напрасно
Въ жизни трудились... Вѣдь это всѣмъ ясно!
Бой ихъ съ невѣжествомъ, съ злобой людскою
Разомъ прихлопнутъ могильной доскою.
Демонамъ эти безумцы грозили,
Сами-жь и мухи одной не убили!»

На перепутьи.

(Milczenie poety.)

Правда-ль это, пѣсня, даръ мой драгоцѣнный,
Что остылъ я сердцемъ и что вдохновенный
Пылъ мнѣ измѣняетъ въ омертвѣвшемъ тѣлѣ,
Какъ цвѣткамъ увядшимъ бабочка? Ужели

Въ жизни я останусь словно храмъ безъ крыши,
Гдѣ гнѣздятся совы и шныряютъ мыши?...
На людскую милость положиться, что ли?
Охъ, ужъ эта милость!... Растравитъ до боли,
Молніей ударитъ нѣсколько разъ съ ряду
И въ недвижный камень обратитъ въ награду...
Пусть такое счастье и врагу не снится...
Нѣтъ, желаю жить я и съ судьбою биться,
Чувствовать хочу я жизни трепетанье,
Радости и муки, счастье и страданье;
Даже путь терновый предъ собою чуя,
Въ міръ, какъ рыба въ воду, броситься хочу я.

Да, хочу бороться!... Или юность скрылась?
Ложь!—Во мнѣ, вѣдь, пламя только притаилось.
Кто сказалъ, что старъ я? Или всѣ ослѣпли?
Хмуръ мой видъ?... Такъ знайте: это—лава въ пеплѣ;
Голову склоню я на одно мгновенье:
Это только дума, или мигъ забвенья;
Мои пѣсни стихли, но молчанье это
Нужно, какъ священный отдыхъ для поэта.

Люди зашумѣли,—чѣмъ я такъ смутилъ ихъ?—
И кричатъ, что дряхлъ я и ужъ пѣть не въ силахъ.
Нѣтъ, не правда!... Пѣсня, докажи ты міру,
Что мою напрасно онъ позоритъ лиру!...
Пѣсня, будь вѣрна мнѣ! Радуясь, страдая,
Какъ пѣвецъ, продажнымъ не былъ никогда я,
Золотомъ не пачкалъ рукъ своихъ преступно
И поэта слово было неподкупно.
Рабски я не ползалъ въ людяхъ ради хлѣба
И спокойно, гордо могъ смотрѣть на небо.
Не растлилъ я мысли, не игралъ свободой,
Не терялъ я связи съ Богомъ и природой...
Презираю грязь я и порокъ до нынѣ,
Въ красотѣ и правдѣ вижу блескъ святыни,—
Для чего же буду собственныя силы
Убивать молчаньемъ, или сномъ могилы?

Нѣтъ, еще не старъ я,—сердце не устало...
Пѣсня, приходи же: грянемъ, какъ бывало...

Громкимъ звукамъ волю дать я побоюсь ли?
Пусть не стройны гусли,—я настрою гусли,
Запою и—пѣсня разноситься будетъ
По горамъ и нивамъ и сердца разбудитъ,
Эхомъ пронесется по густому бору...
Пѣть такія пѣсни старикамъ не въ пору
И такіе звуки—пусть узнаютъ люди—
Вылетать не могутъ изъ разбитой груди.

Но одна ли юность такъ нужна поэту?
И пѣвцовъ въ день судный призовутъ къ отвѣту,
Гдѣ съ того, кто много получилъ отъ Бога,
Спрошено предъ цѣлымъ свѣтомъ будетъ много.
«О, поэты!—грянетъ голосъ въ это время,—
На какую почву вы бросали сѣмя?
Иль оно упало на скалу безплодно,
Выжженное солнцемъ, иль взошло свободно
На зеленомъ полѣ? Тамъ колосья зрѣли,
Или только куколь вы взростить умѣли?
Плакали ли камни вмѣстѣ съ вашей пѣсней?
И когда брели вы по лѣсной тропѣ съ ней,
Потеряли-ль гады злобу вмѣстѣ съ ядомъ
И къ ручью ягненокъ шелъ ли съ волкомъ рядомъ?

«Пѣсня человѣка—развѣ щебетанье
Птички? Даръ поэта—высшее призванье.
Не копье, не стрѣлы мѣткія Нимврода—
Творческую силу вамъ дала природа
И оружье это, въ сердце проникая,
Страшно,—не сравнится сталь съ нимъ никакая.
Данное вамъ Богомъ свято назначенье:
Онъ вдохнулъ вамъ въ душу чары вдохновенья
И лучами славы озарилъ путь жизни.
О, пока не конченъ подвигъ вашъ въ отчизнѣ,
На минутный отдыхъ лишены вы права...
А межь тѣмъ, игрушка черни и забава,
Для ея потѣхи жили вы позорно,
Разбросавши даромъ вдохновенья зерна,
И питались хлѣбомъ, политымъ слезами,—
Политымъ слезами, добытымъ не вами...

Прочь! Рабамъ наемнымъ ждать нельзя прощенья:
Пусть въ аду сожгутъ васъ совѣсти мученья...»

О, впередъ я слышу этотъ голосъ свыше...
Отъ стыда горю я... Бейся, сердце, тише!
Страшно быть поэтомъ, страшно дѣло наше...
Пусть меня минуетъ, Боже, эта чаша,
Съ этой страстью къ пѣснямъ, съ жгучей ихъ тоскою!...
Нѣтъ, пойду ходить я лучше за сохою
И пасти быковъ я лучше буду въ полѣ,
Гдѣ привыкну скоро самъ къ ихъ жалкой долѣ.

Что сказалъ я?!... Ужасъ мой не повторится.
Горе тѣмъ, въ чьемъ сердцѣ тайный страхъ гнѣздится...
Взявшись разъ за гусли, пропаду и сгину,
Вынесу и кару, но гуслей не кину,—
Жить нельзя безъ пѣсни, безъ живаго слова.
Боже, помоги мнѣ!... Пѣть начну я снова.

Пѣсня!... Передъ нами столько дѣла въ мірѣ,
Что дремать нельзя намъ, давши волю лирѣ,
И пока горитъ въ насъ пламя вдохновенья,
Отдадимъ ему мы всѣ души движенья,
И хотя бы сжегъ насъ тотъ огонь,—кто знаетъ?—
Ледъ сердецъ холодныхъ можетъ-быть растаетъ.
Съ честною любовью, съ ненавистью честной
Громомъ загрохочетъ пѣсни звукъ чудесный,—
Даръ поэта станетъ даромъ всемогущимъ
И вѣнецъ блестящій ждетъ его въ грядущемъ.

Д. Минаевъ.

Государственная роспись на 1882 годъ.

II.

Доходы.

(*Продолженіе* *).

Въ порядкѣ изложенія государственной росписи въ прежнее время, обыкновенно, слѣдовалъ за питейнымъ доходомъ—соляной. Нынѣ, съ уничтоженіемъ акциза на соль, доходъ отъ соли потерялъ характеръ косвеннаго налога и далеко не имѣетъ того фискальнаго значенія, которое имѣлъ прежде. Онъ переданъ въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ и представляетъ собою доходъ отъ соляныхъ источниковъ, казнѣ принадлежащихъ. По смѣтѣ горнаго департамента онъ былъ исчисленъ въ суммѣ 1.054.515 рублей, но въ какой суммѣ онъ вошелъ въ утвержденную роспись и къ какой цифрѣ причисленъ при сведеніи доходовъ въ общія рубрики—этого изъ опубликованной росписи не видно. На этомъ основаніи, имѣя въ виду сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу этой статьи дохода, или, лучше сказать, по поводу отмѣны солянаго налога, я рѣшился придержаться въ моей бесѣдѣ съ читателемъ, по этому поводу, прежняго порядка изложенія государственной росписи, тѣмъ болѣе, что вліяніе этого налога на цѣны соли, несмотря на его отмѣну, далеко еще не уничтожилось и, слѣдовательно, экономическія послѣдствія его продолжаютъ тяготѣть надъ населеніемъ если не въ прежнихъ размѣрахъ, то все же еще довольно сильно.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всякій налогъ на предметы потребленія возвышаетъ ихъ цѣну въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ цифра обложенія, и эта разница увеличивается по мѣрѣ вы-

*) *Русская Мысль*, кн. IV.

соты обложенія, разстоянія отъ мѣстъ производства или добыванія и числа лицъ, служащихъ посредниками между производителемъ и потребителемъ. Каждый изъ этихъ посредниковъ долженъ вознаградить себя за уплату налога впередъ. Поэтому отмѣна налога должна бы понизить цѣну предмета обложенія болѣе чѣмъ на цифру налога. Между тѣмъ прошло уже болѣе года со времени отмѣны налога на соль, а цѣна на нее понизилась далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ можно было ожидать; она не понизилась даже на тѣ 30 коп., которыхъ казна уже не получаетъ нынѣ. Обстоятельство это даетъ поводъ многимъ думать, что теоретическія соображенія о томъ, что косвенный налогъ монополизируетъ предметъ обложенія, что онъ вредитъ населенію гораздо больше, чѣмъ приноситъ пользы фиску, положительно невѣрны,—что правительство, отмѣнивши налогъ на соль, сдѣлало ошибку и напрасно лишило себя 12 милл. руб. дохода, которые большею частію поступили въ карманъ солепромышленниковъ, и что народъ отъ подобной льготы не получилъ облегченія. Такъ дѣйствительно можетъ казаться человѣку, привыкшему судить по первому впечатлѣнію, не изслѣдуя дѣйствительныхъ причинъ экономическихъ явленій.

Нельзя не согласиться, что существующія у насъ цѣны на соль и ничтожное ихъ пониженіе вслѣдствіе отмѣны налога представляютъ въ самомъ дѣлѣ явленіе очень ненормальное; но, прежде чѣмъ указывать на невѣрность научнаго положенія, установившагося не со вчерашняго дня и не путемъ вывода a priori, а на основаніи практическаго наблюденія, подтверждаемаго ежедневнымъ опытомъ, слѣдовало бы припомнить, что всякое экономическое явленіе есть продуктъ нѣсколькихъ факторовъ и не только современныхъ данному явленію, но и предшествовавшихъ ему. Вотъ на эти-то факторы или причины того страннаго явленія, что цѣна на соль съ отмѣною акциза понизилась не въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало ожидать, я и желаю обратить вниманіе читателя.

Прежде всего я долженъ замѣтить, что во время существованія акциза казна не получала всей слѣдующей суммы акциза, такъ какъ было много способовъ уклониться отъ полнаго его взноса. Сюда относится обезпеченіе его банковыми билетами по номинальной стоимости и оставленіе этихъ бумагъ въ пользу правительства; за прекращеніемъ же пріема ихъ въ обезпеченіе акциза по номинальной цѣнѣ недоплата акциза выразилась въ

безпроцентномъ займѣ у правительства, такъ какъ соль, отпущенная изъ складовъ при источникахъ съ обезпеченіемъ акциза залогами, продавалась тотчасъ же за наличныя деньги. Затѣмъ, при системѣ учета соли по геометрическому измѣренію бугровъ, взвѣшивая только одинъ кубическій аршинъ изъ каждаго бугра, являлась возможность уплачивать акцизъ съ гораздо меньшаго количества вывезенной соли, и эту возможность акцизный надзоръ, даже при полной добросовѣстности, уничтожить не могъ, такъ какъ соль въ буграхъ получаетъ не одинаковую плотность, что зависитъ отъ состоянія погоды во время складки бугра. Акцизный же чиновникъ не можетъ знать, въ какую погоду укладывалась та или другая часть бугра, и, разумѣется, удовлетворяется тѣмъ вѣсомъ въ данномъ объемѣ, который случайно встрѣтитъ. Наконецъ, «въ семьѣ не безъ урода», говоритъ пословица, а потому нельзя поручиться за добросовѣстность всего акцизнаго надзора. Всѣ эти способы могли уменьшать общую сумму акциза, а конкуренція между торговцами заставляла ихъ понижать цифру обложенія. Если я заплатилъ акциза 300 руб. за 1.000 пудовъ, а вывезъ соли 1.200 пудовъ, то мнѣ обошелся акцизъ не по 30, а по 25 коп., и очень естественно, что въ оптовой продажѣ подобныя злоупотребленія могли до извѣстной степени понижать цѣну, обезпечивая все-таки значительный барышъ торговцу. Въ настоящее же время, при отсутствіи акциза, получать скрытый барышъ нельзя и потому цѣны должны быть ближе къ дѣйствительнымъ.

Далѣе, я напомню читателю, какъ поступалъ акцизъ въ казну и какимъ способомъ прекращено взиманіе налога. Общее правило взиманія состояло въ томъ, что при отпускѣ соли акцизъ обезпечивался залогами и взносъ его отсрочивался на 12 мѣсяцевъ. Затѣмъ оптовые торговцы сплавляли соль съ началомъ навигаціи или перевозили ее по желѣзнымъ дорогамъ, продавали за наличный разсчетъ и, выручивъ такимъ образомъ всю сумму акциза, пользовались ею до конца годичнаго срока безъ платежа процентовъ. Еслибы при отмѣнѣ налога имѣлось въ виду немедленно удешевить соль и сдѣлать ее еще болѣе доступною для потребителя, то слѣдовало бы возвратить акцизъ тѣмъ торговцамъ, у которыхъ была наличная, не проданная къ извѣстному сроку соль, обязать ихъ подпискою понизить продажную цѣну на сумму возвращеннаго акциза и наблюсти за исполненіемъ этого обязательства. Освидѣтельствовать находящуюся въ скла-

дахъ, на-лицо, соль было нисколько не затруднительно, а наблюсти за пониженіемъ цѣны было еще легче, въ особенности если возвратъ акциза производить по мѣрѣ распродажи. Если на 1 января 1863 года, при введеніи акциза на вино, и затѣмъ на 1 января 1864 года, при возвышеніи акциза съ 4 на 5 коп., возможно было освидѣтельствовать находящееся въ складахъ и питейныхъ заведеніяхъ вино, подлежащее оплатѣ акцизомъ, то тѣмъ легче можно было освидѣтельствовать соль, за которую долженъ быть возвращенъ акцизъ. Тогда интересъ торговца состоялъ въ томъ, чтобы скрыть вино и акцизный надзоръ долженъ былъ принимать мѣры противъ этого; въ настоящемъ же случаѣ интересъ торговца состоялъ въ томъ, чтобъ указать непроданную имъ соль,—слѣдовательно, задача освидѣтельствованія значительно облегчалась. Опасеніе злоупотребленій въ данномъ случаѣ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, такъ какъ солеторговцевъ въ уѣздѣ очень немного и коммиссія для освидѣтельствованія всегда могла быть составлена изъ людей, которые не допустили бы злоупотребленій, въ особенности, еслибы въ нее были приглашены мѣстные жители. При соблюденіи этихъ условій дѣйствительная цѣна соли сдѣлалась бы извѣстной потребителямъ и брать болѣе высокую цѣну было бы невозможно. Вмѣсто всего этого возвращены были съ 1 января 1881 года залоги безъ взноса акциза тѣмъ крупнымъ промышленникамъ, которые вывозятъ соль изъ складовъ при источникамъ и которые уже распродали эту соль и получили акцизъ въ свою пользу. Такимъ образомъ казна потеряла всю сумму акциза, обезпеченную залогами, за соль, отпущенную изъ складовъ въ теченіе 1880 года, между тѣмъ какъ торговцы, купившіе ее для продажи потребителямъ по прежнимъ цѣнамъ, не могли понизить ихъ и народъ долженъ былъ оплачивать въ теченіе всего 1881 года налогъ, которымъ воспользовались крупные солепромышленники. Понятно, что, при подобномъ способѣ осуществленія, реформа не успѣла еще вызвать всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, такъ какъ рутина неизбѣжно беретъ свое и будетъ довольно долго поддерживать въ средѣ русскаго крестьянства прежнее понятіе о цѣнѣ на соль.

Въ виду указаннаго способа осуществленія реформы самъ собою напрашивается вопросъ: почему именно принятъ этотъ способъ, а не другой? Неужели наша администрація не могла оцѣнить всѣхъ послѣдствій подобнаго мѣропріятія? Неужели, на-

конецъ, она имѣла въ виду ихъ допустить?... Не хотѣлось бы согласиться съ послѣднимъ, но нельзя предположить и перваго. Поэтому оставляю эти вопросы безъ отвѣта. Пусть читатель разрѣшаетъ ихъ самъ на досугѣ.

Но этимъ не исчерпываются причины, поддерживающія высокія цѣны на соль. Цѣна всякаго продукта, помимо условій его производства и добыванія, зависитъ отъ количества спроса и предложенія. Количество спроса на соль опредѣляется общими экономическими и соціальными условіями страны, которыя на первое время не могутъ измѣниться настолько, чтобы вызвать увеличеніе спроса на этотъ продуктъ; но, съ другой стороны, въ виду того обстоятельства, что соль составляетъ необходимый предметъ потребленія для человѣка, спросъ не можетъ и уменьшаться. Такимъ образомъ, если количество спроса остается постояннымъ, то повышеніе и пониженіе цѣнъ зависятъ только отъ увеличенія или уменьшенія предложенія.

На этомъ основаніи выгоды солепромышленника состоятъ отнюдь не въ расширеніи операціи по добыванію соли, а напротивъ—въ сокращеніи и возвышеніи ея цѣны. За невозможностію расширенія сбыта, гораздо выгоднѣе сдѣлать меньше затратъ и уменьшить количество товара на рынкѣ. Обстоятельство это получило на нашемъ рынкѣ въ истекшемъ году особенное значеніе съ отмѣною налога на соль. Предстоявшее, вслѣдствіе этого, пониженіе цѣнъ вполнѣ естественно вызвало осторожность въ заготовкахъ соли и эта осторожность значительно усиливалась въ виду невозможности пользоваться злоупотребленіями при платежѣ акциза и стремленіемъ поддержать насколько возможно установившееся въ народѣ понятіе о цѣнѣ на соль. Такое стремленіе могло осуществиться очень легко, на томъ простомъ основаніи, что всѣ главные источники добыванія соли остались въ тѣхъ же немногихъ рукахъ, которыя руководили ими и прежде. Въ этомъ отношеніи у насъ не только не было сдѣлано никакихъ распоряженій, въ видахъ противодѣйствія этому стремленію, предварительно и своевременно, но даже и въ настоящее время никто не думаетъ о какихъ-либо мѣропріятіяхъ въ этомъ отношеніи. Мнѣ кажется, что, приступая къ подобной реформѣ, необходимо было подумать о томъ, что при прежнемъ порядкѣ снабженіе Россіи этимъ продуктомъ сосредоточивалось въ рукахъ очень немногихъ лицъ и что въ первые годы усиленное снабженіе русскаго рынка этимъ необходимымъ продуктомъ и удешевленіе его цѣны бу-

детъ вовсе не въ интересахъ воротилъ этого дѣла. Напротивъ, ихъ интересъ долженъ состоять въ томъ, чтобы сократить это снабженіе по возможности и, пользуясь установившимся въ народѣ понятіемъ о цѣнахъ на соль, продолжать взимать съ него налогъ уже въ свою пользу, хотя бы и въ меньшихъ размѣрахъ. Для того, чтобы противодѣйствовать подобному стремленію, необходимо было всѣ источники соледобыванія сдѣлать доступными для всѣхъ желающихъ заняться этимъ дѣломъ, прекратить контракты на оброчное ихъ содержаніе и устроить нѣкоторыя приспособленія на тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ этихъ приспособленій оказывалось недостаточно. Суммъ, подаренныхъ безъ всякой надобности крупнымъ солепромышленникамъ при возвратѣ имъ залоговъ, оказалось бы слишкомъ достаточно для достиженія этой цѣли. Однимъ словомъ, необходимо было одновременно съ уничтоженіемъ налога принять мѣры, чтобы промыселъ по добыванію соли перешелъ изъ рукъ крупныхъ промышленниковъ къ мелкимъ или, по крайней мѣрѣ, кругъ солепромышленниковъ значительно бы расширился. Тогда,—но только тогда,—и можно было ожидать, что русскій народъ дѣйствительно и безотлагательно воспользуется тѣмъ облегченіемъ, которое ему сдѣлано.

На дняхъ состоялось положеніе комитета министровъ, которое установляетъ порядокъ отдачи соляныхъ источниковъ въ оброчное содержаніе съ торговъ, и только въ видѣ исключенія министру государственныхъ имуществъ предоставляется разрѣшать устройство участковъ, на которыхъ добываніе можетъ предоставляться желающимъ за попудную плату. Никто не подумалъ, что торги даютъ возможность крупнымъ капиталистамъ захватить въ свои руки всѣ главные соляные источники и удержать цѣну соли на настоящей высотѣ. Борьба съ ними на торгахъ для мелкихъ промышленниковъ положительно невозможна.—Такъ гибнутъ наши лучшія надежды и благія предначертанія законодательной власти! А, повидимому, какъ легко и удобно было достигнуть вполнѣ плодотворныхъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что и остающійся правительству доходъ въ милліонъ рублей, за исключеніемъ изъ него издержекъ взиманія, представляетъ только цифру въ 700.000 рублей, которая не можетъ вызвать опасенія за потерю его. Да, у насъ даже крестьянская реформа не вызвала тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, которыхъ можно и должно было отъ нея ожидать,—что-жь мудренаго, что отмѣна соляного налога до сихъ поръ оказалась выгодной только однимъ капи-

талистамъ? Пожелаемъ только, чтобы министерство государственныхъ имуществъ вновь обсудило этотъ вопросъ и приняло бы мѣры къ устраненію монополіи, мѣшающей широкому снабженію этимъ продуктомъ русскаго рынка.

Перехожу къ разсмотрѣнію акциза на табакъ. Трудно пріискать продуктъ болѣе удобный для обложенія. Потребленіе его составляетъ чистѣйшую прихоть, а потому вполнѣ справедливо взимать за удовлетвореніе этой прихоти самый высокій налогъ, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ можно облагать наиболѣе достаточные классы общества. Во Франціи табачный налогъ даетъ до 300 милл. франковъ дохода и Франція не думаетъ объ его пониженіи, а Пруссія стремится къ установленію табачной монополіи, разсчитывая этимъ средствомъ облегчить бремя прямыхъ податей. Я указываю на подобные примѣры только для того, чтобы подтвердить мысль о справедливости подобнаго налога, и вовсе не желаю оправдывать установленіе монопольной табачной промышленности. Въ нашемъ отечествѣ подобный пріемъ взиманія табачнаго налога можетъ оказаться вполнѣ несостоятельнымъ, въ особенности въ виду тѣхъ порядковъ, которые такъ присущи нашему казенному хозяйству. Тѣмъ не менѣе можно положительно утверждать, что табачный налогъ, при болѣе правильной системѣ обложенія и болѣе внимательномъ надзорѣ, могъ бы доставить несравненно болѣе значительный доходъ, нежели какой онъ доставляетъ нынѣ. Въ смѣтѣ текущаго года цифра этого дохода предположена въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ 1881 году, а именно 13.052.000 рублей, по соображенію съ дѣйствительнымъ поступленіемъ этого дохода, какъ сказано въ докладѣ министра финансовъ. Дѣйствительное же поступленіе за послѣднія десять лѣтъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Годы.	Сумма.
1871	8.392.732
1872	10.234.742
1873	10.378.142
1874	10.736.958
1875	10.617.020
1876	10.517.591
1877	12.017.952
1878	11.925.813
1879	12.961.842
1880	13.035.004

Изъ означенной таблицы видно, что доходъ этотъ постоянно возрасталъ, но что послѣдняя реформа этого налога нисколько не усилила этого поступленія, между тѣмъ какъ она введена именно въ видахъ возвышенія дохода отъ этой статьи. Въ прежнее время налогъ различалъ пять сортовъ табаку и папиросъ, сообразно съ цѣною ихъ, и для каждаго сорта назначалъ особый бандероль, повышая акцизъ вмѣстѣ съ цѣною продукта. Впослѣдствіи же было замѣчено, что табачные фабриканты, оклеивая высшіе сорта табаку низкимъ бандеролемъ, продаютъ его по возвышеннымъ цѣнамъ, и, въ виду трудности контролировать подобную сортировку, предположенъ только одинъ сортъ бандеролей въ 24 коп. съ фунта. Пониженный же сортъ бандероля допущенъ только для произведеній изъ махорки. Такимъ распоряженіемъ введена совершенная неравномѣрность обложенія: табакъ въ 5 руб. фунтъ платитъ 5%, а табакъ въ 1 руб.—24% налога. То же можно сказать и въ отношеніи папиросъ. Но здѣсь замѣчается кромѣ того значительная несообразность: папиросы по количеству табаку, находящагося въ нихъ, обложены гораздо болѣе, чѣмъ табакъ, и это значительно сокращаетъ потребленіе первыхъ. Будь эта разница менѣе, тогда доходъ казны значительно бы увеличился. Вообще послѣдняя реформа остановила возрастаніе этой статьи дохода, такъ что въ 1880 году ожидалось возвышеніе этого дохода до 14 милл. рублей, между тѣмъ дѣйствительно поступило съ небольшимъ 13 милл.: причиной этой недовыручки государственный контроль считаетъ сокращеніе производства среднихъ сортовъ табаку и усиленіе противузаконной торговли издѣліями изъ табаку («Отчетъ» за 1880 годъ, стр. 51). Само собою разумѣется, что, разсматривая общія основанія бюджета, я не могу входить въ обсужденія техническихъ подробностей взиманія налога изъ опасенія утомить вниманіе читателя. Замѣчу только, что налогъ на табакъ можетъ безъ всякаго вреда въ экономическомъ отношеніи взиматься въ болѣе значительныхъ размѣрахъ и притомъ съ прогрессивнымъ обложеніемъ высокихъ сортовъ. Предѣломъ въ этомъ отношеніи можетъ быть только одно соображеніе, что дальнѣйшее повышеніе будетъ сокращать сумму дохода.

Что касается акциза съ свеклосахарнаго производства, то здѣсь вопросъ ставится иначе. Сахаръ въ гигіеническомъ отношеніи играетъ совершенно другую роль и развитіе его потребленія было бы очень желательно, тѣмъ болѣе, что въ организмѣ

человѣка онъ служитъ для образованія жировъ и, слѣдовательно, можетъ замѣнять потребность въ спиртныхъ напиткахъ. Съ другой стороны, свеклосахарная промышленность въ нашемъ отечествѣ имѣетъ всѣ шансы для своего развитія. Средняя и южная полосы Россіи представляютъ великолѣпную почву для разведенія свекловицы; цѣна на топливо въ большинствѣ этихъ мѣстностей значительно ниже, чѣмъ во всей западной Европѣ; рабочая плата, въ особенности за женскій трудъ, большею частію употребляемый на плантаціяхъ и въ сахарныхъ заводахъ, также гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ свеклосахарная промышленность должна бы процвѣтать въ нашемъ отечествѣ,—три упомянутые мною фактора этого производства, поглощающіе 90% всѣхъ расходовъ, значительно ниже, чѣмъ въ западной Европѣ; не было недостатка и въ покровительствѣ этому дѣлу: таможенный нашъ тарифъ облагаетъ привозный сахарный песокъ 50% пошлины, а рафинадъ—чуть не 100%. Но, къ сожалѣнію, наша сахарная промышленность успѣла развиться лишь настолько, что овладѣла только внутреннимъ рынкомъ, вытѣснивъ съ него привозный сахаръ, не удовлетворивъ однако-жь спроса вполнѣ, такъ какъ цѣны на сахаръ растутъ, что указываетъ на превышеніе спроса надъ предложеніемъ. На то же обстоятельство указываетъ и существующая спекуляція на сахаръ. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ сахарныхъ заводчиковъ, не имѣющихъ достаточнаго количества оборотнаго капитала, спекуляторы скупаютъ сахаръ впередъ и сосредоточиваютъ его въ немногихъ рукахъ, а затѣмъ, въ виду значительнаго спроса, возвышаютъ цѣны розничной продажи. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить ту высокую цѣну, которая существуетъ у насъ на сахаръ, при тѣхъ выгодныхъ условіяхъ производства, на которыя я указалъ. Позволяю себѣ высказать эту мысль на томъ основаніи, что имѣлъ возможность изучить не только теоретически, но и практически всю технику этого производства, и смѣло утверждаю, что при раціональномъ веденіи этого дѣла и при соединеніи свеклосахарнаго производства съ рафинаднымъ (что должно составлять одно дѣло) издержки не должны превышать 4 рублей на пудъ при средней стоимости топлива, а при благопріятныхъ атмосферическихъ обстоятельствахъ и низкой цѣнѣ топлива могутъ обходиться значительно дешевле. Если же это такъ, то чѣмъ можно объяснить нынѣ существующую въ Петербургѣ розничную цѣну

сахара, достигающую 8 руб. 80 коп. за пудъ? Извѣстно, что розничные торговцы, конкурируя между собою, не могутъ брать болѣе 40 коп. на пудъ барыша. Большинство заводчиковъ также не получаютъ тѣхъ выгодъ, которыя могли имъ сулить существующія цѣны за недостаткомъ знанія и оборотныхъ средствъ; такимъ положеніемъ пользуются капиталисты-паразиты, эксплуатирующіе и производителя, и потребителя. Только ненормальныя условія развитія этого производства объясняютъ всѣ эти явленія.

Теперь спрашивается, въ чемъ же состоятъ эти ненормальныя условія? Свеклосахарная промышленность въ Россіи служитъ живымъ примѣромъ несостоятельности системы покровительства развитію внутренняго производства путемъ таможеннаго тарифа. Въ этомъ отношеніи для свеклосахарнаго производства было сдѣлано все, даже невозможное, и до сихъ поръ существуетъ тарифъ, по своей высотѣ имѣющій характеръ чисто запретительный. При тѣхъ условіяхъ, на которыя я указалъ, Россія должна бы снабжать сахаромъ не только Германію, но и Францію, а между тѣмъ она не только не вывозитъ его въ эти государства, но до сихъ поръ нуждается въ огражденіи внутренняго рынка отъ ввоза сахара извнѣ. Болѣе неестественнаго положенія дѣлъ я себѣ представить не могу. Въ немъ есть что-то роковое, которое указываетъ прямо, что таможенное покровительство губитъ даже тѣ отрасли производства, которыя имѣютъ всѣ шансы на возникновеніе и дальнѣйшее развитіе, а потому читатель извинитъ меня, если я, имѣя въ виду общій вопросъ о тарифѣ, нѣсколько подробнѣе разсмотрю тѣ послѣдствія, которыя онъ вызвалъ у насъ въ свеклосахарномъ производствѣ.

Земля, рабочія руки и топливо составляютъ, какъ я сказалъ, три главные фактора сахарнаго производства. Въ первой половинѣ этого столѣтія всѣ эти факторы состояли исключительно въ вѣдѣніи помѣщиковъ, а даровой трудъ, обезпеченный крѣпостнымъ правомъ, позволялъ не считать издержекъ производства. Понятно, что въ силу этихъ условій за это дѣло взялись помѣщики, люди, не имѣвшіе никакого понятія о техникѣ какъ самого добыванія сахара, такъ и воздѣлыванія свекловицы. Мнѣ памятно, что еще въ тридцатыхъ годахъ г. Давыдовъ усиливался доказать на практикѣ о возможности существованія свеклосахарнаго дѣла въ Клинскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, и потратилъ на это все свое состояніе. Высокій тарифъ, установленный на ввозный сахаръ, доставлялъ возможность довольствоваться самыми

первобытными способами при самыхъ ничтожныхъ затратахъ. Случайныя выгоды, достававшіяся на долю болѣе счастливыхъ предпринимателей южныхъ губерній, и въ особенности вѣрность сбыта этого продукта при затруднительности сбыта другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, были новыми мотивами заводить свекло-сахарные заводы и владѣльны значительныхъ имѣній поспѣшили ихъ строить, входя въ долги какъ для капитальныхъ затратъ, такъ и для оборотныхъ средствъ. Понятно, что когда люди считаютъ ни во что расходуемый ими трудъ и забота ихъ направлена исключительно на меньшую затрату денежныхъ капиталовъ, за которые они должны платить высокіе проценты, тогда о раціональныхъ пріемахъ и говорить нечего. А разъ практика установила извѣстный порядокъ и выработала мастеровъ, рутина удерживаетъ эти порядки, несмотря на сознаніе ихъ несостоятельности. Такъ возникшіе у насъ огневые заводы продолжаютъ существовать рядомъ съ паровыми вплоть до уничтоженія крѣпостнаго права и только необходимость найма рабочихъ убѣдила въ невозможности конкуренціи. Между тѣмъ на эти заводы потрачены были значительные денежные капиталы, не считая громадной массы даровaго крѣпостнаго труда. Всѣ эти затраты погибли, не оставивъ никакого послѣ себя слѣда. Такія потери я отношу прямо къ высокому тарифу, ограждавшему наше сахарное производство: безъ него эти нераціональные пріемы не могли бы установиться и не потребовали бы отъ Россіи такихъ значительныхъ жертвъ.

Но этого мало. Наши помѣщики, нуждаясь всегда въ деньгахъ, не могли и думать о томъ, чтобы приготовлять такой продуктъ, который могъ идти прямо на потребленіе, т.-е. приготовлять рафинированный сахаръ,—нѣтъ, они спѣшили реализировать свои доходы не только тотчасъ по выработкѣ сахарнаго песка, но даже ранѣе, и запродавали его впередъ. Къ тому же рафинированный сахаръ въ прежнее время приготовлялся изъ колоніальнаго песка и на него таможенная пошлина установлена была въ двойномъ размѣрѣ въ сравненіи съ свеклосахарнымъ пескомъ. Когда же свеклосахарный песокъ сталъ употребляться для рафинированія, тогда столичные рафинеры, владѣя значительными капиталами и пользуясь кредитомъ въ бывшемъ коммерческомъ банкѣ, воспользовались затруднительнымъ положеніемъ помѣщиковъ и стали скупать песокъ, выдавая задатки даже на обработку свекловичныхъ плантацій и продавая рафинированный сахаръ въ кредитъ, чѣмъ затруднили рафинацію даже на тѣхъ свеклосахарныхъ заводахъ,

которые имѣли для этого средства. Вслѣдствіе такихъ условій одно и то же дѣло раздвоилось на двѣ отдѣльныя отрасли: добываніе сахарнаго песку и приготовленіе рафинада; разница въ цѣнѣ этихъ двухъ продуктовъ доходила въ прежнее время до трехъ рублей и остается нынѣ въ два рубля, хотя стоимость рафинаціи на отдѣльномъ заводѣ, даже въ столицахъ, не можетъ обходиться дороже рубля серебромъ, а на свеклосахарномъ заводѣ стоитъ не болѣе 20 или 30 коп. Такимъ образомъ самая простая и не сопряженная ни съ какимъ рискомъ операція присвоила себѣ изъ общей цѣнности продукта гораздо большую сумму прибылей, чѣмъ сложная, гораздо болѣе трудная и требующая большаго знанія и опытности промышленность. Вотъ какъ велика сила и значеніе капитала въ нашемъ отечествѣ. Само собою разумѣется, что такую возможность эксплуатировать и свеклосахарныхъ заводчиковъ, и публику создаетъ высокая таможенная пошлина на рафинадъ, безъ которой скупка песку на заводахъ не могла бы имѣть мѣста и сахаръ-песокъ не отправлялся бы съ юга въ Петербургъ и Москву, а за тѣмъ вновь на югъ въ видѣ рафинада: онъ рафинировался бы на мѣстахъ его производства и отправлялся бы прямо къ мѣсту потребленія. Одна экономія въ провозѣ могла бы во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества понизить цѣну этого продукта болѣе чѣмъ на рубль съ пуда.

Несмотря на всѣ успѣхи, которые, по словамъ нѣкоторыхъ господъ, сдѣлала наша свеклосахарная промышленность въ послѣднее время, я беру смѣлость утверждать, что, судя по состоянію знаній настоящаго времени въ техникѣ производства свекловицы и сахара, эта отрасль промышленности у насъ далеко отстала и рутина заѣдаетъ ее совершенно. Все это становится возможнымъ только потому, что высокій тарифъ обезпечиваетъ выгоды даже при плохомъ веденіи дѣла и даетъ возможность распоряжаться людямъ, которые только присмотрѣлись къ дѣлу и вовсе не понимаютъ теоретической его стороны. Достаточно указать на то обстоятельство, что у насъ всѣ заводы сгруппировались преимущественно въ юго-западной Россіи и ихъ почти нѣтъ въ юго-восточной, что эти заводы конкурируютъ не только одинъ другому, но разрослись до такихъ размѣровъ, что конкурируютъ сами себѣ. Еслибы люди понимали дѣло, то развѣ возможно устраивать заводъ на 150.000 берковцевъ, растягивать плантаціи на десятки верстъ отъ завода и платить въ тридорога, даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ, за подвозку

свекловицы къ заводу, а во время осеннихъ дождей и вовсе лишаться собранной свекловицы за невозможностію перевозить ее? До сихъ поръ у насъ нѣтъ ни посѣва свекловицы съ осени, что даетъ возможность начать производство мѣсяцемъ ранѣе, нѣтъ ирригаціи плантацій, нѣтъ правильнаго ихъ удобренія—не навозомъ, какъ дѣлаютъ многіе, а веществами содержащими большое количество щелочей и фосфорно-кислыхъ солей,—веществами, которыхъ на заводѣ получается очень много, въ видѣ отбросовъ: стоитъ только ихъ собирать и отправлять на плантаціи; не существуетъ также и подбора сѣмянной свекловицы, хотя этимъ путемъ можно съ каждымъ годомъ получать свеклу болѣе и болѣе сахаристую. Переходя затѣмъ къ техникѣ самаго добыванія сахара, достаточно указать на то обстоятельство, что заводы наши устроены большею частію безъ всякой заботы объ экономіи человѣческаго труда и на каждой смѣнѣ работаетъ, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза болѣе людей, чѣмъ было бы нужно, еслибъ аппараты были размѣщены правильно; количество топлива употреблялось бы также гораздо менѣе, еслибы температура пара не терялась въ длинныхъ его проводахъ. Изъ массы заводовъ, осмотрѣнныхъ мною, я ни въ одномъ изъ нихъ не видалъ правильной очистки угля, а между тѣмъ отъ правильной фильтраціи сока зависитъ количество получаемаго сахара. Наконецъ, незнаніе сахарнаго дѣла нашими заводчиками прямо выражается въ той горячкѣ, съ которою наши заводы бросились замѣнять прессы диффузіонными аппаратами. Дѣйствительно, послѣдніе имѣютъ нѣкоторое преимущество, но тѣхъ же результатовъ можно достигнуть при прессовой работѣ путемъ химическимъ и не было никакой надобности входить въ значительныя издержки на замѣну прессовъ диффузорами,—стоило только употреблять нѣкоторое количество отвара дубильнаго вещества, тѣмъ болѣе, что быстрота работы прессовъ не можетъ быть замѣнена ничѣмъ.

Все это только бѣглыя указанія на недостатки нашего сахарнаго производства, почти общіе всѣмъ нашимъ заводамъ, но въ каждомъ изъ нихъ можно было бы найти цѣлую массу такихъ, которые прямо свидѣтельствуютъ о положительномъ неумѣньи вести дѣло. Я указываю на это какъ на доказательство, что высокія цѣны, создаваемыя тарифомъ, ведутъ только къ тому, что за дѣло берутся люди рѣшительно не понимающіе его, а разъ рутина установила извѣстный порядокъ, онъ удерживается, и гг. заводчики находятъ причины требовать у правительства

охраненія внутренняго производства высокими пошлинами, а эти пошлины только упрочиваютъ рутинные пріемы. Еслибъ этихъ пошлинъ не существовало, то, конечно, заводчики нашлись бы въ необходимости передать дѣло въ руки людей, которые повели бы его на другихъ основаніяхъ.

Подвожу итогъ сказанному. Настоящій порядокъ въ сахарномъ дѣлѣ, помимо упроченія рутинныхъ способовъ производства, даетъ возможность дѣйствовать спекуляціи и держать такія рыночныя цѣны, которыя были бы немыслимы при другихъ условіяхъ. Поэтому я бы предложилъ постепенное пониженіе тарифа сначала на ввозный рафинадъ, а затѣмъ и на ввозный песокъ до уравненія его со внутреннимъ акцизомъ, или же постепенное повышеніе внутренняго акциза до сравненія его съ ввозною пошлиной. Конечно, противъ послѣдней мѣры можно многое возразить съ точки зрѣнія желательнаго увеличенія потребленія этого продукта въ видахъ гигіеническихъ; но если таможенныя пошлины не могутъ быть понижены и вслѣдствіе этого спекуляція будетъ имѣть возможность поддерживать цѣны на существующемъ уровнѣ, то я предпочитаю, чтобы тѣ деньги, которыя переплачиваетъ потребитель, обратились бы въ государственный доходъ, чѣмъ поступать въ карманы разныхъ спекулянтовъ и рафинеровъ. Я думаю, что при возвышеніи акциза на сахаръ стоимость его не будетъ повышаться, такъ какъ всякое дальнѣйшее повышеніе повлекло бы за собой ввозъ заграничнаго сахара, въ особенности въ губерніи, прилегающія къ западной границѣ. Само собою разумѣется, что я предлагаю подобную мѣру какъ лучшій выходъ изъ худшаго положенія и, конечно, желалъ бы лучше простаго пониженія ввозныхъ пошлинъ какъ для того, чтобы заставить нашихъ сахарныхъ заводчиковъ подумать объ улучшенныхъ способахъ разведенія свекловицы и о болѣе правильномъ и дешевомъ добываніи не только песка, но и рафинада, такъ и для того, чтобы подорвать возможность биржевой спекуляціи на сахарномъ рынкѣ. Но пока будетъ существовать значительная разница между стоимостью производства и цѣною, обезпеченною таможеннымъ тарифомъ, до тѣхъ поръ эта спекуляція необходимо будетъ существовать и тарифъ будетъ охранять не производство, а биржевую игру на цѣнахъ сахара.

Послѣ всего сказаннаго возвращаюсь къ смѣтѣ на 1882 годъ. Акциза съ свеклосахарнаго производства предположено 7.908.000 рублей; въ сравненіи со смѣтою 1881 года болѣе на 3.812.000

руб. Такая разница въ смѣтномъ назначеніи зависитъ отъ того, что до настоящаго года акцизъ взимался по количеству перерабатываемой каждымъ прессомъ свекловицы въ сутки, предполагая извѣстную норму выхода сахара изъ берковца свекловицы. Дѣйствительная же переработка и количество получаемаго сахара значительно превышали опредѣленныя нормы и, какъ видно изъ «Ежегодника министерства финансовъ» 1881 года, относились между собою въ общей сложности какъ 5 : 9. Вслѣдствіе новыхъ правилъ, Высочайше утвержденныхъ 12 мая 1881 года, акцизъ предписано взыскивать по 50 коп. съ пуда сахарнаго песка, опредѣленнаго не по нормѣ, а по дѣйствительному взвѣшиванію. Въ виду такого узаконенія, цифру предположеннаго дохода, повидимому, слѣдовало опредѣлить на основаніи дѣйствительнаго выхода за предыдущіе годы. Изъ «Ежегодника же министерства финансовъ» за 1881 годъ, стр. 377, видно, что общее количество сахарнаго песку въ производство 1877 и 1878 гг. было получено 10.489.725 пудовъ, а въ производство 1878 и 1879 гг.—10.957.648 пудовъ, или въ среднемъ выводѣ—10.723.628 пудовъ. На этомъ основаніи сумма предполагаемаго дохода должна опредѣлиться въ 5.361.814 руб., а съ присоединеніемъ суммы 108.000 рублей, ожидаемой отъ патентнаго и штрафнаго сборовъ, вся сумма сахарнаго дохода можетъ быть въ 5.469.814 руб., а не въ 7.908.000 руб., какъ предположено по смѣтѣ. Такая разница въ предположеніяхъ происходитъ, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, отъ того, что въ смѣтѣ общее количество вырабатываемаго сахарнаго песку предположено въ 15.600.000 пудовъ. Между тѣмъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ того же министерства финансовъ, эта цифра оказывается преувеличенною на цѣлую треть. Такимъ образомъ представляется вопросъ: въ какихъ данныхъ произошла ошибка: въ тѣхъ ли, которыя опубликованы въ «Ежегодникѣ», или въ тѣхъ, которыя служили основаніемъ для смѣты? Я склоняюсь довѣрять скорѣе цифрамъ «Ежегодника», такъ какъ здѣсь онѣ приведены по губерніямъ и затѣмъ выставлены общіе итоги, причемъ ошибка менѣе возможна, когда берется одна общая цифра. Кромѣ того, нѣкоторый оптимизмъ, господствующій въ цифрахъ государственной росписи настоящаго года, заставляетъ меня также склоняться къ этому мнѣнію. Даже допуская, что производство сахарнаго песку дѣйствительно достигаетъ у насъ того количества, которое указано во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ, я все-таки

думаю, что трудно ожидать той цифры акциза, которая предположена на 1882 годъ. По отчету государственнаго контроля за 1880 годъ, акциза съ песку, не считая патентнаго и штрафнаго сбора, въ среднемъ выводѣ за послѣднія пять лѣтъ поступало около 5 милл. рублей и возвышеніе его разомъ на 56% не можетъ не оказаться чувствительнымъ для нашихъ заводчиковъ, тѣмъ болѣе, что не они, какъ я уже доказалъ выше, господствуютъ на сахарномъ рынкѣ, а спекулянты, закупившіе на многихъ заводахъ еще съ весны все количество будущаго сахара. Въ виду такихъ условій, заводчики, не имѣя возможности возвысить цѣну вслѣдствіе увеличенія акциза, конечно, будутъ употреблять различныя мѣропріятія, чтобъ избѣжать полной оплаты всего количества полученнаго сахара. Услѣдить же за тѣмъ, чтобы весь сахарный песокъ подлежалъ строгому учету въ первый годъ введенія новыхъ правилъ, будетъ очень трудно и едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что чины акцизнаго вѣдомства не могутъ находиться постоянно на заводахъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не сочувствовать возвышенію акциза на сахарный песокъ, такъ какъ при настоящихъ условіяхъ налогъ этотъ падаетъ не на потребителя, а на заводчика и торговца: цѣна сахара отъ этого не возрастетъ на томъ основаніи, что она опредѣляется высотою таможеннаго тарифа, пониженіе котораго является у насъ положительною необходимостію, безъ чего сахарное дѣло, имѣющее такую громадную будущность въ Россіи, не можетъ стать на правильный путь естественнаго развитія. Еслибы мой голосъ могъ имѣть значеніе, то я бы предложилъ, въ видахъ исключительно фискальныхъ, установить пошлину съ привознаго сахара всѣхъ видовъ въ 1 руб. серебромъ съ пуда, и тогда акцизъ съ сахара внутренняго приготовленія вовсе уничтожить, въ видахъ удешевленія этого продукта, замѣняющаго отчасти необходимость употребленія спиртныхъ напитковъ. Но главная выгода Россіи отъ подобной мѣры состояла бы въ томъ, что наша свеклосахарная промышленность изъ тепличнаго растенія, какимъ она представляется до сихъ поръ,—растенія, которое общипывается со всѣхъ сторонъ капиталистами,—перешла бы въ руки людей, которые создали бы для нея прочную почву и развили бы ее во всей южной Россіи. Важность этой промышленности для Россіи обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что она требуетъ рабочихъ рукъ преимущественно въ то время, когда онѣ свободны отъ полевыхъ работъ, такъ что на-

родъ получаетъ заработокъ въ такое время, когда ему приходится сидѣть сложа руки.

Послѣдній косвенный налогъ по нашему бюджету представляетъ таможенный доходъ. Экономическія послѣдствія этого налога бываютъ очень различны, смотря по тому характеру, который онъ имѣетъ, и по тѣмъ цѣлямъ, которыя онъ преслѣдуетъ. Таможенныя пошлины могутъ быть установлены или въ видахъ фискальныхъ, т. е. для извлеченія государственнаго дохода, или же для затрудненія доступа заграничныхъ произведеній на внутренній рынокъ, въ видахъ покровительства внутреннему фабричному и заводскому производству. Послѣдняя тенденція можетъ доходить до чисто запретительныхъ пошлинъ или довольствоваться умѣренными, имѣющими въ виду охраненіе отечественнаго производства лишь до извѣстной степени. Читателямъ *Русской Мысли* извѣстенъ мой взглядъ на систему покровительства отечественному производству *путемъ тарифа* (*Русская Мысль*, декабрь 1881 года, статья—«Нашъ экономическій недугъ»), а также изъ тѣхъ соображеній, которыя я высказалъ выше по поводу нашей свеклосахарной промышленности, для которой сдѣлано было очень много и которая все-таки находится въ жалкомъ положеніи. На этомъ основаніи я не буду говорить о вредѣ покровительственной системы, а замѣчу только одно, что государство, нуждающееся въ средствахъ и поддерживающее эту систему, лишаетъ себя громаднаго и очень удобнаго источника государственнаго дохода, между тѣмъ какъ народъ уплачиваетъ этотъ налогъ въ пользу фабрикантовъ и заводчиковъ въ видѣ возвышенной цѣны тѣхъ продуктовъ, производство которыхъ пользуется покровительствомъ высокихъ пошлинъ. Впрочемъ, эти народныя жертвы не остаются въ карманахъ послѣднихъ, а уходятъ на борьбу съ невыгодными условіями производства и такимъ образомъ исчезаютъ безслѣдно. Совсѣмъ другое послѣдствіе возникаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда государство при взиманіи таможеннаго дохода руководится однѣми фискальными цѣлями и взимаетъ умѣренныя пошлины, не препятствующія ввозу заграничныхъ произведеній. Населеніе удовлетворяетъ свои потребности болѣе выгоднымъ образомъ и для государственнаго казначейства создается новый источникъ дохода не только безъ обремененія населенія, но съ явною для него выгодой, такъ какъ этотъ налогъ оплачивается только долею тѣхъ пожертвованій, которыя прежде несло населеніе. Затѣмъ всякій ввозъ обусловливаетъ и

вывозъ и съ усиленіемъ международнаго обмѣна и упроченіемъ его государство получаетъ возможность облагать умѣреннымъ сборомъ предметы вывоза и такимъ образомъ привлекать заграничнаго потребителя къ оплатѣ части государственнаго бюджета. Пусть не говорятъ мнѣ, что и охранительный тарифъ можетъ быть значительнымъ источникомъ государственнаго дохода, и не указываютъ на нашъ таможенный доходъ, предположенный по смѣтѣ въ 100 милл. рублей. Я отвѣчу на это замѣчаніе, что при другой системѣ цифра эта могла утроиться безъ особенной тягости для страны, тогда какъ теперь въ меньшей суммѣ она ложится на нее тяжелымъ бременемъ. При фискальной системѣ таможенныхъ сборовъ населеніе уплачивало бы ихъ изъ той экономіи, которую оно имѣло бы при покупкѣ заграничныхъ произведеній, тогда какъ теперь оно не имѣетъ этой экономіи и все-таки взноситъ этотъ сборъ. Кромѣ того слишкомъ высокая пошлина на нѣкоторые товары ведетъ къ тому, что, ограничивая привозъ, она ограничиваетъ и отпускъ нашихъ произведеній, чѣмъ, понижая искуственно цѣнность послѣднихъ, переноситъ часть ввозныхъ пошлинъ на производителя нашихъ отпускныхъ товаровъ. Дважды невыгодный результатъ. На этомъ основаніи я думаю, что, отказавшись отъ системы покровительства внутреннему производству путемъ таможеннаго тарифа и обративъ его чисто въ орудіе фискальныхъ цѣлей, наше государственное казначейство могло бы создать себѣ источникъ дохода гораздо болѣе обильный, чѣмъ винный доходъ, и избавило бы себя отъ горькой необходимости основывать возможность улучшенія своего финансоваго положенія на процвѣтаніи такого рода торговли, которая держится на народной безнравственности. И такіе результаты могутъ быть достигнуты безъ малѣйшаго обремененія страны, а напротивъ съ явною для нея выгодой.

Какія именно выгоды можетъ получить государство, преслѣдуя въ таможенномъ доходѣ только однѣ финансовыя цѣли, можно указать на примѣръ Англіи, тарифъ которой состоитъ не болѣе какъ изъ 15 статей и приноситъ ей болѣе 20 милл. фунтовъ стерлинговъ, что на наши деньги составляетъ около 200 милл. рублей, а между тѣмъ населеніе Англіи составляетъ только одну треть населенія Россіи. Имѣя въ виду, что Россія могла бы обложить гораздо большее количество продуктовъ заграничнаго ввоза и что потребность Россіи въ заграничныхъ товарахъ значительно сильнѣе, чѣмъ въ Англіи, можно себѣ представить, какой обиль-

ный источникъ государственнаго дохода могла бы представить русская таможня. Но кромѣ того умѣренная пошлина, установленная только въ видахъ полученія государственнаго дохода, уничтожила бы контрабандный промыселъ, эту язву всѣхъ нашихъ пограничныхъ мѣстностей, и доставила бы возможность сократить расходы по таможенному вѣдомству, которые нынѣ поглощаютъ до 8 милл. рублей. Несмотря однакожь на такую значительную цифру, они оказываются недостаточными для устраненія контрабанды, которая деморализуетъ все населеніе на протяженіи 2.000 верстъ западной пограничной полосы и, отвлекая рабочія силы отъ производительнаго труда, низводитъ ихъ на степень послѣднихъ подонковъ общества.

Послѣ этихъ общихъ соображеній перехожу къ разсмотрѣнію самой цифры предположеннаго таможеннаго дохода. Эта цифра на 1882 годъ предположена въ суммѣ 100.555.500 рублей, т. е. такой, которой не представляетъ ни одинъ изъ предыдущихъ годовъ. Вотъ цифры дѣйствительнаго дохода, какъ онѣ значутся въ отчетахъ государственнаго контроля за послѣднія 10 лѣтъ:

Годы.	Сумма.	Годы.	Сумма.
1871 . .	47.323.154 руб.	1876 . .	71.089.574 руб.
1872 . .	53.510.547 »	1877 . .	52.065.965 »
1873 . .	54.289.805 »	1878 . .	79.279.245 »
1874 . .	56.390.320 »	1879 . .	91.785.949 »
1875 . .	62.383.113 »	1880 . .	95.209.408 »

За послѣдній 1881 годъ контрольныхъ цифръ еще въ виду не имѣется, но изъ опубликованныхъ министерствомъ финансовъ свѣдѣній оказывается, что въ теченіе этого года поступило не болѣе 82 милл. рублей, т. е. оказался недоборъ противъ цифры 1880 года въ 13.200.000 руб., или въ 16%.

Разсматривая эту таблицу, нельзя не замѣтить, что доходъ этотъ повышался до 1876 года, въ этомъ же году дѣлаетъ въ своемъ повышеніи усиленный скачокъ почти на 9 милл. рублей, а за тѣмъ въ слѣдующемъ году понижается до 52 милл.; затѣмъ вновь повышается въ теченіе трехъ лѣтъ на 43 милл. рублей и наконецъ вновь падаетъ на 13 милл. рублей. Не говоря уже о томъ, что подобное колебаніе въ цифрѣ таможеннаго дохода прямо указываетъ на ненормальность нашихъ торговыхъ сношеній съ другими государствами, — ненормальность, состоящую въ отсутствіи ихъ правильности, постоянства и прочности, т. е. въ чисто

спеціальномъ ихъ характерѣ, — необходимо замѣтить, что оно вредно въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ не позволяетъ сдѣлать никакого правильнаго разсчета на будущее время. Поэтому необходимо точно опредѣлить тѣ причины, которыми обусловливались въ прежнее время та или другая цифра таможеннаго дохода. Постараюсь указать эти причины.

Возвышеніе дохода въ 1876 году объясняется очень просто— усиленною оплатой въ декабрѣ мѣсяцѣ товаровъ, хранившихся въ таможенныхъ складахъ, вслѣдствіе состоявшагося распоряженія о взиманіи съ 1-го января 1877 года таможенныхъ пошлинъ звонкою монетой, что было равнозначительно повышенію таможенныхъ пошлинъ, судя по тогдашнему курсу, на 27%. Весьма естественно, что торговцы поспѣшили оплатить по прежнимъ правиламъ выписанные ими товары на потребность 1877 года и даже выписать ихъ вновь. Государственный контроль въ отчетѣ за 1876 годъ прямо оцѣниваетъ преждевременную оплату таможенныхъ пошлинъ за счетъ 1877 года въ 6 милл. рублей. Если же эту сумму вычесть изъ поступленія 1876 года, то этотъ годъ не представитъ собой исключенія изъ ряда предыдущихъ лѣтъ, такъ какъ возвышеніе поступленія этого года не будетъ превышать трехъ милліоновъ рублей.

Но поступленіе 1877 года даже съ присоединеніемъ означенной цифры шести милліоновъ представляетъ уже значительное пониженіе таможеннаго дохода на семь милл. рублей противъ предыдущаго года и на четыре милліона противъ 1875 года. Ясно, что значительное и притомъ огульное возвышеніе тарифа должно было подѣйствовать на уменьшеніе ввоза, хотя вывозъ нашихъ произведеній въ этомъ году сильно увеличился, вслѣдствіе паденія курса нашей валюты. Это увеличеніе вывоза отразилось на таможенномъ доходѣ только въ 1878 году, когда онъ возросъ на 21 милл. Такому результату, конечно, содѣйствовало и перечисленіе металлическихъ рублей въ кредитные по низшему курсу. Затѣмъ нашъ вывозъ въ этомъ году при дальнѣйшемъ паденіи цѣнности кредитнаго рубля возвысился еще болѣе и въ слѣдующемъ 1879 году таможенный доходъ возрастаетъ вновь на 12 милл. рублей. 1879 годъ также не уступаетъ предыдущему году вывозомъ нашихъ произведеній, такъ что въ этомъ году мы отпускаемъ также 42 милл. четвертей разнаго хлѣба, какъ и въ предыдущемъ, и это отражается на поступленіи таможеннаго дохода въ 1880 году, который возрастаетъ и въ этомъ году на 4 милл.

рублей и достигаетъ небывалой цифры—95 милл. рублей. Это была, если можно такъ выразиться, кульминаціонная точка возрастанія нашихъ таможенныхъ доходовъ. 1881 годъ указываетъ уже вновь на ихъ паденіе.

Теперь если мы вдумаемся въ эти явленія, то найдемъ, что возрастаніе нашихъ таможенныхъ доходовъ, указывающее на усиленіе ввоза, обусловливалось усиленіемъ вывоза предыдущаго года, а самое усиленіе вывоза продолжалось до тѣхъ поръ, пока наша валюта не понизилась на нашемъ внутреннемъ рынкѣ въ той же мѣрѣ, въ какой она понизилась по отношенію къ звонкой монетѣ. За усиленнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ всегда замѣчается то явленіе, что на внутреннемъ рынкѣ онѣ сохраняютъ свою цѣнность гораздо далѣе, чѣмъ въ международномъ обмѣнѣ, т.-е. по отношенію къ звонкой монетѣ. Отсюда происходило то явленіе, что звонкая заграничная монета размѣнивалась на большое количество нашихъ рублей, которые сохраняли въ первые годы послѣ усиленнаго ихъ выпуска прежнюю свою покупную силу или теряли ее очень медленно; другими словами, возвышеніе цѣны нашихъ отпускныхъ товаровъ шло очень медленно. Эта курсовая разница нашей валюты на внѣшнемъ и внутреннемъ рынкѣ и вызывала громадные отпуски нашего хлѣба, который на фунты стерлинговъ и франки обходился дешевле прежняго, несмотря на то, что на кредитные рубли онъ покупался гораздо дороже. Обманутые фиктивною цѣнностію нашего рубля, мы продавали нашъ хлѣбъ за безцѣнокъ, воображая, что получаемъ небывалыя цѣны и богатѣемъ. Въ два года слѣдовавшіе за войной мы вывезли всѣ наши запасы и получили за нихъ гораздо меньше, чѣмъ прежде. Только неурожай 1880 года образумилъ насъ и показалъ намъ, что мы не разбогатѣли, а напротивъ—разорились. Тѣмъ не менѣе мы все-таки отпустили значительное количество хлѣба уже и въ этомъ году, хотя этотъ отпускъ и сократился на 15 милл. четвертей. Но такое сокращеніе сейчасъ же отразилось и на заграничномъ ввозѣ и въ 1881 году поступленіе таможенныхъ сборовъ сократилось на 13 милл. рублей, несмотря на то, что они съ 1-го января этого года были повышены на 10%, иначе они упали бы на 21 милл. рублей.

Все изложенное позволяетъ мнѣ сдѣлать заключеніе, что количество ввоза и поступленія таможеннаго дохода въ текущемъ году будетъ вполнѣ зависѣть отъ количества нашего отпуска въ

теченіе 1881 года. Между тѣмъ, несмотря на значительный урожай этого года, несмотря на пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ въ этомъ году, отпускъ нашъ значительно понизился въ сравненіи съ отпускомъ 1880 года, а потому нѣтъ никакой возможности ожидать, чтобы количество таможеннаго дохода въ настоящемъ году могло приблизиться къ цифрѣ 1881 года, и это даже въ томъ случаѣ, если прошлогоднее общее возвышеніе тарифа не повліяетъ на сокращеніе ввоза. Между тѣмъ въ государственной росписи не только не сдѣлано сокращенія противъ цифры 1880 года, но, напротивъ, эта цифра увеличена на пять милліоновъ рублей. Основаніемъ для подобнаго предположенія послужило, какъ указываетъ докладъ министра финансовъ, то соображеніе, что къ концу истекшаго года поступленіе таможеннаго дохода стало усиливаться и недоборъ противъ 1880 года сталъ сокращаться; но этотъ недоборъ однакожь не уничтожился и не могъ уничтожиться, вслѣдствіе сокращенія отпуска въ предыдущемъ году. Затѣмъ министръ финансовъ возлагаетъ надежду на бывшій въ 1881 году урожай, вслѣдствіе чего разсчитываетъ на увеличеніе нашего отпуска, а слѣдовательно и на увеличеніе ввоза заграничныхъ произведеній. Но, во-первыхъ, урожай истекшаго года долженъ былъ только пополнить необходимые запасы внутренняго потребленія, уничтоженные усиленными вывозами предыдущихъ лѣтъ и положительнымъ голодомъ 1880 года. Затѣмъ для увеличенія вывоза не достаточно имѣть извѣстное количество хлѣба для отпуска,—нужно, чтобъ на этотъ хлѣбъ существовалъ заграничный спросъ; между тѣмъ оказывается, что такого спроса не существуетъ и хлѣбные рынки во всей западной Европѣ снабжены имъ съ избыткомъ, что, повидимому, должно быть извѣстно въ министерствѣ финансовъ. Наконецъ, еслибы даже нашъ отпускъ въ текущемъ году и усилился (что однакожь весьма сомнительно), то и тогда результаты этого отпуска могутъ повліять на увеличеніе нашего ввоза, какъ показываетъ опытъ предыдущихъ лѣтъ, только въ будущемъ 1883 году, а никакъ не въ текущемъ.

На этомъ основаніи благоразуміе и осторожность требовали не предаваться оптимизму и предположить цифру таможеннаго дохода не болѣе 80 милл. рублей, тѣмъ болѣе, что, судя по отпуску истекшаго года, трудно разсчитывать даже и на эту цифру, въ виду полнаго застоя дѣлъ на хлѣбныхъ рынкахъ. Подобный оптимизмъ я считаю положительно вреднымъ, такъ какъ онъ не выдерживаетъ никакой критики и заставляетъ думать, что поло-

женіе дѣлъ гораздо хуже, чѣмъ въ дѣйствительности: когда во главѣ министерства находится лицо знакомое съ экономическою наукой, служенію которой оно посвятило большую часть жизни, и когда это лицо высказываетъ явно ошибочныя предположенія, тогда всякій считаетъ себя въ правѣ думать, что такое лицо не можетъ такъ грубо ошибаться, и сдѣланныя предположенія прямо относитъ къ желанію скрыть печальное положеніе дѣлъ и прикрасить его хоть чѣмъ-нибудь. Такимъ образомъ подобныя попытки избѣжать дефицита только роняютъ нашъ кредитъ; и дѣйствительно, опубликованіе нашей росписи повлекло за собою паденіе нашего курса. Но вреднѣе всего то обстоятельство, что подобная ошибочная политика роняетъ авторитетъ тѣхъ людей, которые, при другомъ образѣ дѣйствій, могли бы сдѣлать много полезнаго.

Въ заключеніе я считаю нужнымъ указать на ошибочность той торговой политики, вслѣдствіе которой послѣдовало, во-первыхъ, распоряженіе 1876 года о взиманіи таможенной пошлины звонкою монетой, и, во-вторыхъ, общее возвышеніе таможенныхъ пошлинъ на 10% металлическихъ, послѣдовавшее въ 1880 году. Неблагопріятныя послѣдствія этихъ мѣръ выразились въ томъ, что нашъ ввозъ значительно сократился, несмотря на увеличеніе нашего вывоза, такъ что мы стали получать гораздо меньшее количество заграничныхъ произведеній взамѣнъ гораздо большаго количества нашихъ произведеній. Если мы припомнимъ, что при установленіи металлической пошлины норма тарифнаго обложенія осталась прежняя, то по количеству рублей, будутъ ли они металлическіе или кредитные, мы можемъ судить,—конечно, приблизительно,—о количествѣ полученныхъ нами заграничныхъ произведеній. Съ этою цѣлью я составилъ таблицу о количествѣ рублей, поступившихъ въ таможенный доходъ съ 1872 по 1882 годъ, не принимая въ соображеніе курсовой разницы металлическихъ и кредитныхъ. За первыя 8 лѣтъ я взялъ цифры изъ «Ежегодника министерства финансовъ» 1881 года, а за 1880 годъ—изъ «Отчета государственнаго контроля», переложивъ ее въ металлическіе рубли пропорціонально отношенію металлическихъ и кредитныхъ рублей въ 1879 году; наконецъ за 1881 годъ взята цифра, опубликованная министерствомъ финансовъ. При этомъ считаю нужнымъ предупредить читателя, что цифры эти разнятся съ отчетами государственнаго контроля, такъ какъ здѣсь къ дѣйствительно поступившей суммѣ присоединена сумма пошлинъ обез-

печенныхъ залогами, тогда какъ въ цифрахъ государственнаго контроля этой цифры не значится и взамѣнъ ея присоединяется сумма поступившая на выкупъ залоговъ, внесенныхъ въ предыдущіе годы. Прибѣгаю къ этому пріему потому, что таблицы нашего ввоза, съ означеніемъ количества привезенныхъ товаровъ, представляютъ массу цифръ неудобныхъ для сравненія, а стоимость товаровъ устанавливается по такимъ даннымъ, которыя не внушаютъ довѣрія и часто совершенно противорѣчатъ дѣйствительности. Цифры же предлагаемой вѣдомости, помимо ихъ достовѣрности, чрезвычайно наглядно доказываютъ высказанную мною мысль, въ особенности если мы будемъ принимать въ соображеніе не абсолютное, а только относительное ихъ значеніе.

Годы.		
1872	54.352.341	руб. кредитныхъ
1873	55.185.548	» »
1874	57.680.682	» »
1875	63.953.688	» »
1876	69.199.227	» »
1877	32.153.919	руб. металлическихъ.
1878	58.153.489	» »
1879	62.266.603	» »
1880	64.574.045	» »
1881	57.187.454	» »

Эти цифры могутъ дать намъ понятіе, насколько убавилось количество ввозимыхъ къ намъ продуктовъ. Но для сравненія цифръ послѣднихъ трехъ лѣтъ съ предыдущими необходимо въ нихъ сдѣлать поправку на томъ основаніи, что съ 1879 года установлена пошлина на хлопчатую бумагу, которая прежде ввозилась почти безпошлинно, вслѣдствіе чего доходъ увеличился болѣе чѣмъ на два милліона рублей, а съ 1881 года всѣ ввозныя пошлины увеличены на 10%. Такимъ образомъ, чтобы дать болѣе вѣрное понятіе объ относительныхъ количествахъ ввезенныхъ за эти годы товаровъ, слѣдуетъ уменьшить цифру 1881 года на 10%+2 милл. рублей, а цифры 1879 и 1880 годовъ каждую на 2 милл. рублей. При такой поправкѣ общее количество нашего ввоза выразится въ 1879 году цифрой 60, а въ 1880 году цифрой 62, т. е. что наибольшее количество ввозимыхъ къ намъ заграничныхъ произведеній въ послѣднее пятилѣтіе было въ 1880 году и оно все-таки оказывается менѣе количества ввезеннаго

даже въ 1875 году, не говоря уже о 1876 годѣ. Между тѣмъ въ таблицахъ нашего ввоза стоимость ввезенныхъ товаровъ даже въ 1878 году показана въ 595 милл., а въ 1876 году только въ 477 милл., т. е. на 118 милл. выше; отсюда прямо выказывается несостоятельность способа оцѣнки, употребляемаго въ таможняхъ. Что же касается количества ввоза 1881 года, то онъ выражается только цифрой 49, т. е. онъ упалъ ниже всѣхъ цифръ послѣдняго десятилѣтія и можетъ быть поставленъ на ряду только съ 1871 годомъ, когда таможеннаго дохода поступило также 49 милл. рублей. И такіе факты мы замѣчаемъ послѣ того, какъ въ 1878 и 1879 годахъ количество однихъ хлѣбныхъ грузовъ вывезенныхъ изъ Россіи достигало до 42 милл. четвертей, между тѣмъ какъ въ предыдущее пятилѣтіе вывозъ нашего хлѣба не превышалъ 25 милл. четвертей. Не правъ ли я былъ, утверждая, что мы въ послѣднее пятилѣтіе отдавали гораздо большее количество своихъ произведеній за меньшее количество заграничныхъ, чѣмъ въ пятилѣтіе ему предшествовавшее, т. е. *возвышеніе таможеннаго тарифа сильно повліяло на удешевленіе нашихъ продуктовъ или*, другими словами, *ввозная пошлина переложена на наши вывозные товары*. Само собою разумѣется, что такой громадной разницы не могло произойти отъ одного возвышенія тарифа; курсовая разница нашего кредитнаго рубля на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ была другимъ факторомъ этого явленія и трудно сказать, который изъ нихъ имѣлъ больше значенія. Во всякомъ случаѣ, они дѣйствовали въ одномъ направленіи, роняя цѣны нашихъ произведеній и возвышая цѣны заграничныхъ. Трудно себѣ представить финансовую политику, которая бы шла болѣе въ разрѣзъ со всѣми нашими государственными и народными интересами.

Но, скажутъ наши протекціонисты, если нашъ ввозъ сократился, то это слава Богу,—значитъ торговый балансъ обращается въ нашу пользу и наше золото останется у насъ. Но это не такъ: золото наше въ послѣднее пятилѣтіе семидесятыхъ годовъ уплывало съ нашего рынка гораздо быстрѣе, чѣмъ въ первое, несмотря на наши громадные вывозы хлѣба, и даже въ послѣдній 1881 годъ, когда нашъ ввозъ сократился до размѣровъ небывалыхъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, а вывозъ хлѣбныхъ грузовъ понизился лишь до средней цифры прежняго пятилѣтія,—драгоцѣнныхъ металловъ въ монетѣ и слиткахъ вывезено изъ Россіи на 59 милл. рублей болѣе, чѣмъ ввезено. (Вѣдомость ми-

нистерства финансовъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ по 25 февраля 1882 года.) Такимъ образомъ преслоутая теорія торговаго баланса, его выгодности и невыгодности на этотъ разъ оказывается положительно несостоятельной. Упоминаю объ этомъ мимоходомъ и возвращаюсь къ вопросу о золотой пошлинѣ.

Въ газетныхъ статьяхъ 1876 и 1877 годовъ я говорилъ по поводу этого мѣропріятія, что правительство могло купить гораздо болѣе золота на кредитные билеты, поступавшіе въ видѣ таможеннаго дохода, оставаясь при прежнихъ порядкахъ и не прибѣгая къ подобному способу пріобрѣтенія металлической валюты, и что подобное распоряженіе было крайне невыгодно даже съ финансовой точки зрѣнія, не говоря уже объ экономической сторонѣ вопроса. Пятилѣтній практическій опытъ вполнѣ подтвердилъ мои слова. Начать съ того, что еслибы такого распоряженія не послѣдовало, то въ 1876 году таможенный доходъ былъ бы нѣсколько ниже, такъ какъ не было бы надобности преждевременно оплачивать таможенныя пошлины. Но во всякомъ случаѣ не было никакого основанія понизиться этой статьѣ дохода ниже цифры 1875 года, т. е. ниже 64 милл. рублей, тѣмъ болѣе, что до того времени доходъ этотъ постоянно возрасталъ. Еслибы доходъ этотъ оставался въ томъ же размѣрѣ и въ 1877 году, то правительство за эту сумму могло бы получить по тогдашнему курсу не менѣе 45 милл. рублей, между тѣмъ какъ оно получило не болѣе 36 милл., даже считая ту сумму, которая поступила авансомъ въ 1876 году за 1877 годъ. Для перваго года разсчетъ ясенъ какъ нельзя болѣе. Но мнѣ могутъ возразить, что это только могло произойти въ первый годъ, когда еще торговцы не ознакомились съ новыми условіями, и что затѣмъ таможенный доходъ сталъ быстро возрастать и въ 1880 году дошелъ до небывалой цифры. Посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ. Въ 1870 году (какъ значится въ «Указателѣ министерства финансовъ» 1881 года) таможенный доходъ показанъ въ 42 милл. рублей, а въ 1875 году почти въ 64 милл. рублей. Стало-быть за пятилѣтіе онъ увеличился слишкомъ на 50%. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ слѣдующее пятилѣтіе онъ не возросъ бы настолько же, еслибы даже всѣ другія условія предыдущаго пятилѣтія остались въ прежнемъ положеніи. Тогда въ 1880 году цифра таможеннаго дохода была бы нѣсколько болѣе дѣйствительно поступившей. Но мы знаемъ, что въ послѣднее пятилѣтіе сумма нашего вывоза возрасла чуть не вдвое и обстоятельство

это не могло не повліять и на цифру ввоза, который долженъ былъ возрастать гораздо быстрѣе, чѣмъ въ первое пятилѣтіе семидесятыхъ годовъ, а слѣдовательно и таможенный доходъ долженъ былъ возвышаться быстрѣе, тѣмъ болѣе, что вновь установленныя пошлины на бумажный хлопокъ увеличивали эту статью дохода болѣе чѣмъ на 2 милл. рублей. Можно безошибочно сказать, что еслибъ указанныхъ мѣръ принято не было, то въ 1880 году таможенный доходъ перешелъ бы далеко за 100 милл. рублей и въ 1881 году нашъ ввозъ не упалъ бы до такой давно небывалой цифры, Россія же не была бы поставлена въ такія невыгодныя условія международнаго обмѣна, при которыхъ она принуждена уступать чуть не двойное количество своихъ продуктовъ за гораздо меньшее количество заграничныхъ произведеній.

Къ сожалѣнію, этой простой истины наша періодическая пресса не понимаетъ и въ газетахъ не рѣдко встрѣчаются выраженія неудовольствія, когда въ заграничной прессѣ или въ парламентахъ возникаютъ сѣтованія на нашу торговую политику. Наши доморощенные экономисты вооружаются противъ этихъ сѣтованій, руководствуясь конечно такимъ соображеніемъ, что если нѣмцамъ наша политика невыгодна, то она поэтому самому должна быть очень выгодной для Россіи. Правда, что въ Россіи существуетъ поговорка: *что русскому здорово, то нѣмцу смерть*; но чтобы эта поговорка была вѣрна въ области экономическихъ отношеній, я позволю себѣ не согласиться съ нашими доморощенными экономистами и думаю, что въ этой области могутъ существовать такія условія, которыя одинаково вредны какъ русскому, такъ и нѣмцу. Знаю, что за эти слова я могу подвергнуться обличенію въ непослѣдовательности и противорѣчіи,— мнѣ могутъ сказать, что я сейчасъ доказывалъ невыгодность для Россіи нашихъ условій международнаго обмѣна, а если Россія терпитъ отъ такихъ условій убытокъ, то стало-быть выигрываютъ заграничныя страны. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что этого *стало-быть* вовсе не существуетъ и отъ невыгодныхъ условій международнаго обмѣна могутъ страдать какъ производители, такъ и потребители обѣихъ странъ, совершающихъ обмѣнъ своихъ произведеній. Мнѣ могутъ замѣтить однакожь, что произведенная цѣнность не теряется и если она невыгодно уступлена однимъ, то она выгодно пріобрѣтена другимъ. Но дѣло въ томъ, что всякое ограниченіе международнаго обмѣна есть вмѣстѣ съ

тѣмъ и ограниченіе производства, т. е. препятствіе къ удешевленію его стоимости; кромѣ того, вслѣдствіе этого ограниченія, создаются производства, которыя употребляютъ массу безполезныхъ издержекъ на одну борьбу съ невыгодными условіями этого производства; наконецъ, международный обмѣнъ не можетъ совершаться безъ массы посредниковъ между производителемъ и потребителемъ, и чѣмъ болѣе затруднены условія этого обмѣна, тѣмъ болѣе должно произойти различныхъ оборотовъ, чтобы произведеніе достигло своего назначенія, и слѣдовательно тѣмъ болѣе должно быть число посредниковъ, въ рукахъ которыхъ остается часть стоимости предмета въ ущербъ какъ потребителю, такъ и производителю. Если напр. англійскіе рельсы не могутъ явиться на русскій рынокъ вслѣдствіе высокой таможенной пошлины, то затрудняется не только ввозъ ихъ въ Россію, но и доставка русской пшеницы въ Англію, до тѣхъ поръ, пока русская пшеница не понизится въ цѣнѣ настолько, чтобъ обмѣнъ сдѣлался возможнымъ (см. объ этомъ экономическомъ законѣ статью мою— «Нашъ экономическій недугъ», *Русская Мысль*, декабрь 1881 г.). Но англійскій потребитель русской пшеницы нисколько отъ этого не выигрываетъ и русская пшеница на англійскомъ рынкѣ не подешевѣетъ въ виду того, что разница между цѣною ея въ Россіи и въ Англіи идетъ на оплату ввозныхъ пошлинъ за рельсы, а затѣмъ на вознагражденіе тѣхъ посредниковъ, которые принимаютъ участіе въ этихъ операціяхъ. При существованіи извѣстныхъ препятствій для того, чтобы сдѣлка совершилась, необходимо выжиданіе благопріятныхъ обстоятельствъ,—слѣдовательно, пріостановка торговыхъ оборотовъ и передача товара за дешевую цѣну въ другія руки, которыя могутъ ждать. Такимъ образомъ число посредниковъ увеличивается значительно, а при такихъ условіяхъ можетъ терять не только Россія, что мною достаточно доказано, но и заграничная страна въ лицѣ какъ производителей нашего ввоза, такъ и потребителей нашего вывоза. Поэтому меня нисколько не удивляютъ тѣ жалобы, которыя раздаются въ заграничныхъ парламентахъ и прессѣ на затрудненія, возникающія для международнаго обмѣна вслѣдствіе нашей торговой политики. Если отъ подобнаго порядка вещей кто-нибудь выигрываетъ, то это небольшая группа людей торгующихъ деньгами, которые, не производя ничего, извлекаютъ выгоды изъ всякихъ затрудненій и для которыхъ, слѣдовательно, нѣтъ лучше, чѣмъ больше затрудненій создано въ международномъ обмѣнѣ.

И такое взиманіе таможеннаго дохода звонкою монетой и огульное возвышеніе тарифа на 10% придали этой статьѣ дохода значительную шаткость и въ настоящее время на прочность этого дохода разсчитывать нельзя. Между тѣмъ наше финансовое положеніе таково, что оставлять дѣйствующими прежнія основанія нашего бюджета положительно немыслимо. Намъ необходимо перенести центръ тяжести нашего бюджета на другіе классы общества, и орудіемъ для достиженія этой цѣли могла бы служить таможня, представляющая едва ли не лучшій способъ взиманія косвенныхъ налоговъ. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ земледѣльческая промышленность обусловливаетъ всѣ проявленія нашей экономической жизни, гдѣ урожай или неурожай рельефно отражаются во всѣхъ статистическихъ данныхъ и гдѣ вліяніе другихъ отраслей производства совершенно незамѣтно, всѣ естественныя условія говорятъ въ пользу того, что таможенный доходъ можетъ быть сдѣланъ главнымъ основаніемъ нашего бюджета. Разлагаясь на довольно значительное число предметовъ потребленія, которыхъ мы или вовсе не производимъ, или производимъ въ недостаточномъ количествѣ, онъ не будетъ обременителенъ для страны, тѣмъ болѣе, что будетъ оплачиваться преимущественно достаточными классами общества. Если же онъ при этомъ будетъ взиматься въ умѣренныхъ размѣрахъ, то получитъ характеръ устойчивости и при развитіи благосостоянія страны будетъ возрастать постоянно. Но для того, чтобы таможенный доходъ могъ сдѣлаться главнымъ государственнымъ доходомъ, наша торговая политика должна быть радикально измѣнена и нашъ тарифъ долженъ потерять свой двойственный характеръ, состоящій въ преслѣдованіи двухъ цѣлей, охранительной и фискальной, и стремиться исключительно къ достиженію только послѣдней. Не говоря уже о томъ, что достиженіе двухъ такихъ противуположныхъ цѣлей немыслимо, не говоря также и о томъ, что развитіе внутренняго производства путемъ тарифнаго охраненія положительно невозможно, довольно указать на то обстоятельство, что при настоящемъ бѣдственномъ положеніи нашихъ финансовъ мы не можетъ отказаться отъ преслѣдованія фискальныхъ цѣлей въ нашемъ таможенномъ законодательствѣ; а разъ эта необходимость существуетъ, тогда всѣ мѣропріятія по охраненію внутренняго производства должны будутъ подчиняться соображеніямъ фискальнымъ и такимъ образомъ получатъ характеръ полумѣръ, вовсе не ограждающихъ промышленность и не достигающихъ цѣли. На этомъ осно-

ваніи я думаю, что гораздо было бы выгоднѣе и для страны, и для государства, еслибы мы перестали гоняться за утопическими цѣлями насадить у себя дома европейскую промышленность и сосредоточили бы все вниманіе на выработкѣ такихъ условій международнаго обмѣна, при которыхъ мы могли бы получать наибольшую сумму таможеннаго дохода. Такая перемѣна нашей торговой политики необходима и потому, что мы обязаны изыскивать новые источники государственнаго дохода не только для замѣны положительно вредныхъ налоговъ, но и для удовлетворенія вновь возникающихъ потребностей. Пусть же укажутъ мнѣ источникъ, который могъ бы доставлять доходъ способный прогрессировать въ такой степени, какъ доходъ таможенный, безъ обремененія страны и безъ увеличенія издержекъ взиманія. Я знаю, что мнѣ укажутъ на подоходный налогъ. Но, во-первыхъ, это еще вопросъ, какую цифру онъ можетъ дать; во-вторыхъ, если онъ и будетъ введенъ, то онъ уже имѣетъ свое назначеніе замѣнить подушную подать; въ-третьихъ, насколько удастся равномѣрное его распредѣленіе; и наконецъ, въ-четвертыхъ, во что обойдутся издержки взиманія. Всѣ эти вопросы заставляютъ сильно сомнѣваться въ успѣшномъ поступленіи этого налога, въ особенности въ первое время. Но ко всему этому необходимо прибавить, что нельзя же оставлять нашъ бюджетъ въ такомъ положеніи, при которомъ третья часть его покрывается питейнымъ доходомъ. При этомъ условіи нельзя говорить о борьбѣ съ пьянствомъ: финансовое управленіе всегда будетъ осторожно относиться къ регулированію питейной торговли изъ опасенія уменьшить государственный доходъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого ненормальнаго, или, лучше сказать, неприличнаго положенія и единственнымъ средствомъ къ поправленію нашихъ финансовъ есть приданіе чисто-фискальнаго характера таможенному доходу и, по мѣрѣ его повышенія, пониженіе акциза на вино. Словомъ, я думаю, что нашъ таможенный доходъ долженъ быть сдѣланъ центромъ тяжести нашего бюджета, и возможность для этого существуетъ. Въ этихъ видахъ необходимо совершенное измѣненіе нашей торговой политики,—измѣненіе конечно не внезапное, а постепенное, но во всякомъ случаѣ твердое и постоянное, безъ колебаній. Эта реформа будетъ спасительна еще и въ томъ отношеніи, что избавитъ нашъ бюджетъ отъ непроизводительныхъ расходовъ, предпринимаемыхъ съ цѣлію развитія такихъ производствъ, которыя, при настоящихъ условіяхъ нашей культуры, существовать у насъ не могутъ.

Есть еще одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить вниманія, говоря о вредѣ нашей охранительной системы. Географическія, климатическія и почвенныя условія нашего отечества дѣлятъ его на двѣ половины, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Хотя все наше населеніе имѣетъ характеръ земледѣльческій, но въ сѣверной части Россіи, по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, населеніе имѣетъ много свободнаго отъ земледѣльческихъ занятій времени, а потому здѣсь создались и промысловыя занятія; югъ же Россіи остался исключительно земледѣльческимъ краемъ. Съ введеніемъ у насъ охранительной системы, всѣ стремленія насадить у насъ обрабатывающую промышленность и оторвать наше населеніе отъ земли могли повліять только на сѣверную половину Россіи; на югѣ же, вслѣдствіе богатства почвы и болѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, занятіе земледѣліемъ оказалось болѣе выгоднымъ и фабричное производство тамъ не водворилось. Само собою разумѣется, что на такой результатъ имѣла также вліяніе съ одной стороны близость, а съ другой отдаленность столицъ, какъ главныхъ центровъ, въ которыхъ сосредоточиваются капиталы, необходимые для устройства фабрикъ и заводовъ. Въ силу этихъ условій, при господствѣ охранительной системы, потребности сѣвернаго края въ продуктахъ обрабатывающей промышленности могли удовлетворяться гораздо легче, чѣмъ потребности южнаго края, куда произведенія нашихъ сѣверныхъ фабрикъ, въ особенности въ прежнее время, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, проникали съ трудомъ и черезъ руки гораздо большаго числа посредниковъ, вслѣдствіе чего цѣна ихъ значительно возвышалась. Этимъ обстоятельствомъ объясняется сильное распространеніе контрабанды въ нашихъ южныхъ и особенно въ юго-западныхъ губерніяхъ, гдѣ этотъ промыселъ представлялъ болѣе значительныя выгоды. Такимъ образомъ, вслѣдствіе существующей охранительной системы, нашъ югъ терпѣлъ гораздо большія потери въ сравненіи съ сѣверомъ, переплачивая на цѣнѣ продуктовъ обрабатывающей промышленности. Но этимъ не оканчивались его потери. Не имѣя возможности пріобрѣтать продукты заграничнаго производства, онъ тѣмъ самымъ стѣсненъ и въ сбытѣ собственныхъ продуктовъ, какъ потому, что обстоятельство это уменьшаетъ спросъ на нихъ со стороны заграничныхъ рынковъ, такъ и потому, что суда, приходящія къ южнымъ портамъ, большею частію являются съ балластомъ, что не можетъ не вліять на возвышеніе фрахта, т.-е.

на уменьшеніе цѣнъ нашихъ произведеній. Въ нашихъ сѣверныхъ портахъ это послѣднее обстоятельство не можетъ имѣть такихъ вредныхъ послѣдствій, какъ въ южныхъ, на томъ основаніи, что здѣсь по близости столицъ, какъ административныхъ центровъ, стягивающихъ къ себѣ капиталы всей страны, возникаютъ и искуственно, и естественно такія потребности, которыхъ не можетъ существовать на югѣ и которыя необходимо удовлетворяются привозными товарами. Не говоря уже о предметахъ роскоши, потребляемыхъ однимъ Петербургомъ и Москвой въ громадныхъ размѣрахъ, довольно указать на привозъ каменнаго угля, котораго къ балтійскимъ портамъ въ 1878 году прибыло до 66 милл. пудовъ, а къ южнымъ только 26 милл. Насколько фрахты изъ балтійскихъ портовъ могутъ быть выгоднѣе, указываютъ слѣдующія цифры вмѣстимости судовъ, пришедшихъ съ грузомъ и балластомъ къ балтійскимъ и южнымъ портамъ въ 1878 году. (Смотри «Ежегодникъ министерства финансовъ» 1881 года.) Число ластовъ въ судахъ, прибывшихъ къ балтійскимъ портамъ съ грузомъ, было 903 тыс., а съ балластомъ—476 тыс., тогда какъ къ южнымъ портамъ число ластовъ въ судахъ съ грузомъ было 658 тыс., а съ балластомъ—1.146 тыс.; такимъ образомъ отношеніе балластныхъ къ грузовымъ судамъ въ первомъ случаѣ было 52%, а во второмъ—174%, т.-е. почти въ $3^1/_2$ раза болѣе. Такое обстоятельство не можетъ не возвышать цѣну фрахта изъ южныхъ портовъ и не понижать цѣну ихъ отпускныхъ товаровъ. Тотъ же фактъ подтверждается и картой движенія хлѣбныхъ грузовъ, изданной статистическимъ отдѣломъ министерства путей сообщенія. Изъ нея оказывается, что районъ тяготѣнія хлѣбныхъ грузовъ въ южныхъ портахъ не простирается далѣе 400 верстъ на сѣверъ и что отправители грузовъ изъ мѣстностей, лежащихъ за предѣлами этого разстоянія, предпочитаютъ провезти ихъ по желѣзнымъ дорогамъ на разстояніи въ 1.600 верстъ, чѣмъ везти ихъ къ южнымъ портамъ въ виду существующей разницы въ цѣнахъ.

Такимъ образомъ нашъ югъ страдаетъ вдвойнѣ отъ существующей охранительной системы и гораздо болѣе, чѣмъ сѣверъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что, несмотря на благопріятныя условія, которыми надѣлила его природа, промышленное развитіе этого края идетъ едва не раковымъ ходомъ и что его произведенія все болѣе и болѣе вытѣсняются съ европейскихъ рынковъ.

Прошу читателя извинить меня, что я такъ долго останавливаю его вниманіе на статьѣ о таможенномъ доходѣ; но я убѣжденъ, что вопросъ этотъ настолько важенъ въ нашемъ отечествѣ и настолько искаженъ въ общественномъ сознаніи разными лжепатріотами, что я рѣшился поговорить о немъ подробнѣе. Господа эти стараются увѣрить почтенную публику, что будто бы гораздо выгоднѣе заплатить пять рублей за вещь русскаго производства, чѣмъ три рубля за иностранную. Хотя въ каждомъ частномъ хозяйствѣ такое мнѣніе представляется абсурдомъ и равносильно утвержденію, что пять рублей меньше трехъ; но какъ скоро вопросъ переходитъ на почву международнаго обмѣна, то понятія людей совершенно измѣняются и абсурдъ становится истиной. Когда же, наконецъ, логика вступитъ въ свои права и люди добросовѣстные перестанутъ быть игрушкою въ рукахъ ловкихъ эксплуататоровъ народнаго достоянія?

Чтобъ успокоить, наконецъ, совѣсть тѣхъ людей, которыхъ можетъ пугать мысль, что съ перемѣной торговой политики, практиковавшейся до сихъ поръ, могутъ пострадать многіе частные интересы, я замѣчу, что я вовсе не думаю предлагать крупнаго перелома и сразу перейти отъ покровительственнаго къ фискальному тарифу. Я говорю только: «осмотритесь, господа, туда ли мы идемъ, куда слѣдуетъ, и для рѣшенія этого вопроса призовите людей науки и практики, отнюдь не заинтересованныхъ въ поддержаніи существующаго порядка». Но такое рѣшеніе должно быть чисто теоретическимъ, съ единственною цѣлью опредѣлить будущій образъ дѣйствій. Только по рѣшеніи этого теоретическаго вопроса наступитъ моментъ практическихъ мѣропріятій, которыя должны быть приняты для перехода отъ одной системы къ другой. Поясню мою мысль примѣромъ. Представьте себѣ, читатель, что вы, закружившись въ лѣсу, выходите на дорогу и, случайно или по извѣстнымъ соображеніямъ, принимаете извѣстное направленіе; но, вотъ, вамъ встрѣчается человѣкъ, который предостерегаетъ васъ, что дорога, по которой вы идете, постепенно развѣтвляясь, наконецъ совершенно исчезнетъ и вы не будете знать, какъ выйти изъ лѣса, и что для этого необходимо идти въ совершенно обратномъ направленіи. Представьте себѣ, что вы сомнѣваетесь, не ошибается ли этотъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе вы остановились, не будете продолжать вашъ путь по избранному вами направленію и постараетесь какимъ-нибудь способомъ ориентироваться и убѣдиться въ томъ, дѣйстви-

тельно ли это направленіе заведетъ васъ въ чащу лѣса. Если же вы убѣдитесь въ своей ошибкѣ, то вы повернете назадъ и не будете отвѣчать предостерегающему васъ человѣку, что хотя въ принципѣ онъ и правъ, но что вы такъ много прошли въ этомъ направленіи, что вамъ неудобно возвращаться назадъ и что вы достигните вашей цѣли другимъ путемъ. Приведенный примѣръ очень рельефно изображаетъ положеніе вопроса о международномъ обмѣнѣ и того спора, который существуетъ между защитниками настоящаго порядка вещей, не отвергающими однако-жь справедливости теоріи свободнаго обмѣна въ принципѣ, при другихъ условіяхъ культуры, и людьми, которые находятъ этотъ порядокъ вреднымъ и считаютъ измѣненіе его необходимымъ. (Я не думаю спорить съ честными протекціонистами, которыхъ считаю людьми или неспособными къ серьезному научному анализу явленій, или заинтересованными.) Охранительная система представляется мнѣ именно тою дорогой, которая, развѣтвляясь постоянно, наконецъ исчезнетъ совершенно въ чащѣ лѣса безъ всякой возможности оріентироваться, и люди науки предупреждаютъ объ этомъ народы вступавшіе на этотъ путь. Къ сожалѣнію, однако-жь, даже многіе изъ людей мыслящихъ отвѣчаютъ: вы совершенно правы въ теоріи и, конечно, человѣчество когда-нибудь придетъ къ этимъ справедливымъ началамъ, а при настоящихъ условіяхъ намъ невозможно возвращаться назадъ и мы будемъ продолжать идти въ томъ же направленіи. И идутъ, добрые люди, по этому обманчивому пути, пока руководящая тропа не исчезнетъ совершенно подъ ихъ ногами, не замѣчая того, что каждый шагъ ихъ въ одномъ направленіи все болѣе и болѣе затрудняетъ имъ возвратъ. А возвратъ будетъ все-таки неизбѣженъ, несмотря на массу вновь возникающихъ затрудненій. Предвидя это, люди науки говорятъ о необходимости поворотить назадъ и думаютъ, что тѣмъ менѣе будетъ жертвъ, чѣмъ ранѣе этотъ поворотъ будетъ сдѣланъ.

Но на это добрые люди отвѣчаютъ, что жизнь не терпитъ скачковъ, и, припоминая, вѣроятно, знаменитое выраженіе Подколесина: «какъ же это, все былъ не женатъ, а тутъ вдругъ сталъ женатъ»,—повторяютъ: «какъ же это, до сихъ поръ все было покровительство, а тутъ вдругъ не будетъ никакого покровительства,—нѣтъ-съ, прыгать-то мы не согласны»... Но васъ, господа, никто и не приглашаетъ прыгать,—вамъ говорятъ только о необходимости повернуться назадъ въ виду того, что вы сами

сознаете въ принципѣ справедливость началъ свободной торговли, и вамъ доказываютъ, что въ виду такого признанія не нужно удаляться отъ этихъ началъ, а необходимо приближаться къ нимъ по возможности. Вотъ все, чего требуютъ люди науки. Переводя же это требованіе на практическій языкъ, я скажу, что настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи по отношенію къ международному обмѣну страдаетъ положительнымъ отсутствіемъ твердо установленныхъ началъ и потому здѣсь все является случайнымъ и непрочнымъ. Необходимо прямое заявленіе, какой политики будетъ держаться въ будущемъ наше таможенное законодательство: считаетъ ли оно свободу торговли тою цѣлью, къ которой необходимо стремиться, или оно держится за необходимость огражденія внутренняго рынка *отъ такъ-называемаго наплыва заграничныхъ произведеній*. Если начала свободной торговли будутъ признаны въ принципѣ вѣрными, тогда необходимо категорическое заявленіе, что никакое дальнѣйшее возвышеніе покровительственныхъ пошлинъ или установленіе таковыхъ вновь не будетъ допускаемо, но, напротивъ, будетъ приступлено къ постепенному пониженію существующихъ. Въ противномъ случаѣ необходимо не одно заявленіе, но и болѣе послѣдовательное проведеніе системы протекціонизма въ видахъ равновѣсія шансовъ различныхъ видовъ производства. Необходимость такого заявленія обусловливается зависимостью огромной массы частныхъ интересовъ отъ той или другой системы торговой политики въ будущемъ. Для людей, затрачивающихъ свои капиталы и время на какое-либо промышленное дѣло, надо имѣть полную увѣренность, что положеніе этого вида промышленности не измѣнится въ недалекомъ будущемъ, а этой-то увѣренности у насъ не существуетъ, да, конечно, и существовать не можетъ, такъ какъ характеръ нашей торговой политики можетъ измѣняться съ перемѣною лицъ, стоящихъ во главѣ министерства финансовъ, и въ этомъ отношеніи для промышленности не существуетъ никакихъ гарантій. Въ этомъ-то отсутствіи увѣренности, а слѣдовательно и возможности сдѣлать какой-либо правильный разсчетъ, кроются причины того недостатка предпріимчивости и медленнаго развитія нашего производства, которыя не составляютъ секрета ни для кого, и это—не смотря на различныя мѣры, предпринимаемыя правительствомъ въ видахъ охраненія нашего внутренняго производства. Подобныя мѣропріятія идутъ прямо въ разрѣзъ съ положеніями науки, а потому и не могутъ внушать увѣренности въ

прочности подобной политики. Въ необходимости и пользѣ подобнаго открытаго заявленія я убѣжденъ настолько, что, несмотря на принадлежность мою къ лагерю защитниковъ началъ свободной торговли, я бы предпочелъ настоящему шаткому положенію дѣлъ программу будущей торговой политики съ самыми крайними протекціонистскими тенденціями, если только эта программа будетъ послѣдовательно и неуклонно проводиться въ жизнь. Я бы порадовался въ этомъ случаѣ за нашу промышленность, которая получила бы такимъ образомъ твердую почву для дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ я бы порадовался и за близкое торжество тѣхъ началъ, которыя я защищаю, такъ какъ строгая и послѣдовательно проведенная система протекціонизма всего скорѣе выкажетъ его несостоятельность.

Въ ряду государственныхъ доходовъ пошлины всѣхъ наименованій играютъ довольно важную роль, такъ какъ общая ихъ цифра по бюджету на 1882 годъ предположена въ 42.451.360 руб., что составляетъ почти $6^1/_2\%$ общей суммы государственнаго дохода. Вся эта сумма состоитъ изъ восьми отдѣльныхъ статей, между которыми важнѣйшее мѣсто занимаетъ гербовый сборъ, предположенный въ 14.935.000 рублей, на 760.000 руб. болѣе, чѣмъ по смѣтѣ на 1881 годъ. Поводомъ къ такому возвышенію на 354.000 руб. послужило предположеніе о повышеніи со второй половины текущаго года цѣны вексельной бумаги, остальная же затѣмъ сумма предположена по соображенію съ возвышеніемъ этого дохода отъ 1879 къ 1880 году. Подобнаго рода разъясненія, приведенныя въ докладѣ г. министра, поражаютъ своею странностію, тѣмъ болѣе, что, на основаніи смѣтныхъ правилъ, на министра финансовъ возложена обязанность наблюдать за законностію вносимыхъ въ смѣту суммъ. Между тѣмъ ко дню составленія смѣты о возвышеніи цѣнъ на вексельную бумагу со второй половины 1882 года никакого закона издано не было, а существовало только предположеніе министерства, которое вовсе не могло служить основаніемъ для смѣтнаго назначенія: оно могло и не получить утвержденія государственнаго совѣта и тогда смѣтное предположеніе не имѣло бы никакого значенія. Конечно, эта цифра въ нашемъ бюджетѣ можетъ быть незамѣтною, но здѣсь важна не цифра, а законность образа дѣйствій, и притомъ въ такого рода актахъ, какъ государственная роспись и всеподданнѣйшій докладъ министра. Если при составленіи подобнаго рода актовъ

открыто признается возможность нарушенія установленныхъ смѣтныхъ правилъ, то стало-быть соблюденіе законности вовсе не обязательно. Но, кромѣ того, подобное увеличеніе смѣтной цифры, на основаніи только предположенія министерства финансовъ, не получившаго законодательной санкціи, неудобно уже потому, что оно должно стѣснять до извѣстной степени свободу мнѣнія членовъ государственнаго совѣта, при обсужденіи въ законодательномъ порядкѣ пользы и необходимости такого возвышенія цѣны вексельной бумаги, такъ какъ Высочайше утвержденная смѣта можетъ считаться также закономъ. Вслѣдствіе этого члены государственнаго совѣта могутъ найти невозможнымъ относиться критически къ такому предположенію министерства, которое вошло уже въ государственную роспись, и такимъ образомъ кажется фактически возможнымъ установленіе новыхъ налоговъ по одностороннему распоряженію министра, безъ разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Подобнаго нововведенія мнѣ не приходилось встрѣчать ни въ одной смѣтѣ со времени утвержденія смѣтныхъ правилъ. Затѣмъ дальнѣйшее увеличеніе предположенной цифры на 407.000 рублей сдѣлано по соображенію съ увеличеніемъ ея отъ 1879 года къ 1880 году. Но такое увеличеніе послѣдовало, какъ указываютъ отчеты государственнаго контроля, всего на 164.474 руб., слѣдовательно не вполнѣ оправдываютъ предположенное возвышеніе. На основаніи смѣтныхъ правилъ, въ подобнаго рода доходахъ основаніемъ смѣтнаго назначенія должна была служить средняя цифра поступленія за три послѣдніе года; но такъ какъ ко времени составленія смѣты со дня возвышенія гербоваго сбора результаты поступленія имѣлись въ виду лишь за два года, то повидимому гораздо осторожнѣе было бы взять среднюю цифру этихъ двухъ лѣтъ, т. е. 1879 и 1880 годовъ, а именно 14.313.437 руб., и вовсе не вводить сбора не утвержденнаго законодательнымъ порядкомъ. Но оказывается, что осторожность повидимому не въ духѣ настоящаго времени; это видно не только изъ настоящаго примѣра, но также изъ разсмотрѣнія всѣхъ предыдущихъ статей смѣты.

Поступленіе крѣпостныхъ судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ предположено въ суммѣ 9.692.000 руб. Послѣ указанныхъ примѣровъ трудно понять, на какомъ основаніи въ предположеніи этой цифры является осторожность и, какъ мнѣ кажется, осторожность совершенно излишняя. Вотъ цифры поступленія этого дохода за послѣднія 10 лѣтъ:

1871	5.174.472
1872	6.249.931
1873	7.425.079
1874	7.186.430
1875	7.637.630
1876	6.978.744
1877	6.709.125
1878	7.735.399
1879	8.971.524
1880	9.736.381

Изъ приведенной таблицы видно, что доходъ по этой статьѣ за послѣднія 10 лѣтъ возрасталъ очень быстро и увеличился на 86%. Если онъ и понижался въ 1876 и 1877 годахъ, т.-е. въ годы войны, то за тѣмъ возрасталъ по милліону рублей въ годъ. На этомъ основаніи было бы очень естественно предположить его возрастаніе и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ году. Между тѣмъ онъ предположенъ на текущій годъ въ меньшей цифрѣ, чѣмъ дѣйствительное поступленіе 1880 года. Такую осторожность понять тѣмъ болѣе трудно, что смѣтныя предположенія какъ по этой статьѣ, такъ и по предыдущей составляются въ одномъ и томъ же департаментѣ неокладныхъ сборовъ. Остается придти къ заключенію, что цифры смѣтныхъ предположеній скорѣе зависятъ отъ второстепенныхъ чиновъ министерства, чѣмъ отъ внимательнаго ихъ разсмотрѣнія со стороны директора департамента.

Обращаясь за тѣмъ къ существу самого налога, я долженъ замѣтить, что налогъ на переходъ недвижимыхъ имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, извѣстный у насъ подъ названіемъ крѣпостныхъ пошлинъ, я считаю однимъ изъ самыхъ правильныхъ и справедливыхъ, въ особенности въ виду того обстоятельства, что у насъ недвижимая собственность не несетъ почти никакихъ постоянныхъ налоговъ, а движимый капиталъ положительно ускользаетъ отъ всякихъ налоговъ. На этомъ основаніи нельзя не сочувствовать предположенію объ установленіи налога на переходъ имущества даже по наслѣдству. По слухамъ, проектъ этого закона уже разсматривается въ государственномъ совѣтѣ. Къ сожалѣнію, основанія его и детали рѣшительно неизвѣстны въ обществѣ, хотя голосъ печати въ дѣлѣ такъ близко касающемся частныхъ интересовъ былъ бы далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что онъ никого не стѣсняетъ и ни къ чему не обязываетъ. Странныя, въ самомъ дѣлѣ, явленія бываютъ у насъ на Руси: совер-

шается какое-либо событіе, для предупрежденія котораго нужны власть и сила, вовсе не состоящія въ распоряженіи общества; тѣмъ не менѣе у насъ начинаются обращенія къ обществу и сыплются упреки на общество за его апатію, за то, что оно не оказываетъ содѣйствія правительству; но вотъ возникаетъ государственный вопросъ, тѣсно связанный съ огромною массой частныхъ интересовъ, въ которыхъ голосъ общества можетъ быть наиболѣе компетентенъ, а между тѣмъ по этому вопросу не только никто не проситъ никакого содѣйствія общества, но не считается даже нужнымъ сообщить въ печати о сдѣланномъ предположеніи. Мудрено ли, что выработанные чисто-канцелярскимъ путемъ законы оказываются непрактичными и не достигающими тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремились. Очень не мудрено, что и въ новомъ законѣ найдутся какія-нибудь детали, вслѣдствіе которыхъ онъ окажется непрактичнымъ. Въ нашемъ законодательствѣ, напримѣръ, вовсе не принимается въ соображеніе количественная разница переходящаго имущества; между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что справедливость требуетъ имущества крупныя облагать высшимъ процентомъ сбора, чѣмъ имущества мелкія, такъ какъ послѣднія цѣнятся всегда выше и не по доходности ихъ, а вслѣдствіе большаго на нихъ спроса. Если это обстоятельство упущено изъ вида, то это существенная ошибка.

Насколько можно считать справедливымъ налогъ на переходъ недвижимыхъ имуществъ, настолько же оказываются несправедливыми судебныя пошлины, взимаемыя съ истца при предъявленіи имъ иска. Правосудіе не можетъ и не должно бы ни покупаться, ни продаваться, хотя бы и за дешевую цѣну. Это одна изъ самыхъ главныхъ функцій государственной власти, которая оплачивается народомъ значительной страховою преміей, въ видѣ общихъ государственныхъ налоговъ, и не можетъ служить предметомъ спеціальнаго налога, упадающаго на того, кто случайно сдѣлался жертвою недостаточнаго огражденія имущественныхъ интересовъ гражданъ, т.-е. жертвой несовершенства государственнаго устройства и управленія. Гражданское правосудіе и служитъ именно поправкой этого несовершенства. Какимъ же образомъ можетъ служить предметомъ налога необходимость прибѣгать къ защитѣ судебной власти,—необходимость во всякомъ случаѣ непріятная и хлопотливая? Налогъ долженъ взиматься съ выгодъ, которыя получаются гражданами, или какъ плата за удовлетвореніе извѣстной потребности человѣка; но обращеніе въ судъ, въ

видахъ защиты нарушенныхъ правъ, не можетъ приносить никакой выгоды или считаться потребностію человѣка, удовлетвореніе которой доставляетъ извѣстное удовольствіе. Мнѣ могутъ возразить, что истцу предоставляется, въ случаѣ удовлетворенія его просьбы, взыскивать съ обвиненной стороны всѣ судебныя издержки, а въ томъ числѣ и судебныя пошлины. Но представьте себѣ случай незаконнаго захвата моего имущества, слѣдующаго мнѣ по наслѣдству или по какому-либо другому случаю, и притомъ лицомъ, не имѣющимъ какой-либо видимой собственности. При обращеніи въ судъ я долженъ уплатить пошлины, вести процессъ, который можетъ продолжаться долго и стоить мнѣ очень дорого, и получить мое имущество быть-можетъ далеко уже не той стоимости, какой оно было, а между тѣмъ взыскать мои убытки по несостоятельности отвѣтчика я не могу. Спрашивается, за что же я внесъ судебныя пошлины? Съ одной стороны мнѣ говорятъ, что это какъ бы залогъ справедливости моего иска. Но если это такъ, то подобный взносъ долженъ быть мнѣ возвращенъ, если дѣло рѣшено въ мою пользу, а между тѣмъ судебныя пошлины не возвращаются и потому не могутъ считаться залогомъ. Съ другой стороны утверждаютъ, что это—возмѣщеніе тѣхъ издержекъ, которыя несетъ государство на содержаніе суда. Но вѣдь отправленіе правосудія не есть регалія, по которой государство принимаетъ на себя за извѣстную плату удовлетвореніе какихъ-либо общихъ потребностей гражданъ, въ родѣ пересылки корреспонденціи или чеканки монеты. Это есть необходимая и безусловная обязанность государства, въ которой нуждаются далеко не всѣ граждане, и случаи этого обращенія являются лишь исключеніями изъ общаго порядка вещей. Не могутъ судебныя пошлины относиться и къ штрафамъ, такъ какъ онѣ взыскиваются прежде, чѣмъ рѣшенъ вопросъ — кто правъ, кто виноватъ. Кромѣ того взыскивать штрафъ по судебнымъ дѣламъ несправедливо даже съ неправой стороны, такъ какъ споръ объ извѣстномъ правѣ можетъ возникнуть не вслѣдствіе недобросовѣстности той или другой стороны, а просто вслѣдствіе различныхъ взглядовъ на правовыя отношенія. Если мы часто встрѣчаемся съ различіемъ мнѣній не только отдѣльныхъ юристовъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, но и цѣлыхъ коллегій этихъ юристовъ, то тѣмъ скорѣе можетъ возникнуть различное пониманіе своихъ правъ у людей, которые такого образованія не получили. Что такое различіе во взглядахъ на вопросы права существуетъ во всѣхъ стра-

нахъ и при всякомъ законодательствѣ, доказывается тѣмъ, что выраженіе *выиграть* и *проиграть процессъ* существуетъ у всѣхъ народовъ и на всѣхъ языкахъ. Такимъ образомъ народная философія признаетъ, что шансы признанія извѣстныхъ юридическихъ правъ основательными равносильны случайности и слѣдовательно налагать какую-либо отвѣтственность на сторону, домогательства которой отвергнуты судомъ, значитъ подвергать карѣ ни въ чемъ неповинное частное лицо за неясность и неточность закона или вообще за сбивчивость юридическихъ понятій. Что касается этихъ понятій въ нашемъ отечествѣ, то значительная ихъ часть заимствована нашимъ законодательствомъ извнѣ, положительно чужда нашимъ нравамъ и обычаямъ и рѣшительно не понимается и не признается нашимъ народомъ.

Но кромѣ этихъ весьма существенныхъ соображеній въ пользу отмѣны судебныхъ пошлинъ есть еще одно не менѣе серьезное, а именно—ничтожность получаемаго по этой статьѣ дохода: по послѣднему отчету государственнаго контроля, судебныхъ пошлинъ поступило всего 593.894 руб., а между тѣмъ сколько неудобствъ и формальностей необходимо соблюдать при взиманіи этого сбора, сколько правъ остается нарушенными за невозможностію внести эти пошлины и за неувѣренностію, что сумма эта не пропадетъ даромъ! А сколько испишется бумаги и потратится труда по поводу отчетности и контроля по этимъ суммамъ, тогда какъ доходъ этотъ въ общей суммѣ бюджета составляетъ только 0,09%!

Сборъ съ паспортовъ давно уже осужденъ не только наукой, но и полицейскими правилами всѣхъ народовъ, опередившихъ насъ своимъ развитіемъ. Но что я говорю о другихъ народахъ: беру смѣлость напомнить читателю слова русскаго человѣка, и, конечно, компетентнаго въ полицейскихъ порядкахъ, а именно: слова генералъ-адъютанта Трепова, который прямо высказался противъ паспортной системы и призналъ ее положительно несостоятельной. Тѣмъ не менѣе налогъ этотъ продолжаетъ оставаться въ нашемъ бюджетѣ, хотя онъ положительно парализуетъ поступленіе по другимъ статьямъ дохода и влечетъ за собою цѣлую массу злоупотребленій и притѣсненій рабочаго люда со стороны сельскихъ и низшихъ полицейскихъ властей. Подобное явленіе тѣмъ менѣе понятно, что сумма этого дохода хотя имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ судебныя пошлины, и опредѣлена по бюджету текущаго года въ 3.342.000 рублей, но въ суммѣ 654 милл., составляющей нашъ доходный бюджетъ, является совершенно ни-

чтожной и далеко не окупаетъ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, которыя она приноситъ. Отмѣна подобнаго налога была бы гораздо болѣе полезна для народа, чѣмъ установленное пониженіе выкупныхъ платежей, и не по суммѣ, уплачиваемой народомъ, а вслѣдствіе уничтоженія тѣхъ препятствій и стѣсненій въ пріисканіи заработка, которыя создаются для народныхъ массъ при существованіи паспортной системы. Какъ примѣръ, какого рода дѣла могутъ возникать при этой системѣ, я разскажу случай, бывшій въ городѣ Саратовѣ въ шестидесятыхъ годахъ, въ бытность мою тамъ управляющимъ контрольною палатой. Въ одной изъ отчетныхъ вѣдомостей казначейства,—котораго именно года и мѣсяца не припомню,—встрѣтился расходъ на выдачу нижнимъ полицейскимъ чинамъ награды за поимку въ гор. Саратовѣ 60 или 70 человѣкъ бѣглыхъ, по три рубля за каждаго. Контрольная палата, встрѣтивъ какое-то препятствіе къ утвержденію этого расхода, обратилась съ вопросомъ въ казенную палату и въ полицейское управленіе. Изъ переписки, возникшей по этому поводу, выяснилось, что эти *такъ-называемые бѣглые* были приписаны мѣщанами къ уѣзднымъ городамъ Саратовской губерніи, но жили всегда въ Саратовѣ, имѣли свои собственные дома въ городѣ и исправно вносили государственный налогъ съ недвижимой собственности, но паспортовъ отъ мѣстныхъ мѣщанскихъ расправъ никогда не выправляли. Вслѣдствіе этого въ одинъ прекрасный день всѣ они были арестованы и содержались на казенный счетъ, пока о нихъ не были получены справки отъ мѣстныхъ расправъ, что они дѣйствительно приписаны къ мѣщанамъ этихъ городовъ; затѣмъ, какъ кажется, они были освобождены съ обязательствомъ брать паспорты, а полицейскимъ чинамъ выдано по три рубля за каждаго. Бывали и такіе случаи, что арестовывались въ городахъ Саратовской губерніи жители противоположнаго берега Волги, какъ явившіеся безъ паспорта изъ другой губерніи, и за поимку всѣхъ этихъ лицъ выдавались наградныя деньги. Вотъ къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ порядокъ вещей, не соотвѣтствующій условіямъ народной жизни; а насколько онъ парализуетъ развитіе народнаго благосостоянія, этого и сосчитать невозможно.

Къ числу пошлинъ отнесенъ по бюджету сборъ съ пассажировъ, проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ, и съ грузовъ большой скорости, провозимыхъ по этимъ дорогамъ. Доходъ этотъ исчисленъ по смѣтѣ въ 8.100.000 рублей и почти въ той же

цифрѣ поступилъ и въ 1880 году. Налогъ этотъ установленъ съ февраля 1879 года, какъ кажется, по примѣру Франціи, которая ввела у себя этотъ налогъ послѣ погрома, нанесеннаго ей въ 1870 году, такъ какъ ей необходимо было увеличить свой бюджетъ разомъ на пятьсотъ милліоновъ франковъ, т. е. на 25%. Понятно, что при такомъ положеніи всѣ средства для добыванія денегъ были хороши, тѣмъ болѣе, что главная масса пассажировъ во Франціи передвигается на самыя короткія разстоянія и число ихъ громадно, такъ что каждому проѣзжающему приходится заплатить очень немного, между тѣмъ какъ доходъ отъ этой статьи, при обложеніи билетовъ только 10% сбора, составлялъ доходъ въ 67 милл. франковъ въ 1873 году. Сверхъ того дороги во Франціи приносятъ значительный доходъ и послѣдствія подобнаго обложенія могли повліять на доходы акціонерныхъ обществъ, но ни въ какомъ случаѣ не затрогивали интересовъ государственнаго казначейства, такъ какъ Франція, несмотря на огромную сѣть своихъ дорогъ, расходуетъ на правительственную гарантію не болѣе 15½ милл. франковъ. Совсѣмъ другое дѣло у насъ. Пассажирскій сборъ въ Россіи, за исключеніемъ развѣ одной Николаевской дороги, вездѣ даетъ убытокъ. Главная масса этого сбора, т. е. около 85%, оплачивается третьимъ классомъ, большинство пассажировъ котораго принадлежитъ къ рабочему люду, передвигающемуся для пріисканія заработковъ и ѣдущему очень часто по желѣзной дорогѣ только на такое разстояніе, которое онъ въ состояніи оплатить. Вслѣдствіе этого подобный налогъ въ Россіи необходимо долженъ былъ повліять на уменьшеніе цифры пассажирскаго сбора, и если мы не видимъ этого паденія изъ сравненія цифръ сбора, то во всякомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, что сборъ съ пассажирскихъ билетовъ со времени установленія налога пересталъ возрастать въ той степени, въ какой онъ возрасталъ прежде. Что же касается до товаровъ большой скорости, то можно сказать, что съ установленіемъ налога перевозка ихъ почти прекратилась и дороги лишились наиболѣе выгодныхъ грузовъ. Вообще установленный налогъ парализовалъ дальнѣйшее развитіе доходности дорогъ. Между тѣмъ наши дороги, за небольшимъ исключеніемъ, требуютъ приплаты гарантіи, которой около 50 милл. рублей въ годъ падаетъ на правительство; слѣдовательно каждый рубль недобранный желѣзною дорогой есть прямой убытокъ государственнаго казначейства, которое или приплатитъ его по гарантіи акцій, или

не дополучитъ въ процентахъ по облигаціямъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что доходъ этотъ въ значительной мѣрѣ долженъ считаться фиктивнымъ: онъ уменьшается на всю ту сумму, на которую увеличивается приплата по гарантіи. Конечно, такая потеря не можетъ быть вычислена, такъ какъ не извѣстно, насколько возвысились бы доходы желѣзнодорожныхъ обществъ, еслибы подобнаго налога не существовало; но что эта потеря существуетъ, то это можно утверждать положительно. Кромѣ того, издержки взиманія этого дохода существуютъ также, но эти издержки сливаются съ общими издержками желѣзныхъ дорогъ и потому на нихъ не обращается вниманія. Между тѣмъ онѣ во всякомъ случаѣ увеличиваютъ приплату правительства по гарантіи.

Но главный вредъ этого налога состоитъ въ томъ, что онъ стѣсняетъ передвиженіе населенія и уменьшаетъ его заработки, заставляя рабочій людъ терять значительную часть времени на передвиженіе пѣшкомъ за неимѣніемъ денегъ на проѣздъ. Кромѣ того налогъ этотъ вреденъ въ силу своей неравномѣрности и несправедливости. Всякій налогъ взимается съ выгодъ или удобствъ получаемыхъ человѣкомъ, здѣсь же онъ взимается прямо пропорціонально невыгодамъ мѣстожительства, т. е. чѣмъ больше число верстъ я долженъ проѣхать, чѣмъ больше слѣдовательно мнѣ будетъ стоить этотъ проѣздъ и чѣмъ больше я долженъ для этого потратить времени, тѣмъ больше я долженъ заплатить налога. Можетъ ли быть принято болѣе несправедливое основаніе обложенія, и притомъ у насъ въ Россіи, при нашихъ пространствахъ, при нашей неравномѣрности распредѣленія населенія и при той необходимости въ рабочихъ рукахъ, которая существуетъ въ наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ нашего отечества! И для чего же?—Для того, чтобы получать какіе-нибудь 8 милл. рублей на половину фиктивнаго дохода.

Сборъ съ застрахованія имуществъ и съ повышенія окладовъ чиновникамъ разбирать я не буду, такъ какъ оба они, какъ мнѣ кажется, имѣютъ довольно вѣскія основанія. Что же касается остальныхъ пошлинъ, то я не считаю нужнымъ входить въ подробности въ виду незначительности каждой изъ нихъ отдѣльно.

А. Головачовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Историческій очеркъ развитія поземельнаго кредита въ Россіи.

Важность для Россіи вопроса о поземельномъ кредитѣ. — Характеръ земельнаго кредита въ древнюю эпоху. — Дворянскіе банки въ царствованіе Елизаветы Петровны и Екатерины II. — Неустройство дворянскихъ банковъ. — Учрежденіе государственнаго заемнаго банка и связь его съ ассигнаціонннымъ. — Отношеніе земельнаго кредита къ выпуску ассигнацій и къ бумажно-денежному обращенію вообще. — Государственный вспомогательный банкъ для дворянства. — Роль заемнаго банка въ подкрѣпленіи государственнаго казначейства и преимущественное значеніе сохранной казны, какъ учрежденія ипотечнаго кредита. — Облегченія условій земельныхъ займовъ и возвышеніе нормы ссудъ. — Статистическія данныя относительно оборотовъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій и задолженности землевладѣнія. — Существенные недостатки старыхъ кредитныхъ учрежденій и ликвидація ихъ. — Коммиссія для устройства земскихъ банковъ.

Поземельный кредитъ, широко захватывая своимъ вліяніемъ не только сельское хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ, но вообще землевладѣніе въ связи съ земледѣліемъ, естественно имѣетъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ важнѣе роль сельскохозяйственной промышленности въ общемъ экономическомъ строѣ государства.

А въ этомъ отношеніи данныя сельскохозяйственной статистики приводятъ къ не безъинтереснымъ выводамъ. Между тѣмъ, какъ пространство производительной площади равняется въ Англіи 17,8 милл. дес., во Франціи—40 милл. дес., въ Австріи—51,8 милл. дес., въ Германской имперіи—48,6 милл. дес., —въ Россіи одной пахатной и сѣнокосной земли—150 милл. дес., а производительная площадь высчитывается болѣе 292 милл. дес.

Обращаясь къ вопросу о землевладѣніи, мы находимъ въ Россіи 23,1 милл. физическихъ лицъ, владѣющихъ землею, изъ которыхъ 22,8 милл. крестьянъ разныхъ наименованій съ земельною собственностью въ 120,6 милл. дес. Такимъ образомъ въ Россіи въ шесть разъ большее число лицъ владѣетъ землею, чѣмъ въ демократической Франціи, и въ 20 разъ больше, чѣмъ

въ Великобританіи; а взявши процентное отношеніе, мы найдемъ, что въ Россіи лица, владѣющія землею внѣ городовъ, составляютъ 36% населенія, т.-е. процентъ этотъ въ три раза больше того, какой мы находимъ во Франціи, и въ 32 раза большій, чѣмъ въ Соединенномъ королевствѣ. Прибавимъ къ числу земельныхъ собственниковъ, составляющихъ 36% населенія, ихъ семьи и мы увидимъ, что лишь самый ничтожный процентъ русскаго населенія не заинтересованъ непосредственно въ вопросахъ земледѣлія и землевладѣнія *).

Опираясь на столь краснорѣчивыя данныя, мы можемъ смѣло утверждать, что нигдѣ вопросы, которые близко касаются земледѣлія и землевладѣнія, а слѣдовательно и вопросъ о поземельномъ кредитѣ, не представляютъ такого громаднаго значенія, какъ въ Россіи. Въ настоящее время, кромѣ того, мы переживаемъ моментъ, съ котораго легко предвидѣть начало новой эпохи въ исторіи развитія ноземельнаго кредита въ Россіи: я разумѣю расширеніе сферы дѣйствія его, такъ-называемый мелкій поземельный кредитъ. Въ какомъ направленіи разовьется послѣдній, покажетъ будущее. Но чтобъ избѣгнуть по возможности ошибокъ при разрѣшеніи новыхъ вопросовъ о крестьянскомъ кредитѣ, чтобы направить крупный земельный кредитъ въ наиболѣе выгодную для народнаго хозяйства сторону, необходимо прежде всего хорошо знать не только настоящее, но и прошедшее касательно развитія земельнаго кредита въ Россіи.

Небрежное отношеніе къ исторіи всегда будетъ неуваженіемъ до нѣкоторой степени и къ ея результату—настоящему, и чѣмъ внимательнѣе станемъ мы относиться къ урокамъ исторіи, тѣмъ для насъ будетъ легче разобраться въ окружающемъ, въ тѣхъ жгучихъ вопросахъ, что́ волнуютъ современниковъ.

Мы знаемъ уже, что организованный поземельный кредитъ—явленіе сравнительно недавняго происхожденія въ западной Европѣ. То же самое можно сказать и о Россіи: зачатки его слѣдуетъ отнести къ царствованію Елизаветы Петровны, когда были открыты дворянскіе банки въ Москвѣ и Петербургѣ; но въ своей неорганизованной формѣ, въ видѣ разрозненныхъ ссудъ подъ залогъ земли, поземельный кредитъ существовалъ и гораздо раньше. Какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ закладъ земельнаго имущества возникъ, вѣроятно, одновременно съ правомъ частной

*) *Ю. Э. Янсонъ*: „Сравнительная статистика“, томъ II, отд. I.

собственности на землю. Археографическія разысканія и разработка экономической исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, быть-можетъ, когда-нибудь и нарисуютъ подробную картину экономическихъ отношеній нашихъ предковъ, а въ томъ числѣ дадутъ понятіе объ относительномъ распространеніи земельнаго кредита въ различныя эпохи. Къ сожалѣнію, пока это еще великая заслуга будущихъ историковъ Россіи.

Но, за неимѣніемъ подъ рукою разработаннаго матеріала по занимающему насъ предмету, я считаю не безъинтереснымъ познакомить своихъ читателей, хотя бы и на основаніи весьма небогатыхъ и отрывочныхъ данныхъ, съ тѣми особенностями поземельнаго кредита, которыя замѣчаются при займахъ подъ залогъ земель въ до-петровское время.

Древнѣйшій документъ, на который я могу сослаться и который не только подтверждаетъ существованіе поземельнаго кредита въ весьма отдаленную эпоху исторіи Россіи, но и указываетъ на подробности сдѣлки, это—закладная на землю, относящаяся къ XIII или XIV вѣку. Два лица занимаютъ у третьяго десять сороковъ бѣлъ на тринадцать лѣтъ, и въ «тѣхъ кунахъ,—говорится въ закладной,—заложили есмя отщину свою, сёло земли на Лодьми орамые земли, и пожню, и путики, и тони, и дворъ». По прошествіи условленнаго срока, кредиторъ былъ обязанъ, получивъ долгъ, «отъ земли отступиться» и возвратить своимъ должникамъ какъ купчую, такъ и закладную на имѣніе. «А будетъ Обросиму и Лаврентію (заемщикамъ) не до земли, ино имъ у Федора на той земли доняти 5 сороковъ бѣлъ да два пуза ржи сѣмянной, а купная грамота имъ Федору на ту землю дати, а въ людяхъ имъ кунъ не имати, а выкупати имъ та земля своими кунами» *). Приведенная закладная указываетъ на одну изъ характерныхъ особенностей земельнаго заклада въ древности: земля заложена на 13 лѣтъ, а между тѣмъ о процентахъ по ссудѣ ничего не упоминается. Кажущееся страннымъ съ перваго взгляда обстоятельство это объясняется весьма просто, если вникнуть въ смыслъ приведенныхъ мною выдержекъ изъ закладной. Онѣ даютъ полное основаніе думать, что заложенная земля до окончанія срока займа переходила во владѣніе и пользованіе кредитора, что замѣняло ростъ. Въ данномъ случаѣ условія ссуды довольно тяжелыя, даже по тому времени, и какъ бы разсчи-

*) *Акты*, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. С.-Петербургъ 1864 г., т. II, № 125.

таны на то, чтобы земля со-временемъ перешла въ собственность кредитора. Такъ заемщики не имѣютъ права выкупить имѣніе до срока, а по истеченіи его обязаны выкупить его собственными кунами, т.-е. не могутъ перезаложить его въ другія руки. Если должники окажутся не въ состояніи выкупить залога, то послѣдній становится собственностью кредитора, однако, послѣ доплаты имъ сорока бѣлъ и двухъ пузъ ржи. Послѣднее обстоятельство указываетъ, что ссуда составляетъ какъ бы опредѣленную часть цѣнности залога, и по случайному совпаденію эта часть довольно близко подходитъ къ обычной въ настоящее время нормѣ двухъ третей оцѣночной суммы.

Что отдача въ ссуду подъ залогъ земель составляла въ прежнее время не безвыгодную операцію для денежныхъ людей, это можно видѣть, между прочимъ, изъ приписки, сдѣланной на разсматриваемой закладной относительно солянаго колодца, входившаго въ составъ заложеннаго имѣнія. Колодцемъ должники имѣютъ право пользоваться совмѣстно съ кредиторомъ, «а будетъ въ росолѣ прокъ,—читаемъ мы въ припискѣ,—а имети быти, Богъ дастъ, соль», то заемщики получаютъ право уплатить половину долга до срока, причемъ въ ихъ владѣніе возвращается и половина заложенной земли, а срокъ пользованія кредиторомъ другою половиной сокращается до 10 лѣтъ, причемъ кредиторъ все это время пользуется солянымъ колодцемъ по-прежнему, совмѣстно съ должниками.

Переходъ владѣнія и пользованія заложенною землею къ кредитору, что̀ мы встрѣчаемъ въ приведенномъ случаѣ—характеристическая форма залога въ древнюю эпоху, когда залоговое право и вообще ипотечное законодательство крайне неразвито, не была, однако, исключительной и въ это время. Рядомъ съ нею встрѣчаются и случаи заклада имѣній съ сохраненіемъ права пользованія за заемщиками. Сообразно съ этимъ закладныя того времени распадаются на двѣ категоріи, изъ коихъ въ однѣхъ о денежномъ ростѣ не упоминается, а говорится обыкновенно: «а за ростъ ту пустошь косити, той деревней владѣти» и т. д. *), въ другихъ же прямо опредѣляется размѣръ денежнаго роста **), что, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что заложенною землей продолжалъ въ этомъ случаѣ пользоваться ея владѣлецъ.

*) Тамъ же, т. II, № 126—II, XV вѣка.—*Акты юридическіе*, № 236 и др.

**) *Акты*, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, т. II, № 126—V, закладная 1517.

Вознагражденіе за пользованіе ссуднымъ капиталомъ, выражаясь или въ формѣ непосредственнаго извлеченія дохода изъ заложенной земли, или денежнымъ ростомъ, даже въ первомъ случаѣ не всегда поглощало, говоря научнымъ языкомъ, всю ренту, т. е. пользованіе иной разъ ставилось въ извѣстные предѣлы: такъ мы видѣли по приведенной выше закладной, что должники могли вываривать соль изъ источника, входившаго въ составъ заложеннаго имѣнія; въ другой закладной отъ 1483 г. мы находимъ, что при залогѣ «наволока» въ 12 рубляхъ опредѣлено: «четыре стажья за ростъ косити» [1]). При денежномъ ростѣ за пользованіе ссуднымъ капиталомъ обыкновенно опредѣлялось 20% въ годъ. Наиболѣе употребительная форма выраженія этого: «а ростъ дати по разсчету, *какъ идетъ въ людяхъ*, на пять шестой» [2]).

Что касается до срока ссудъ, то само собой разумѣется, что у нашихъ предковъ не могла господствовать форма долгосрочнаго земельнаго кредита въ такомъ смыслѣ, какъ это мы привыкли понимать на основаніи практики современныхъ земельныхъ кредитныхъ учрежденій. Однако возможность долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ земельной недвижимости чувствовалась и въ это время. Хотя чаще всего заемъ тогдашними землевладѣльцами заключался на годъ «отъ Юрьева дня осенняго и до Юрьева дня до осенняго» [3]), однако встрѣчаются и болѣе продолжительные сроки—на пять, на тринадцать и даже на пятьдесятъ лѣтъ [4]). Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, дѣло идетъ собственно о помѣстной землѣ, причемъ очень можетъ быть, что подъ формою залога скрывается собственно продажа. Закладная относится къ довольно поздней эпохѣ—1693 году. Этотъ документъ не безъинтересенъ еще потому, что въ немъ откровенно указывается главная причина займа. Нѣкто Леонтій Стрѣльниковъ, Симбирскаго уѣзда, выборнаго полку солдатъ, занимаетъ у другаго солдата, Марка Рогожина, сто рублей «*на расплату долговъ своихъ*»; и закладываетъ половину своей помѣстной земли, сѣнныхъ покосовъ, дворовой усадьбы гумна и огорода на 50 лѣтъ. Если по

---

[1]) *Акты юридическіе*, издан. Археографическою коммиссіей. С.-Пб. 1838 г., № 233.

[2]) Тамъ же, № 243, т. II.

[3]) Тамъ же, №№ 233 и 238.

[4]) Тамъ же, № 234.—*Акты*, относящ. до юридич. быта, т. II, №№ 125, 126—XVII и др.

истеченіи срока долгъ не будетъ уплаченъ, то кредиторъ, его жена и дѣти владѣютъ землею и впредь *).

Если заемщикъ не уплачивалъ занятой суммы, то заложенное имѣніе переходило обыкновенно въ полную собственность кредитора «на вѣчное время безъ выкупа», но иногда при заключеніи сдѣлки предусматривается возобновленіе ея или продолженіе прежнихъ отношеній заемщика къ кредитору: «а поляжетъ серебро по сроцѣ, ино пахати тѣ деревни по тому же» **).

Несмотря на сравнительно незначительное число закладныхъ, которыя намъ извѣстны, уже и онѣ свидѣтельствуютъ, что залогъ имѣній былъ явленіемъ вовсе не исключительнымъ, и притомъ въ позднѣйшее время онъ встрѣчается все чаще и чаще. На это указываетъ весьма характерное отличіе древнѣйшихъ закладныхъ отъ болѣе позднихъ. Въ приведенной мною вначалѣ закладной XIII или начала XIV вѣка мы не встрѣчаемъ никакого намека на возможность вторичнаго заклада въ другія руки (вторая закладная). То же придется сказать и о другихъ закладныхъ вплоть до конца пятнадцатаго столѣтія. Но въ закладной отъ 1499 года мы уже читаемъ слѣдующую оговорку: «а у людей Уласью (заемщикъ) кунъ не имати на ту землю», т. е. закладная обязываетъ не занимать денегъ у постороннихъ лицъ подъ обезпеченіе заложенною землей. А начиная съ XVI вѣка во всѣхъ закладныхъ, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ юридическихъ актовъ», мы встрѣчаемъ оговорку въ родѣ того, что «тое пожня у меня (у такого-то) въ кабалѣ и въ закладѣ ни у кого нѣтъ, а у кого выляжетъ (окажется) кабала или купчая, и мнѣ (такому-то) тое пожня очищати» ***). Подобныя оговорки даютъ основаніе думать, что съ XVI столѣтія залогъ земли распространяется настолько, что является даже соблазнъ и возможность злоупотреблять ипотечными займами, закладывая одну и ту же землю разнымъ лицамъ, или обманно занимать деньги, выдавая чужое имѣніе за свое, и т. п. Съ этихъ поръ при каждой ссудѣ подъ залогъ имѣній возникаетъ вопросъ, игравшій большую роль, какъ мы увидимъ, и въ позднѣйшее время и не потерявшій своего значенія до настоящей минуты, а именно: не заложена ли земля раньше, дѣйствительно ли она принадлежитъ тому лицу, который выдаетъ ее при закладѣ за свою, и т. п. Понятно, что если даже совре-

*) *Акты*, относящ. до юрид. быта, т. II, столб. 22.

**) *Акты юридическіе*, №№ 240, 241 и др.

***) Тамъ же, № 234.

менное русское законодательство не достигло, чтобъ отвѣты на это были легки и ясны, то при слабомъ развитіи писанныхъ юридическихъ нормъ у нашихъ предковъ это было еще труднѣе, что конечно играло не послѣднюю роль въ смыслѣ задерживающихъ причинъ для развитія поземельнаго кредита.

Обращаясь къ вопросу о томъ, кто являлся кредиторомъ землевладѣльцевъ, то о кредитныхъ посредникахъ въ родѣ земельно-кредитныхъ учрежденій въ отдаленную эпоху не можетъ быть и рѣчи. Кредиторами землевладѣльцевъ въ это время являются отдѣльныя частныя лица и монастыри. Несмотря на осужденіе лихоимства Священнымъ Писаніемъ, наши древніе монастыри не гнушались извлекать доходы путемъ отдачи въ ссуду монастырскихъ денегъ за такой же ростъ, какъ и частныя лица. Изъ дошедшихъ до насъ закладныхъ можно предположить, что займы «казеннаго монастырскаго серебра» подъ залогъ земель, пожень и деревень не были исключительнымъ явленіемъ, причемъ закладныя совершались обыкновенно на имя игумна или какое-либо другое служебное монастырское лицо; въ одной закладной встрѣчается даже курьезное выраженіе о закладѣ Св. Николаю *).

Говоря о поземельномъ кредитѣ въ древней Россіи, нельзя не упомянуть еще объ одномъ весьма интересномъ явленіи, которое показываетъ, до какой степени отличительная черта русской народной жизни—артельное начало—проникала всюду, гдѣ была малѣйшая возможность. При залогѣ земель случалось, что закладъ подкрѣплялся еще и круговою порукой, т. е. заемщики составляли какъ бы кредитную артель, хотя и въ неразвитой формѣ **).

Кромѣ непосредственнаго интереса, какъ одного изъ доказательствъ древности и распространенности артельнаго начала среди русскаго народа, я считаю нужнымъ остановиться на этомъ фак-

*) „Се заложи Уласей Святому Николи въ Чюхченему, и игумну Василью, и старости Юрью, и всимъ чернцамъ Никольскимъ, полсела“ (*Акты юридическіе*, № 234).

**) *Акты юридическіе*, № 238. „Се язъ Осюня, да язъ Володя, да язъ Степанъ, Семеновы дѣти Трушевскаго, да язъ Осифъ Ильинъ, сынъ Семенова сына, занялъ есми,— говорится, напримѣръ, въ закладной XV вѣка,—у Кириловскаго прикащика у Ивана Иванова сына у Толстаго четыре рубли московскихъ денегъ, ходячихъ казеннаго серебра монастырскаго, отъ Юрьева дня осенняго да до Юрьева дни до осенняго, на годъ, а въ тѣхъ есми деньгахъ заложили пожню на Вологдѣ въ Змѣинцѣ..., *а въ серебрѣ есмя всѣ пять насъ единъ человѣкъ, которыхъ насъ въ лицахъ на томъ серебро*“. Заключительныя слова закладной ясно указываютъ на примѣненіе артельнаго начала при кредитной сдѣлкѣ, а это—случай не единственный.

тѣ еще и потому, что въ нашей ученой литературѣ еще весьма недавно было высказано довольно категорически мнѣніе о томъ, что «кредитныя артели вовсе не были знакомы нашимъ предкамъ», и что онѣ не могли даже быть извѣстны имъ *)

Такова была въ общихъ чертахъ особенность земельнаго кредита въ весьма отдаленную отъ насъ эпоху Россіи. Условія его, какъ мы видѣли, были далеко не легкія для заемщика, но и кредитору было чего опасаться, отдавая свои деньги въ ссуду. Въ случаѣ просрочки залога дѣло не всегда обходилось безъ тяжбы и приходилось вести судебный процессъ рискованный и притомъ, само собой разумѣется, дорогой. Примѣромъ этого могутъ служить двѣ ссудныя грамоты, помѣщенныя въ «Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи»: одна отъ 1547 г., а другая отъ 1567 г.—по спорнымъ дѣламъ относительно одного и того же заложеннаго имѣнія **). Первая изъ этихъ грамотъ показываетъ, что кредитору приходилось не только опасаться подлоговъ при самомъ заключеніи сдѣлки, но и впослѣдствіи зорко слѣдить, чтобы недобросовѣстный заемщикъ не прибѣгнулъ къ подлогу документа въ доказательство уплаты долга по закладной.

Очерченный мною характеръ земельнаго кредита съ большею вѣроятностью можно распространить на нѣсколько десятковъ лѣтъ за оба крайніе предѣлы, до которыхъ относятся закладныя, послужившія для меня матеріаломъ, то-есть на весь XIII вѣкъ и частью на XVIII, съ тою только разницей, что въ послѣднемъ залогъ земли сдѣлался, надо думать, болѣе частымъ, да условія кредита стали нѣсколько легче. Въ самомъ дѣлѣ въ предшествовавшее время, какъ мы видѣли, 20% роста были обычные и никого не поражали, а уже при Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ о подобномъ ростѣ говорили уже какъ о такомъ, какого «во всемъ свѣтѣ не водится».

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе позднюю эпоху, по мѣрѣ развитія крѣпостнаго права, при залогѣ имѣнія начинаетъ играть весьма важную роль количество крестьянъ, принадлежащихъ имѣнію. Такъ въ закладной отъ 1648 г. мы, напримѣръ, встрѣчаемъ весьма подробное поименное перечисленіе крестьянъ, причемъ ставится условіемъ, что если впослѣдствіи кого-либо изъ перечисленныхъ кресть-

*) *Исаевъ*: „Артели въ Россіи". Ярославль 1881 г., стр. 28.—Укажу кстати здѣсь еще на нѣкоторые изъ документовъ, свидѣтельствующихъ о примѣненіи къ кредиту артельнаго начала: см. *Акты юридическіе*, №№ 238, 239 и др.

**) *Акты*, относ. до юридич. быта древней Россіи, т. I, № 52, т. V и VIII.

янъ не окажется, то кредиторъ имѣетъ право взыскать за каждаго крестьянина, по государеву указу, за голову по пятидесяти рублей *). Но главное значеніе при залогѣ имѣній крестьяне пріобрѣтаютъ впослѣдствіи.

Восемнадцатое столѣтіе, какъ извѣстно, имѣло весьма рѣшительное значеніе не только для юридическаго склада русской жизни, но и для экономическаго. Закрѣпощеніе крестьянскаго сословія, начавшееся задолго до XVIII столѣтія, достигаетъ въ эту эпоху едва ли не высшей точки своего развитія, параллельно съ развитіемъ «вольностей дворянства». Ударъ, нанесенный древнему дворянству «табелью о рангахъ», значительно смягчался подтвержденіемъ права дворянскаго сословія на исключительное владѣніе крѣпостными, тѣмъ болѣе, что стѣснительныя обязанности, наложенныя на дворянъ Петромъ I, въ послѣдующія царствованія стали исчезать одно за другимъ. Совсѣмъ другой ходъ представляетъ исторія крестьянскаго сословія. Ревизія 1719 г. разширила крѣпостное право пространственно и качественно, распространивъ его на большее число лицъ и сдѣлавъ положеніе крѣпостныхъ хуже, чѣмъ оно было до ревизіи **). Вмѣстѣ съ тѣмъ она положила какъ бы крѣпостническое клеймо на самый многочисленный классъ русскаго населенія, создавъ новое отвлеченное понятіе ревизскихъ душъ. Это клеймо, къ прискорбію, не стерто и до сихъ поръ, хотя со времени освобожденія прошло уже двадцать лѣтъ, и до сихъ поръ еще русскій народъ представляетъ двѣ разновидности человѣческихъ душъ—ревизскихъ и не ревизскихъ.

Такимъ образомъ со времени первой ревизіи ревизская душа въ экономическомъ смыслѣ дѣлается мало-по-малу главной единицей для измѣренія доходности имѣнія, за которымъ она числилась. Эта характерная черта русскаго экономическаго строя, сохранившаяся до 19 февраля 1861 года включительно, естественно должна была отразиться и въ поземельномъ кредитѣ.

Послѣ Петра Великаго, несмотря на постоянное стремленіе другихъ сословій обходить запрещеніе владѣть крѣпостными, право дворянства на владѣніе населенными имѣніями осталось исключительнымъ достояніемъ дворянъ ***), а вмѣстѣ съ этимъ залогъ

---

*) Тамъ же, т. II, № 126, и т. VII.

**) *А. Градовскій.* „Начало русскаго государственнаго права“, т. I, отд. II—„Образованіе сословій въ Россіи“.

***) *В. И. Семевскій:* „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“. Спб. 1881 г., т. I., гл. I.

населенныхъ имѣній сдѣлался ихъ естественною привилегіей. Весьма многіе изъ дворянскаго сословія, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, не могли не прибѣгать ко всевозможнымъ займамъ, а въ томъ числѣ и къ закладу своихъ имѣній. При своей близости къ престолу, землевладѣльческому сословію было не трудно обратить вниманіе высшей власти на тѣ неудобства, которыя причиняли дворянскимъ фамиліямъ займы изъ частныхъ рукъ, и побудить правительство придти на помощь дворянству. Трудно было въ то время не считать интересы господствующаго класса не тождественными съ интересами всего государства, почему эта помощь не заставила себя долго ждать. Любопытно, что, при первомъ возникновеніи ссудно-кредитныхъ операцій изъ государственныхъ учрежденій, существовало несомнѣнно опасеніе вредныхъ послѣдствій задолженности землевладѣнія.

Такъ казенныя ссуды, открытыя при монетной конторѣ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, производились только подъ залогъ золота и серебра, а деревни и дворы, наравнѣ съ драгоцѣнными камнями, было запрещено принимать въ залогъ *).

Но въ царствованіе Елизаветы Петровны опасеніе это, повидимому, исчезаетъ. 13-го мая 1754 года былъ изданъ именной указъ «объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка, о порядкѣ выдачи изъ онаго денегъ и о наказаніи ростовщиковъ». Въ силу этого указа были учреждены дворянскіе банки въ Москвѣ и Петербургѣ. Приведемъ подлинныя слова указа, характеризующія мотивы учрежденія дворянскихъ банковъ: «Многіе россійскіе наши подданные, а *болѣе изъ дворянства*, имѣя въ деньгахъ нужду, принуждены занимать у другихъ съ великими процентами и закладами такими, который противъ взятья денегъ полтора и вдвое стоить можетъ, выкупить же чѣмъ на положенный срокъ не можетъ исправиться, и отъ того приходитъ въ убожество и разореніе, и даютъ не только по 12, но и по 15 и по 20 процентовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится; а иначе есть и такіе безсовѣстные грабители, что по прошествіи срока и малыхъ дней положеннаго заклада, хотя бы и деньги приносилъ, не отдаютъ, а другіе, вымышленно обнадеживая незаписною закладнаго имѣнія, и по сроки заложенныя деревни за собою записываютъ, и такъ въ малыхъ деньгахъ великаго закладу лишаются» **).

*) „Полное собраніе законовъ“, т. IX, № 6309.

**) Тамъ же, т. XIV, № 10235.

Посмотримъ на условія нашего перваго организованнаго кредита и прослѣдимъ тѣ постепенныя измѣненія, которымъ они подвергались. Банковые обороты, какъ извѣстно, распадаются на три основныхъ операціи: вкладную, ссудную и оборотную. Не всякое банковое учрежденіе одинаково занимается всѣми операціями. Дворянскіе банки въ своемъ первоначальномъ видѣ были только ссудными, причемъ оборотный капиталъ доставлялся казною. При слабомъ развитіи кредитнаго оборота весьма понятно, что эти банки не только не спеціализированы примѣнительно къ земельному кредиту, но даже являются смѣшанными учрежденіями—одновременно и реальнаго, и личнаго кредита. Ссуды выдавались подъ троякаго рода обезпеченія: 1) подъ залогъ золота и серебра, алмазныхъ вещей и жемчуга, 2) подъ залогъ селъ и деревень и 3) подъ поручительство людей «знатныхъ и зажиточныхъ». Сравнивая ссудную операцію дворянскихъ банковъ съ операціями монетной конторы, легко видѣть, что послѣднія здѣсь расширены на драгоцѣнные камни и деревни, причемъ ссудныя операціи отдѣляются отъ монетной конторы и для нихъ создаются самостоятельныя учрежденія—дворянскіе банки, а ссуды изъ монетной конторы прекращаются, т.-е. отмѣняется указъ 1733 года.

Размѣръ ссудъ изъ дворянскихъ банковъ былъ первоначально опредѣленъ отъ 500 руб. до 10.000 рублей въ однѣ руки съ платою по 6% годовыхъ; пользоваться ссудами могли только русскіе дворяне и иностранцы, которые находились въ русскомъ подданствѣ и владѣли недвижимыми имѣніями въ Великороссіи *).

Срокъ ссуды опредѣлялся годичный съ допущеніемъ двухъ пересрочекъ и взысканіемъ процентныхъ денегъ впередъ **). Въ случаѣ неуплаты денегъ по прошествіи трехъ лѣтъ, заложенное имѣніе надлежало продать съ аукціона и изъ вырученной суммы вычесть весь долгъ банку. При продажѣ заложенныхъ имѣній съ

*) Указомъ 22 марта 1756 года разрѣшено выдавать россійскимъ дворянамъ, имѣющимъ жительство въ Лифляндіи Эстляндіи и въ Эзельской провинціи, жалованныя и покупныя собственныя свои гаки подъ залогъ послѣднихъ съ поручительствомъ ссуды въ Лифляндіи 500 р., въ Эстляндіи по 250 р., въ Эзельской провинціи по 100 р. за гакъ („Полн. собр. закон.“, т. XIV, № 10529). Подтвержденіе того, что ссуды должны быть выдаваемы только великороссійскимъ дворянамъ, мы находимъ и въ изъяснительномъ указѣ 1764 года („Полн. собр. закон.“, т. XVI, № 12296).

**) Сенатскимъ указомъ 26 іюля, 9 августа 1784 года и 25 января 1755 года разъяснено, что можно выдавать и подъ залогъ домовъ, а также на срокъ и меньше одного года, причемъ уплаченные проценты возвращались по разсчету („Полн. собр. закон.“, №№ 10265, 10271 и 10347).

аукціоннаго торга, какъ бы хорошо ни былъ организованъ земельный кредитъ, трудно разсчитывать на постоянное покрытіе изъ вырученной суммы долга, лежащаго на имѣніи. Случайное отсутствіе конкурирующихъ покупателей, временное паденіе цѣнъ на землю и т. п., независимо даже отъ умышленнаго обезцѣненія залога или какого-либо подлога, роковымъ образомъ могутъ отразиться на неуспѣшности торговъ. Если эти замѣчанія вполнѣ примѣнимы къ современной дѣйствительности, то въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, ограниченіе права владѣть населенными имѣніями естественно еще болѣе съуживало кругъ покупателей продаваемыхъ населенныхъ имѣній, почему при открытіи ссудъ подъ залогъ имѣній не могли не предвидѣть возможности, при аукціонной продажѣ просроченныхъ имѣній, недовыручки банковаго долга. Съ кого возмѣщался тогда убытокъ?—Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ уже начинается рѣзкое отступленіе, даже при залогѣ селъ и деревень, отъ начала реальнаго кредита. Взысканіе недостающей суммы по силѣ указа обращалось на другое имущество заемщика, а за недостаткомъ послѣдняго—на поручителей. Поручители, которыхъ требовалъ при залогѣ имѣнія дворянскій банкъ, нѣсколько гарантировали правильность показаній заемщика о составѣ своего владѣнія и замѣняли, такъ-сказать, теперешнюю оцѣнку закладываемыхъ имѣній агентами кредитнаго учрежденія, потому что дворянскимъ банкамъ приходилось волей-неволей при оцѣнкѣ имѣній основываться преимущественно на показаніи самого заемщика, причемъ, какъ мы увидимъ, подлоги были не невозможны.

Раньше я говорилъ, что со времени первой ревизіи ревизская душа дѣлается какъ бы единицей измѣренія доходности имѣній; эта единица принимается въ основаніе и при выдачѣ ссудъ изъ дворянскихъ банковъ. Именно первоначально положено было выдавать ссуды по такому разсчету, что на каждую ревизскую душу приходилось по 10 рублей.

Несовершенство основныхъ началъ организаціи дворянскихъ банковъ не было единственнымъ недостаткомъ земельныхъ ссудъ, дѣлавшимъ эти ссуды по меньшей мѣрѣ безполезными съ общей точки зрѣнія народнаго хозяйства. Могли ли займы изъ дворянскихъ банковъ имѣть производительный характеръ, когда главною причиной, вызвавшей ихъ, былъ расточительный образъ жизни землевладѣльческаго сословія того времени? А косвенное подтвержденіе этого мы находимъ уже въ самыхъ мотивахъ учреж-

денія дворянскихъ банковъ: здѣсь упоминается о нуждѣ въ деньгахъ и скромно опускаются какія бы то ни было благовидныя объясненія и оправданія этой нужды. Между тѣмъ, когда, напримѣръ, въ царствованіе императрицы Екатерины II при московскомъ дворянскомъ банкѣ были учреждены дополнительныя экспедиціи въ Казани, Нижнемъ-Новгородѣ и Оренбургѣ, вызванныя потребностью въ деньгахъ, вслѣдствіе разореній пугачовщины, то на это было указано съ полной ясностью.

Получивъ возможность облегченія себя на нѣкоторое время отъ назойливости частныхъ кредиторовъ и заключая займы изъ болѣе удобныхъ казенныхъ учрежденій, первые заемщики не замедлили разобрать въ ссуду предназначенный къ тому капиталъ, причемъ по своей безпечности, а также вслѣдствіе разстройства дѣлъ, чѣмъ и вызывались самые займы, они въ рѣдкихъ случаяхъ смотрѣли на долгъ банку какъ на такое обязательство, которое ради собственныхъ интересовъ слѣдовало строго выполнять. Зачѣмъ безпокоиться, если очень не безпокоятъ? Правда, законъ грозилъ за неуплату въ срокъ продажею имѣнія съ аукціона; но вѣдь дворянскіе банки были основаны съ цѣлью поддержать дворянство казенными ссудами,—такъ неужели же попечительное правительство сразу рѣшится наложить руку на свою лучшую и преданную опору? Этого не могли, хотя бы инстинктивно, не чувствовать заемщики. И дѣйствительно, проходятъ три узаконенные года и необходимо, не отступая отъ закона, или пустить съ молотка просроченныя имѣнія, или же издать новый законъ, какъ бы узаконяющій самое отступленіе отъ него. По общему характеру эпохи выборъ предвидѣть было легко. Указомъ 23 декабря 1757 года разрѣшается «терминъ заплаты сверхъ трехлѣтняго продолжить не менѣе еще годоваго времени, чтобъ изъ того казенная прибыль, *а имѣніе въ фамиліяхъ сохранено быть могло*» *). Въ 1759 году срокъ этотъ былъ продолженъ еще «впредь до указу»; однако 30 іюня 1761 года заявляется, что нѣкоторые изъ заемщиковъ занятыхъ изъ банка денегъ «не только въ сроки, но и по прошествіи во многое время капитала и процентовъ не платятъ и вновь отсрочекъ не чинятъ». Вслѣдствіе этого предписывалось тѣ имѣнія, которыя просрочены болѣе полугода, если владѣльцы ихъ, находящіеся въ Россіи въ теченіе 2 мѣсяцевъ, а находящіеся за границей въ теченіе 8

*) „Полн. собр. законовъ", т. XV, № 10973.

мѣсяцевъ, долга и процентовъ не внесутъ, то имѣнія эти отписать на Ея Императорское Величество; а если и послѣ того въ такой же срокъ уплаты не послѣдуетъ, то имѣнія продать. Такъ же поступать и впредь *).

Но всѣ эти угрозы очевидно не могли произвести сильнаго дѣйствія. Отмѣна одного указа новымъ, лишь только предыдущій долженъ былъ приводиться въ исполненіе, естественно только вкореняла сильнѣе убѣжденія заемщиковъ, что бояться имъ нечего. Послѣдствіемъ такой политики было то, что «многіе занимателя взятыми изъ банковъ деньгами весьма долговременно, а иные изъ самаго начала учрежденія ихъ, имѣя въ однѣхъ рукахъ, пользуются». Между тѣмъ дворянскіе банки были ограничены въ своихъ средствахъ, и невозвращеніе первоначальными заемщиками своихъ долговъ лишало другихъ возможности пользоваться удовольствіемъ казеннаго кредита. Въ виду этого велѣно было болѣе 8 лѣтъ ссудъ не отсрочивать, такъ что трехлѣтній земельный кредитъ мало-по-малу перешелъ въ восьмилѣтній **). Но и это только на бумагѣ. Тѣмъ же самымъ указомъ была введена новая мѣра, чрезвычайно интересная въ исторіи земельнаго кредита въ Россіи, обращавшая сравнительно краткосрочный кредитъ въ неопредѣленно-долгосрочный, въ зависимости отъ постепеннаго обязательнаго погашенія долга. Просроченныя имѣнія, по силѣ указа, поступали въ вѣдомство канцеляріи конфискаціи и ея конторъ, которыя собирали слѣдовавшіе помѣщику оброки съ крестьянъ и другіе доходы. Изъ собранной суммы десятая часть выдавалась на прожитокъ владѣльцу, если у него другихъ имѣній не было, а остальное поступало въ счетъ уплаты долга и процентовъ. Съ покрытіемъ такимъ способомъ всего долга, имѣніе должно было поступить къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ или ихъ наслѣдникамъ, «дабы оставшіеся тѣхъ фамилій наслѣдники вѣчно тѣхъ имѣній лишаться не могли» ***). Забота предохранить дворянскіе роды отъ захудѣнія проходитъ черезъ всѣ мѣропріятія царствованія Елизаветы Петровны, насколько они касались земельнаго кредита. До какой степени это удавалось—другой вопросъ. Останавливаясь на томъ, много ли пользы принесли всѣ эти ссуды народному хозяйству, на это придется отвѣтить отрицательно, такъ какъ непроизводительныя расточи-

*) Тамъ же, т. XV, № 11259.

**) Указъ 25 октября 1761 г. („Полн. собр. законовъ", т. XV, № 11344).

***) „Полн. собр. законовъ", т. XV, № 11344.

тельныя траты вообще вредно отзываются на экономическомъ развитіи страны; а если онѣ соединяются еще съ потребительнымъ кредитомъ, какъ было въ данномъ случаѣ, то положеніе дѣла обрисовывается еще хуже. Въ самомъ дѣлѣ, обязаннымъ къ платежу процентовъ по займамъ и вѣчно нуждающимся должникамъ приходилось поневолѣ наверстывать на чемъ-нибудь, и это наверстываніе, само собой разумѣется, частенько падало на крестьянъ. Краснорѣчивое подтвержденіе этого мы видимъ въ указѣ 1761 года, которымъ предписывалось при выдачѣ ссудъ обязывать заемщика, чтобы на крестьянахъ заложеннаго имѣнія недоимокъ не было, чтобы государственныя подати платить ежегодно бездоимочно *и тѣхъ крестьянъ не разорять* *).

Царствованіе Петра III начинается относительно земельныхъ ссудъ новымъ напоминаніемъ объ аккуратныхъ платежахъ и на основаніи указа 26 іюня 1762 года **) можно думать, что въ это время существовало намѣреніе отмѣнить приведенную выше мѣру относительно конфискаціи имѣній, однако, по краткости самаго царствованія, оно прошло довольно безслѣдно въ исторіи поземельнаго кредита.

Время императрицы Екатерины II, богатое законодательною и организаторскою дѣятельностью во всѣхъ сферахъ государственной жизни, дало также сильный толчокъ развитію земельнаго кредита и положило основанія его организаціи, просуществовавшія безъ кореннаго преобразованія до новой эпохи въ исторіи земельнаго кредита въ Россіи, т.-е. до 19 февраля 1861 г.

Начавъ съ развитія унаслѣдованныхъ отъ предшествовавшаго царствованія кредитныхъ учрежденій, императрица Екатерина вызвала къ жизни и совершенно новыя учрежденія.

При займахъ изъ дворянскихъ банковъ подъ залогъ имѣній требовалось, кромѣ того, еще поручительство, которое лишало самихъ поручителей права на полученіе ссуды, что должно было затруднять пріисканіе поручителей, особенно при той системѣ,

---

*) Тамъ же, т. XV, № 11343.

**) Приведемъ этотъ характерный и лаконическій указъ цѣликомъ: „Учрежденные для дворянства здѣсь и въ Москвѣ банки имѣли служить для вспоможенія всему обществу, но намъ извѣстно, что слѣдствіе весьма мало соотвѣтствовало намѣренію: банковыя деньги остались по большей части въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, въ кои розданы съ самаго начала; сего ради повелѣваемъ: въ розданныхъ въ заемъ деньгахъ отсрочекъ болѣе не дѣлать, но всѣ оныя неотложно собрать и ожидать нашего дальнѣйшаго указа“ („Полн. собр. зак.“, т. XV, № 11581).

которой придерживались банки, накладывая запрещеніе на всѣ имѣнія поручителей. Въ началѣ 1763 г. воспрещается подобное наложеніе общаго запрещенія и предписывается класть его лишь на ту часть имѣнія, какая соотвѣтствуетъ ссудѣ, по ревизской душѣ на каждыя десять рублей ссуды, а затѣмъ все прочее имущество поручителя остается свободнымъ въ его полномъ распоряженіи [1]).

Первоначально банковыя конторы обращали проценты за пользованіе ссудами изъ дворянскихъ банковъ также на раздачу, но въ 1761 г., по случаю войны, было воспрещено это съ разрѣшеніемъ единственнаго расхода — изъ полученныхъ процентовъ производить уплату жалованья служащимъ въ банкахъ [2]). Въ 1763 г., съ окончаніемъ войны, петербургская контора дворянскаго банка возбудила вопросъ о томъ, нельзя ли проценты обращать на раздачу ссудъ по-прежнему. На это сенатъ строго подтвердилъ запрещеніе расходовать остающіяся отъ дохода за вычетомъ жалованья служащимъ суммы безъ особыхъ указовъ, обязавъ держать ихъ въ готовности на такія надобности, какъ, напримѣръ, предстоявшая, согласно желанію государыни, очистка Черной рѣчки (на это требовалось 50.000 р.) и т. п. [3]). Впрочемъ въ 1764 г. проценты съ раздаваемыхъ частныхъ вкладовъ, въ то время еще незначительныхъ, было разрѣшено, не смѣшивая ихъ съ казенными капиталами, отдавать также въ ссуду заемщикамъ [4]).

Указъ императрицы Елизаветы Петровны объ отпискѣ просроченныхъ имѣній въ вѣдомство канцеляріи конфискаціи не остался только на бумагѣ, что и вполнѣ естественно, такъ какъ онъ былъ выгоденъ для заемщиковъ, предохраняя ихъ отъ окончательной потери имѣній. Но рядомъ съ этимъ эта мѣра имѣла и свою обратную сторону. Облегчая помѣщикамъ выкупъ заложенныхъ имѣній, она въ то же время усиливала въ нѣкоторыхъ случаяхъ платежное бремя крестьянъ. Такъ указомъ 1765 г. Екатерина II повелѣла со вступившихъ въ вѣдомство канцеляріи конфискаціи просроченныхъ имѣній, вмѣсто столовыхъ, хлѣбныхъ и иныхъ припасовъ, положить денежный оброкъ, а именно: съ тѣхъ крестьянъ, *которые платили* оброки помѣщику *менѣе* монастыр-

[1]) „Полное собраніе законовъ“, т. XVI, № 11760.
[2]) Тамъ же, т. XV, № 11226.
[3]) Тамъ же, т. XVI, № 11929.
[4]) Тамъ же, т. XVI, № 12120.

ских, *взимать наравнѣ съ послѣдними по 1½ р.* съ души, а кто платилъ болѣе, для тѣхъ оставить прежній оброкъ. Эти оброчные платежи предписывалось взимать вмѣстѣ съ подушнымъ сборомъ. Что касается до доходныхъ статей имѣнія, кромѣ крестьянскаго оброка, то мельницы, рыбныя ловли и излишнюю землю полагалось сдавать въ аренду, а гдѣ были конскіе и другіе помѣщичьи заводы, скотъ, живность и хлѣбъ, «яко уже состоящее въ казенномъ вѣдомствѣ, продать» и впредь поступать такъ же *). Съ возвышеніемъ впослѣдствіи оброка государственныхъ крестьянъ не были забыты и помѣщичьи, поступившіе въ вѣдомство канцеляріи конфискаціи за просрочку въ банкъ: именно въ 1783 г. повышеніе оброка государственныхъ крестьянъ дало поводъ опредѣлить и для крестьянъ отписныхъ имѣній ежегодный оброкъ въ 3 руб. съ души, да накладныхъ по 2 коп., съ соблюденіемъ прежняго принципа, «что ежели бы гдѣ крестьяне больше трехрублеваго оклада помѣщикамъ своимъ платили, съ тѣхъ и собирать по тому же. Такимъ средствомъ,—говорилось въ указѣ,—банки въ скорѣйшее время возвратятъ изъ долговъ принадлежащіе имъ капиталы, а занимателя воспользуются тѣмъ, что безъ дальняго продолженія времени могутъ вступить во владѣніе своимъ имѣніемъ» **).

Развитіе кредитныхъ операцій вообще и ссудной въ частности, какъ я уже упоминалъ, много обязано царствованію императрицы Екатерины II. Дворянскіе банки съ своей тогдашней организаціей оказываются недостаточными. Возникаютъ проекты преобразованія ихъ, а затѣмъ и новыя кредитныя учрежденія для ссудъ подъ залогъ движимости и недвижимости. Въ 1776 г. былъ опубликованъ «проектъ о новомъ по дворянскимъ банкамъ учрежденіи», съ тою цѣлью, чтобы всякій желающій могъ присылать свои замѣчанія на проектъ въ теченіе года. По этому проекту частнымъ лицамъ всякаго чина и званія, русскимъ и иностранцамъ, предоставлялось самое широкое право вкладовъ, съ платою по нимъ 6% въ годъ и съ начисленіемъ, если пожелаютъ вкладчики, процентовъ на проценты. Изъ процентныхъ денегъ взималось 6% на расходы по содержанію банка и покрытіе убытковъ. Въ видахъ удобства банка, минимумъ вкладовъ опредѣлялся въ 500 руб., а ссудъ въ 100 руб. Вклады возвращались тою же монетою, въ какой были внесены. Соотвѣтственно съ вкладною

*) Тамъ же, т. XVII, № 12337.
**) Тамъ же, т. XXI, № 15809.

операціей предполагалось развить и ссудную, причемъ при ссудахъ требовался только одинъ поручитель, владѣющій такимъ числомъ душъ, какое соотвѣтствуетъ размѣру ссуды; на каждую душу предполагалось выдавать ссуды по 15 р. Правило о взиманіи съ крестьянъ отписныхъ имѣній по $1^1/_2$ руб. съ души сохраняется, такъ какъ «симъ всемилостивѣйшимъ средствомъ таковыя просроченныя имѣнія, съ которыхъ оный поборъ бездоимочно вступать станетъ, и будутъ безъ всякой казенной вредности возвращаться въ нѣсколько лѣтъ обратно къ заемщикамъ или ихъ наслѣдникамъ». Съ увеличеніемъ капитала банка до $2^1/_2$ милліоновъ руб. дозволялась пересрочка до 10 лѣтъ и ссуда одному лицу до 15.000 руб. Съ дальнѣйшимъ же развитіемъ дѣятельности банковъ предполагалось, какъ скоро позволятъ капиталы банка, уничтожить въ этомъ отношеніи всякія ограниченія, лишь бы залогъ соотвѣтствовалъ ссудѣ. За обманы при залогѣ имѣній предполагалось, «не взирая ни на какую персону, безъ всякаго представленія судить по неупустительной строгости законовъ, яко злоумышленныхъ преступниковъ законовъ и казенныхъ похитителей» *). Эта характерная фраза, которою заканчивается проектъ, была необходимою и указываетъ на слабую сторону нашего земельнаго кредита того времени. Могъ ли дворянскій земельный банкъ чѣмъ-нибудь гарантировать себя отъ подлоговъ при закладѣ имѣній? Сенатомъ, правда, не разъ въ эту эпоху предписывалось и подтверждалось различнымъ учрежденіямъ о томъ, чтобы въ дворянскіе банки, а впослѣдствіи и въ сохранныя казны присылать аккуратно свѣдѣнія о всѣхъ переходахъ имѣній, закладѣ ихъ и пр.; но всѣ подобныя предписанія очевидно оставались на бумагѣ и тѣ, на кого возлагалось доставленіе означенныхъ свѣдѣній, довольствовались обычною при приказномъ бюрократическомъ порядкѣ отпиской **).

Какъ мало иногда при недобросовѣстности заемщика обезпечивалъ банкъ требовавшееся при ссудахъ подъ залогъ имѣній поручительство, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, далеко не единственнаго. Уже въ 1754 году, т. е. въ самомъ началѣ дѣятельности дворянскихъ банковъ, нѣкто прапорщикъ Иванъ Бочеровъ занялъ 250 руб. подъ залогъ имѣнія въ 25 душъ, и когда, вслѣдствіе неуплаты въ срокъ, была сдѣлана опись, то вся деревня оказалась состоящею изъ 4 душъ съ 5 четвертями земли,

*) Тамъ же, т. XVII, № 12337.

**) Тамъ же, XVII, № 12567, т. XX, № 13667, и др.

и больше никакого недвижимаго за заемщикомъ не оказалось, у поручителя же ровно ничего не нашлось *).

Подобные подлоги были тѣмъ легче, что основаніемъ ссуды служили ревизскія души, а ревизіи производились въ промежуткѣ отъ 20 до 10 л., такъ что была возможность закладывать и «мертвыя души». Эта фактическая возможность, существовавшая при старыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, какъ извѣстно, послужила фабулой для безсмертной «поэмы» Гоголя, которая служитъ подтвержденіемъ, что въ дѣйствительности тогдашніе дѣльцы не брезгали подобнымъ средствомъ наживы на счетъ казенныхъ денегъ.

Размѣръ ссуды изъ дворянскихъ банковъ, опредѣленный при ихъ учрежденіи въ 10 руб. на душу, въ 1766 г. былъ доведенъ до 20 руб. съ уравненіемъ остзейскихъ дворянъ по ссудамъ изъ дворянскихъ банковъ вмѣстѣ съ русскими дворянами.

По мѣрѣ развитія вкладной операціи дворянскихъ банковъ и отдачи частныхъ вкладовъ въ ссуду подъ залогъ имѣній неминуемо долженъ былъ обнаружиться существенный недостатокъ старыхъ кредитныхъ учрежденій—несоотвѣтствіе этихъ двухъ взаимно пополняющихъ операцій. Для правильной организаціи какого бы то ни было кредита необходимо, чтобы деньги, которыя потребуются въ извѣстный срокъ, отдавались въ ссуду на менѣе продолжительное время. Между тѣмъ всякій вкладчикъ дворянскаго банка могъ взять свой капиталъ, предваривъ банкъ за годъ, а заемщикъ имѣлъ по праву пользоваться занятою суммой въ теченіе 8 лѣтъ, что не могло не вызвать затрудненій. Дѣйствительно уже въ 1768 г. петербургской конторѣ дворянскаго банка приходится недоумѣвать о томъ, что дѣлать по случаю требованія возврата вклада, который былъ отданъ въ долгосрочную ссуду. По этому поводу указомъ разрѣшено удовлетворять вкладчиковъ изъ процентныхъ денегъ, пополняя ихъ изъ поступившихъ затѣмъ въ возвратъ капиталовъ **). Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, эти требованія усиливались все болѣе и болѣе. Около этого времени въ дворянскіе банки начинаютъ поступать и вѣчные вклады ***).

---

*) Тамъ же, т. XIV, № 10713. Указанія на подлоги мы находимъ и въ другихъ мѣстахъ („Полное собраніе законовъ", т. XIV, № № 11105 и 11343).

**) Тамъ же, т. XVIII, № 13343.

***) Первый вѣчный вкладъ (1.500 р.) въ московскую контору дворянскаго банка поступилъ 15 апрѣля 1769 г. По этому поводу былъ изданъ особый указъ,

Въ 1868 году были основаны ассигнаціонные банки, или, какъ они собственно назывались, «банки для вымѣна государственныхъ ассигнацій». Ассигнаціонные банки первоначально имѣли характеръ депозитныхъ банковъ въ томъ смыслѣ, что выпущенной суммѣ ассигнацій соотвѣтствовала сумма мѣдныхъ денегъ, поступившихъ въ обмѣнъ на ассигнаціи; но такой характеръ они стали утрачивать довольно скоро. Въ самомъ дѣлѣ, именнымъ указомъ 1771 года с.-петербургской конторѣ банка для дворянъ было предписано принимать отъ с.-петербургскаго банка для вымѣна государственныхъ ассигнацій суммы для отдачи ихъ въ проценты. При этомъ для означенныхъ ссумъ, въ количествѣ 600.000 руб., были установлены особыя изъятія: такъ, 1) суммы эти раздавались изъ 5% годовыхъ и возвратъ ссудъ могъ производиться одинаково какъ ассигнаціями, такъ и мѣдною монетою, 2) всѣ 5% сполна за годъ впередъ дворянскій банкъ обязанъ былъ вносить въ банкъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій, 3) займы выдавались не менѣе 1.000 руб. и не болѣе 25.000 руб. въ однѣ руки и 4) суммы ассигнаціоннаго банка должны были раздаваться особо и вообще не смѣшиваться съ прочими капиталами банка *).

Установленнымъ соотношеніемъ ассигнаціоннаго и дворянскаго банка было положено начало выпуска ассигнацій, непокрытыхъ звонкою наличностью, потому что съ точки зрѣнія денежнаго обращенія безразлично, выпущены ли ассигнаціи прямо безъ покрытія, или же суммы, полученныя въ обмѣнъ ихъ, въ свою очередь пускаются въ обращеніе при посредствѣ ссуднаго дворянскаго банка. Поэтому можно считать, что съ 1772 г. выпускъ ассигнацій, начатый единственно ради устраненія неудобствъ обращенія тяжеловѣсной мѣдной монеты, становится источникомъ государственнаго дохода съ утратою ассигнаціонными банками характера депозитныхъ. Прежніе наши изслѣдователи бумажныхъ денегъ упускаютъ этотъ моментъ изъ виду и не совсѣмъ правильно относятъ выпускъ ассигнацій подъ обезпеченіе ипотечныхъ займовъ къ болѣе позднему времени **).

Доходъ отъ ссудно-вкладной операціи дворянскихъ банковъ наводитъ на мысль одного изъ симпатичныхъ дѣятелей Екатери-

которымъ предписывалось принимать подобные вклады и содержать ихъ подъ наименованіемъ вѣчнаго капитала, выплачивая вѣрно проценты по желанію отдатчиковъ („Полн. собраніе законовъ", т. XIX, № 13481).

*) Тамъ же, т. XIX, № 13701.

**) *Гольдманъ*: „Русскія бумажныя деньги". С.-Пб. 1866 г., стр. 25.

нинскаго времени, Бецкаго, воспользоваться такимъ источникомъ для покрытія расходовъ на благотворительныя учрежденія опекунскаго совѣта, созданныя по его идеѣ, вслѣдствіе чего возникаютъ при воспитательномъ домѣ вмѣстѣ съ вдовьими кассами, ссудною казной—и сохранная казна, которой рядомъ съ пріемомъ вкладовъ на храненіе было предоставлено также право принимать вклады на проценты и выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Возникновеніе сохранной казны при воспитательномъ домѣ повело къ передачѣ сюда нѣкоторыхъ вѣчныхъ вкладовъ изъ дворянскихъ банковъ; это, вмѣстѣ съ требованіями возврата своихъ капиталовъ со стороны частныхъ лицъ, вызвало вновь значительныя затрудненія для дворянскаго банка. Московской конторѣ его предстояло, напримѣръ, въ 1775 г. возвратить 22.484 руб. по требованію воспитательнаго дома и 135.613 руб. частныхъ капиталовъ, между тѣмъ какъ вся эта сумма находилась въ долгахъ, а банковыхъ процентовъ состояло въ наличности ни болѣе, ни менѣе какъ 256 руб. 72½ коп.! Въ виду этого велѣно было капиталы, слѣдовавшіе воспитательному дому, передавать ему изъ первовступающихъ въ платежъ по всѣмъ капиталамъ, принадлежащимъ банку, а частныхъ лицъ удовлетворять по порядку заявленныхъ требованій изъ поступающихъ въ возвратъ частныхъ капиталовъ *). Такой порядокъ долженъ былъ вызвать неудовольствіе частныхъ капиталистовъ, такъ какъ имъ приходилось выжидать неопредѣленное время возврата нужныхъ имъ денегъ. Поэтому въ томъ же году для успокоенія вкладчиковъ и поддержанія банковаго кредита предписано было дворянскимъ банкамъ, въ случаѣ требованія возврата вкладовъ и неимѣнія ихъ въ наличности, черезъ сенатъ докладывать государынѣ, «которая будетъ указывать суммы для удовлетворенія вкладчиковъ» **). Удобный по своей простотѣ источникъ—ассигнаціи не замедлили пойти въ ходъ. Въ 1778 г., напримѣръ, для удовлетворенія вкладчиковъ дворянскихъ банковъ разрѣшено было по требованію послѣднихъ отпускать изъ банка для вымѣна государственныхъ ассигнацій до 200.000 руб. съ возвратомъ ихъ потомъ ассигнаціонному банку изъ первовступающихъ денегъ въ уплату займовъ ***).

Здѣсь не лишнее замѣтить, что съ 1772 г. развитіе ипотечныхъ ссудъ, т. е. ссудъ подъ недвижимости, играетъ немало-

*) „Полное собраніе законовъ“, т. XX, №№ 14273, и 14322.
**) Тамъ же, т. XX, № 14338.
***) Тамъ же, т. XX, № 14820.

важную роль въ усиленіи бумажно-денежнаго обращенія. Такъ по окончаніи «пугачовщины» многіе помѣщики и городскіе жители оказались раззоренными, а имѣнія ихъ разграбленными; нужно было оказать помощь, которая явилась въ формѣ ссудъ, преимущественно подъ залогъ деревень, фабрикъ и заводовъ. По манифесту 31-го марта 1775 года, московскій банкъ для дворянъ получилъ 1.500.000 р. ассигнацій съ цѣлью учредить три экспедиціи: въ Казани, Нижнемъ-Новгородѣ и Оренбургѣ. Въ каждую экспедицію слѣдовало отпустить по 500.000 рублей для раздачи въ ссуду жителямъ Оренбургской, Симбирской, Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерній, пострадавшимъ отъ пугачовщины. Ссуды выдавались лицамъ всѣхъ сословій подъ залогъ деревень, фабрикъ, заводовъ и дворовъ раззоренныхъ во время возмущенія, считая въ первомъ случаѣ по 40 рублей на ревизскую душу, подъ залогъ фабрикъ и заводовъ въ размѣрѣ двухъгодичнаго оборота, а подъ дворы—половину оцѣнки. Ссуды выдавались на 10 лѣтъ съ платою въ первыя 3 года по 1% на расходы по управленію, а въ остальныя 7 лѣтъ по 3%, изъ которыхъ 2% отсылались въ правленіе банковъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій и предназначались для постройки каменныхъ зданій, нужныхъ для экспедицій. Въ 1779 году разрѣшено было возвращенныя до срока деньги раздавать вновь въ ссуды на оставшееся до истеченія 10-ти-лѣтняго срока время *).

Въ концѣ 1781 года изъ ассигнаціоннаго банка велѣно было вновь отпустить въ с.-петербургскій банкъ для дворянства одинъ милліонъ мѣдною монетою для раздачи въ ссуду, чтобы изъ процентовъ пять шло въ ассигнаціонный банкъ на расходы по управленію имъ и вновь открытыми къ этому времени его конторами въ различныхъ городахъ **). Мало-по-малу, благодаря частнымъ вкладамъ и казеннымъ суммамъ, обороты дворянскихъ банковъ приняли довольно значительные размѣры. Объ этомъ можно судить по тому, что петербургская контора дворянскаго банка въ началѣ своего дѣйствія имѣла лишь 250.000 р. капитала и не болѣе какъ 400 заемщиковъ, а въ 1774 г., т.-е. чрезъ 20 лѣтъ, оборотъ этотъ доходилъ уже до 2.000.000 руб., принадлежавшихъ 58 разнымъ мѣстамъ и лицамъ, и считалъ заемщиковъ болѣе 5.000 человѣкъ. Что касается до обѣихъ конторъ,

*) Тамъ же, т. XX, №№ 14285 и 14885.

**) Именной указъ ноября 9 („Полн. собр. зак“., т. XXI, № 15276).

то въ царствованіе Елизаветы Петровны въ основаніе ихъ былъ положенъ капиталъ въ 750.000 р., къ которымъ въ царствованіе императрицы Екатерины II прибавлено до 6 милліоновъ рублей *). Всѣ эти цифры, безъ сомнѣнія рисующія развитіе земельнаго кредита, имѣютъ, впрочемъ, весьма приблизительную вѣрность. Въ самомъ дѣлѣ, если насъ спросятъ, каковы были обороты дворянскихъ банковъ въ ту или другую эпоху своего существованія, то сколько-нибудь точнаго отвѣта на это мы дать рѣшительно не въ состояніи. Да едва ли это можно будетъ сдѣлать и впослѣдствіи, когда старинные архивы сената и другихъ учрежденій кто-нибудь перероетъ съ этою цѣлью, такъ какъ сами банки обыкновенно были не въ состояніи дать удовлетворительные отвѣты на самые элементарные и основные вопросы относительно подробностей своихъ оборотовъ. Банковое дѣло, требующее вообще самой строгой отчетности веденія счетовъ по всѣмъ отдѣльнымъ операціямъ, въ нашихъ первыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ было поставлено чрезвычайно плохо: бухгалтеріи, можно сказать, не придавалось никакого значенія,—господствующій во всемъ приказный бюрократическій порядокъ оставлялъ ее въ совершенномъ забросѣ; гроссбухъ не имѣлось вовсе, существовавшія книги содержались въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, безъ перечневыхъ вѣдомостей, незаконченныя, и, къ довершенію всего, не только отдѣльные документы, но даже цѣлыя книги затеривались. Когда въ управленіе с.-петербургскою дворянскою конторой вступилъ графъ Брюссъ, то дѣло пошло нѣсколько лучше,—въ двухгодичное пребываніе ему удалось привести въ нѣкоторый порядокъ текущія дѣла. Но для приведенія въ порядокъ старыхъ дѣлъ не доставало ни времени, ни силъ, а между тѣмъ это было положительно необходимо, потому что уже открывшіеся примѣры показывали, что «неизвѣстнымъ образомъ выбыли нѣкоторыя обязательства заемщиковъ и что недосмотрѣніемъ лишнее возвращено капиталистамъ». Подобное положеніе дѣла требовало рѣшительныхъ мѣръ, и вотъ по докладу сенатора Завадовскаго, заступившаго мѣсто графа Брюсса, была учреждена при конторѣ с.-петербургскаго для дворянства банка особая экспедиція для приведенія старыхъ дѣлъ въ надлежащее устройство, «которая должна была исключительно заниматься» сочиненіемъ банковыхъ разсчетовъ по 1780 г., чтобы теченіе дѣлъ впредь могло

*) „Полное собраніе законовъ“, т. XVII, № 12687, т. XIX, № 14115, и т. XXII, № 16283.

идти удовлетворительно *). Вмѣстѣ съ заботами объ упорядоченіи дѣлъ въ существовавшихъ дворянскихъ банкахъ въ нашей земельно-кредитной системѣ подготовлялось весьма крупное преобразованіе:

28 іюня 1786 г. былъ изданъ манифестъ «объ учрежденіи государственнаго заемнаго банка». Учрежденіе государственнаго заемнаго банка, упразднившее прежніе дворянскіе банки, составляетъ эпоху не только въ исторіи русскаго земельнаго кредита, но и въ исторіи всей кредитной системы. Въ тѣсную связь съ земельнымъ банкомъ ставится государственный ассигнаціонный банкъ, въ который обращаются прежніе банки для вымѣна государственныхъ ассигнацій.

Государственный заемный банкъ представляетъ первое чисто ипотечное учрежденіе долгосрочнаго кредита, приближающееся къ западно-европейскимъ образцамъ того времени. Ассигнаціонный банкъ долженъ былъ отпустить ассигнацій на раздачу въ ссуду для дворянства 22 милліона, да для городовъ 11 милліоновъ, причемъ дворяне должны были платить 5% росту и 3% въ погашеніе долга. Срокъ погашенія разсчитанъ былъ для дворянства на 20 лѣтъ, а для городовъ—на 22 года **). Такимъ образомъ та неопредѣленная частичная уплата долга, которая была введена въ 1761 г. для отписанныхъ въ вѣдомство канцеляріи конфискаціи имѣній и которая имѣла поэтому мѣсто лишь для неисправныхъ заемщиковъ, превращается здѣсь въ правильное погашеніе долга для всѣхъ заемщиковъ безъ исключенія.

Манифестъ 1786 года весьма интересенъ во многихъ отношеніяхъ,—онъ совсѣмъ не похожъ на всѣ прежніе указы каса-

---

*) Тамъ же, т. XIX, № 15310. Несмотря однако на весьма дурное въ техническомъ отношеніи веденіе дѣла въ дворянскомъ банкѣ, обороты послѣдняго никогда не приходили въ такое дурное состояніе, что онъ, — какъ мы читаемъ у графа Д. Толстаго, — не могъ даже содержать своего правленія, вслѣдствіе чего будто бы указомъ 10 апрѣля 1779 г. повелѣно было отпустить ему вспомоществованіе, заимообразно, 300.000 р. мѣдною монетою изъ петербургскаго ассигнаціоннаго банка (*Графъ Д. Толстой*: „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи“. С.-Пб. 1848 г., стр. 299. Срав. *Э. Вреденъ*: „Курсъ полит. экон.“). Дѣло въ томъ, что въ указѣ 10-го апрѣля 1779 г. („Полн. собр. зак.“, № 14760) идетъ рѣчь о содержаніи правленія не дворянскаго банка, а ассигнаціоннаго. Что же касается до дворянскаго банка, то онъ никакихъ выгодъ изъ означенныхъ 300.000 руб. имѣть не могъ, такъ какъ проценты съ этихъ 300.000 р., розданныхъ въ займы частнымъ лицамъ, долженъ былъ сполна за годъ впередъ отсылать въ ассигнаціонный банкъ (№ 14760).

**) „Полное собраніе законовъ“, т. XXII, № 16283.

тельно дворянскихъ банковъ. Большинство этихъ указовъ выражаютъ лишь одно главное желаніе помочь дворянству безъ ущерба казнѣ. Это желаніе ясно выражается и здѣсь. Ссылавшись на прежнія заботы правительства избавить дворянство отъ власти ростовщиковъ, «узрѣли мы,—говорится въ манифестѣ,—средство подать благотворительное вспоможеніе нашимъ подданнымъ, *а наипаче нашему дворянству*, отъ коего, яко отъ надежнѣйшей подпоры престола нашего, мы и наши предки зрѣли всегда знаменитыя услуги». Средство это состояло въ пониженіи узаконеннаго роста съ 6 на 5% и въ учрежденіи новаго заемнаго банка.

Однако рядомъ съ желаніемъ наипаче помочь дворянству мы видимъ въ мотивахъ учрежденія заемнаго банка и другія цѣли—заботу о государственномъ или, вѣрнѣе сказать, народномъ хозяйствѣ. Вліяніе западно-европейскихъ мыслителей того времени положило сильный отпечатокъ на разсматриваемомъ памятникѣ законодательной дѣятельности Екатерининскаго вѣка. Меркантильныя воззрѣнія, получившія послѣ открытія Новаго Свѣта преобладающее господство во всей западной Европѣ, отразились и на русской экономической политикѣ. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе императрицъ Елизаветы Петровны и Екатерины II былъ возвышенъ тарифъ на иностранные товары въ видахъ покровительства внутренней фабричной промышленности, а взгляды меркантилистовъ на поощреніе ввоза драгоцѣнныхъ металловъ и на торговый балансъ можно нерѣдко найти въ законодательныхъ памятникахъ царствованія императрицы Екатерины II *). Въ XVIII столѣтіи однако меркантилисты, какъ извѣстно, встрѣчаютъ ярыхъ противниковъ въ лицѣ представителей школы физіократовъ. Возникнувъ во Франціи, эта школа пріобрѣтаетъ здѣсь во второй половинѣ прошлаго столѣтія блестящихъ представителей не только въ литературѣ, но и въ государственномъ управленіи. Весьма естественно, что при томъ покровительствѣ, которое императрица Екатерина II оказывала французскимъ мыслителямъ конца прошлаго столѣтія, и тѣхъ непосредственныхъ отношеніяхъ, въ какія она входила съ знаменитѣйшими энциклопедистами **),—она не могла оставаться чуждою физіократическихъ воззрѣній, что, само собою разумѣется, мѣшало цѣльности экономическихъ взгля-

*) *Графъ Д. Толстой*: „Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи". С.-Пб. 1848 г., а также „Полное собраніе закон.",т. III, № 1687, и т. VII, №№ 4348 и 4346.

**) *Бартеневъ*: „XVIII вѣкъ".

довъ Екатерины II, такъ что въ ея административно-законодательной дѣятельности мы встрѣчаемъ рядомъ съ меркантильными доводами и мотивы чисто физіократической школы.

Вотъ въ этомъ отношеніи манифестъ 1786 г. весьма любопытенъ, такъ какъ представляетъ интересный примѣръ того, до какой степени императрица была не чужда ученія физіократовъ. Ихъ любимые афоризмы—pauvres paysans, pauvre royaume; pauvre royaume, pauvre roi и le labourage et le paturage sont les deux mamelles de l'état—почти буквально переходятъ въ манифестъ. «Признаемъ мы,—говорится здѣсь,—что обогащеніе народа есть богатство государя, что трудолюбіе и рукодѣліе наиболѣе въ тѣхъ только мѣстахъ процвѣтаютъ и достигнуть совершенства могутъ, гдѣ народъ въ полномъ довольствѣ». Далѣе: «Вѣдома истина, что земледѣліе есть первый источникъ богатства и, аки сосцы, питающіе все государство, много подаетъ изобилія симъ прилежаніе къ оному; но еще больше пользуютъ большіе же самой землѣ задатки» *).

Итакъ, опираясь на основныя воззрѣнія физіократовъ, императрица Екатерина II ставила основною цѣлью государственнаго заемнаго банка поддержку земледѣлія и сельскаго хозяйства путемъ щедрой раздачи ссудъ землевладѣльцамъ-помѣщикамъ. Доходность земли въ различныхъ мѣстахъ государства далеко не соотвѣтствуетъ своему естественному плодородію. Чтобы достичь этого, нужны деньги, на которыя можно было бы пріобрѣсти скотъ, строенія, орудія, а «мы для сего наипаче ихъ и дадимъ», говоритъ манифестъ.

Въ виду значенія въ исторіи земельнаго кредита государственнаго заемнаго банка, прежде чѣмъ перейти къ общей оцѣнкѣ его по отношенію къ народному и государственному хозяйству, укажемъ вкратцѣ на болѣе существенныя особенности его организаціи и оборотовъ.

Ссуды изъ заемнаго банка подъ населенныя имѣнія опредѣлялись количествомъ душъ, считая по 40 рублей на ревизскую душу, причемъ Таврическій край былъ исключенъ изъ сферы дѣятельности банка. Для этого края велѣно было отпустить особо 3.000.000 руб. въ распоряженіе генералъ-губернатора князя Потемкина съ цѣлью обращенія этой суммы и процентовъ «къ ободренію въ тѣхъ мѣстахъ земледѣлія, торговли, на полезныя зда-

*) Манифестъ 28 іюня 1786 г. („Полн. собр. зак.“, т. XXII, № 16407).

нія и ко всякой выгодѣ общественной». Причемъ отчетомъ въ расходѣ этихъ денегъ Потемкинъ былъ обязанъ передъ одной императрицей.

Размѣръ ссудъ изъ банка былъ неограниченъ, лишь бы онѣ соотвѣтствовали залогу. Ручные залоги въ золотѣ и серебрѣ и т. п. банкомъ не принимались; такимъ образомъ заемный банкъ спеціализировался ипотечнымъ кредитомъ.

Ссуды выдавались полными тысячами—1.000 руб., 2.000 руб. и т. д. По прошествіи каждыхъ 4 лѣтъ соотвѣтственно погашенію часть залога освобождалась, «исключая самыя неудободѣлимыя дроби», и возвращалась въ полное распоряженіе заемщика. Допускался перезалогъ въ банкъ имѣній, заложенныхъ въ частныя руки, замѣна одного имѣнія другимъ, продажа заложенныхъ имѣній съ переходомъ всѣхъ обязательствъ на новаго владѣльца.

По истеченіи 8 лѣтъ заемщикъ получалъ право досрочнаго погашенія всего капитала или части, причемъ уплачивался въ пользу банка 1 процентъ. Возвращенная часть снова шла въ ссуды, но уже лишь на остающееся до 20-лѣтняго срока время.

Проценты по займу вносились по окончаніи года, причемъ давался льготный десятидневный срокъ, послѣ котораго за просрочку 1 мѣсяца и болѣе до 3 взыскивалась за каждый мѣсяцъ пеня въ 1% со всего капитала. По прошествіи 3 мѣсяцевъ имѣніе поступало во владѣніе дворянской опеки; она назначала опекуновъ, которые управляли имѣніемъ, причемъ владѣльцу запрещалось не только пребываніе въ имѣніи, но и въѣздъ въ него.

Такъ какъ въ заемный банкъ собственно былъ переименованъ с.-петербургскій банкъ для дворянства, то въ него перешли какъ капиталы этого банка и московскаго, по упраздненіи послѣдняго, такъ и операціи прежнихъ дворянскихъ банковъ. Именно за исключеніемъ 4.500.000 руб. долга дворянскаго банка ассигнаціонному, которые вошли въ составъ 22 милл. и заемщикамъ которыхъ предоставлено было, если пожелаютъ, переписать свой долгъ на новыхъ условіяхъ долгосрочнаго кредита, собственные капиталы прежнихъ дворянскихъ банковъ, съ пониженіемъ процентовъ съ шести на пять, должны были раздаваться на прежніе сроки, считая залогъ согласно съ манифестомъ. Вкладная операція дворянскихъ банковъ тоже перешла въ заемный банкъ и получила въ немъ широкое примѣненіе. Всѣмъ подданнымъ и иностранцамъ всякаго состоянія предоставлялось дѣлать

вклады, по которымъ платилось 4½%, причемъ вкладчики въ случаѣ желанія взять свой вкладъ обратно обязаны были предварить банкъ за 7 дней, за 2, 3 или 4 мѣсяца, при соотвѣтственныхъ размѣрахъ вклада въ 10 тыс. руб., 100 тыс. руб., 500 тыс. руб. и 1 милліонъ. При раздачѣ въ ссуду частныхъ вкладовъ взималось, наравнѣ съ собственными капиталами прежняго дворянскаго банка, по 5%, изъ которыхъ такимъ образомъ ½% шло въ пользу заемнаго банка. Платежи, поступавшіе по ссудамъ изъ капиталовъ ассигнаціоннаго банка, должны были идти послѣднему за вычетомъ 150 тыс. руб. на содержаніе заемнаго банка.

Кромѣ долгосрочнаго ипотечнаго кредита съ погашеніемъ, заемному банку обязаны мы введеніемъ въ первый разъ страхованія каменныхъ домовъ, заводовъ и фабрикъ отъ огня и т. п.

Страхованіе совершалось въ ¾ оцѣнки съ платежомъ ½% въ страховую премію и застрахованныя имущества принимались банкомъ въ заемъ. Сообразно своимъ операціямъ, заемный банкъ раздѣлялся на 4 экспедиціи: 1) для суммъ заемнаго банка, 2) для суммъ ассигнаціоннаго банка, 3) для принятія на страхъ и 4) для производства дѣлъ относящихся до всѣхъ вообще банковыхъ оборотовъ.

Государственный заемный банкъ былъ поставленъ въ непосредственное подчиненіе императрицѣ, наравнѣ съ ассигнаціоннымъ, которому также приданъ эпитетъ «государственный», «ибо сіи оба наши банка,—говорилось въ манифестѣ 1786 года,—связуя ихъ взаимностью единъ другому вспомогающею въ успѣхѣ отправленія дѣлъ, считаемъ мы за одинъ составъ» *).

Тѣсная связь заемнаго банка съ ассигнаціоннымъ имѣетъ весьма серьезное значеніе въ исторіи русскихъ кредитныхъ учрежденій вообще и въ исторіи бумажныхъ денегъ въ особенности.

Если мы вспомнимъ характеръ землевладѣльческихъ кредитныхъ товариществъ, которыя незадолго передъ тѣмъ возникли въ Германіи, то мы найдемъ при нѣкоторомъ сходствѣ весьма существенное различіе ихъ отъ заемнаго банка, между прочимъ въ томъ, что на Западѣ подъ обезпеченіе залогомъ дворянскихъ имѣній выпускались процентныя залоговыя свидѣтельства, а у насъ подъ такое обезпеченіе былъ сдѣланъ выпускъ ассигнацій. Этотъ выпускъ, въ замаскированномъ видѣ, начался, какъ мы

*) Манифестъ 1786 г.

знаемъ, еще раньше, именно когда капиталы, поступившіе въ банкъ для вымѣна ассигнацій, были розданы въ ссуды при посредствѣ дворянскихъ банковъ, но съ учрежденіемъ государственнаго заемнаго и ассигнаціоннаго банковъ выпускъ былъ сдѣланъ сравнительно громадныхъ размѣровъ. Такъ прежній долгъ дворянскаго банка ассигнаціонному изъ 4½ милл. обратился въ почтенную сумму 22 милліона, предназначенные для раздачи въ ссуду дворянству, и 3 милліона Таврическому краю, а всего въ 25 милл. Значеніе этой суммы обнаружится ясно, если мы припомнимъ, что передъ этимъ количество выпущенныхъ ассигнацій доходило лишь до 50 милл. рублей *). Большой выпускъ ассигнацій не могъ не устрашить самого правительства, что можно видѣть уже изъ манифеста объ учрежденіи заемнаго банка: «Узаконяемъ самодержавною, отъ Бога намъ данною, властью,—говорится здѣсь,—и обѣщаемъ святостью слова царскаго за насъ и преемниковъ Императорскаго Россійскаго Престола, что число банковыхъ ассигнацій никогда и ни въ какомъ случаѣ не долженствуетъ простираться въ нашемъ государствѣ свыше 100 милліоновъ рублей»**). Несмотря на такое ободряющее обѣщаніе, нельзя было не ожидать паденія цѣнностей ассигнацій. Поэтому, при займахъ и вкладахъ золотомъ и серебромъ, а также и при уплатѣ, установлено было, чтобы «какъ въ банкъ, такъ и изъ банка, буде бы происходила оная государственными ассигнаціями, брать и выдавать на оную ажіо по тому, какъ на то время состоять будетъ курсъ на с.-петербургской биржѣ».

«Щедрою рукою,—заключаетъ Императрица знаменательный манифестъ объ учрежденіи заемнаго банка,—отверзая сокровища наши на нужды вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, утѣшаемъ себя надеждою, что каждый дворянинъ воспользуется тѣмъ и обратитъ нашу щедроту въ сущую свою пользу, радѣя вящше о земледѣліи, о умноженіи произрастеній, нужныхъ къ пропитанію и для торговли, и, средствомъ симъ вспомогаемъ, возвыситъ всякое благоустройство своего хозяйства, заплатитъ долги, отягощающіе имѣніе его, и не употребитъ къ умноженію вредной роскоши, или инако во зло благой отъ насъ помощи».

Всѣ эти розовыя надежды, которыя послужили мотивомъ открытія дешеваго и щедраго кредита для землевладѣльцевъ и которыя вовсе не соотвѣтствовали экономической роли русскихъ

*) *Е. И. Ламанскій*: „Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи“

**) Манифестъ 1786 года.

землевладѣльцевъ не только Екатерининской эпохи, но и послѣдующаго времени, какъ мы увидимъ ниже,—совершенно не оправдались. Между тѣмъ за щедроты, расточаемыя такимъ образомъ заемнымъ банкомъ, пришлось скоро платиться всему населенію. Изобиліе банковыхъ ассигнацій не замедлило повести за собой паденіе цѣнности ихъ. Ассигнаціонный рубль съ 1786 по 1791 г. послѣдовательно стоилъ 98, 97, 92³/₄, 87 и 81¹/₂ коп., а къ концу царствованія, когда количество ассигнацій достигло до 157 милл. рублей, цѣна бумажнаго рубля упала до 68 коп. *). Въ результатѣ получилось возрастаніе цѣнъ на всѣ вещи, увеличеніе оклада податей, которое кромѣ расширенія государственныхъ расходовъ самихъ по себѣ вызывалось также и общею дороговизною. Такъ, напримѣръ, подушный сборъ, назначенный Петромъ I въ размѣрѣ 80 и сбавленный впослѣдствіи до 70 коп., между прочимъ, въ виду того, «что съ тѣхъ поръ, съ умноженіемъ денежнаго обращенія, возвысилась цѣна на всѣ вещи», былъ положенъ императрицею Екатериною II съ половины 1794 года по рублю съ души **).

Я конечно вовсе не думаю, что паденіе курса ассигнацій, зависѣвшее отъ большаго количества ихъ, обусловливалось однимъ земельнымъ кредитомъ,—военные и другіе расходы побуждали также къ большимъ выпускамъ бумажныхъ денегъ. Тѣмъ не менѣе нельзя игнорировать то обстоятельство, что земельныя ссуды составляли далеко не ничтожный процентъ ассигнацій, выпущенныхъ ассигнаціоннымъ банкомъ, въ особенности въ первое время, и что поэтому бумажно-денежному обращенію, вредному для народнаго хозяйства вообще и сдѣлавшемуся одной изъ хроническихъ болѣзней, разъѣдающихъ экономическое благосостояніе Россіи, въ значительной степени положено основаніе кредитомъ, открытымъ заемнымъ банкомъ крупному землевладѣнію. Дешевый и удобный для послѣдняго кредитъ дорого обошелся Россіи, тѣмъ болѣе, что и на сельское хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ онъ не могъ оказать плодотворнаго вліянія. Въ самомъ дѣлѣ то, до какой степени не оправдались надежды императрицы Екатерины II, что «заемщики-дворяне не употребятъ ссуды къ умноженію вредной роскоши или инако во зло благой помощи»,

*) *Е. И. Ламанскій*: „Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи“.—См. „Сборникъ статистич. свѣдѣній о Россіи“, кн. II. Спб. 1854 года, стр. 142 и слѣд.

**) *Е. И. Ламанскій*: „Историческій очеркъ“, стр. 145.

краснорѣчиво свидѣтельствуетъ манифестъ императора Павла I отъ 18 декабря 1797 года «объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства».

«Съ крайнимъ прискорбіемъ,—говорится здѣсь,—видимъ, что многіе роды дворянскіе, стеная подъ бременемъ долговъ, изъ рода въ родъ съ наслѣдствомъ влекущихся или *небережливостью* нажитыхъ, не многіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверстыми, но большая часть, усугубляя свои долги, разстраивала состояніе своихъ одолжителей, и отъ неминуемой крайности впадая въ руки алчныхъ корыстолюбцевъ и ростовщиковъ, умножаютъ число сихъ зловредныхъ хищниковъ, а всего ужаснѣе—приготовляютъ плачевный жребій нищеты невинному своему потомству» *).

Такимъ образомъ расточительность, усугубленіе долговъ и полнѣйшее раззореніе—вотъ послѣдствія той благой помощи, какая при посредствѣ казенныхъ кредитныхъ учрежденій постоянно оказывалась землевладѣльцамъ и отъ которой, весьма понятно, народное хозяйство выигрывать не могло.

Поземельныя ссуды, открытыя заемнымъ банкомъ, не ограничились только имъ: къ долгосрочному земельному кредиту мало-по-малу были приспособлены еще сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія, получившіе тѣ и другіе свое начало въ царствованіе императрицы Екатерины II. Сохранныя казны, одною изъ главныхъ цѣлей которыхъ въ началѣ было принятіе капиталовъ на сохраненіе и приращеніе процентами, мало-по-малу сдѣлались важнѣйшимъ ипотечнымъ учрежденіемъ въ Россіи. По количеству ссудъ подъ населенныя имѣнія и другія недвижимыя имущества онѣ въ XIX столѣтіи далеко оставили за собой государственный заемный банкъ.

Покидая XVIII вѣкъ, нельзя не сказать еще нѣсколько словъ объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства. Этотъ банкъ одинъ изъ первыхъ ввелъ въ организацію русскаго земельнаго кредита основное раціональное начало долгосрочнаго кредита — выпускъ особыхъ 5% банковыхъ билетовъ, аналогичныхъ съ современными закладными листами. Ссуды выдавались означенными банковыми билетами, причемъ взималось въ пользу банка 8% на расходы по банку.

*) Манифестъ объ учрежд. государств. вспомогат. банка. „Полн. собр. зак.," т. XXIV, № 18274.

Первыя 5 лѣтъ заемщикъ платилъ только 6% интереса, а погашеніе начиналось съ 6-го года и разсрочивалось на остальныя 20 лѣтъ.

Количество ссуды изъ вспомогательнаго банка не было ограничено, но самая ссудная операція открыта была только на 2 года (§ 1) *). Къ половинѣ 1802 г. изъ 50 милл. руб., составлявшихъ полную номинальную сумму выданныхъ изъ банка билетовъ, 48.605.000 руб. путемъ разныхъ уплатъ, зачетовъ и размѣна поступили обратно въ казну, вслѣдствіе чего, въ виду незначительности оставшихся въ обращеніи билетовъ, самостоятельное существованіе вспомогательнаго банка было прекращено и онъ былъ присоединенъ къ заемному банку подъ названіемъ двадцати-пятилѣтней экспедиціи, причемъ однако дѣла этой экспедиціи, суммы ей принадлежавшія и всякаго рода разсчеты не должны были смѣшиваться съ суммами и разчетами заемнаго банка **).

Государственный заемный банкъ, представлявшій въ концѣ прошлаго столѣтія и въ первое десятилѣтіе нынѣшняго важнѣйшее ипотечное учрежденіе, вскорѣ затѣмъ утрачиваетъ этотъ характеръ и дѣлается казеннымъ кредитнымъ учрежденіемъ, служащимъ преимущественно для подкрѣпленія государственнаго казначейства или, другими словами, посредникомъ для заключенія внутреннихъ государственныхъ займовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ тяжелую эпоху отечественной войны, именно въ 1812 г., выдача ссудъ изъ заемнаго банка была прекращена и капиталы его были переданы на подкрѣпленіе государственнаго казначейства,—это именно тѣ суммы, которыя преимущественно входили по отчетамъ въ рубрику ссудъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Насколько была значительна роль заемнаго банка въ подкрѣпленіи государственнаго казначейства, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1820 г. въ банкѣ числилось казенныхъ капиталовъ 5.451.000 р. и частныхъ 29.239.000 рублей; изъ этихъ суммъ въ ссудахъ подъ залоги было только 9.693.000 р., а по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ 23.377.000 рублей.

Въ 1824 году ссуды изъ заемнаго банка открываются вновь вмѣстѣ съ измѣненіемъ прежнихъ правилъ для выдачи ссудъ какъ

*) Тамъ же.

**) Именной указъ сенату іюля 19 („Пол. собр. зак.“, № 20336).

изъ заемнаго банка, такъ и изъ сохранныхъ казенъ, которыя съ этого времени дѣлаются важнѣйшимъ учрежденіемъ поземельнаго кредита.

Прежніе восьмилѣтніе и двѣнадцатилѣтніе сроки ссудъ остались въ силѣ лишь по старымъ займамъ до ихъ уплаты. Для новыхъ же ссудъ ассигнаціями подъ залогъ недвижимыхъ имѣній опредѣляется срокъ въ 24 года съ платежомъ *по истеченіи* каждаго года 6% интереса и 2% погашенія. Единовременно при заключеніи займа въ пользу банка взимается 1%. Количество ссудъ на каждую ревизскую душу увеличивается въ сильной степени. Именно губерніи раздѣляются на два класса: въ первомъ на ревизскую душу полагалось 200 р., а во второмъ—по 150 рублей; кромѣ того, тѣ же имѣнія могли еще служить обезпеченіемъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, причемъ каждая заложенная душа считалась въ 50 рублей. Просроченныя имѣнія поступали въ казенный присмотръ, описывались, что иногда тянулось цѣлые годы, и затѣмъ продавались съ аукціоннаго торга *).

По ссудамъ, открытымъ изъ государственнаго заемнаго банка на 24 года и на 12 лѣтъ съ погашеніемъ и на 8 лѣтъ съ уплатою капитала разомъ или по частямъ полными тысячами, взималось 6% интереса и погашенія 2% для 24-лѣтнихъ займовъ и 6%—для 12-тилѣтнихъ. Подъ залогъ помѣщичьихъ населенныхъ имѣній ссуды выдавались на всѣ указанные сроки, подъ залогъ же домовъ въ С.-Петербургѣ, а также фабричныхъ строній—на 12 и 8 лѣтъ. Для дѣйствующихъ горныхъ заводовъ, получившихъ пособіе отъ казны, ссуды полагалось на каждую ревизскую душу по 250 руб., а для не получившихъ пособіе по 300 руб., «буде оные находятся въ великороссійскихъ губерніяхъ» **).

Останавливаясь на фактѣ столь значительнаго возвышенія нормы ссудъ подъ населенныя имѣнія, нельзя не видѣть одной изъ причинъ этого въ паденіи цѣнности ассигнацій. Еще въ 1814 году заемному банку разрѣшено было выдавать за каждую ре-

*) „Пол. собр. зак.“, т. XXXIV, № 29937.—Въ 1827 году при благонадежности залога разрѣшено было выдавать заемщикамъ сохранной казны сверхъ положенныхъ 200 и 150 руб. еще по 50 р. Право на такую дополнительную ссуду распространялось и на неисправныхъ заемщиковъ, которые не допустили еще до требованія описи заложеннаго имѣнія (Высочайше утвержденная записка государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Второе „Пол. собр. законовъ“, № 1460).

**) „Полн. собр. зак.“, т. XXXIV, № 29941.

визскую душу по 60 руб. вмѣсто прежнихъ 40 руб. «по сравненію *съ нынѣшними* цѣнами на всѣ вещи». Цѣна же серебрянаго рубля по среднему годовому курсу равнялась въ 1814 году 126 коп. ассигн. *),—слѣдовательно, увеличеніе нормы ссуды на 10 слишкомъ рублей можно прямо отнести на счетъ паденія курса. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ курсъ серебрянаго рубля доходилъ до 3 руб. 75 коп., иначе говоря былъ на 275% выше al pari. Интересно, что, увеличивъ сорокарублевую ссуду на 275%, мы и получимъ около 150 руб. серебромъ.

Но въ свою очередь, какъ я уже упоминалъ, земельныя ссуды принимали дѣятельное участіе въ увеличеніи количества бумажныхъ денегъ въ обращеніи, и съ этой точки зрѣнія поземельный кредитъ, оказывая помощь крупнымъ землевладѣльцамъ, наносилъ несомнѣнный ущербъ народному и государственному хозяйству. Впослѣдствіи, когда чрезмѣрное бумажно-денежное обращеніе привело къ паденію ассигнацій, заемщики изъ кредитныхъ установленій должны были непосредственно выиграть и на этомъ экономическомъ бѣдствіи страны. Сдѣлавъ заемъ въ ассигнаціяхъ при болѣе высокомъ курсѣ, имъ приходилось теперь платить въ банкъ проценты и погашеніе въ обезцѣненныхъ ассигнаціяхъ, такъ что государство при этомъ должно было терять соотвѣтственно паденію ассигнаціоннаго рубля съ момента возникновенія долга.

Къ 1830 году заемщики получаютъ новое облегченіе. Съ пониженіемъ процента по вкладамъ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ до 4, уменьшается также и процентъ по ссудамъ до 5%. Для ссудъ подъ залогъ населенныхъ имѣній вмѣсто прежнихъ 24 лѣтъ устанавливается 26-ти-лѣтній срокъ, съ платежомъ 2% въ погашеніе и 1% единовременной преміи, и 37-лѣтній—съ платою 1% погашенія и 1½% единовременной преміи. Выдача ссудъ по восьмилѣтнимъ срокамъ прекращается.

Съ 1839 года, когда приступаемъ къ существенному преобразованію въ нашей денежной системѣ, это отражается и на земельномъ кредитѣ. Прежде всего съ установленіемъ постояннаго курса въ 3 руб. 50 коп. ассигнаціями за серебряный рубль повышается нѣсколько норма ссуды на ревизскую душу, на которую полагается теперь по 75 р., 60 р. и 45 р. серебромъ **).

*) *Е. И. Ламанскій:* „Историческій очеркъ".

**) Манифестъ 1 іюля 1839 г. объ устройствѣ денежной системы. Второе „Пол. собр. зак.", т. XIV, № 12497.

Далѣе въ 1841 году, «для облегченія оборотовъ государственныхъ кредитныхъ установленій и для умноженія съ тѣмъ вмѣстѣ въ народномъ обращеніи массы легко-подвижныхъ денежныхъ знаковъ», признано было за благо «учредить новый видъ оныхъ съ полнымъ въ цѣнности ихъ обезпеченіемъ», почему было предназначено къ выпуску кредитныхъ билетовъ на 30 милл. рублей серебромъ, изъ коихъ 15 милл. руб. для московской сохранной казны, 8 для С.-Петербургской и 7 для заемнаго банка для раздачи денегъ этихъ въ ссуду. При каждомъ выпускѣ кредитныхъ билетовъ сохранная казна и заемный банкъ обязаны были откладывать въ особую кассу звонкой монеты на сумму не менѣе $^1/_6$ части выпущенныхъ билетовъ *). Изъ этихъ 30 милл. руб. манифестомъ 1843 г. 10 милл. оставлены въ оборотномъ капиталѣ кредитныхъ установленій, 20 милл. отчислены въ запасный и были выпущены по 10 милл. въ 1849 и 1853 г. въ подкрѣпленіе сохранной казны и заемнаго банка, причемъ съ уничтоженіемъ прежняго запаснаго капитала былъ образованъ новый въ кредитныхъ билетахъ на сумму 40 милл. руб., съ сохраненіемъ относительно его правилъ 1843 года **).

Такимъ образомъ, съ переходомъ отъ ассигнацій къ кредитнымъ билетамъ, ссуды изъ старыхъ кредитныхъ установленій попрежнему время отъ времени служатъ поводомъ къ увеличенію количества бумажныхъ денегъ.

Одинаковый вначалѣ размѣръ ссуды на ревизскую душу съ теченіемъ времени получаетъ большее разнообразіе и кромѣ того начинаютъ принимать во вниманіе при опредѣленіи размѣра ссуды на имѣніе и количество земли въ немъ. Именно въ 1841 году, въ ознаменованіе радостнаго дня бракосочетанія наслѣдника престола, «чтобы еще болѣе усугубить то пособіе дворянамъ, которое было открыто въ государственныхъ кредетныхъ установленіяхъ», манифестомъ 16 апрѣля было объявлено о новомъ размѣрѣ ссудъ подъ залогъ населенныхъ помѣщичьихъ имѣній ***).

---

*) Манифестъ о выпускѣ въ народное обращеніе кредитныхъ билетовъ на 30 милл. руб. сер. (Второе „Пол. собр. зак.“, т. XVI, № 14700).

**) Именной указъ сенату, распубликованный 28 декабря 1853 г. (Второе „Пол. собр. зак.“, т. XXVIII, № 27774).

***) Манифестъ 16 апрѣля 1841 г. (2-ое „Пол. собр. зак.“, т. XVI, № 14464). Въ заключеніе этого манифеста мы, между прочимъ, читаемъ: „Поставляя сіи мѣры, мы остаемся въ той же твердой надеждѣ, которую изъявляли уже при облегченіи займовъ 1830 г., именно, что новыя ссуды обратятся *не къ прихотямъ роскоши и не къ усиленію домовъ расточительности, а къ лучшему ус-*

Всѣ губерніи были раздѣлены на три разряда. Въ первомъ разрядѣ, при четырехъ и болѣе десятинахъ земли на душу, выдавалось на каждую ревизскую душу по 70 руб.; если же земли было меньше, то по 60 руб. Въ губерніяхъ втораго разряда, независимо количества десятинъ на душу, выдавалось на каждую ревизскую душу по 60 руб. и въ третьемъ разрядѣ по 50 руб. Кромѣ того, если въ закладываемомъ имѣніи приходилось на каждую ревизскую душу въ губерніяхъ первой категоріи не менѣе пяти десятинъ, во второй—шести и въ третьей—не менѣе семи, то заемщикъ имѣлъ право на добавочную ссуду въ размѣрѣ 10 рублей на каждую ревизскую душу (Св. зак., изд. 1857 г., т. XI, отд. III).

Значительный притокъ вкладовъ въ кредитныя установленія побудилъ въ 1857 г. понизить проценты по частнымъ вкладамъ до 3% и по казеннымъ до 1½%. Вмѣстѣ съ тѣмъ и проценты по ссудамъ были уменьшены до четырехъ. Прежніе сроки въ 26 и 37 л. замѣнили новыми—въ 28 л. при платежѣ 2% въ погашеніе и на 33 года съ ежегоднымъ погашеніемъ въ 1½% съ суммы займа. Переложеніе долговъ на новые сроки должно было начаться съ окончаніемъ годоваго срока по каждому займу послѣ 1-го марта 1858 года *).

Несмотря на одинаковыя съ сохранными казнами условія земельнаго кредита, государственный заемный банкъ и съ возобновленіемъ изъ него ссудъ подъ населенныя имѣнія сохранилъ преимущественно характеръ ссуднаго банка для государственнаго казначейства. Разсматривая движеніе банковыхъ капиталовъ и ссудъ за періодъ съ 1820 г. по 1852 годъ, мы легко убѣдимся въ этомъ. Ссуды по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ поглощаютъ все большую и большую часть оборотныхъ капиталовъ сравнительно съ судами подъ залогъ. Такъ,

въ 1822 г. было ссудъ подъ залоги . .	11.258.590 р.
» 1832 » » » » » . .	36.239.129 »
» 1842 » » » » » . .	52.603.622 »
» 1852 » » » » » . .	46.629.214 »

тройству дворянскихъ имѣній, къ дальнѣйшему еще усовершенствованію земледѣлія и къ расширенію сельской и всякой другой полезной промышленности“ (курсивъ въ подлинникѣ).

*) Именной указъ сенату. Второе „Полн. собр. зак.“, т. XXXII, № 32082. См. также Св. зак., изд. 1857 г., т. XI, ч. II, разд. III.

въ 1822 г.	по Высочайшимъ повелѣн.	20.720.000 р.
» 1832 »	» » »	50.530.847 »
» 1842 »	» » »	115.110.049 »
» 1852 »	» » »	265.445.393 »

Правда, рядомъ съ этимъ мы находимъ, повидимому, и возрастаніе казенныхъ вкладовъ. Такъ,

въ 1822 г.	было частныхъ вкладовъ. .	25.270.423 р.
» 1832 »	» » » . .	32.747.592 »
» 1842 »	» » » . .	41.846.515 »
» 1852 »	» » » . .	59.573.979 »
» 1822 г.	было казенныхъ вкладовъ .	5.291.560 »
» 1832 »	» » » .	48.357.668 »
» 1842 »	» » » .	121.461.840 »
» 1852 »	» » » .	248.106.405 »

Но это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ число казенныхъ вкладовъ въ заемномъ банкѣ входятъ и суммы, переданныя сюда изъ коммерческаго банка, образовавшіяся изъ частныхъ вкладовъ. Такихъ суммъ въ 1832 г. было 32 милл., въ 1842 году—96 милл. и въ 1852 году—179 милл. рублей. Совсѣмъ другое представляютъ ссуды изъ сохранныхъ казенъ. Здѣсь рѣшительное преобладаніе получаютъ ссуды подъ населенныя имѣнія.

Въ сохранныхъ казнахъ движеніе вкладовъ было таково:

Въ 1843 году	оставалось вкладовъ . .	336.736.229 р.
» 1852 »	» » . .	458.048.996 »
» 1853 »	» » . .	471.257.675 »

Параллельно съ этимъ въ ссудахъ изъ сохран. казенъ было:

Въ 1843 г.	. . . . .	312.404.285 р.
» 1852 »	. . . . .	451.530.102 »
» 1853 »	. . . . .	464.573.192 »

Чтобы показать относительное значеніе прежнихъ кредитныхъ учрежденій, приведемъ здѣсь итоги ссудъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ.

Въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ было выдано ссудъ подъ населенныя имѣнія.		ИЗЪ ОБЩЕЙ СУММЫ ССУДЪ ПРИХОДИТСЯ.		
		На сохранныя казны.	На государствен. заемный банкъ.	На приказы общ. призрѣнія.
	тысячъ.			
Въ 1856 году.	398.246	81,7%	7,7%	10,6%
„ 1859 „	421.273	81;1%	7,7%	11,2%

Преимущественное значеніе сохранныхъ казенъ, какъ земельно-кредитныхъ учрежденій, сравнительно съ заемнымъ банкомъ можно видѣть уже при сравненіи числа ревизскихъ душъ, заложенныхъ въ обоихъ учрежденіяхъ:

	Въ государственномъ заемномъ банкѣ было заложено:	Въ сохранныхъ казнахъ:
Въ 1843 г. . .	590.639 д.	4.984.876 д.
» 1852 » . .	634.651 »	5.209.114 »

Мы знаемъ изъ предшествовавшаго, что прежнія кредитныя учрежденія выдавали ссуды, кромѣ населенныхъ имѣній и земель, также подъ другіе недвижимые залоги — дома, заводскія строенія и т. п. Однако по общему характеру тогдашняго экономическаго строя совершенно естественно, что ссуды подъ залогъ населенныхъ имѣній составляли поглощающую цифру всѣхъ ипотечныхъ долговъ передъ крестьянскою реформой. Такъ въ 1856 г. на 427.477 т. руб. ипотечныхъ ссудъ изъ старыхъ кредитныхъ учрежденій подъ населенныя имѣнія приходилось 93,1%, на ссуды подъ залогъ земель 1,2% и подъ залогъ каменныхъ домовъ 5,6%. Съ точки зрѣнія земельнаго кредита значеніе старыхъ кредитныхъ установленій было неодинаково. На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь сохранныя казны, на которыя въ 1859 г. приходилось изъ всей суммы 427.502 т. руб. земельныхъ долговъ 79,9%, на государственный заемный банкъ всего лишь 7,6% и наконецъ на приказы общественнаго призрѣнія 12,5%.

До сихъ поръ я старался познакомить читателей въ общихъ чертахъ съ исторіей земельнаго кредита въ Россіи и съ относительнымъ значеніемъ различныхъ кредитныхъ учрежденій передъ крестьянскою реформой. Остановимся теперь на той роли, какую игралъ земельный кредитъ въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія въ народномъ хозяйствѣ, и разберемъ тѣ фактическія данныя, какія извѣстны намъ о задолженности крупнаго землевладѣнія передъ крестьянскою реформой.

Крымская война естественно должна была вредно отозваться на многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Понятны поэтому тѣ многочисленныя ходатайства, которыя поступили по окончаніи ея въ министерство внутреннихъ дѣлъ и которыми испрашивались, ссылаясь на войну и отчасти неурожаи, различныя льготы и облегченія въ платежахъ казенныхъ и особенно банковыхъ долговъ. Между ходатайствами были, конечно, и вполнѣ основательныя, и не заслуживавшія удовлетворенія. Для обсужденія ихъ въ

1856 году былъ учрежденъ особый комитетъ изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденіями императрицы Маріи. Комитетъ началъ съ того, что предварительно собралъ необходимыя свѣдѣнія, и что же оказалось?—Банковые долги находились въ весьма слабой связи съ хозяйственнымъ состояніемъ губерній или вліяніемъ войны. «Такъ нѣкоторыя губерніи, удаленныя отъ театра войны, не пострадавшія отъ неурожая и даже считающіяся въ числѣ богатыхъ и хлѣбородныхъ, оказались неисправными въ платежѣ долговъ болѣе, чѣмъ губерніи бѣднѣйшія. Вообще обнаружено, что большее или меньшее накопленіе долговъ находилось въ прямомъ соотвѣтствіи съ большимъ или меньшимъ количествомъ льготъ, разсрочекъ, пособій и ссудъ, дарованныхъ губерніямъ въ разное время» *). Читая эти заявленія оффиціальныхъ представителей власти, невольно припоминаются слова манифеста 1797 года объ учрежденіи вспомогательнаго банка, свидѣтельствовавшія, что ссуды изъ казенныхъ учрежденій въ концѣ концовъ лишь усугубляли долги русскаго землевладѣнія и вели къ разоренію. И въ 1856 году мы слышимъ то же самое, что «заемщики, не получая полнаго прощенія долга, всякою отсрочкой и льготою только увеличивали долгъ на счетъ процентовъ за льготное время» **). Мыслимо ли было, чтобы при подобномъ отношеніи землевладѣльцевъ къ поземельному кредиту онъ могъ оказывать услуги сельскому хозяйству, увеличивать доходность имѣній и служить къ возвышенію матеріальнаго благосостоянія хотя бы того класса, къ которому принадлежали заемщики?

Такимъ образомъ постепенное возрастаніе задолженности свидѣтельствовало лишь о постепенномъ хозяйственномъ упадкѣ помѣщичьяго землевладѣнія. А возрастаніе можно замѣтить уже по тѣмъ даннымъ объ оборотахъ кредитныхъ установленій, которыя приведены мною выше. Но еще яснѣе видно это при сравненіи статистическихъ данныхъ относительно залога населенныхъ имѣній.

Въ прежнее время о собираніи статистическихъ данныхъ касательно земельной задолженности почти не заботились. Въ первый разъ такія свѣдѣнія съ нѣкоторою полнотой были собраны стараніями означеннаго выше комитета 1856 года. Поэтому для своихъ сравненій и выводовъ я и воспользуюсь съ одной стороны

*) „Банковые долги и положеніе губерній въ 1856 году". *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1860 г., февраль, стр. 201.

**) Тамъ же.

этими данными, а съ другой—тѣми, которыя были помѣщены въ «Трудахъ» коммиссіи для устройства земскихъ банковъ и которыя относятся къ 1859 году.

Мы находимъ здѣсь, что въ 1856 году было заложено 43.569 населенныхъ имѣній; сумма долга на этихъ имѣніяхъ простиралась до 398.246 тыс. руб. Среднимъ числомъ на ревизскую душу приходилось по 69 руб. 27 коп. Въ 1859 году было заложено 44.166 имѣній съ 7.107.184 душ. и долгу на нихъ, считая въ томъ числѣ недоимки, числилось 425.503 тыс. руб., слѣдовательно на каждую ревизскую душу приходилось 59 руб. 87 коп. Такимъ образомъ въ 1859 году замѣчается почти во всѣхъ отношеніяхъ возрастаніе земельной задолженности даже сравнительно съ 1856 годомъ, а именно: число заложенныхъ имѣній увеличилось на 1,87%, число заложенныхъ душъ—на 7,57%, сумма долга—на 6,84% и только средняя сумма долга на каждую ревизскую душу осталась почти та же самая.

Мы знаемъ, что главнымъ основаніемъ земельныхъ ссудъ изъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій служили ревизскія души или количество и производительность труда, какимъ располагало закладываемое имѣніе. Все число ревизскихъ душъ, какимъ владѣлъ прежній помѣщичій классъ, представляло такимъ образомъ естественный предѣлъ задолженности землевладѣнія. Назовемъ *процентомъ задолженности* отношеніе заложенныхъ душъ ко всему числу ревизскихъ душъ, которыя можно было заложить, и посмотримъ, какими числами выражался этотъ процентъ въ 1856 и 1859 годахъ. По девятой ревизіи общее число крѣпостныхъ было, за исключеніемъ Ставропольской губерніи и Земли Войска Донскаго, 10.709.529 душъ. Изъ этого числа въ 1856 году было заложено 6.606.909 душъ, а въ 1859 году—7.099.944 т. е. процентъ задолженности равнялся въ первомъ 61,7%, а во второмъ—66,3%.

По губерніямъ процентъ задолженности передъ освобожденіемъ крестьянъ выражался слѣдующими числами:

1	Казанская	84,9	
2	Пензенская	80,7	
3	Орловская	80,3	
4	Саратовская	80,0	
5	Тульская	79,7	
6	Пермская	77,6	
7	Рязанская . . .	75,5	
8	Калужская . . .	75,1	
9	Тамбовская . . .	75,0	
10	Воронежская . . .	73,8	
11	Симбирская . . .	73,6	
12	Вологодская . . .	70,8	

13	Могилевская	70,7	
14	Костромская	70,4	
15	Смоленская	69,8	
16	Курская	69,2	
17	Витебская	69,0	
18	С.-Петербургская	68,7	
19	Псковская	68,6	
20	Московская	68,6	
21	Владимірская	67,6	
22	Тверская	66,8	
23	Нижегородская	66,6	
24	Черниговская	64,9	
25	Кіевская	63,3	
26	Самарская	63,0	
27	Подольская	62,5	
28	Минская	60,4	
29	Ярославская	60,0	
30	Харьковская	58,6	
31	Гродненская	58,4	
32	Новгородская	55,6	
33	Ставропольская	53,7	
34	Полтавская	53,0	
35	Оренбургская	50,7	
36	Екатеринославск.	50,5	
37	Волынская	50,4	
38	Херсонская	47,8	
39	Олонецкая	44,6	
40	Ковенская	39,5	
41	Таврическая	38,8	
42	Донская	38,0	
43	Вятская	34,8	
44	Виленская	34,2	
45	Астраханская	31,1	

Такимъ образомъ оказывается, что лишь въ шести губерніяхъ процентъ задолженности ниже срока, а въ 28—выше шестидесяти. Что касается до процентнаго отношенія заложенныхъ имѣній къ числу владѣльцевъ по девятой ревизіи, то оно въ общемъ было ниже того, что я называю процентомъ задолженности. Именно въ 1856 году было заложено лишь 39,11% имѣній, а въ 1859 году—39,54%. Этотъ фактъ указываетъ, что въ залогѣ преобладали болѣе крупныя имѣнія, что замѣчается какъ для всей Россіи, такъ и по отдѣльнымъ губерніямъ. Въ большинствѣ случаевъ средній размѣръ заложенныхъ имѣній былъ выше средняго размѣра всѣхъ имѣній данной губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, принявъ средній размѣръ имѣній въ каждой губерніи за единицу, мы получимъ слѣдующее выраженіе средняго размѣра заложенныхъ имѣній:

1	Астраханская	6,1	
2	Таврическая	5,5	
3	Олонецкая	4,6	
4	Полтавская	3,4	
5	Харьковская	3,2	
6	Воронежская	3,1	
7	Пермская	3,1	
8	Черниговская	3,1	
9	Курская	3,0	
10	Ковенская	2,7	
11	Минская	2,3	
12	Виленская	2,3	
13	Екатеринославская	2,1	
14	Новгородская	2,0	
15	Оренбургская	2,0	
16	Херсонская	2,0	

17	Тамбовская	1,9	
18	С.-Петербургская .	1,8	
19	Гродненская . . .	1,7	
20	Казанская	1,7	
21	Орловская	1,7	
22	Рязанская	1,7	
23	Могилевская . . .	1,7	
24	Саратовская . . .	1,6	
25	Волынская	1,6	
26	Самарская	1,6	
27	Смоленская	1,5	
28	Пензенская	1,5	
29	Витебская	1,5	
30	Вятская	1,5	
31	Псковская	1,4	
32	Симбирская	1,3	
33	Костромская . . .	1,3	
34	Тульская	1,3	
35	Подольская	1,2	
36	Тверская	1,1	
37	Владимірская . . .	1,1	
38	Московская	1,1	
39	Кіевская	1,0	
40	Калужская	1,1	
41	Ярославская . . .	1,1	
42	Вологодская . . .	1,0	
43	Нижегородская . .	1,0	

Изъ этой таблицы видно, что лишь въ восьми губерніяхъ мы находимъ размѣръ заложенныхъ имѣній близкимъ къ общему среднему для губерніи,—другими словами, только въ восьми губерніяхъ одинаково закладывали и крупные и болѣе мелкіе землевладѣльцы, во всѣхъ же остальныхъ главными заемщиками оказываются относительно крупнѣйшіе землевладѣльцы.

Выше мы видѣли, что самый продолжительный срокъ земельныхъ ссудъ изъ старыхъ кредитныхъ учрежденій доходилъ до 33 лѣтъ, вслѣдствіе чего отъ прекращенія ссуды въ 1859 году позднѣйшіе займы по этому разсчету должны бы были погаситься въ 1893 году. Вотъ естественный предѣлъ ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій. Но въ виду того, что отдѣльные долги заключались въ различное время, погашеніе ихъ также должно было наступить не въ одинъ и тотъ же годъ. Въ «Трудахъ» комиссіи для устройства земскихъ банковъ мы находимъ, между прочимъ, не безъинтересныя таблицы съ исчисленіемъ сроковъ погашенія долговъ по сохраннымъ казнамъ и государственному заемному банку. Изъ этихъ таблицъ оказывается, что къ 1883 году изъ 396 милл. земельныхъ долговъ должно было погаситься 228 милл. рублей. Сюда, правда, входятъ не однѣ ссуды подъ имѣнія, такъ какъ въ общей суммѣ заключаются ссуды, выданныя московскою сохранною казной казеннымъ вѣдомствамъ, впрочемъ на сумму не болѣе $2^1/_2$ милл. и 25 милл. руб. ссудъ изъ государственнаго заемнаго банка, не вошедшихъ въ составъ долга подъ населенныя имѣнія. Но эти долги въ большинствѣ

случаевъ были краткосрочные и потому едва ли мы ошибемся, допустивъ, что они вошли цѣликомъ въ сумму 228 милл. рублей. Такимъ образомъ съ 1883 года по приведеннымъ даннымъ надлежало остаться не погашенными 168 милл. рублей долговъ по прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ. Узаконеніе 1860 года о разсрочкѣ долговъ кредитнымъ установленіямъ должно было, впрочемъ, нѣсколько измѣнить разсчетъ коммиссіи земскихъ банковъ. Въ силу этого узаконенія, въ видахъ доставленія владѣльцамъ недвижимыхъ имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, средства избѣжать публичной продажи ихъ имѣній, разрѣшено было переложить долги по залогу населенныхъ имѣній, по желанію заемщиковъ, на тридцать семь лѣтъ, съ платежомъ пяти процентовъ интереса и одного процента погашенія *). Конечно, воспользоваться означеннымъ здѣсь правомъ представляло выгоды лишь неисправнымъ заемщикамъ, такъ какъ, оставаясь при прежнихъ условіяхъ ссудъ, при однихъ и тѣхъ же платежахъ быстрѣе погашался весь долгъ. Вопросъ о ликвидаціи старыхъ кредитныхъ учрежденій имѣетъ, какъ извѣстно, весьма близкое отношеніе къ выкупной операціи, почему при разборѣ послѣдней я еще буду останавливаться на немъ, а теперь коснусь главнѣйшихъ причинъ, которыя вызвали ликвидацію старыхъ кредитныхъ учрежденій, и остановлюсь нѣсколько на трудахъ коммиссіи для устройства земскихъ банковъ.

Основанныя на выдачѣ ссудъ деньгами безъ выпуска закладныхъ листовъ, дореформенныя кредитныя учрежденія требовали строгаго соотвѣтствія между вкладной и ссудной операціей, какъ скоро частные вклады сдѣлались главнымъ источникомъ ссудныхъ капиталовъ. А въ дѣйствительности, между тѣмъ, въ долгосрочныя ссуды выдавались даже такіе частные капиталы, которые приняты съ обязательствомъ возвратить ихъ по первому требованію. Всякій разъ поэтому, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ отливъ вкладовъ усиливался, кредитному учрежденію приходилось испытывать затрудненія и принимать въ ущербъ прочности кредита искуственныя мѣры для привлеченія вкладовъ. Съ подобными затрудненіями мы встрѣчаемся уже въ царствованіе императрицы Екатерины II, когда вкладная операція сравнительно была незначительна. Но въ пятидесятыхъ годахъ, когда кредитный и коммерческій оборотъ достигъ уже значительныхъ размѣровъ и

*) Второе „Поли. соб. зак.“, т. XXXV, № 36079.

живости, колебаніе прилива и отлива вкладовъ естественно должно было сдѣлаться еще сильнѣе, что дѣйствительно мы и замѣчаемъ. Въ 1852 г. поступило *больше*, чѣмъ востребовано, на 4,1 милл. руб., въ 1854 г. болѣе—на 5,5 милл., въ 1855 г.—на 32,22 милл., въ 1856 г.—на 52,5 милл., но затѣмъ въ 1857 г. уже поступило вкладовъ *менѣе*, чѣмъ востребовано, на 11,3 милл. руб., въ 1858 г. менѣе—на 54,8 и въ 1859 г.—на 104,42 милл. руб. Такой угрожающій отливъ вкладовъ, розданныхъ преимущественно въ долгосрочныя ссуды, дѣлалъ положеніе кредитныхъ учрежденій шаткимъ и требовалъ коренныхъ преобразованій въ нихъ. Но если даже оставить въ сторонѣ потребность въ общемъ преобразованіи существовавшихъ кредитныхъ учрежденій, которая обусловливалась развившимся къ этому времени промышленнымъ оборотомъ, земельный кредитъ кромѣ того нуждался въ существенныхъ измѣненіяхъ въ виду предстоявшей крестьянской реформы. Съ освобожденіемъ крестьянъ—все равно съ землею или безъ земли—прежній объектъ залога, ревизская душа, долженъ былъ уступить чему-нибудь другому. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, «по признанной необходимости измѣнить существующія нынѣ основанія производства ссудъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ населенныхъ имѣній, составлены были новыя правила для этихъ ссудъ не по числу душъ, а по количеству удобной земли, а впредь до окончательнаго разсмотрѣнія этихъ правилъ ссуды подъ населенныя имѣнія были прекращены» *).

Прекращеніе казенныхъ ссудъ не устраняло однако сильную потребность въ займахъ, къ которымъ привыкло помѣщичье сословіе,—необходимо было создать для удовлетворенія его какой-либо другой источникъ. Поэтому «для начертанія проекта земельныхъ банковъ, взамѣнъ всѣхъ прочихъ казенныхъ банковъ», занимавшихся операціями по поземельному кредиту, рѣшено было учредить при министерствѣ финансовъ коммиссію, пользуясь для сего присутствіемъ въ столицѣ, по случаю крестьянскаго дѣла, многихъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ нуждами разныхъ частей Имперіи».

Во всеподданнѣйшемъ по этому поводу докладѣ министръ финансовъ 1 сентября 1859 г. говорилось между прочимъ слѣдующее: «При постепенномъ упраздненіи обязательнаго труда въ

*) Именной указъ 16 апрѣля. Второе „Полное собраніе законовъ“, т. XXXIV, № 34379.

сельскомъ хозяйствѣ, встрѣтится *надобность въ оборотныхъ капиталахъ* и слѣдовательно въ пособіи поземельнаго кредита. По мѣрѣ выкупа крестьянскихъ усадебъ и полевыхъ угодій, остальная часть заложенныхъ владѣльческихъ земель будетъ освобождаться отъ залога и владѣльцы получатъ возможность закладывать ихъ вновь, дабы воспользоваться ссудами, необходимыми для устройства хозяйства на новыхъ началахъ. Наконецъ *самый выкупъ* крестьянскихъ угодій не можетъ совершиться безъ помощи кредита» *).

Подчеркиваемъ два главнѣйшихъ мотива, которые приведены были министромъ финансовъ въ подтвержденіе необходимости земскихъ или земельныхъ банковъ: *потребность въ оборотномъ капиталѣ и выкупъ крестьянскихъ угодій*. Впослѣдствіи вторая часть первоначальной задачи коммиссіи для устройства земскихъ банковъ отошла отъ нея къ особой финансовой коммиссіи въ средѣ редакціонныхъ—къ коммиссіи для начертанія проекта выкупа крестьянскихъ земель; но первоначально выкупъ не только въ понятіяхъ публики, но отчасти и самого правительства совпадалъ съ вопросомъ о земскихъ банкахъ.

Приступая къ выполненію своей задачи, коммиссія для устройства земскихъ банковъ начала съ того, что обратилась къ сравненію нашей прежней кредитной системы съ земельными учрежденіями другихъ странъ. Признавъ превосходство за иностранными образцами, коммиссія пришла къ заключенію, что «коренное ихъ различіе заключается прежде всего въ той государственной банковой монополіи, на которой построена была вся система нашихъ кредитныхъ установленій и которая, по необходимости, обусловливала собою все послѣдующее развитіе и исторію нашихъ банковъ. Въ то же время болѣе правильная организація земскихъ банковъ, сопровождавшаяся, по мнѣнію коммиссіи, столь благодѣтельными послѣдствіями для народнаго хозяйства во многихъ странахъ и доказавшая свою состоятельность многими лѣтами опыта, неразрывно связана съ началами частнаго кредита». Поэтому коммиссія признала невозможнымъ приступить къ какимъ-либо существеннымъ преобразованіямъ въ операціяхъ нашихъ кредитныхъ установленій по земельному кредиту, съ сохраненіемъ имъ характера казенныхъ учрежденій, и положила принять за

*) „Труды коммиссіи, Высочайше утвержденной для устройства земскихъ банковъ", т. IV. С.-Пб. 1862 г. „Отчетъ", стр. 3.

основаніе и цѣль всѣхъ своихъ предположеній *систему частныхъ банковъ*» *). Мы видимъ изъ приведенныхъ словъ, что въ коммиссіи составилось довольно твердое убѣжденіе, что стоитъ только отказаться отъ казенныхъ банковъ и предоставить въ этомъ отношеніи свободное развитіе частной иниціативѣ и предпріимчивости—и все пойдетъ отлично, и кредитъ вмѣсто того, чтобы служить непроизводительнымъ цѣлямъ, дастъ самыя благодѣтельныя послѣдствія для народнаго хозяйства. Читатель, который внимательно пробѣжалъ сдѣланный мною историческій очеркъ, легко пойметъ ошибку коммиссіи. Главная причина неутѣшительныхъ результатовъ, къ которымъ привело столѣтіе дѣятельности нашихъ прежнихъ кредитныхъ установленій, заключалась вовсе не въ казенной системѣ, а въ неправильной постановкѣ ссудной операціи подъ залогъ недвижимаго имущества, на вкладной операціи и, затѣмъ, въ постоянныхъ отступленіяхъ отъ закона. Небрежное веденіе дѣла, всевозможныя льготы, отсрочки и причисленіе недоимокъ къ капитальному долгу и т. п.—вотъ что привело къ необходимости ликвидаціи. Не столько законъ, сколько отступленіе отъ него портило дѣло, и едва ли мы ошибемся, полагая, что еслибы во весь разсмотрѣнный періодъ не имѣли бы мѣста постоянныя льготы, не оправдываемыя чрезвычайными обстоятельствами, то земельный кредитъ не привелъ бы къ такой громадной суммѣ поземельныхъ долговъ, какую мы видимъ передъ крестьянскою реформой и которая имѣла слишкомъ малую связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Что государственная кредитная операція, основанная на ссудахъ подъ обезпеченіе землею, можетъ дать блестящіе финансовые результаты, это мы увидимъ ниже, при разсмотрѣніи выкупной операціи. Но, какъ бы то ни было, несмотря на неправильную исходную посылку, коммиссія для устройства земскихъ банковъ пришла къ совершенно правильной постановкѣ вопроса о крупномъ земельномъ кредитѣ, отдавъ предпочтеніе частнымъ банкамъ. Въ самомъ дѣлѣ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ всегда представлялъ у насъ часть общества, поставленную—не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ смыслѣ умственнаго развитія и образованности—въ привилегированное положеніе. Кто же у насъ игралъ главную роль въ дореформенномъ управленіи государства, какъ не тѣ же крупные землевладѣльцы, главные заемщики въ старыхъ кредитныхъ

*) Тамъ же. „Отчетъ“, стр. 6.

учрежденіяхъ? Поэтому съ самаго начала дѣло поземельнаго кредита можно было предоставить собственнымъ силамъ помѣщичьяго сословія, хотя бы и съ нѣкоторою поддержкой со стороны правительства, подобно тому, какъ это было при организаціи перваго земледѣльческаго кредитнаго товарищества въ Пруссіи.

Мнѣ могутъ возразить на это, что большая разница въ развитіи между нашимъ помѣщичьимъ сословіемъ Екатерининской эпохи и нѣмецкимъ дворянствомъ временъ Фридриха Великаго, какъ и между общимъ экономическимъ развитіемъ обѣихъ странъ. Это вѣрно. Справедливо и то, что дѣло земельнаго кредита, построенное съ самаго начала по западноевропейскому образцу, у насъ пошло бы значительно хуже, и русскимъ закладнымъ листамъ пришлось бы переживать гораздо большіе кризисы, чѣмъ нѣмецкимъ; но во всякомъ случаѣ развитіе земельнаго кредита едва ли при этомъ шло бы хуже, чѣмъ при прежнихъ казенныхъ учрежденіяхъ, а что самое главное—вредныя послѣдствія этого несли бы на себѣ преимущественно ближе всего заинтересованные, а не все населеніе.

Устройство земельно-кредитныхъ учрежденій на проектированныхъ коммиссіей началахъ не сразу получило примѣненіе въ жизни. Первое частное учрежденіе возникло въ 1864 году, когда былъ основанъ херсонскій земскій банкъ, и затѣмъ въ 1866 г. началась дѣятельность общества взаимнаго поземельнаго кредита. Слѣдовательно, съ прекращенія ссудъ изъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій въ 1859 г. и до открытія дѣйствія общества взаимнаго поземельнаго кредита большинство помѣщиковъ оставались безъ спеціальнаго кредитнаго учрежденія, откуда въ случаѣ нужды можно было бы получить ссуду. Однако, благодаря освобожденію крестьянъ въ связи съ выкупной операціей, прежніе помѣщики получили облегченіе и обильный источникъ денежныхъ средствъ, которыми могли воспользоваться по желанію.

Согласно Высочайше утвержденному 12 февраля 1862 года мнѣнію государственнаго совѣта «о мѣрахъ облегченія помѣщиковъ въ уплатѣ ихъ долговъ кредитнымъ установленіямъ и въ устройствѣ ихъ хозяйствъ», владѣльцы заложенныхъ оброчныхъ имѣній, по коимъ составляли и утверждали уставныя грамоты, могли переводить долгъ кредитнымъ установленіямъ на отведенныя крестьянамъ земли, причемъ долгъ долженъ былъ быть не менѣе какъ на 30% ниже выкупной суммы крестьянскаго надѣла и чтобъ отведенный крестьянскій надѣлъ былъ не менѣе тѣхъ

размѣровъ, которые установлены ст. 56—59 Положенія 19 февраля. Выкупныя свидѣтельства было разрѣшено принимать по нарицательной цѣнѣ въ погашеніи долговъ кредитнымъ установленіямъ *). Кромѣ того, при заключеніи выкупныхъ сдѣлокъ, прежніе долги кредитнымъ установленіямъ переводились также на крестьянскія земли, причемъ у помѣщиковъ въ большинствѣ случаевъ долженъ былъ оставаться еще чистый остатокъ отъ выкупной ссуды. Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, послужилъ ли этотъ источникъ и выкупныя ссуды вообще средствомъ для ослабленія задолженности нашего крупнаго землевладѣнія. Теперь же, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію современной организаціи земельнаго кредита и задолженности землевладѣнія, коснемся еще одной стороны дѣятельности коммиссіи для устройства земскихъ банковъ.

Со времени дѣятельности этой коммиссіи прошло уже двадцать лѣтъ, и для новаго поколѣнія она отошла въ область исторіи. Кому приходилось знакомиться съ объемистыми трудами коммиссіи,—а это необходимо всякому русскому, изучающему вопросъ о поземельномъ кредитѣ,—тотъ отлично знаетъ солидныя внутреннія достоинства этихъ трудовъ. Но кромѣ того дѣятельность коммиссіи представляетъ одну сторону, весьма поучительную даже для насъ, кому приходится дѣйствовать на двадцать лѣтъ позже, а вѣдь двадцатилѣтній опытъ въ общественномъ развитіи—не бездѣлица.

Я разумѣю здѣсь ту широкую гласность, какая дана была трудамъ коммиссіи. Благодаря ей, вопросъ о земельномъ кредитѣ, несмотря на свою относительную спеціальность, возбудилъ самые оживленные толки какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ. Рядъ разнообразнѣйшихъ статей появился въ періодической печати по вопросу о земскихъ банкахъ и по поводу «Трудовъ» коммиссіи вообще. Критика, одобреніе, указанія, рѣзкія нападки, не всегда справедливые и основательные — всего было достаточно. Не краткіе газетные репорты, которые нерѣдко передаютъ въ искаженномъ видѣ сущность дѣла, а самые «Труды», подлинные проекты и т. п. могли свободно обсуждать печать и общество. Спрашивается, не пострадало ли отъ этого дѣло? Быть-можетъ это мѣшало занятіямъ коммиссіи, сбивало ее съ правильнаго пути?—Отвѣтимъ на всѣ эти вопросы подлинными словами оф-

*) Второе „Полн. собраніе законовъ", т. XXXII, № 37970.

фиціальнаго отчета. Правда, отчетъ сперва какъ бы жалуется на пристрастное иногда отношеніе къ трудамъ комиссіи, но и на это мы находимъ оправданіе въ самомъ отчетѣ. «Неудовольствіе публики находило,—говоритъ онъ,—слишкомъ много для себя пищи въ другихъ болѣзненныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ времени, не настолько поддававшихся гласному обсужденію, какъ «Труды» комиссіи земскихъ банковъ, — слишкомъ много пищи, чтобы не излить на послѣдніе запасовъ горечи, накопленныхъ другими вопросами». Какъ бы то ни было, дѣйствительно критическія литературныя статьи «принесли, — говоритъ отчетъ, — огромную пользу разрѣшенію вопроса, внося въ него тотъ элементъ независимаго, неподкупнаго суда, котораго всегда недостаетъ чисто-бюрократическому движенію государственныхъ вопросовъ и который необходимъ для ихъ уясненія въ сознаніи самихъ лицъ, распоряжающихся окончательнымъ на нихъ отвѣтомъ. Даже движенія чувствъ въ разныхъ группахъ общества, соприкасающихся своими интересами съ дѣломъ земскихъ банковъ, были для него полезны, какъ ни мало было въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сознательныхъ причинъ и требованій, ибо даже чувства и инстинкты публики должны входить въ разсчетъ всякаго правительственнаго дѣйствія по публичному вопросу. Наконецъ, *даже горькія обвиненія, которымъ въ теченіе времени, хотя и съ весьма противоположныхъ сторонъ, подвергалась коммиссія земскихъ банковъ и нападки на нее, иногда весьма придирчивыя, послужили къ болѣе яркому освѣщенію нѣкоторыхъ сторонъ вопроса и можетъ-быть отчасти слабыхъ сторонъ Трудовъ коммиссіи*» *).

Оживленіе, которое въ обществѣ было вызвано вопросомъ объ устройствѣ земскихъ банковъ, не ограничивалось однимъ разборомъ предположеній коммиссіи. Въ правительство стали поступать различные проекты устройства ипотечныхъ банковъ, изъ которыхъ большинство по тѣмъ или другимъ причинамъ остались только на бумагѣ **). Однимъ изъ самыхъ выдающихся и обратившихъ на себя вниманіе общества былъ проектъ «Тверскаго земскаго банка»—акціонерной компаніи, смѣшанной изъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Учредителями явились помѣщики Тверской губерніи. Этотъ проектъ былъ выдающимся въ томъ отношеніи, что главною своей цѣлью ставилъ выкупъ крестьянскихъ

*) „Труды коммиссіи“, т. IV. „Отчетъ“, стр. 29 и слѣд.
**) Тамъ же. „Отчетъ“, стр. 57 и слѣд.

земель. Проектъ этотъ утвержденъ не былъ, и главнымъ образомъ потому, что правительство не признало возможнымъ разрѣшить тверскому банку всѣ разсчеты производить на звонкую золотую и серебряную монету, а не на кредитный рубль *).

Содѣйствіе выкупу крестьянскихъ надѣловъ, которое хотѣлъ поставить себѣ цѣлью тверской земскій банкъ, было взято на себя, какъ извѣстно, правительствомъ и крупный кредитъ былъ, такимъ образомъ, совершенно отдѣленъ отъ крестьянскаго, проявившагося на первый разъ въ выкупной операціи. Между тѣмъ какъ для первыхъ руководящими началами были признаны основанія, выработанныя коммиссіею земскихъ банковъ,—для крестьянскаго земельнаго кредита былъ оставленъ принципъ казенныхъ государственныхъ учрежденій.

Это раздвоеніе въ организаціи земельнаго кредита,—раздвоеніе вполнѣ основательное,—побуждаетъ и меня посвятить отдѣльныя самостоятельныя статьи разсмотрѣнію современнаго положенія вопроса о земельномъ кредитѣ для крупныхъ землевладѣльцевъ съ одной стороны и для крестьянъ—съ другой.

Леонидъ Ходскій.

---

*) Тамъ же. „Отчетъ“, стр. 67.

НОВАЯ ИРЛАНДІЯ.

М. А. Салливана.

(Переводъ съ англійскаго.)

XVII *).

Заговоръ Фёникса.

Если отсутствіе политической жизни и дѣятельности можно назвать покоемъ, а столбнякъ — отдыхомъ, то Ирландія въ періодъ отъ 1852 до 1858 г. наслаждалась ими вполнѣ; она испытывала ту пріостановку агитаціи, которую многіе политическіе авторитеты провозгласили единственно необходимою вещью для ея процвѣтанія и счастья. Съ подавленіемъ движенія за арендное право въ 1852 г. наступило состояніе, которое должно было радовать сердца многихъ. Еще ни разу со времени эмансипаціоннаго движенія 1829 г. Ирландія не оставалась безъ такого или иного общественнаго движенія, служившаго выраженіемъ народныхъ стремленій. Одно время такая политическая дѣятельность, многимъ казавшаяся достойною сожалѣнія, выливалась въ форму эмансипаціи католиковъ, въ другое — въ форму реформы корпорацій, въ третье—въ форму вопроса о десятинѣ, въ теченіе долгаго времени—въ форму «отмѣны», въ теченіе очень короткаго—въ форму поземельно-арендnаго права. Но теперь храмъ Януса былъ совершенно запертъ. Политическая жизнь прекратилась. Послѣдняя попытка массы ирландскаго народа добиться улучшенія въ предѣлахъ конституціи была обманута и раздавлена. Путемъ искуснаго «патронажа» правительство купило вождей и разбило всѣ надежды и планы членовъ лиги. Никакое прямое по-

*) *Русская Мысль* 1881 г., кн. X.

литическое пораженіе не могло бы нанести такого рѣшительнаго удара народной организаціи. Это не было простою неудачей и бѣгствомъ народа съ поля нормандской битвы, но такимъ пораженіемъ, которое не допускало обновленія. Вѣра другъ въ друга, довѣріе къ вождямъ, упованіе на конституціонныя попытки—все, все было сметено прочь. Поверхностному наблюдателю могло показаться, что Ирландія въ 1856 году была «умиротворена» гораздо дѣйствительнѣй и полнѣй, чѣмъ когда бы то ни было со времени Стронгбоу. Отчизна была похоронена. Недовольство исчезло. О національности не упоминалось. Не раздавалось ни одной жалобы. Не осталось ни одного, даже деревенскаго, арендаго клуба. Народъ больше не интересовался политикой. Кто входилъ и кто выходилъ изъ парламента, это до него не касалось. Не слышно было больше голоса «агитатора». Все молчало. Миромъ и покоемъ называли это одни,—мрачнымъ индифферентизмомъ и горькимъ отчаяніемъ считали другіе.

Я не думаю, чтобы въ самые мрачные дни восемнадцатаго столѣтія въ Ирландіи господствовалъ больший упадокъ общественнаго духа, болѣе низкій уровень политической нравственности, чѣмъ въ это время. Холодъ разочарованія и потрясеніе предыдущими событіями гнали лучшіе элементы живаго общества въ уединеніе. Свирѣпое ожесточеніе и безпощадная ненависть, которыми сопровождались разногласія и недоразумѣнія во время этихъ событій, напоминали скорѣе дикую звѣрильясную войну, чѣмъ правильное политическое сраженіе. При такихъ обстоятельствахъ общественная жизнь была почти вполнѣ принесена въ жертву личнымъ стремленіямъ и похожденіямъ. Вѣра, честность, основательность, искренность въ политическихъ дѣлахъ—цинически третировались и осмѣивались. «Каждый самъ для себя, а замокъ*) для всѣхъ»—было девизомъ дни. Политическая арена превратилась въ рынокъ, на который выносилось все съ цѣлью получить хорошую цѣну; самый ловкій спекуляторъ заслуживалъ наибольшей похвалы. Такова была политическая Ирландія въ 1856 году.

Расколъ, происшедшій въ рядахъ Молодой Ирландіи или конфедеративной партіи въ 1848 году, о которомъ рѣчь шла въ прошлой главѣ, въ сущности никогда уже не исчезалъ. Принципы, развиваемые на той и другой сторонѣ, были глубоко различны и рѣзко разграничены. Большая часть національной

*) Замкомъ въ Дублинѣ называется зданіе, гдѣ помѣщаются всѣ правительственныя учрежденія. *Прим. переводчика.*

партіи, хотя и была увлечена во время горячки 1848 г. въ открытое возстаніе, держалась взглядовъ О'Брайена, Мигера, Диллона, Дуффи, О'Гормена и Догерти, выраженныхъ ими во время дебатовъ на конфедераціи 4 февраля того же года. Они никогда не основывали своей политики на революціи. На нее смотрѣли какъ на случайность, которой нельзя избѣжать въ силу гнетущихъ обстоятельствъ, но отнюдь не считали ее вещью практической и нужной. А между тѣмъ меньшинство относилось къ революціи не только какъ къ возможной случайности, но какъ къ вещи, о которой только и стоитъ заботиться, которую стоитъ приготовлять. За неудачу послѣдняго возстанія они винили политику «розовой воды» Дуффи и О'Брайена. Уязвленная гордость и горечь сожалѣнія, съ которыми они относились къ результатамъ неудачной попытки, усиливали ихъ недовольство. Они никоимъ образомъ не хотѣли признавать того, что случилось, за примѣръ ихъ политики, принциповъ и плановъ. Орудіе дурно дѣйствовало—вотъ и все. Когда они увидѣли, что Гаванъ Дуффи, по выходѣ изъ тюрьмы, снова возвращается къ конституціонной и парламентской политикѣ, въ органѣ *Nation*, ихъ гнѣвъ и презрѣніе не знали границъ. Они осыпали его упреками и бранью. Тѣмъ не менѣе онъ велъ за собой страну, а О'Брайенъ, Мигеръ, О'Догерти и другіе политическіе заключенные одобряли и оправдывали его поведеніе. Хотя немногіе сепаратисты на время и были принуждены замолчать, но они продолжали смотрѣть на политику *Nation* съ нескрываемою враждой.

Эти два элемента національной партіи и ихъ борьбу можно прослѣдить во всей ирландской политической жизни, начиная съ 1848 года, и всегда нужно имѣть въ виду. Половина ошибокъ англійскихъ политиковъ относительно внутреннихъ дѣлъ Ирландіи вытекаетъ изъ незнанія этого факта. Вѣрная оцѣнка его результатовъ составляетъ ключъ ко многимъ, повидимому совершенно непонятнымъ, явленіямъ. Конституціонные націоналисты, считающіе своимъ основателемъ Генри Граттана, и революціонные націоналисты, ведущіе свое начало отъ Вольфа Тона, дѣйствовали и до сихъ поръ дѣйствуютъ на ирландской политической аренѣ то въ согласіи, то враждуя.

При томъ увлеченіи, съ которымъ народъ воспринималъ агитацію за аренднос право въ 1850 году, сепаратистскіе и революціонные принципы, имѣвшіе минутный успѣхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, казалось, совершенно исчезли въ Ирландіи; за то въ

Америкѣ и другихъ мѣстахъ изгнанники 1848 года, за двумя или тремя важными исключеніями, неуклонно продолжали держаться насильственныхъ пріемовъ того времени. Двое изъ этихъ бѣглецовъ, Джонъ О'Мегони и Джемсъ Стефенсъ, послѣ своего побѣга изъ Ирландіи въ 1848 году на время остановились въ Парижѣ. Они вошли тамъ въ общество людей, которые играли въ «годъ революцій» въ различныхъ странахъ Европы, начиная отъ Вѣны до Рима, почти ту же самую роль, какъ и въ Ирландіи. Проживши во французской столицѣ нѣсколько лѣтъ, О'Мегони отправился въ Америку, Стефенсъ же спокойно возвратился въ Ирландію и поступилъ частнымъ учителемъ въ одинъ богатый домъ близъ Килларней. Прежде чѣмъ разстаться, они пришли къ заключенію, что если ихъ принципамъ представится когда-нибудь снова случай осуществиться въ Ирландіи, то это должно быть сдѣлано путемъ искусной тактики, изученной ими въ Парижѣ. Но они сильно опасались, что реакціонное движеніе, какъ они его называли, народной партіи подъ руководствомъ Дуффи отодвинуло этотъ случай на весьма долгое время.

Они сами не подозрѣвали, какъ онъ былъ близокъ. Пораженіе и подавленіе арендной лиги до крайности надломило вѣру народа въ подобныя политическія попытки, а слѣдовательно очистило поле и устранило препятствія, мѣшавшія планамъ мечтательныхъ конспираторовъ. Такимъ образомъ «тишина» въ ирландской политикѣ съ 1852 до 1858 годовъ, доставлявшая такъ много удовольствія поверхностнымъ наблюдателямъ, была въ дѣйствительности однимъ изъ самыхъ опасныхъ симптомовъ въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Однако-жь разочарованіе было такъ велико, враждебность чувствъ такъ глубока, что хотя народъ и отказался отъ конституціонныхъ попытокъ, но ни откуда еще не слѣдовало, что онъ готовъ испробовать другія. Въ теченіе долгаго времени не представлялось случая устроить какой-нибудь революціонный опытъ.

Лѣтомъ 1857 года Смитъ О'Брайенъ, освобожденный передъ тѣмъ изъ Гобартъ-Тауна подъ условіемъ не пріѣзжать въ Ирландію, получилъ безусловную амнистію и позволеніе возвратиться. Его прежнія права состоянія были вполнѣ возстановлены во всѣхъ отношеніяхъ, исключая правъ брата пера, такъ какъ его братъ по случаю смерти маркиза Томонда сдѣлался лордомъ Инчиквиномъ. Народное удовольствіе по случаю его возвращенія и предложеніе ему отправиться въ парламентъ представителемъ одного

изъ округовъ составляли почти единственные признаки народнаго интереса къ политикѣ того времени. Однако-жъ онъ отказался занять какое бы то ни было выдающееся положеніе въ текущей общественной жизни, хотя отнюдь не отказывался отъ интереса въ ирландскихъ дѣлахъ. Лѣто 1858 года онъ посвятилъ на спокойный объѣздъ страны, очевидно желая видѣть, какія перемѣны принесли ей только-что истекшія и полныя событіями десять лѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его встрѣчали выраженіями уваженія и симпатіи, хотя онъ избѣгалъ и, казалось, даже осуждалъ какія бы то ни было «публичныя демонстраціи». Въ Клонмелѣ, городѣ, гдѣ надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ, какъ надъ измѣнникомъ, ему поднесли адресъ, на что онъ отвѣтилъ съ тѣмъ спокойнымъ достоинствомъ и непоколебимостью своего принципа, которые всегда были его характеристическими чертами. Онъ съ грустью упомянулъ о событіяхъ 1848 года, но съ гордостью замѣтилъ, что убѣжденія и принципы, за которые онъ тогда готовъ былъ сложить свою голову—право Ирландіи на свою національную конституціонную форму правленія — остались въ немъ по-прежнему тверды и навсегда непоколебимы. Это открытое провозглашеніе вызвало у *Times* замѣчательную статью,— замѣчательную съ точки зрѣнія событій близкаго будущаго. Англійскій журналъ объявлялъ, что «рѣчь этого беззубаго льва никого не безпокоитъ. Ирландское недовольство умерло, похоронено и никогда больше не будетъ уже возмущать Англію. Спокойствіе, довольство, вѣрность ирландскаго народа доказали, что дни агитаторовъ и возмущеній прошли и никогда болѣе не возвратятся».

Пока *Times*, такимъ образомъ, старался насмѣшливо уколоть О'Брайена, правительство въ Дублинскомъ замкѣ приготовлялось накрыть новую конспирацію и не дальше какъ въ томъ же мѣсяцѣ намъ еще разъ пришлось жить среди прокламацій, полицейскихъ обысковъ, арестовъ и политическихъ процессовъ.

Взрывъ индійскаго мятежа сильно оживилъ революціонную партію среди ирландцевъ какъ на родинѣ, такъ и въ Америкѣ. Онъ казался началомъ длинной и гибельной для Англіи борьбы, а можетъ-быть и ея паденія. По этому случаю, какъ и во время Крымской войны, изъ Ирландіи были выведены всѣ войска. Вотъ,— говорили революціонеры,—два момента, удобные для возстанія и потерянные вслѣдствіе неготовности. Съ этихъ поръ было рѣшено положить начало давно задуманному проекту тайнаго общества.

Около этого времени въ городѣ Скиберинѣ нѣсколько молодыхъ людей—прикащиковъ и другихъ—основали политическій клубъ или читальню, подъ именемъ «Фениксово національное и литературное Общество». Оно могло бы остаться неизвѣстнымъ за предѣлами своего околодка, какъ и многія другія подобныя учрежденія, еслибы въ маѣ 1858 года его не посѣтилъ Джемсъ Стефенсъ. Онъ былъ пораженъ независимымъ и даже вызывающимъ духомъ нѣкоторыхъ замѣчаній на митингахъ этого общества, отчеты о которыхъ появились въ газетахъ, и рѣшилъ, что между этими людьми онъ сможетъ найти матеріалъ для своей работы. Въ этомъ отношеніи особенно выдавался своей беззаботною смѣлостью и рѣшительнымъ характеромъ одинъ изъ нихъ, уже очень популярный, хотя и молодой еще, человѣкъ, котораго «власти» Скиберина называли «зачинщикомъ», это—нѣкій Іеремія Донованъ. Онъ не только занимался изученіемъ гальскаго языка, но также выражалъ не малую любовь къ историко-генеологическимъ изслѣдованіямъ, что вызывало истинную тревогу среди мѣстнаго дворянства. Онъ очень скоро присоединилъ къ своему имени «О»; а такъ какъ его родственники принадлежали къ Россѣ, то принялъ знаменитую гальскую приставку «Rossa» *) и началъ съ тѣхъ поръ подписывать свое имя—хорошо извѣстное теперь въ Ирландіи, Англіи и Шотландіи—«Іеремія О'Донованъ Росса».

Однажды вечеромъ въ маѣ 1858 года къ О'Донованъ или «Россѣ», какъ быть-можетъ удобнѣй его называть, хотя сначала довольно долгое время онъ не былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ,—пришелъ его товарищъ, имѣвшій сообщить ему нѣчто важное по секрету. Въ городъ пріѣхалъ таинственный «иностранецъ» съ поразительнымъ порученіемъ. «Американскіе ирландцы,—сказалъ онъ,—рѣшили помогать товарищамъ на родинѣ завоевать независимость Ирландіи; помощь должна состоять изъ оружія и людей». Росса разсказываетъ остальное: «Еслибы мы имѣли извѣстное число людей, понявшихся драться, мы получили бы здѣсь, въ Ирландіи, соотвѣтствующее количество оружія, а кромѣ того отъ пяти до десяти тысячъ вооруженныхъ людей прежде начала дѣла. Оружіе было бы въ странѣ раньше, чѣмъ въ немъ могла оказаться надобность; оно не было бы роздано по рукамъ, но хранилось бы въ секретныхъ мѣстахъ до назна-

*) Такимъ образомъ когда-то различались одно отъ другаго подраздѣленія ирландскихъ семействъ или клановъ: напр., „О'Коннеръ Керри“ и „О'Суливанъ Биръ“ и т. п.

ченнаго времени, когда каждый центръ могъ бы придти со своими людьми на мѣсто и взять его. Какъ только явились бы люди, готовые драться, мы получили бы и военныхъ наставниковъ, которые выучили бы насъ быть солдатами».

Ничто не могло быть больше по сердцу Россѣ, чѣмъ это предпріятіе. Онъ ухватился за это, какъ самъ говоритъ про себя, и «на слѣдующій день уже присоединилъ къ обществу нѣсколькихъ другихъ и посовѣтовалъ имъ идти и дѣлать то же». Не прошло и мѣсяца, какъ изъ ста молодыхъ людей, записанныхъ въ «Литературномъ Обществѣ», девяносто были включены въ тайную организацію.

Таково начало фенianизма. Таинственный незнакомецъ былъ Джемсъ Стефенсъ.

Онъ хорошо зналъ, что національная партія, насколько она представлялась Смитомъ О'Брайеномъ и Гаваномъ Дуффи въ газетѣ *Nation*, будетъ противъ этой попытки и что на дѣлѣ этотъ проектъ навѣрно оживитъ вражду между двумя партіями.

Прежде никакое народное или національное движеніе, ни явное, ни тайное, не могло бы существовать при оппозиціи *Nation*; но теперь явились причины не обращать вниманія на это затрудненіе. Пораженіе парламентской политики Дуффи, благодаря предательству Сейдлера Кёфа, ослабило вліяніе *Nation*, а кромѣ того только незадолго передъ этимъ я, пишущій эти строки, еще малосвѣдующій, молодой и лишенный громаднаго опыта и вліянія Дуффи, замѣстилъ его въ газетѣ. Между тѣмъ въ юго-западномъ углу острова, образованномъ частями графствъ Коркъ и Керри, шла быстрая вербовка, причемъ тайна вовсе не соблюдалась. Въ теченіе лѣта до меня дошло извѣстіе, что многіе совершенно свободно смѣшиваютъ имена Смита О'Брайена, Джона Митчеля, мое и другихъ съ таинственными слухами о силѣ движенія и объ одобреніи его нами. Я не уяснилъ себѣ, стоило ли отвергать эти разсказы или нѣтъ; молчать же — значило брать на себя серьезную нравственную отвѣтственность. Я не могъ сказать, какъ смотрѣлъ на это дѣло Митчель,—онъ былъ въ Америкѣ,—но было основаніе думать, что онъ относился къ нему благопріятно *). Взгляды же другихъ двухъ, и особенно Смита О'Брайена, я навѣрно зналъ, не имѣли ничего общаго ни съ чѣмъ подобнымъ. Между тѣмъ явилось но-

*) Впослѣдствіи я узналъ, что я въ этомъ ошибался.

Прим. автора.

вое побуждающее обстоятельство. Католическій епископъ Керри, высокопреподобный д-ръ Моріарти, былъ у меня и сказалъ, что онъ часъ тому назадъ слышалъ отъ правительственнаго чиновника о тайномъ «Обществѣ Фѣникса» въ его эпархіи. «Не слѣдуетъ легко относиться къ этому дѣлу,—сказалъ онъ:—правительство готовится взглянуть на него серьезно и обладаетъ для этого всѣми данными. Дружеское предупрежденіе въ *Nation* можетъ отвратить опасность и обратить этихъ молодыхъ людей на путь разума. Во всякомъ случаѣ вы спасете многихъ отъ грозящей катастрофы». Другія газеты уже открыто упоминали объ этомъ дѣлѣ; однако-жъ мнѣ не хотѣлось выступать въ *роли* «доносителя». Я совѣтовался съ Джономъ Диллономъ, Кевиномъ О'Догерти и другими друзьями, находившимися по близости; я написалъ Смиту О'Брайену, излагая положеніе дѣла и спрашивая совѣта, что мнѣ дѣлать, спрашивалъ его, не получится ли отъ всякаго публичнаго вмѣшательства больше вреда, чѣмъ пользы. Католическое духовенство, пораженное во всемъ округѣ тайной организаціей, рѣшило сейчасъ же, и самымъ энергичнымъ образомъ, вмѣшаться. Одновременно со всѣхъ алтарей въ католическихъ церквахъ было провозглашено объ этомъ дѣлѣ; народъ убѣждали не вмѣшиваться въ это дѣло и избѣгать заговора. О'Брайенъ въ отвѣтъ на мой вопросъ прислалъ письмо, которое хотѣлъ видѣть тотчасъ же въ печати; онъ былъ того мнѣнія, что мы обязаны всѣми силами противодѣйствовать такимъ попыткамъ отождествить ирландское національное дѣло съ тайной организаціей. Я больше не колебался. Я не только опубликовалъ письмо О'Брайена, согласно его желанію, но въ сильныхъ выраженіяхъ отъ себя обратился къ ирландскимъ патріотамъ, убѣждая ихъ отказаться отъ явныхъ опасностей и деморализующихъ результатовъ тайныхъ обществъ. Я не менѣе всѣхъ народныхъ вождей ненавидѣлъ правительственные планы уничтожить нашу національную независимость, но я не напрасно изучалъ исторію тайныхъ организацій, основанныхъ на клятвѣ. Я зналъ все, что могло быть сказано въ ихъ пользу въ смыслѣ средствъ революціонировать страну; но, по моему мнѣнію, даже въ самыхъ твердыхъ и лучшихъ рукахъ они имѣли прямую тенденцію деморализировать общество и часто бывали въ цѣломъ болѣе гибельны для общества, чѣмъ открытая тиранія. Вступая по этому случаю въ войну съ тайными вождями движенія, я зналъ, что рискую очень многимъ; но, какъ оказалось потомъ, я далеко

не зналъ всего. Ни одинъ шагъ во всей моей жизни не приносилъ мнѣ столько страданій и жертвъ въ теченіе многихъ слѣдующихъ лѣтъ, какъ этотъ. Ведя такой журналъ, какъ *Nation*, я не имѣлъ другого выбора, какъ молчать. Всякое двусмысленное положеніе было бы и подло, и трусливо. Теперь же не только общество, но и собственная совѣсть налагала на меня обязанность говорить и дѣйствовать, и я сдѣлалъ это. Результатъ показалъ, что вліянію *Nation* придавали гораздо меньшее значеніе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; или быть-можетъ мнѣ слѣдуетъ прибавить: вліяніе *Nation* въ связи съ воззваніями католическаго духовенства. Вербовка остановилась и движеніе на нѣкоторое время, казалось, исчезло. Вліяніе рѣшительныхъ и дружескихъ совѣтовъ народу было такъ велико, что я дѣйствительно былъ убѣжденъ, что мы ничего больше не услышимъ объ Обществѣ Фѣникса, однако-жъ случилось не такъ. Правительство, которое давно уже имѣло въ своихъ рукахъ всѣ нити дѣла, не хотѣло отказаться отъ сенсаціонной процедуры подавленія этого заговора. 3-го декабря 1858 года появилась вице-королевская прокламація, объявляющая о существованіи такой общественной опасности. Нѣсколько дней спустя сдѣлано одновременное нападеніе на фѣниксовцевъ въ Скиберинѣ, Бантри, Кенмарѣ и Киларней. Королевство снова было встревожено зрѣлищемъ терроризирующихъ арестовъ и политическихъ преслѣдованій. На это вообще смотрѣли какъ на «толканіе отверзенныхъ воротъ», и жестокость, допущенная въ обращеніи съ нѣкоторыми арестантами—молодыми людьми хорошаго поведенія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ уважаемыми въ своихъ околодкахъ, вызвала живое сочувствіе къ нимъ въ обществѣ. Какъ бы то ни было, правительство, повидимому, рѣшило отнестись къ дѣлу очень серьезно. Въ графствѣ Керри и Коркъ, гдѣ нѣсколько десятковъ заключенныхъ ожидали надъ собою суда, были назначены спеціальныя коммиссіи. Въ мартѣ 1859 г. весь штатъ коронной прокуратуры, подъ предводительствомъ генералъ-прокурора и члена парламента м-ра Уайтсайда, началъ свои засѣданія въ Тралѣ. Первымъ былъ вызванъ учитель національной школы по имени Даніэль О'Сулливанъ *). Очень длинная процедура этого суда ознаменовалась замѣчательно талантливою рѣчью защитника подсудимаго, Томаса

*) Случайно свидѣтель, на основаніи показаній котораго онъ былъ осужденъ, носилъ то же самое имя.

Прим. автора.

О'Гагана, спустя десять или одиннадцать лѣтъ лорда-канцлера Ирландіи и нынѣшняго барона О'Гагана *). Факты, добытые короной, обнаружили, что въ упомянутыхъ графствахъ многіе молодые люди дали клятву на вѣрность тайному обществу, описанному Россой, и что небольшіе отряды ихъ имѣли обыкновеніе учиться военнымъ пріемамъ, большею частью по ночамъ, но иногда и днемъ. Дальше этого округа дѣло не распространилось и, насколько было извѣстно, нигдѣ больше въ Ирландіи организаціи не существовало. Вождемъ была таинственная личность, обыкновенно называемая «the Seavac», что по-кельтски значитъ—соколъ и произносится «Шейкъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ было очень хорошо извѣстно, что это не иной кто, какъ Стефенсъ. Присяжные не пришли къ соглашенію и дальнѣйшій судъ былъ отсроченъ. На слѣдующихъ ассизахъ въ Керри подсудимый О'Сулливанъ, видя, что правительство составило списокъ присяжныхъ исключительно изъ протестантовъ, приказывая всякому католику, подходившему къ книгѣ, «отходить въ сторону», — отказался отъ какой бы то ни было защиты. Онъ сказалъ, что это—не судъ присяжныхъ, какъ его предписываетъ законъ, а потому онъ не хочетъ признавать его своею защитой. Вслѣдствіе этого процессъ былъ тихъ и кратокъ. Подсудимый сразу былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ десяти годамъ каторжной работы **).

Когда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, обвиняемые ожидали суда въ Коркѣ, защитникъ и друзья убѣждали ихъ признать себя виновными. Во-первыхъ, деньги, собранныя для покрытія издержекъ по ихъ защитѣ, были большею частію поглощены продолжительнымъ судомъ надъ О'Сулливаномъ въ Тралэ, а во-вторыхъ, имъ доказывали, что корона навѣрно приметъ во вниманіе

*) Однимъ изъ актовъ своей законодательной карьеры лордъ О'Гаганъ, поистинѣ можно сказать, вписалъ свое имя въ страницы современной исторіи. Ни одинъ человѣкъ его поколѣнія не сдѣлалъ больше его для того, чтобъ окружить законъ народнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, при помощи реформы суда присяжныхъ. Ирландскій народъ реформой этой былъ убѣжденъ съ перваго же шага, что судъ присяжныхъ предназначенъ не для того, чтобы сдѣлать правительственное преслѣдованіе игрой въ поддѣльныя кости. Когда актъ О'Гагана впервые былъ введенъ, случилось нѣсколько безпорядковъ и нарушеній, что̀ партизаны старой системы не замедлили назвать „пораженіемъ“. Но позднѣе онъ сдѣлался предметомъ всеобщихъ похвалъ, какъ истинно-великій и государственный законодательный трудъ.

**) Въ періодъ между 1848 и 1858 гг. „ссылка за море“ была отмѣнена и замѣнена каторжными работами.

Прим. автора.

ихъ сознаніе и освободить съ обязательствомъ «явиться по первому требованію», и кромѣ того, вѣроятно, смягчить наказаніе и ихъ товарища О'Сулливана. Благодаря этому послѣднему доводу или обѣщанію, очень неохотно выполненному впослѣдствіи правительствомъ, было устроено соглашеніе и показанія даны были безъ присяги. Росса вмѣстѣ съ товарищами признали себя виновными и были освобождены. Возбужденіе, вызванное преслѣдованіемъ, прошло и о дальнѣйшей вербовкѣ въ члены Фёникса не было ничего больше слышно. Попытка въ томъ видѣ, какъ она выяснилась, очевидно была оставлена. Мы всѣ поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что занавѣсъ упалъ безъ худшихъ послѣдствій, безъ болѣе серьезнаго вреда и многолѣтнихъ наказаній. И какъ же глупы были всѣ наши самыя умныя соображенія, заставившія насъ принимать это за конецъ! Мы видѣли только начало, первый актъ поражающей драмы ирландскаго фенianизма.

XVIII.

Папская Ирландія.

Изъ всѣхъ католическихъ народовъ или странъ въ свѣтѣ, исключая одного Тироля, Ирландія быть-можетъ самая папская, самая «ультрамонтанская». По титуламъ, дарованнымъ римскими первосвященниками, нѣкоторыя изъ этихъ странъ занимаютъ высокія мѣста. Король Франціи назывался «старшимъ сыномъ церкви», король Испаніи—«его высоко-католическимъ величествомъ», а повелители Англіи до сихъ поръ удерживаютъ папскій титутъ, объявляющій ихъ защитниками римскихъ доктринъ противъ протестантизма. Но теперь эти титулы очень дурно выражаютъ дѣйствительность. Въ большей части такъ-называемыхъ «католическихъ странъ» католицизмъ продолжаетъ быть государственною религіей и составляетъ лишь форму, въ которую выливается вѣра, исповѣдуемая большинствомъ населенія.

Въ Ирландіи, напримѣръ, населеніе отличается религіозными убѣжденіями, тѣмъ, что можно назвать дѣятельнымъ католицизмомъ, что входитъ въ ежедневную жизнь, мысль и дѣйствія народа. Церкви наполняются мужчинами, также какъ и женщинами, и во всякомъ таинствѣ или церемоніи они принимаютъ дѣятельное и искреннее участіе. Уваженіе къ священническому сану такъ глубоко и сильно, что постороннему наблюдателю другаго исповѣ-

данія все это кажется «предразсудочнымъ», а преданность папѣ, вѣрность римскому престолу въ Ирландіи навѣрно гораздо полнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было населенной части земнаго шара, не исключая и «Леонинскаго Града».

Въ 1859 году ирландскій народъ находился въ странной дилеммѣ между симпатіей къ Франціи съ одной стороны и опасеніемъ за папу съ другой. Во время пріема въ Новый годъ въ Тюльери императоръ Наполеонъ выразилъ барону Гюбнеру свое сожалѣніе по поводу неудовлетворительности отношеній между Франціей и Австріей и тѣмъ встревожилъ всю Европу. Война—война между Франціей, Италіей и Австріей—очевидно была наготовѣ. Англія предложила свое обычное посредничество, которое конечно было принято всѣми сторонами; но однако-жь ни одна изъ нихъ не замедлила своихъ приготовленій и не думала объ ихъ прекращеніи. Три мѣсяца были посвящены дипломатическимъ комедіямъ, пока не настало время года, удобное для кампаніи; каждая сторона пыталась завлечь другую въ положеніе «подающей поводъ». Наконецъ 9 апрѣля 50.000 солдатъ вышли изъ Вѣны въ Ломбардію и 60.000 послѣдовали за ними на другой день. 21 апрѣля въ Туринъ былъ посланъ австрійскій ультиматумъ, призывающій къ разоруженію угрожающихъ силъ Пьемонта, собравшихся тамъ съ нѣкотораго времени. На это Викторъ-Эммануилъ отвѣтилъ 25 апрѣля обращеніемъ къ арміи, въ которомъ объявилъ начало военныхъ дѣйствій противъ Австріи. Между тѣмъ графъ Кавуръ телеграфировалъ императору французовъ: «Помощь, помощь! Австрійцы идутъ на насъ!». Меньше чѣмъ въ 24 часа французская армія была передвинута изъ Парижа въ Италію. Въ тотъ же самый день австрійцы въ одномъ мѣстѣ, а сардинцы въ другомъ перешли Тичино. Послѣ короткой кампаніи австрійцы были загнаны въ извѣстный четырехсторонникъ. 20 мая взято Монтебелло, 31 мая—Палестро, 4 іюня—Маджента и 24 іюня—Сольферино. Вдругъ, среди побѣдъ, Наполеонъ остановился и предложилъ миръ. Виллафранкскимъ договоромъ 11 іюля, утвержденнымъ позднѣе въ Цюрихѣ, окончилась Итальянская война 1859 года.

Странная борьба симпатій господствовала въ Ирландіи отъ мая до іюля. Католическіе прелаты и священники провозглашали поведеніе императора Наполеона крайне вѣроломнымъ. Увѣренія его величества въ безопасности папы и своей готовности защищать его уподоблялись объятіямъ Іуды; они предсказывали, что

какъ только Францъ-Іосифъ будетъ раздавленъ, настанетъ очередь Пія девятаго быть атакованнымъ и побѣжденнымъ. Тѣмъ не менѣе народныя симпатіи Ирландіи слѣдовали за французскимъ знаменемъ, въ особенности когда узнали, что франко-ирландецъ генералъ Патрикъ Макъ-Магонъ назначенъ командиромъ одной дивизіи. Извѣстіе о битвѣ при Маджентѣ, гдѣ Макъ-Магонъ одержалъ побѣду, спасъ французскаго императора и получилъ за это дѣло званіе маршала Франціи и титулъ герцога Маджентскаго, вызвало безграничную радость въ Ирландіи. Костры запылали на холмахъ Клера, родины его предковъ. Его имя сдѣлалось народнымъ девизомъ по всему острову. Въ *Nation* мы напечатали подлинныя данныя съ его родословной, изъ мѣстныхъ и французскихъ архивовъ, начиная отъ сдачи Лимерика до побѣды при Маджентѣ. Предложеніе поднести франко-ирландскому маршалу шпагу было встрѣчено съ энтузіазмомъ. На это необходимо было 500 фунтовъ, но по подпискѣ было собрано около 700 ф. и дѣйствительно были сдѣланы великолѣпная шпага и ножны по рисункамъ, нарочно составленнымъ ирландскимъ художникомъ Е. Фитцпатрикомъ. Маршалъ, извѣщенный объ этой готовящейся ему чести, сообщилъ, съ позволенія императора, что онъ сочтетъ для себя за истинное счастіе получить этотъ знакъ вниманія отъ его *прежнихъ соотечественниковъ*, какъ онъ называлъ ирландскій народъ. «Je dois commencer par vous dire que je suis excessivement reconnaissant de ce temoignage d'interêt de la part d'anciens compatriotes avec lesquels je n'ai eu depuis longtems que des rapports indirects». Императоръ съ готовностію выразилъ свое согласіе, и 2-го сентября 1860 года мой братъ Т. Д. Сулливанъ и д-ръ Сигерсонъ отправились, въ качествѣ депутаціи отъ ирландскаго комитета, во Францію для формальнаго поднесенія подарка. Маршалъ въ это время командовалъ войсками въ Шалонѣ и, по случаю прибытія ирландской депутаціи съ такимъ порученіемъ, лагерь былъ *en fête*. Поднесеніе состоялось въ главной квартирѣ. Однимъ изъ членовъ депутаціи былъ прочитанъ на ирландскомъ и французскомъ языкахъ адресъ, подписанный за городъ Дублинъ предсѣдателемъ комитета и членомъ парламента Т. О'Доногю и почетными секретарями П. Ж. Смитомъ и Т. Д. Сулливаномъ. Маршалъ былъ очевидно тронутъ и отвѣчалъ сильно взволнованнымъ голосомъ по-французски слѣдующее: «Господа, я глубоко тронутъ чувствами, которыя вы только-что выразили мнѣ, и я прошу васъ пе-

редать ирландскому народу, который вы представляете, всю искреннюю благодарность за тотъ знакъ одобренія и симпатіи, который вы передали мнѣ отъ его имени. Этотъ знакъ доказываетъ мнѣ своимъ добровольнымъ характеромъ, что Зеленый островъ Ирина сохранилъ тѣ рыцарскія идеи и ту живучесть, которыми онъ всегда отличался. Послѣ себя я оставлю эту великолѣпную шпагу моему старшему сыну, Патрику. Для него, какъ и для меня, она будетъ служить новымъ залогомъ той прямой связи, которая должна соединять его съ благородною родиной его предковъ».

Затѣмъ въ честь депутаціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями, сопровождавшими ее изъ Парижа, былъ данъ роскошный банкетъ, на который маршалъ пригласилъ нѣсколькихъ французскихъ офицеровъ и аристократовъ ирландской крови, коменданта Диллона, генерала Фарелля, генерала Суттона де-Клонардъ, которыхъ самыя имена обнаруживаютъ ихъ ирландское происхожденіе, несмотря на то, что они никогда не видали Ирландіи. Герой Маджженты выказалъ полное знакомство съ ирландской исторіей, поэзіей и литературой. «C'était un pays tout-à-fait poétique»,—сказалъ онъ, обращаясь къ одному французскому генералу. Это была страна поэзіи и сохранила этотъ характеръ еще и до сихъ поръ; ея древніе законы часто писались въ стихахъ, а ея барды занимали первыя почетныя мѣста послѣ королей».

Есть серьезныя основанія думать, что Наполеонъ остановился въ Виллафранкѣ потому, что увидалъ себя опутаннымъ сѣтями своего учителя и въ дипломатіи, и въ политикѣ—графа Кавура. Императоръ мечталъ и о соглашеніи въ Италіи, и думалъ положить границы смѣлымъ замысламъ туринскаго организатора; между тѣмъ какъ этотъ послѣдній проводилъ, дурачилъ и побивалъ его отъ начала и до конца. Даже въ то время, когда Наполеонъ теоретизировалъ по поводу своего проекта итальянской конфедераціи съ папой во главѣ, Кавуръ рѣшилъ не допустить ея осуществленія, тайно разсылалъ своихъ агентовъ и интриговалъ по всему полуострову. 20 октября Викторъ-Эммануилъ открыто отказался отъ виллафранскаго плана, опираясь на свое обязательство передъ народомъ. Въ томъ же мѣсяцѣ былъ объявленъ раздѣлъ территоріи. Савойя и Ницца отошли въ вознагражденіе къ французскому императору, а Ломбардія, Романья, Парма и Модена были присоединены къ Сардинскому королевству. Но остановится ли присоединеніе на томъ? Чувство тяжести и опа-

сенія распространились по Ирландіи. Первое января 1860 г. застало островъ въ сильномъ волненіи. Что папа будетъ открыто атакованъ и еще больше обобранъ на томъ или другомъ основаніи, было всеобщимъ убѣжденіемъ и въ каждой провинціи и графствѣ держались чудовищные митинги для выраженія ему сочувствія и поддержки. Пожертвованія въ его пользу притекали со всякаго прихода и эпархіи въ королевствѣ. Въ цѣломъ они составили огромную сумму. И эти сикспенсы и шиллинги бѣдныхъ, лучше выражавшіе глубину и силу ихъ чувствъ, чѣмъ крупные взносы богатыхъ и аристократическихъ классовъ, придавали серьезную важность необыкновенному приливу религіознаго чувства.

На этой почвѣ разыгралось такое ожесточенное столкновеніе англійскаго и ирландскаго общественнаго мнѣнія, какого мнѣ не приходилось встрѣчать ни прежде, ни послѣ. Въ Англіи итальянское движеніе вызвало самое горячее сочувствіе. Его принимали за прогрессъ свободы и пораженіе реакціи. Въ Ирландіи же оно считалось жадностью безчестнаго сосѣдняго государства, подкапывающагося и подрывающагося подъ папскую власть, а теперь замышляющаго открытый захватъ. Англичанамъ было противно, что ирландцы изъ-за своей фанатической преданности папѣ не хотятъ допустить освобожденія римлянъ. Ирландцы приходили въ ярость отъ того, что Англія даетъ субсидіи на разбойничьи набѣги противъ мирнаго первосвященника и главы католичества, тогда какъ за нѣсколько лѣтъ до этого Великобританія тратила милліоны денегъ и наполняла рѣки кровью ради поддержанія главы магометанства.

Періодическая печать обѣихъ сторонъ пролива пускала въ ходъ свою артиллерію. «Всякій народъ имѣетъ право выбирать свою собственную форму правленія», говорила англійская пресса.—«Такъ дайте же намъ выбрать нашу», отвѣчала ирландская. «Римляне имѣютъ право возставать», говорила одна. «Но вопросъ не въ возстаніи римлянъ,—отвѣчала другая;—вопросъ въ нападеніи піемонтцевъ на папскія владѣнія». Словомъ, споръ скоро пришелъ къ тому, что въ Англіи вполнѣ вѣрили въ существованіе въ папскихъ владѣніяхъ давленія и недовольства, тогда какъ въ Ирландіи это недовольство провозглашалось лишь поводомъ для сардинскихъ агентовъ дѣйствовать въ сардинскихъ же интересахъ, т.-е. ради присоединенія папскихъ владѣній.

И каждая изъ этихъ двухъ прессъ дѣйствовала сообразно своимъ взглядамъ на дѣло. Изъ Англіи шли адресы, деньги и

люди на помощь Виктору-Эммануилу и Гарибальди. Ирландія же посылала адресы и деньги, но пока еще не людей на защиту римскаго первосвященника. «Пока еще не людей», но скоро поднялся крикъ, почему же и не людей? Одинъ изъ популярныхъ журналовъ *Dundalk Democrat* провозгласилъ, что лучшею помощью, какую Ирландія могла бы оказать папѣ въ его критическомъ положеніи, было бы составить ирландскую бригаду. Нѣсколько раньше я самъ напрасно защищалъ этотъ самый взглядъ передъ нѣкоторыми высшими духовными лицами, которыя находились въ интимной перепискѣ съ Римомъ. Оказалось, что я имѣлъ дѣло съ людьми въ высшей степени консервативными. Они въ ужасѣ отказывались отъ употребленія чего бы то ни было въ родѣ силы или насилія даже для самозащиты. Я увѣренъ, что мое предложеніе и взгляды были переданы въ Римъ, но встрѣтили тамъ неодобрительный пріемъ. Монсиньоръ де-Мероде былъ тогда папскимъ военнымъ министромъ. Онъ заранѣе предвидѣлъ, что рано или поздно все дѣло должно придти къ разрѣшенію на полѣ сраженія, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы приготовиться къ такому исходу. Только медленнымъ и окольнымъ путемъ борьбы онъ могъ добиться принятія своихъ взглядовъ въ Ватиканѣ, гдѣ кардиналъ Антонелли, убѣжденный, что одиночное сопротивленіе безполезно, вполнѣ полагался на «христіанскія державы». Самъ Пій IX до самаго конца болѣе или менѣе былъ нерасположенъ къ военнымъ приготовленіямъ или демонстраціямъ. Онъ былъ человѣкъ молитвы, а кардиналъ Антонелли преданъ дипломатіи, тогда какъ монсиньоръ де-Мероде былъ убѣжденъ, что Кавуру нѣтъ дѣла ни до того, ни до другаго, и что если его, вооруженнаго мечомъ, и можно заставить остановиться, то только мечомъ.

Наконецъ мы услыхали, что генералъ Ламорисьеръ былъ предложенъ и принятъ въ качествѣ главнокомандующаго папской арміи — номинально въ 20.000, въ дѣйствительности же около 10.000 человѣкъ. Для тѣхъ, кто былъ въ какой бы то ни было степени знакомъ съ закулисною стороной дѣла, было ясно, что монсиньоръ де-Мероде, наконецъ, одержалъ побѣду и что теперь будетъ сдѣлана попытка организовать защиту римской территоріи.

Однажды, въ началѣ марта 1860 года, два господина вошли въ мою контору на Нижней Аббей-стритъ въ Дублинѣ. Одинъ былъ мой пріятель, сильно заинтересованный въ теперешнемъ критическомъ положеніи папскаго правительства; другаго же я

не зналъ и сразу призналъ за иностранца. «Вотъ, — сказалъ мой пріятель, — господинъ, раздѣляющій взгляды, которые вы такъ горячо высказывали относительно защиты Рима». Я узналъ, что посѣтитель былъ графъ Шарль Макъ-Доннель изъ Вѣны, довѣренное лицо фельдмаршала графа Ньюгента и камергеръ папы. Если рыцарская преданность погибающему дѣлу когда-нибудь олицетворялась въ одномъ человѣкѣ, то навѣрно ни въ комъ другомъ, какъ въ этомъ отважномъ господинѣ. Онъ напомнилъ мнѣ тѣхъ вождей Гайлендеровъ Шотландіи, которыхъ романтическая и трагическая преданность Стюартамъ вызываетъ симпатію и удивленіе во всякой великодушной душѣ. Еслибъ онъ жилъ въ тринадцатомъ столѣтіи, онъ былъ бы крестоносцемъ, въ 1641 году онъ былъ бы рыцаремъ, а въ 1745 году онъ стоялъ бы на сторонѣ принца Карла-Эдуарда въ роковомъ сраженіи подъ Куллоденомъ. Онъ пріѣхалъ въ Ирландію посмотрѣть, что-бъ она могла сдѣлать, какую военную помощь могла бы она оказать защитѣ римской области. «Мы знаемъ въ Римѣ,—сказалъ онъ,— что Гарибальди организуетъ, съ согласія и при помощи туринскаго правительства, наступательную экспедицію, но противъ кого прежде всего онъ направитъ ее — противъ Наполеона, или противъ насъ—сказать не можемъ. Во всякомъ случаѣ на насъ нападутъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Что сдѣлаетъ для насъ Ирландія?»

«Въ томъ маловѣроятномъ случаѣ, если правительство дозволитъ волонтерство, какъ въ дѣлѣ донны Маріи,—отвѣчалъ я,— вы можете имѣть 30.000 людей; если, что всего вѣроятнѣе, оно не дастъ позволенія, но не будетъ оказывать и активнаго противодѣйствія, вы соберете 10.000; если же оно будетъ активно противодѣйствовать, то ничего нельзя сдѣлать. По моему мнѣнію, если дѣло не пойдетъ громко и открыто, лордъ Пальмерстонъ не захочетъ прямаго столкновенія. Но главное препятствіе составятъ наши собственные епископы. Они будутъ или противъ, или нейтральны. Ни одинъ изъ нихъ не вѣритъ, чтобы маленькая армія Ламорисьера могла бороться съ подавляющими преимуществами сардинцевъ».

Графъ досталъ спрятанный на груди сафьянный портфель для писемъ и въ пять минутъ представилъ мнѣ бездну доказательствъ, тайно данныхъ Риму нѣкоторыми коронованными особами Европы, что еслибы монсиньоръ де-Мероде могъ отразить вторженіе гарибальдійцевъ безъ французскаго и австрійскаго вмѣшательства, Сардинія была бы парализована.

Это бросало новый свѣтъ на положеніе дѣла. Мнѣ кажется, я не ошибусь, если скажу, что всѣ движенія генерала Ламорисьера въ 1860 году были основаны на вѣрѣ въ эти частныя увѣренія.

Мой графъ былъ австріецъ до мозга костей и до глубины души ненавидѣлъ Наполеона. «Онъ лжетъ,—сказалъ онъ,—въ немъ нѣтъ правды. Онъ не сдержитъ своего слова, но другіе—да». Я тогда же понялъ, что смертельная ревность между Франціей и Австріей приведетъ къ настоящей гибели Пія IX.

Мы предприняли объѣздъ по провинціи, чтобъ изслѣдовать почву и удостовѣриться, что можно сдѣлать и какъ лучше всего дѣлать. Къ сожалѣнію, приходилось позаботиться о томъ, чтобы графъ какъ можно скорѣе оставилъ Ирландію, или во всякомъ случаѣ отослалъ свой красный портфель, потому что въ немъ заключались одно или два собственноручныхъ письма, которыя, будучи потеряны или по какому бы то ни было случаю арестованы, подняли бы цѣлую дипломатическую бурю на континентѣ. Но онъ хотѣлъ во что бы то ни стало «выполнить свою миссію», и онъ сдѣлалъ это. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ его отъѣзда первый отрядъ папскихъ волонтеровъ оставилъ Ирландію. До конца іюля около 2.000 людей проѣхали небольшими партіями черезъ континентъ Европы и достигли Папской области. Глубокое недовѣріе къ императору Наполеону запрещало съ самаго начала посылать людей черезъ Францію, а потому былъ выбранъ путь черезъ Бельгію и Австрію. Линія отъ Баденбаха до Тріеста находилась въ вѣдѣніи графа Макъ-Доннеля; участокъ же отъ Ирландіи до Баденбаха вѣдался комитетомъ или директоратомъ въ Дублинѣ, состоявшимъ изъ трехъ или четырехъ лицъ, въ трудахъ которыхъ и я принималъ нѣкоторое участіе. Я могу назвать только одного изъ нихъ,—его больше нѣтъ въ живыхъ,—это Лауренсъ Канонъ Фордъ. Про него я вполнѣ искренно могу сказать, что папская власть никогда не пала бы, еслибы всѣ ея слуги служили ей съ такою глубокою любовью и преданностью, какъ онъ.

Экспедиція, предсказанная или упомянутая графомъ Макъ-Доннелемъ въ мартѣ, теперь сдѣлалась реальнымъ фактомъ. 4-го апрѣля въ Палермо вспыхнуло возстаніе, а 5-го мая славная гарибальдійская «тысяча» отплыла изъ Генуи. Съ этого дня до начала сентября Европа была свидѣтельницей одного побѣдоноснаго шествія этой силы. 28 іюля гарибальдійцы покорили Сици-

лію. 8-го сентября генералъ Гарибальди, М. Дюма *père* и Эдвинъ Джемсъ, его невольные друзья по лагерю, вступили въ Неаполь безъ сопротивленія; Францискъ II удалился въ Гаэту. На слѣдующій день Викторъ-Эммануилъ былъ провозглашенъ королемъ Неаполя.

Попытка генераловъ Ламорисьера и Канцлера поспѣшно организовать дѣйствительную военную силу была дѣломъ почти безнадежно-труднымъ. Папскій Римъ не былъ воинственною державой; его такъ-называемая армія, или швейцарская гвардія, была немногимъ больше обыкновенной полиціи.

Тѣмъ не менѣе въ теченіе августа мѣсяца Ламорисьеръ объявилъ себя способнымъ встрѣтить и отразить теперь уже несомнѣнное нападеніе побѣдоносныхъ гарибальдійцевъ съ неаполитанской стороны. Въ то же время значительныя сардинскія силы собрались на сѣверной границѣ области, подъ командой генераловъ Чіальдини и Фанти. Въ заключеніе всего французскій императоръ прислалъ успокоительныя увѣренія, основанныя на туринскихъ заявленіяхъ, что противъ папской территоріи не предпринимается никакого враждебнаго движенія, что эта армія собрана тамъ для «подавленія безпорядковъ», которые могутъ быть вызваны гарибальдійскимъ движеніемъ на югѣ. Вдругъ 9 сентября 1860 года кардиналъ Антонелли получилъ отъ графа Кавура требованіе распустить силы Ламорисьера. Не дожидаясь отвѣта, колонны генераловъ Фанти и Чіальдини перешли черезъ границу, напали на Ламорисьера съ боковъ и тыла и разбили его въ дребезги. Въ коротной и гибельной кампаніи папская армія, захваченная въ расплохъ превосходными силами, ни разу не имѣла успѣха и была разбита на всѣхъ пунктахъ. Этотъ ударъ засталъ ирландцевъ, большею частію безъ оружія, за военными ученіями въ Анконѣ, Сполето, Перуджіо и Фолиньо. Ихъ организація въ баталіонъ, такъ-называемый «баталіонъ Св. Патрика», подъ командой маіора Майльса В. О'Релли (теперешній членъ парламента отъ графства Лангфордъ), была наскоро выполнена, но обмундированіе было еще не кончено. Ламорисьеръ, казалось, былъ оглушенъ извѣстіемъ о пьемонтскомъ вторженіи. Выйдя изъ Сполето въ полночь 14 сентября, онъ сдѣлалъ отчаянную попытку собрать свои силы для натиска на Анкону,— пьемонтскій главнокомандующій очевидно имѣлъ намѣреніе отрѣзать его. Странно звучитъ это теперь, но папскій генералъ даже въ этотъ моментъ вѣрилъ, и имѣлъ основаніе вѣрить,

что еслибъ онъ могъ удержать врага у залива на одну или двѣ недѣли, французскій императоръ пришелъ бы къ нему на помощь... При Мацератѣ 17 сентября онъ соединился съ генераломъ Пимоданомъ. Двигаясь впередъ на другой день, онъ узналъ, что генералъ Чіальдини занялъ сильную позицію при Кастельфидардо, преграждающую ему путь въ Анкону. Здѣсь произошла рѣшительная битва кампаніи. Ламорисьеру во главѣ егерскаго полка удалось проложить себѣ дорогу къ Анконѣ; но его армія была уничтожена.

Между тѣмъ корпусъ генерала Фанти осадилъ и взялъ Перуджіо 15 сентября и потребовалъ сдачи отъ Сполето. 17 сентября городъ или скорѣе «Росса» защищался маіоромъ О'Релли и тремя стами ирландцевъ кромѣ нѣсколькихъ бельгійскихъ французовъ, швейцарцевъ и мѣстныхъ итальянцевъ. Нѣкоторыми изъ англійскихъ газетъ была поднята полемика по поводу того, что будто бы ирландцы были виноваты въ этомъ взятіи Сполето; но замѣчательная храбрость защиты была засвидѣтельствована авторитетами, на отзывахъ которыхъ маіоръ О'Релли и его триста ирландцевъ съ гордостью могутъ основывать свою репутацію, а именно генерала Бригнона, командира непріятельскаго войска, и генерала Ламорисьера, одного изъ первыхъ солдатъ въ Европѣ. Первый въ условіяхъ сдачи говоритъ:

«Съ офицерами и солдатами должно быть поступлено со всею вѣжливостью и уваженіемъ, которыхъ заслуживаютъ доблестныя и храбрыя войска, каковыми они себя показали въ день битвы».

28 сентября Анкона, осажденная съ моря и суши и превращенная въ развалины продолжительнымъ бомбардированіемъ, сдалась адмиралу Персано, котораго недавно изданная переписка бросаетъ поразительный свѣтъ на тайную исторію этой кампаніи.

Выказали ли ирландскіе отряды въ этой несчастной борьбѣ «древнее мужество ихъ расы» — вопросъ, затрогивающій національную честь. Къ счастію, его рѣшеніе основывается не на однихъ откровенныхъ и скромныхъ отзывахъ ихъ начальниковъ и даже не на однѣхъ похвалахъ папскаго военнаго министра. Никто не будетъ отрицать, что Ламорисьеръ былъ вполнѣ компетентнымъ военнымъ авторитетомъ относительно выправки и поведенія солдатъ. Въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ онъ сильно нападаетъ на одну часть войскъ, находившихся подъ его командой; но объ ирландцахъ онъ не говоритъ иначе, какъ съ похвалой. Онъ дѣлаетъ спеціальныя указанія на ихъ храбрость при Перуджіи, Спо-

лето, Кастельфидардо и Анконѣ. «При Перуджіи,—говоритъ онъ,—одинъ ирландскій отрядъ (всѣ бывшія тамъ ирландскія силы) и большая часть баталіона 2-го линейнаго полка показали себя готовыми исполнить свою обязанность». «При Сполето ирландцы защищались съ замѣчательною храбростью». «При Кастельфидардо,—продолжаетъ онъ,—двѣ гаубицы были выдвинуты впередъ при помощи ирландцевъ подъ очень сильнымъ огнемъ. Эти храбрые солдаты, исполнивши возложенную на нихъ миссію, соединились со стрѣлками и до конца сраженія отличались въ ихъ рядахъ».

Англійская и ирландская пресса часто обмѣниваются язвительными и запальчивыми выраженіями; но я сомнѣваюсь, чтобы когда-нибудь упреки и оскорбленія съ одной стороны и ненависть и презрѣніе—съ другой достигали такихъ размѣровъ, какъ въ этомъ случаѣ. Присутствіе ирландскаго отряда на папской сторонѣ возмущало англійское общественное мнѣніе, и вотъ теперь это негодованіе выразилось въ обзываніи англійскою прессой ирландцевъ—«трусами» и «наемниками». Про ирландцевъ можно многое сказать, но англичане лучше чѣмъ кто-нибудь знаютъ, что изъ нихъ выходятъ хорошіе солдаты. Они не «трусы» и быть-можетъ въ чемъ другомъ, но въ «наемничествѣ» они не были повинны. Съ англійской точки зрѣнія они были фанатиками, но не «наемниками». Они покинули родину, домъ, друзей, чтобы сражаться за дѣло, за которое умереть—справедливо или нѣтъ съ англійской точки зрѣнія — они считали для себя подвигомъ и честью. Плата—соображенія наемника—не могла имѣть мѣста въ числѣ ихъ мотивовъ: плата папскихъ солдатъ была лишь номинальная, а ихъ раціоны самые скудные. Упреки и поношенія англійской прессы вызвали въ Ирландіи рѣзкія возраженія. Въ отвѣтъ на клеветы на батальонъ плѣнныхъ въ Ливорно и Генуѣ, было рѣшено—«съ тріумфомъ» привезти его домой на національный счетъ. Послѣ длинныхъ и хлопотливыхъ переговоровъ съ піемонтскими властями плѣнники были наконецъ выданы представителю комитета ирландской бригады. Онъ нанялъ пароходъ и отправилъ ихъ въ Коркъ, куда они и прибыли благополучно 3-го ноября 1860 г. По этому случаю мнѣ было поручено отправиться въ Южный портъ, устроить имъ пріемъ и препроводить по домамъ. Но граждане Корка взяли большую часть этого труда на себя. Тотчасъ же былъ организованъ мѣстный «пріемный комитетъ», подъ дѣятельнымъ предсѣдательствомъ члена парламента Ж. Ф. Мегуайра, и сдѣланы приготовленія для общаго

праздника. Если-бъ эти люди одержали побѣды въ сотнѣ мѣстъ, они не могли бы встрѣтить болѣе лестныхъ демонстрацій. Музыка играла и знамена развѣвались; народъ стекался толпами; представлялись адресы и говорились рѣчи. Батальонъ маршировалъ въ процессіи, заключавшей въ себѣ нѣкоторыхъ выдававшихся гражданъ Корка и сопровождаемой мѣстнымъ комитетомъ, къ различнымъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ отъ него отдѣлялись партіи и направлялись въ разныя мѣстности страны послѣ горячихъ объятій и поцѣлуевъ другъ съ другомъ, какъ это дѣлается на континентѣ. Но и на этомъ демонстрація не остановилась. Во всякомъ городѣ, гдѣ высаживалась такая партія, собирались толпы народа, махали зелеными вѣтками, если не могли достать флаговъ, и провожали ее по дорогѣ домой.

Въ этотъ моментъ Ирландія находилась подъ вліяніемъ наполнявшаго ее религіознаго движенія; или, выражаясь менѣе симпатично, — «была охвачена тою слѣпой и фанатической преданностью къ религіозному вождю, какою должна отличаться нація пропитанная ханжествомъ и нетерпимостью». Тѣмъ не менѣе достойно серьезнаго вниманія, что этотъ искренно преданный папѣ, глубоко католическій и враждебный всякому либерализму и индифферентизму въ религіи народъ въ гражданскихъ дѣлахъ быть-можетъ не имѣетъ себѣ равнаго на свѣтѣ по либерализму и терпимости. Когда въ началѣ этого столѣтія было предложено «эмансипировать» ирландскихъ католиковъ, т. е. позволить имъ засѣдать въ парламентѣ и занимать извѣстныя мѣста муниципальныхъ и другихъ должностныхъ лицъ, — проектъ долгое время встрѣчалъ сопротивленіе на томъ основаніи, что такой догматическій, преданный ханжеству, народъ въ религіи непремѣнно будетъ вытѣснять некатоликовъ,—что, будучи въ большинствѣ на всемъ островѣ, они вытѣснятъ изъ общественной жизни всѣхъ протестантскихъ представителей населенія, кладя въ основаніе гражданскихъ дѣлъ не политику, а религію. Не трудно понять, что служило поводомъ для такихъ опасеній. Ничего не было бы удивительнаго, еслибы, долго лишенные такихъ гражданскихъ правъ и привилегій, ирландскіе католики, разъ получивши возможность располагать парламентскими мѣстами или муниципальными почестями, удержали бы ихъ за собой, предоставивши некатоликамъ, для которыхъ поле всегда было открыто, заботиться самимъ о своихъ, все еще сильныхъ, единовѣрцахъ. Однако-жъ этого не случилось. Какъ только желанныя почести и привилегіи были

получены, католики позаботились о раздѣленіи ихъ со своими протестантскими друзьями. Съ самаго дня королевскаго утвержденія акта о католической эмансипаціи въ 1829 году и до сего дня самые католическіе округи въ Ирландіи снова и снова посылали протестантовъ въ парламентъ и часто выбирали ихъ въ видѣ оппозиціи католикамъ, съ менѣе подходящими политическими взглядами. М-ръ Вёттъ, Митчель Генри, Бленнергассетъ, Уитвортъ, Грей, лордъ Фрэнсисъ Коннигэмъ, Парнелль, капитанъ Кингъ-Гарманъ и другіе протестантскіе джентльмены, засѣдающіе въ парламентѣ, были выбираемы, какъ и ихъ не менѣе протестантскіе предшественники, часто самыми ультрамонтанскими и папскими общинами.

Къ несчастію, этотъ похвальный образъ дѣйствій не вызвалъ еще подобныхъ же поступковъ съ другой стороны,—ханжества и нетерпимости по временамъ приходится опасаться, чтобы такой неутѣшительный фактъ не послужилъ дурнымъ примѣромъ и для католиковъ. Не было ни одного единственнаго случая, чтобы протестантскій округъ въ Ирландіи выбралъ католика въ члены парламента. Къ счастію, католическое большинство отказывается отвѣчать тѣмъ же и держится принципа дѣлать то, что считаетъ правымъ, разумнымъ и человѣчнымъ. Для Ирландіи былъ бы истинно несчастнымъ тотъ день, когда злой духъ фанатизма заставилъ бы ее оставить эту благородную политику.

ГЛАВА XIX.

Судьба Глинвейя.

Въ далекой и дикой сѣверо-западной Ирландіи, омываемой волнами Ледовитаго океана, высится древній Тирконелль, больше извѣстный современному уху подъ именемъ Донегальскихъ высотъ. На островѣ навѣрно нѣтъ другой части, которая при такомъ обширномъ протяженіи была бы такъ уединенна и отрѣзана отъ всего внѣшняго міра. И нигдѣ больше мѣстное населеніе не сохранило такъ хорошо своихъ отличительныхъ чертъ жизни и характера, обычая и традиціи среди всѣхъ перемѣнъ послѣднихъ двухсотъ лѣтъ, какъ здѣсь.

Восточная часть Донегала изобилуетъ богатыми и плодородными долинами и населена особою расой. Двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вся сколько-нибудь сносная земля, стоющая владѣнія, была отдана «плантаторамъ» и «предпринимателямъ».

Мѣстные же кельты были загнаны въ болотистыя пустыни или непроходимыя горы, слишкомъ бѣдныя или слишкомъ отдаленныя для новыхъ поселенцевъ. Здѣсь-то вотъ и жили вдали отъ дѣловаго міра, защищенные своей убогою судьбой отъ многихъ его опасностей, истинные потомки соплеменниковъ «Неустрашимаго Краснаго Гуга». Ихъ жизнь была полна тяжелаго труда, но они не жаловались. По утесамъ вдоль западнаго берега, изрѣзаннаго заливами или окаймленнаго обширными песками, гнѣздились ихъ убогія хижины, а рядомъ съ ними неумолкаемо ревѣлъ «глубоко-голосый сосѣдній океанъ».

Мѣстность отъ Сливелиги до Молинъ-Хеда—дико поэтическая и мѣстами замѣчательно красивая. Среди обширныхъ картинъ мрачнаго и крайняго запустѣнія то тутъ, то тамъ глазъ останавливается и поражается видами, какихъ немного въ самихъ Альпахъ. Лохъ-Свилли—«Озеро тѣней»—одинъ изъ самыхъ живописныхъ океаническихъ заливовъ на нашихъ берегахъ. Онъ проскальзываетъ на югъ между Буикрана и историческимъ Ратмулленъ, пока не достигаетъ съ одной стороны Леттеркенни, а съ другой—восхитительнаго Фуана; кажется, какъ будто море наводнило здѣсь цѣлый рядъ тирольскихъ долинъ. Но между всѣми ними нѣтъ вида, который могъ бы сравниться съ чарующею красотой и дикимъ величіемъ уединеннаго Глинвейя.

Западный или атлантическій берегъ Донегала изрѣзанъ узкими бухтами, проникающими иногда на пять и на шесть миль на сѣверо-востокъ въ глубь острова; лишь около такъ-называемаго Дучери онъ встрѣчается съ рѣкой Гвибаррой. Устье, черезъ которое вытекаетъ она, есть лишь юго-западная часть цѣлой цѣпи долинъ, тянущихся по прямому направленію отъ залива Гвибарра къ Глинъ-Лохъ на протяженіи болѣе двадцати миль. Средняя часть цѣпи называется Глинвей или, какъ должно бы быть, Глинъ (долина серебряныхъ березъ). По-истинѣ это самый романтическій уголокъ на свѣтѣ. Горы гордо подымаются на обѣихъ сторонахъ выше тысячи футовъ и большею частію покрыты на вершинахъ дѣвственнымъ лѣсомъ, а между ними внизу спокойно дремлетъ или слегка колеблется вѣтеркомъ то расширяющееся, то сдавливаемое холмами озеро; это—Лохвей.

Гористая мѣстность вокругъ носитъ самый дикій характеръ. Тридцать лѣтъ тому назадъ она была населена народомъ, какой можно встрѣтить только среди утесовъ Интервала или Пассеира; онъ иногда запальчивъ, но всегда гостепріименъ, воздержанъ,

смѣлъ и привыченъ къ труду. Онъ извлекаетъ свое жалкое существованіе частію изъ небольшихъ обработанныхъ участковъ земли, но гораздо больше изъ продажи молодаго скота, котораго онъ выращиваетъ на горахъ, а потомъ продаетъ въ благопріятное время года зажиточному протестантскому населенію округовъ Рафоэ и Лиффорда.

Немного больше двадцати лѣтъ тому назадъ по сосѣднему округу Дерривей *) случилось проходить на охотѣ нѣкоему м-ру Джону-Джорджу Адейру изъ Белльгроу въ графствѣ Квинъ. Онъ, по его собственнымъ словамъ, такъ былъ пораженъ красотой мѣстности, что рѣшилъ пріобрѣсть ее себѣ въ собственность. И дѣйствительно, въ періодъ отъ августа 1857 до мая 1858 г. ему удалось большую часть ее купить, а остальную взять въ аренду. Для горцевъ по-истинѣ несчастнымъ былъ тотъ день, когда м-ръ Адейръ въ первый разъ бросилъ свой взглядъ на ихъ страну. Хотя этотъ господинъ и поднялъ скоро противъ нихъ цѣлую бурю обвиненій, хотя пріобрѣтеніе имъ этой мѣстности въ свою собственность и вызвало цѣлый рядъ безпорядковъ, столкновеній и преступленій, но фактъ остается несомнѣннымъ, что въ періодъ этой покупки и даже тотчасъ послѣ нея глиневейскіе крестьяне были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со своими ландлордами и что окрестные дворяне и духовенство всѣхъ исповѣданій въ одинъ голосъ отзывались и отзываются о нихъ въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ симпатіи и сожалѣнія. Какъ только м-ръ Адейръ появился на сценѣ, произошла поразительная перемѣна. Нарисованная прежними и окрестными ландлордами картина простаго, добраго и мирнаго крестьянства уступила мѣсто разсказамъ Адейра о беззаконной, свирѣпой шайкѣ воровъ и убійцъ, искорененіе которой составляло теперь его миссію, предпринятую въ интересахъ «общества». Первый шагъ новаго ландлорда служилъ предзнаменованіемъ того, что должно было за нимъ послѣдовать. 30 апрѣля состоялась покупка и такъ-называемое имѣніе Гратанъ перешло къ нему отъ м-ра Корнвелла, а въ маѣ онъ уже началъ постройку полицейскаго дома и возлѣ него, подъ прикрытіемъ его ружей, «загона» для захваченнаго скота. Я зналъ немного Адейра. Онъ въ 1852 г. былъ если не членомъ «арендной лиги», то во всякомъ случаѣ ея кандидатомъ въ парламентъ. Поэтому, когда онъ началъ свое поприще ландлорда въ Донегалѣ, я никакъ

*) „Дерривей", „Лохвей" и „Глиневей" соотвѣтственно обозначаютъ: лѣсъ, озеро и долину серебряныхъ березъ. *Прим. автора.*

не считалъ его способнымъ на такое систематическое варварство. Напротивъ, я былъ увѣренъ, что онъ будетъ пользоваться деспотическою властью, которой онъ искалъ, съ добрыми намѣреніями, согласно своимъ идеямъ. Но замаскированный деспотъ скоро забываетъ всѣ благодѣтельныя намѣренія и заботится только объ утвержденіи своей власти и о безжалостномъ подавленіи тѣхъ, кто пытается вести съ нимъ открытую войну. Полицейская казарма и загонъ были первыми указаніями на духъ порядковъ Адейра. Я не знаю, чтобы старые ландлорды воздвигали такого рода учрежденія. Во всякомъ случаѣ крестьяне смотрѣли на нихъ косо и прежде, чѣмъ Адейръ успѣлъ что-нибудь сдѣлать, они были уже предубѣждены противъ него. 21 августа застало этого господина съ ружьемъ въ рукѣ охотящимся на тѣхъ холмахъ, гдѣ прежде имѣлъ право охотиться только одинъ прежній ландлордъ Джонсонъ. Арендаторы-крестьяне съ нѣкимъ Джемсомъ Корриномъ во главѣ, а можетъ-быть и по наущенію Джонсона или изъ чувства обязанности къ нему, начали сопротивляться стрѣльбѣ Адейра на этой землѣ; произошло ожесточенное столкновеніе и схватка. М-ръ Адейръ обвинялъ Коррина и другихъ крестьянъ передъ судомъ въ нападеніи на него; но дѣйствительное положеніе дѣла достаточно характеризуется фактомъ, что 23 октября присяжные отказали ему въ искѣ, а въ слѣдующій Михайловъ день Корринъ при посредствѣ адвоката прежняго ландлорда Джонсона, что особенно достойно замѣчанія, началъ процессъ за самоуправство, побои и злонамѣренное преслѣдованіе противъ Адейра. 16 и 17 февраля слѣдующаго 1859 года дѣло поступило на разсмотрѣніе лорда-барона въ Дублинѣ и окончилось приговоромъ, что Адейръ дѣйствительно «совершилъ самоуправство, но что это произошло при пользованіи его законнымъ правомъ охоты». Въ установленный срокъ Корринъ потребовалъ суда въ высшей инстанціи, и такимъ образомъ началась тяжба.

Изъ этого спора — этой пресловутой ссоры Адейра съ бѣдными горцами, защищавшими, какъ они думали, права стараго ландлорда—возникли событія, которыя никогда не будутъ забыты въ Донегалѣ.

Отъ Пасхи и до средины лѣта между богачомъ и бѣдными крестьянами шла открытая война, причемъ послѣдніе встрѣчали сочувствіе во всѣхъ окрестныхъ судьяхъ и ландлордахъ, особенно же въ полковникѣ Гумфрей.

2-го іюля Адейръ арестовалъ нѣсколькихъ крестьянъ и привелъ къ себѣ въ Глинвей, для чего несчастные должны были пройти 60 миль до тюрьмы и обратно; однако-жь спустя пять дней они были освобождены двумя пріѣзжими и двумя мѣстными судьями, во время засѣданій въ Чёрчь-Гиллѣ. Наконецъ онъ рѣшилъ во что бы то ни стало добиться такого положенія, которое дало бы ему полное господство надъ этими дерзкими крестьянами. Въ октябрѣ 1859 года онъ арендовалъ остальную часть Дерривея, 11.956 акровъ, при помощи Т. С. Треича, за сумму почти равняющуюся всѣмъ платежамъ крестьянъ. Такимъ образомъ послѣ покупокъ—22 августа 1857 г. отъ Патта Скиптона, 29 апрѣля 1858 г. отъ полковника Гумфрей и м-ра Джонсона, 30 апрѣля Гартенскаго имѣнія отъ Корнвелла и 10 октября 1859 года отъ м-ра Джонсона—онъ сдѣлался абсолютнымъ монархомъ около 90 квадратныхъ миль страны. Это усиленное стремленіе скупать больше и больше земли совершенно противорѣчитъ выставленнымъ позднѣе увѣреніямъ Адейра, что для него было несчастіемъ быть ландлордомъ такого народа.

Какъ разъ въ то время, когда этотъ господинъ появился въ этихъ мѣстахъ, западный Донегалъ переживалъ трудное время и печальныя столкновенія изъ-за «шотландскихъ овецъ». Двумъ или тремъ собственникамъ пришла въ голову мысль,—а вѣрнѣе, была внушена шотландскими фермерами-управляющими,—что изъ этихъ холмовъ, на которыхъ теперь крестьяне кормятъ нѣсколькихъ козъ, телятъ и овецъ, можно извлечь цѣлыя богатства. Ландлорды были убѣждены, что, отнявши эти горы вполнѣ или отчасти у крестьянъ и обративъ ихъ въ пастбища для огромныхъ стадъ черныхъ овецъ, они получатъ тысячи фунтовъ ежегодной чистой прибыли. Попытка отнять у крестьянъ горы повела къ печальнымъ столкновеніямъ, страданіямъ и потерямъ. Пресловутое «округленіе фермъ»—иногда несомнѣнно искренній и благоразумный мотивъ, но на этотъ разъ лишь поводъ для ловкаго обмана народа—не помогло. Пока крестьяне и ландлорды вели борьбу по этому поводу, вдругъ шотландскіе пастухи объявили, что черныя овцы пропадаютъ съ холмовъ—«крадутся враждебнымъ населеніемъ». Обыски въ крестьянскихъ домахъ не подтвердили такого заключенія. Были, правда, найдены кое-гдѣ слѣды воровства, но отнюдь не въ такихъ размѣрахъ, чтобъ ему можно было приписать исчезаніе многихъ сотенъ овецъ. Скоро загадка начала разъясняться. Трупы овецъ находились десятками по сторонамъ

холмовъ, что не замедлили, конечно, объяснить тѣмъ, что онѣ «убиты разбойниками крестьянами». Вознагражденіе стоимости этихъ «умышленно убитыхъ» овецъ было возложено на округъ. Тѣмъ не менѣе убиваніе или исчезаніе овецъ продолжалось. И чѣмъ большіе размѣры оно принимало, тѣмъ тяжелѣе становились взысканія; а чѣмъ крупнѣе дѣлались требованія вознагражденій, тѣмъ шире распространялось раззореніе.

Наконецъ одному изъ коронныхъ чиновниковъ пришло въ голову, что во всемъ этомъ есть что-то подозрительное. Онъ узналъ, что овцы ввозятся изъ Шотландіи отъ семи съ половиной до десяти шиллинговъ за штуку, а на горахъ онѣ оцѣниваются отъ семнадцати съ половиной до двадцати пяти шиллинговъ за голову. Ему показалось, что пока это будетъ продолжаться, продажа овецъ должна необходимо процвѣтать. Какъ только явилось подозрѣніе, начали обнаруживаться странные факты. Были обысканы дома пастуховъ и найдены убитые бараны въ слишкомъ изобильномъ числѣ. Тогда было наряжено формальное и строгое слѣдствіе, которое и доказало несомнѣнно, что овцы погибали въ большомъ числѣ отъ дурной погоды, въ еще большемъ числѣ отъ того, что сами падали съ утесовъ и обрывовъ, и наконецъ въ нѣкоторомъ, сравнительно небольшомъ, количествѣ отъ слишкомъ изобильнаго снабженія стола пастуховъ. Вскорѣ судьи съ негодованіемъ начали отказывать въ удовлетвореніи чудовищныхъ взысканій *). *Mirabili dictu*, когда взысканіе убытковъ было остановлено, прекратился и привозъ черныхъ овецъ.

Но пока все это совершилось, какія страданія испытывалъ несчастный народъ! «Взысканія» довели его, и безъ того крайне бѣднаго, до такого положенія, которое навѣрное могло бы вызвать сочувствіе къ курдскому разбойнику. Весной 1858 г. я нарочно ѣздилъ изъ Дублина по всей этой мѣстности. Я былъ потрясенъ всѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, и принялъ самое дѣятельное, можетъ-быть даже раздраженное участіе въ послѣдовавшей за тѣмъ агитаціи. Никакая болгарская хижина послѣ нападенія баши-бузуковъ не могла бы представить болѣе ужаснаго вида раззоренія, чѣмъ эти донегальскія лачуги послѣ судебныхъ взысканій. И между

*) 1-го августа 1860 г., послѣ того, какъ присяжные на лиффордскихъ ассизахъ объявили въ своемъ вердиктѣ, что овцы погибали выше описаннымъ путемъ, судья Монаганъ сказалъ: „Я вполнѣ удовлетворенъ, потому что я съ самаго начала былъ убѣжденъ, что эти овцы никогда не убивались умышленно“. *Прим. автора.*

тѣмъ ни захватъ всего имущества, ни продажу телятъ, козъ, свиней, птицъ, мало того — постелей, горшковъ и корытъ — народъ не чувствовалъ такъ остро и больно, какъ выставку его передъ всѣмъ свѣтомъ, какъ шайку воровъ и овцекрадовъ. Я могу допустить, что нѣсколько овецъ были дѣйствительно украдены, но это ни въ какомъ случаѣ не было дѣломъ организованной системы и дѣлалось отнюдь не съ одобренія народнаго чувства. Мнѣ кажется, что только нѣсколько случаевъ кражи или убиванія въ самомъ началѣ и подали поводъ къ установившейся потомъ системѣ приписыванія всѣхъ пропажъ преступному поведенію населенія.

М-ръ Адейръ тоже занимался черными овцами, и изъ всѣхъ ландлордовъ, спекулировавшихъ на этомъ, онъ самымъ ожесточеннымъ образомъ нападалъ за эти «злоумышленныя убиванія», на «беззаконную дикость» туземцевъ. Въ январѣ 1860 года онъ объявилъ своимъ крестьянамъ-арендаторамъ, что они должны оставить его землю, такъ какъ онъ намѣренъ округлить фермы. Пропажа овецъ, слѣдовавшая такъ скоро за другими причинами ссоры, довела отношенія между нимъ и народомъ до очень остраго состоянія. Какъ было дѣло въ дѣйствительности, можно видѣть изъ слѣдующаго оффиціальнаго постановленія собранія судей во время сессіи въ Чёрчь-Гиллѣ:

«Собраніе того мнѣнія, что ни одной овцы м-ра Адейра не было умышленно убито или украдено. Мы удостовѣрились, что полиція нашла 66 овецъ умершими отъ дурной погоды, такъ какъ на нихъ не оказалось никакихъ знаковъ насилія».

Но, къ несчастію, скоро онъ получилъ еще болѣе вѣскій поводъ къ непріязни, болѣе сильный импульсъ для злобы и раздраженія. Утромъ 13-го ноября его управляющій Джемсъ Моррей оставилъ Глинвейскій коттеджъ и никогда уже больше не возвращался въ него, а 15-го его трупъ былъ найденъ на горахъ, со знаками насилія, которые присяжные признали нанесенными рукой убійцы. Единственнымъ свидѣтелемъ (кромѣ доктора) по этому дѣлу былъ шотландецъ, помощникъ пастуха, Дугалдъ Ранкинъ, котораго ненависть къ глинвейскому народу была всѣмъ извѣстна. Адейръ, смотря на трупъ своего слуги, убитаго, какъ онъ думалъ, за точное выполненіе своихъ обязанностей,— задумалъ ужасное мщеніе. Онъ составилъ цѣлый каталогъ изъ воображаемыхъ преступленій. Двѣ его собаки были отравлены, хотя судъ и отказался признать это дѣло предумышленнымъ.

Одно изъ строеній въ Гартенскомъ имѣніи загорѣлось, когда онъ былъ въ гостяхъ у преп. м-ра Матурина. Двѣсти его овецъ были убиты на горахъ, сколько бы судьи ни утверждали, что это дѣло случая или непогоды. И теперь его управляющій прямо убитъ. Онъ покажетъ этому народу, что онъ умѣетъ побѣждать. Онъ заставитъ чувствовать, какъ ужасно можетъ быть его мщеніе.

Его рѣшеніе состояло въ томъ, чтобы согнать съ земли все населеніе Деррибея, сконцентрированное главнымъ образомъ, сколько мнѣ извѣстно, въ маленькой деревушкѣ на лохгартенской сторонѣ холма. Для охраны своего стада и самого себя въ виду замышляемаго имъ отчаяннаго предпріятія, онъ просилъ и получилъ спеціальный отрядъ полиціи изъ Дублинскаго замка. Парламентскій отчетъ, изданный въ маѣ 1861 года, содержитъ курьезное указаніе на ссору г. Адейра съ исполнительною властью въ Дублинскомъ замкѣ изъ-за стоимости и вліянія этого гарнизона. Въ дѣйствительности, въ отвѣтъ на тяжкія обвиненія, которыя онъ представилъ въ судъ, представители правительства, мѣстные судьи, духовенство, протестанты и католики, полицейскіе инспекторы—всѣ открыто выражали свое сожалѣніе, тревогу или неудовольствіе на чудовищное дѣло, которое онъ затѣвалъ,—ни больше, ни меньше какъ изгнаніе сотенъ неповинныхъ людей, мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, въ отмщеніе за преступленіе какой-то неизвѣстной руки. Сосѣдніе ландлорды, повидимому, смотрѣли на это какъ на опасный горючій матеріалъ, попавшій въ ихъ среду, какъ на человѣка, котораго «чувство долга» привело къ тому, что онъ погрузилъ ихъ страну въ состояніе волненія и безпокойства. Судьи округа, собравшись въ Чёрчь-Гиллѣ, нашли положеніе дѣлъ настолько серьезнымъ, что постановили слѣдующую резолюцію:

«Рѣшено, что обжалованныя насилія возникли, по нашему мнѣнію, изъ причинъ, никоимъ образомъ не связанныхъ съ прилегающими имѣніями, и прежде, и теперь находившимися въ полномъ спокойствіи».

М-ръ Диллонъ, правительственный судья, спрашивалъ товарища статсъ-секретаря Ирландіи, сэра Томаса Ларкома: «Входитъ ли въ мои обязанности, какъ и обязанности полиціи, присутствовать и оказывать содѣйствіе во время разрушенія домовъ?» Протестантскій ректоръ, препод. м-ръ Матуринъ, писалъ въ дублинскій *Daily Express*, послѣ того, какъ мщеніе м-ра Адейра было удовлетворено:

«Существуетъ сильное основаніе предполагать, что убійство совершено личностями, не принадлежащими къ округу... Я могу предположить другія причины, конечно, подозрительныя и нѣсколько таинственныя... Какъ почувствовалъ бы себя м-ръ Адейръ, еслибы черезъ нѣкоторое время оказалось, что убійство совершено кѣмъ-нибудь, кто не имѣетъ никакого отношенія къ крестьянамъ Деррибея, которыхъ онъ изгоняетъ за это и которыхъ рыданія навсегда будутъ звучать въ его ушахъ?».

Нужно сказать правду, несмотря на то, что несчастные горцы были, сколько мнѣ извѣстно, исключительно католики, этотъ добрый и уважаемый протестантскій священникъ принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ усиліяхъ спасти ихъ. Вмѣстѣ съ католическимъ священникомъ округа, преп. м-ромъ Кейромъ, они написали м-ру Адейру коллективное письмо, въ которомъ высказывали увѣренность, что они не напрасно взываютъ къ его милосердію. Они представляли самыя вѣскія доказательства честнаго характера и доброй и мирной натуры выгоняемаго народа, который они знали въ теченіе всей своей жизни, и энергично отрицали, чтобъ его можно было подозрѣвать въ какомъ бы то ни было соучастіи въ убійствѣ Моррея. Отвѣтъ Адейра былъ сухъ и неумолимъ. Онъ перечислялъ всѣ дѣйствительныя и воображаемыя преступленія и, глубоко сожалѣя о томъ, что онъ считалъ необходимостью, рѣшался изгнать жителей изъ этой части имѣнія. Нѣкоторые, въ хорошемъ поведеніи которыхъ онъ увѣренъ, не будутъ тронуты. Тѣмъ же, которыхъ рекомендовали ему за такихъ духовные отцы, онъ предлагалъ горные участки по контрактамъ въ другихъ мѣстахъ. Нѣтъ нужды перечислять его доводы. Человѣкъ, претендующій быть «спасителемъ общества», всегда имѣетъ благочестивое оправданіе для всякихъ крайностей въ своемъ поведеніи.

Вѣсть о бурѣ, готовой разразиться надъ народомъ, дошла до него въ февралѣ 1861 года. Нѣкоторые поняли ея ужасное значеніе, но большинство — нѣтъ. Въ дѣйствительности только немногіе до самаго момента изгнанія вѣрили, чтобы такое насиліе было возможно. Въ своемъ далекомъ и уединенномъ углу они никогда не слыхали, чтобы кто-нибудь обладалъ такою властью. Они платили свои ренты; они никому не сдѣлали ничего дурнаго. М-ръ Адейръ обратился въ Дублинскій замокъ и поклялся подъ присягой, что безъ вооруженнаго конвоя жизнь пристава, по его мнѣнію, подвергнется опасности во время предпринимаемыхъ имъ

изгнаній. Правительственный судья, Консидайнъ, давшій ему этотъ конвой, сказалъ, что «изгнанія, предпринятыя Адейромъ, ровно ничѣмъ не были вызваны со стороны крестьянъ». И дѣйствительно, странно было видѣть, какая тишина висѣла надъ долиной въ то самое время, когда во «внѣшнемъ мірѣ» невѣдомо для этого обреченнаго и наивнаго народа судьи, полицейскіе, чуть не вся исполнительная власть Дублина были такъ возбуждены и такъ полны опасеній, какъ будто приближался страшный день. Переписка между различными чиновниками и общественными учрежденіями относительно посылки и сосредоточенія отрядовъ полиціи и войска занимала нѣсколько страницъ синей книги. Настроеніе и приготовленія были таковы, какъ будто Деррывей приходилось отбивать и отнимать у цѣлой окопавшейся арміи. Помощникъ шерифа, Крюкшенкъ, писалъ товарищу статсъ-секретаря Ирландіи, сэру Томасу Ларкому, что кромѣ двухсотъ полицейскихъ ему необходимо нѣкоторое количество войска съ палатками и багажомъ.

«Поэтому я прошу, чтобы 8 числа, въ понедѣльникъ, въ двѣнадцать часовъ меня встрѣтили въ Лохъ-Барра офицеръ съ 30 нижними чинами, въ помощь гражданской силѣ. Если отрядъ выѣдетъ изъ Дублина по желѣзной дорогѣ въ пятницу утромъ, онъ будетъ въ Страбенѣ въ четыре часа и останется тамъ на ночь; на слѣдующій день дойдетъ до Леттеркенни, разстояніе въ 14 ирландскихъ миль, пробудетъ тамъ воскресенье и встрѣтитъ насъ въ понедѣльникъ утромъ. Имѣя въ виду, что сила понадобится въ теченіе понедѣльника, вторника и части среды, я предлагаю на ваше усмотрѣніе, не найдете ли вы благоразумнымъ, если не необходимымъ, снабдить солдатъ палатками, такъ какъ въ такой горной странѣ, какъ Глинвей, невозможно будетъ найти помѣщенія для ночлега; возвращаться же для этого въ Леттеркенни, около 10 миль, послѣ цѣлаго дня подъ ружьемъ и въ виду необходимости быть на мѣстѣ на другой день, было бы слишкомъ утомительно».

Ночью въ воскресенье 7 апрѣля нѣсколько отрядовъ собрались вокругъ мѣста дѣйствія и заняли проходы въ долину или остановились въ виду ихъ. А несчастный народъ продолжалъ дремать въ своей довѣрчивости. Это было нѣчто похожее на сонъ Магдональда въ ночь передъ Гленкоэ.

Рано утромъ въ понедѣльникъ 8 апрѣля видъ красныхъ мундировъ и блескъ штыковъ у южнаго входа въ долину подали

сигналъ къ тревогѣ; по лохъ-гартенской сторонѣ, отъ дома къ дому, отъ холма къ холму, начали раздаваться тревожные крики. Вскорѣ вся мѣстность огласилась рыданіями, приводившими въ дрожь самое твердое сердце. Бѣдный народъ группами выходилъ изъ хижинъ и смотрѣлъ на приближающуюся силу; женщины и дѣти потрясали небо своими отчаянными рыданіями. Спеціальный корреспондентъ *Delly Standard*, руководящей протестантской газеты сосѣдняго графства, даетъ слѣдующій отчетъ о видѣнной имъ сценѣ: «Первое изгнаніе было особенно ужасно, и неумолимость закона вдругъ охватила удивленныхъ зрителей. Придя въ Лохъ-Барра, полиція остановилась и шерифъ съ небольшимъ конвоемъ направился къ дому 60-ти лѣтней вдовы по имени М'Авардъ, жившей вмѣстѣ со своими шестью дочерьми и однимъ сыномъ. Гораздо раньше, чѣмъ они подошли къ дому, оттуда раздавались громкіе крики и скоро фигура старухи, сопровождаемой дочерьми, показалась въ дверяхъ; ихъ горе дошло до агоніи. Принужденный исполнить непріятную обязанность, шерифъ вошелъ въ домъ и передалъ его въ распоряженіе управляющаго м-ра Адейра, по приказанію котораго 6 человѣкъ, приведенные издалека, немедленно же сравняли домъ съ землей. За этимъ послѣдовала невыразимая сцена. Разоренная вдова и ея дочери отдались неистовому отчаянію. Почти безъ чувствъ онѣ упали на землю и разразились рыданіями и криками на ирландскомъ языкѣ, который многіе изъ присутствовавшихъ слышали въ первый разъ; ихъ вопли разносились и повторялись въ горахъ на многія мили вокругъ. Онѣ лишились дорогаго угла, связаннаго со всѣмъ ихъ прошлымъ; впереди ихъ ожидала мрачная бѣдность и открытое небо вмѣсто кровли. И тотъ, кто видѣлъ ихъ агонію, никогда не забудетъ ее. Никто не могъ оставаться нетронутымъ. Сердце всякаго сжималось и у многихъ текли слезы сочувствія. Скоро мы оставили это мѣсто и вдову съ ея сиротами, окруженныхъ небольшой группой сосѣдей, которые не могли ничѣмъ больше помочь бездомнымъ горемыкамъ, какъ выраженіемъ симпатіи. Въ теченіе этого и двухъ слѣдующихъ дней были обойдены всѣ выше перечисленные участки имѣнія и только въ среду изгнанія окончились. Во всѣхъ этихъ случаяхъ раззореніе несчастныхъ жителей не отличалось отъ описаннаго перваго случая. Напрасно цѣплялись они за свои дома до послѣдняго момента; пока мущины выносили вонъ свой жалкій скарбъ, женщины продолжали оставаться внутри, несмотря на всѣ старанія пристава выгнать

ихъ оттуда; онѣ никакъ не могли оторваться отъ воспоминанія о другихъ болѣе счастливыхъ дняхъ. Нужно было видѣть, какъ они посылали своимъ когда-то мирнымъ, а теперь разоренныхъ домамъ свое страстное послѣднее прости. *Одинъ старикъ около 90 лѣтъ, оставляя свой домъ, какъ святыню, поцѣловалъ косякъ двери со всею нѣжностью эмигранта, покидающаго родину.* Его жена и дѣти послѣдовали его примѣру, и подавленное семейство въ отчаянномъ молчаніи смотрѣло на разрушеніе ихъ жилища. Въ другомъ случаѣ девяностолѣтній старикъ лежалъ больной на постели и былъ вынесенъ вонъ, чтобы произвести формальную передачу правъ владѣнія, а затѣмъ получилъ позволеніе остаться въ домѣ еще недѣлю. Почти въ каждомъ домѣ были такіе старики или старухи—многіе на краю могилы. Рыданія безпомощныхъ дѣтей раздирали сердца всѣхъ окружавшихъ. Лишенныя домовъ семьи располагались группами на землѣ позади своихъ развалинъ, такъ какъ не имѣли по близости мѣста, чтобъ укрыться хоть на время. Домашнія животныя не хотѣли оставлять своихъ хлѣвовъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ были съ трудомъ спасаемы отъ опасности погибнуть подъ развалинами. Съ наступленіемъ ночи сцена сдѣлалась еще печальнѣе. Идя вдоль гребня горъ, прохожій могъ видѣть около всякаго разрушеннаго дома его бывшихъ обитателей вокругъ торфянаго костра, возлѣ изгороди; мелкій холодный дождикъ мочилъ ихъ и, не имѣя крыши, они отогрѣвали у огня свои окоченѣвшіе члены. Многіе были очень дурно одѣты; всюду видѣлось полное разореніе. Потомъ я узналъ, что громадное большинство ихъ провели всю ночь лежа подъ изгородью или въ небольшомъ лѣсу около озера; у нихъ не было другаго выбора. Я увѣренъ, что многіе пошли въ рабочіе дома. Страшно вспоминать это, а каково же переживать!»

Эти извѣстія дошли до меня въ Дублинѣ. Я много хлопоталъ объ этихъ бѣднякахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ ихъ мѣстности, три года тому назадъ, я принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Вотъ почему, даже теперь, я не стыжусь сказать, что узнавши все это, я заплакалъ, какъ ребенокъ. Но одни рыданія ничѣмъ не могли помочь бѣднымъ жертвамъ. Что намъ было дѣлать? Они не должны погибать. Ихъ необходимо спасти. Такъ говорили нѣкоторые друзья, не меньше меня принимавшіе близко къ сердцу ихъ незаслуженныя бѣдствія. Общественное мнѣніе было возбуждено этими ужасными событіями до послѣдней степени. Нашъ журналъ тотчасъ же предложилъ обратиться къ обществен-

ной помощи и получилъ быстрый отвѣтъ. Былъ организованъ мѣстный комитетъ помощи и выпущено обращеніе къ христіанскимъ сердцамъ всего свѣта. Этотъ замѣчательный документъ носилъ подписи католическаго епископа, высокопреподобнаго д-ра Макъ-Геттигена, протестантскаго ректора преподобнаго м-ра Матурина, пресвитеріанскаго проповѣдника преподобнаго м-ра Джака и приходскаго католическаго священника преподобнаго м-ра Кейра. Въ немъ разсказывалась вся исторія и опровергались въ сильныхъ выраженіяхъ всѣ клеветы и обвиненія, которыя выставлялись предлогомъ для разворенія. На призывъ горячо отозвалась вся Ирландія. Люди всѣхъ классовъ и исповѣданій со всѣхъ сторонъ спѣшили со своими приношеніями.

Но вѣнцомъ усилій было дѣло эмигрировавшихъ ирландцевъ. Донегальскій (австралійскій) кельтскій комитетъ помощи, основанный въ Мельборнѣ главнымъ образомъ благодаря усиліямъ покойнаго Михаила О'Гради, которому я тотчасъ же написалъ по этому поводу, рѣшилъ увезти этихъ жертвъ бездумной злобы къ «счастливымъ домамъ и свободнымъ алтарямъ». Тотчасъ же была собрана крупная сумма денегъ и отъ правительства Викторіи присланъ оффиціальный агентъ организовать все необходимое для выполненія этого благодѣтельнаго плана при содѣйствіи ирландскаго комитета. Эти извѣстія произвели сильное впечатлѣніе въ Донегалѣ. Бѣдный народъ былъ разысканъ и собранъ. За это время нѣкоторые уже успѣли погибнуть подъ тяжестью страданій. Одинъ крестьянинъ, по имени Брадлей, потерялъ разсудокъ отъ потрясенія. Были и другіе случаи, не менѣе раздирающіе душу. Были старики, которые хотѣли оставаться въ виду своихъ разрушенныхъ домовъ, въ полной увѣренности, что въ одинъ прекрасный день м-ръ Адейръ позволитъ имъ возвратиться назадъ; въ концѣ концевъ имъ конечно пришлось умереть въ далекихъ госпиталяхъ рабочихъ домовъ. Со странною смѣсью радости и печали услышали оставшіеся въ живыхъ, что друзья въ Австраліи заплатили за ихъ проѣздъ въ новую и лучшую землю.

Странныя сцены приходилось наблюдать въ день отъѣзда ихъ на станцію желѣзной дороги по пути въ Ливерпуль. Обозъ сопровождался цѣлою вереницей сосѣдей и сочувствующихъ. Имъ пришлось проѣзжать мимо стараго кладбища, гдѣ покоились ихъ предки. Они остановились, свернули въ сторону и пошли къ заросшему травой кладбищу. Здѣсь они всѣ вмѣстѣ стали на колѣни, припали къ землѣ на могилахъ своихъ родственниковъ,

снова и снова благоговѣйно цѣловали ихъ и въ послѣдній разъ прокричали ирландское *caoine* или похоронное причитанье. Затѣмъ нѣкоторые сорвали по клочку травы, которую положили въ свои мѣшки, и возвратились обратно на дорогу въ изгнаніе. Я видѣлъ ихъ въ Дублинѣ въ промежутокъ времени отъ прихода поѣзда желѣзной дороги и до отхода парохода въ Ливерпуль. Когда они проходили по улицамъ города въ ресторанъ, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ обѣдъ, они вызвали огромный интересъ и удивленіе народа. «Эмигранты, какъ мужчины, такъ и женщины, — говорила одна изъ городскихъ газетъ, — представляли зрѣлище вполнѣ достойное удивленія и сочувствія. Такой видный народъ еще никогда не оставлялъ нашу страну. Высокаго роста, съ красивыми и правильными чертами лица, полными добродушія, они наполняли сердце всякаго зрителя сожалѣніемъ, что такой народъ долженъ оставить насъ навсегда». До Ливерпуля ихъ сопровождалъ преподобный Джемсъ Макъ-Фадденъ, великодушный молодой священникъ, самымъ неутомимымъ образомъ заботившійся о нихъ съ перваго часа ихъ несчастій. Я цитирую изъ той же газеты слѣдующій отчетъ объ его прощальной рѣчи и сценѣ, которая не могла не тронуть всякаго.

Когда обѣдъ кончился, препод. м-ръ Макъ-Фадденъ, среди торжественной тишины, обратился къ собранію съ нѣсколькими словами. Онъ говорилъ на кельтскомъ языкѣ. По мѣрѣ того, какъ раздавался полный душевнаго волненія голосъ молодаго священника, печальное молчаніе мало-по-малу начало прерываться всхлипываньемъ женщинъ и слезы потекли по многимъ щекамъ. Онъ напомнилъ имъ, что это послѣдняя трапеза, которую они раздѣляютъ на родной почвѣ, что черезъ нѣсколько часовъ они навсегда оставятъ Ирландію. Онъ говорилъ объ ихъ старыхъ домахъ среди холмовъ Донегала, о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ въ опустѣвшей и молчаливой долинѣ Деррибея, о мирѣ и счастьи, которые они знали тамъ, ибо были довольны и свободны отъ соблазновъ и опасностей дѣловаго міра. Онъ напомнилъ имъ объ ихъ простой жизни, о регулярномъ посѣщеніи церковной службы, объ исповѣди, объ утѣшеніи вѣры. Не мало пролито было слезъ, когда онъ говорилъ о томъ, какъ глубоко будутъ чувствовать ихъ отъѣздъ ихъ духовники. Но самая горькая сторона ихъ судьбы, по его мнѣнію, заключалась въ томъ, что позади себя они оставляютъ родителей и родныхъ не подъ тѣнью стараго дерева, какъ другіе эмигранты, но, увы, безъ всякой кровли и убѣжища, бродя-

гами и изгнанниками, въ рабочемъ домѣ или на большой дорогѣ. «Но,—сказалъ онъ,—вы ѣдете въ лучшую землю, свободную страну, гдѣ нѣтъ тирановъ, такъ какъ тамъ нѣтъ рабовъ. Друзья протянули свои руки къ вамъ; они ожидаютъ васъ на берегу той лучшей земли. Но и здѣсь, въ этомъ городѣ, васъ встрѣтили сердца не менѣе справедливыя и добрыя къ вамъ. Пусть вашими послѣдними словами на ирландской почвѣ будетъ благодарность человѣку, который стоитъ подлѣ меня, м-ру Александру М. Сулливану. Онъ нашелъ время среди всѣхъ своихъ дѣловыхъ заботъ приготовить все это, чтобы доставить вамъ необходимое и сдѣлать пріятнымъ вашъ проѣздъ черезъ этотъ городъ. Какъ ни былъ онъ занятъ сегодня, а все же таки пришелъ на станцію встрѣтить насъ съ поѣзда, и здѣсь онъ проводитъ съ вами время, какъ съ своей семьей. Но это только часть его длинныхъ трудовъ на пользу народа Донегала, начиная съ того памятнаго Рождества, когда онъ первый началъ звать на помощь намъ. Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ работать для нашего дѣла. Поблагодарите же его и его друзей, которые сегодня встрѣтили насъ здѣсь и посвятили намъ столько заботъ. А теперь, дорогіе братья, намъ нужно разстаться. Прежде чѣмъ ваши ноги оставятъ родную землю, обѣщайтесь мнѣ, что вы, прежде всего остальнаго, будете вѣрны вашему Богу и преданы вашимъ религіознымъ обязанностямъ, при какихъ бы обстоятельствахъ вамъ ни случилось быть (плачъ и крики: «Будемъ, будемъ!»). Никогда не забывайте вашей утренней и вечерней молитвы и не пренебрегайте св. причастіемъ хоть въ Рождество и Пасху. Смотрите же, братья, не забывайте про бѣдную старую Ирландію (невыразимое волненіе и крики: «Никогда, видитъ Богъ, никогда!»), не забывайте стариковъ. Помните, что они считаютъ дни, пока отъ васъ не придутъ письма. Они будутъ молиться за васъ и мы всѣ помолимся, чтобы Богъ былъ съ вами».

Стоя на набережной Дублина, я сказалъ этимъ бѣднякамъ послѣднее прости и молилъ Бога, чтобъ Онъ избавилъ ихъ подъ болѣе счастливымъ небомъ отъ жестокихъ несчастій, какія они пережили дома. Спустя 6 мѣсяцевъ, м-ръ О'Гради прислалъ мнѣ подробный отчетъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ. Каждый изъ нихъ былъ въ хорошихъ обстоятельствахъ, писалъ онъ.

Осенью прошлаго года я опять посѣтилъ Донегалъ. Я сидѣлъ на берегу того же тихаго озера и смотрѣлъ внизъ на тѣнистую долину. На выдающейся точкѣ, подъ величественными утесами

горы, м-ръ Адейръ построилъ замокъ. Быть-можетъ красоты, которыхъ не могъ открыть въ уединеніи Селькиркъ *), и доставляли ему наслажденіе «въ этомъ раззоренномъ углу». Безъ сомнѣнія, «воспѣтая красота», которая, по его собственнымъ словамъ, первая привлекла его на это мѣсто, не имѣетъ себѣ подобной, — Глинвей есть и всегда будетъ очень красивъ. Но что до меня касается, то, когда я смотрѣлъ на эту картину, мое чувство удовольствія было отравлено воспоминаніями, полными горечи. Мои мысли невольно возвращались назадъ къ тому ужасному апрѣльскому утру на гратанской сторонѣ. Мнѣ казалось, я слышу межъ холмовъ рыданія вдовъ и женскіе крики отчаянія. Я думалъ о прощаніяхъ на могилахъ и о толпѣ на палубѣ парохода. Вотъ снова я слышалъ ихъ слезы и рыданія. Среди плеска веселъ и торопливыхъ криковъ матросовъ, казалось, до меня еще разъ долетѣла молитва: «Да будетъ Богъ съ Глинвеемъ!».

*) Селькиркъ—шотландскій писатель, жившій въ началѣ 19-го столѣтія. *Прим. перев.*

Непогода.

Злобно буря реветъ надъ притихшей землей,
Ломитъ дубы съ корней вѣковые;
Вьется молнія въ тучахъ лукавой змѣей;
Съ неба полосы льетъ огневыя.

*
* *

Тучи бурно ведутъ межъ собой разговоръ...
Грозны эти громовыя рѣчи!...
И подъ вихремъ со стономъ склоняется боръ,
Уступая неласковой встрѣчѣ.

*
* *

Любъ мнѣ говоръ могучій борьбы удалой,
Гдѣ земля съ непогодою въ спорѣ...
Чувство силы отважной въ груди молодой
Разгулялось, какъ волны на морѣ...

*
* *

Упоенный грозой, я зову васъ на бой,
Вы—несчастья мои и невзгоды!
Слейтесь въ голосъ одинъ, слейтесь въ силѣ одной,
Выходите подъ громъ непогоды.

*
* *

Силы чудной приливъ въ смѣломъ сердцѣ кипитъ,
Духъ отважный къ опасности рвется,
Страстной жаждой борьбы ретивое горитъ,
Надъ порывами бури смѣется.

*
* *

Если мнѣ суждено въ битвѣ пасть роковой,
Въ грудь безмолвно удары приму я,—
И силенъ, и могучъ, словно дубъ вѣковой,
Я паду, на судьбу негодуя.

*
* *

Лучше пасть подъ грозой, чѣмъ подъ мелкой бѣдой
Изнемочь въ утомительномъ спорѣ...
Никого не боясь, я свой челнъ удалой
Правлю прямо въ сердитое море.

*
* *

Но, быть-можетъ, побѣда судьбой суждена
Въ исполинской борьбѣ удалому?...
О, тогда прогремитъ въ пѣснѣ звонкой она,
Вторя эхомъ весеннему грому.

Н. Соколовъ.

Отъ муравейника земного къ небесамъ,
Къ покою вѣчному изъ бездны вѣчной битвы,
Изъ копоти костровъ къ сіяющимъ звѣздамъ
Несутся отъ людей желанья и молитвы—
Мольбы и мудрецовъ, и суетныхъ невѣждъ;
Но пепелъ и зола сгорающихъ надеждъ—
Все разсѣвается, и вѣтеръ ихъ разноситъ,
А смерть своей косой безъ устали все коситъ:...
Мольбы, проклятія безслѣдно въ свой чередъ
Падутъ какъ смрадъ и пыль отъ суетнаго свѣта...
Такъ пусть же съ губъ моихъ предъ смертію скользнетъ
Проклятіе взамѣнъ молитвы безъ отвѣта!...

Л. Пальминъ.

О новыхъ книгахъ.

Князь Александръ Илларіоновичъ Васильчиковъ. 1818—1881 г. Біографическій очеркъ. (Къ книгѣ приложенъ портретъ князя А. И. Васильчикова.) Составилъ *А. Голубевъ*. Спб. 1882 г.

Данная книга довольно полно освѣщаетъ князя Васильчикова какъ писателя крайне отзывчиваго къ общественнымъ нуждамъ, какъ человѣка сильнаго умомъ и характеромъ, который не потерялся послѣ событій 19 февраля 1861 года, не ушелъ, подобно другимъ помѣщикамъ, изъ деревни, а остался тамъ, приспособился къ новымъ условіямъ жизни и выступилъ на помощь крестьянамъ, очутившимся послѣ паденія крѣпопостнаго права въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ само дворянство. Князь Васильчиковъ взялъ сторону народа, сталъ искать для него путей къ выходу изъ тяжелаго настоящаго и не менѣе затруднительнаго будущаго, рисовавшагося ему впереди. Эта жажда дѣйствовать, думать, отыскивать путь къ выходу—не оставляла князя вплоть до его смерти, которая послѣдовала 2 октября 1881 года.

Всѣ вопросы, волновавшіе русское общество, волновали и Александра Илларіоновича. При этомъ онъ не ограничивался безмолвными вздохами или безполезными «ахами», а тотчасъ съ своимъ мощнымъ, сильнымъ словомъ выступалъ на борьбу. Если не было возможности произнести это слово публично въ предѣлахъ Россіи, онъ говорилъ за границей. Тамъ было издано его письмо къ графу Толстому, бывшему министру народнаго просвѣщенія, по поводу непригодности классической системы образованія. Онъ издалъ письмо съ цѣлью вразумить, указать графу на ошибки, спасти русское юношество и облегчить родителей. Когда поднялся вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, князь Васильчиковъ и тутъ принялъ живое участіе. Когда началась на Руси земская дѣятельность, онъ выступилъ земскимъ гласнымъ и работалъ въ интересахъ крестьянства. Началась война за независимость славянъ,—онъ издалъ брошюру: «Восточный вопросъ» и т. д. Ни одно общественное движеніе, ни одно общественное дѣло не прошло мимо него,—на все онъ откликался открыто и рѣшительно.

Г. Голубевъ въ своей книгѣ освѣщаетъ передъ читателемъ только общественную дѣятельность князя Васильчикова; другихъ сторонъ онъ совсѣмъ не касается и, какъ намъ кажется, ошибочно полагаетъ, что ему удалось обрисовать образъ жизни князя, его отношенія къ людямъ и т. д. (стр. 151). Все это справедливо по отношенію къ князю Васильчикову, какъ къ писателю; но образъ писателя далеко не исчерпываетъ личность покойнаго князя. Писатель, его литературныя отношенія — это только казовая сторона. Другая — закулисная — не менѣе интересна не только тогда, когда она касается такого выдающагося, честнаго общественнаго дѣятеля, но и вообще всякаго смертнаго. Каждый человѣкъ, какъ бы ни былъ мелокъ кругъ его дѣятельности и интересовъ, каждый, а въ особенности мыслящій, проживший полвѣка, своею будничною, повседневною жизнью можетъ дать не мало поучительнаго наслѣдія слѣдующему поколѣнію, для котораго еще многое ново, многое кажется вопросомъ.

Поэтому нельзя не пожалѣть, что авторъ названнаго біографическаго очерка, какъ видно, близко знавшій князя и его друзей, не набросалъ, имѣя на то возможность, полнаго портрета этой выдѣляющейся личности.

Вѣдь писателемъ онъ былъ не всю жизнь, а человѣкомъ—постоянно.

Въ названной книгѣ г. Голубевъ слѣдитъ за постепеннымъ ростомъ мысли князя Васильчикова въ извѣстномъ направленіи, останавливается на его работахъ, анализируетъ ихъ, отмѣчаетъ отношеніе къ нимъ рецензентовъ и критиковъ тѣхъ и другихъ журналовъ не только русскихъ, но и иностранныхъ. Въ концѣ книги прикладываетъ всѣ некрологи и статьи, вызванные смертью Александра Илларіоновича.

Прочитавши съ удовольствіемъ книгу г. Голубева, не можемъ не отмѣтить того рѣзкаго противорѣчія, въ какое авторъ становится, нѣкоторыми мѣстами своей книги, съ приложеннымъ къ ней предисловіемъ.

Въ предисловіи на первой же страницѣ поражаютъ слѣдующія слова автора: «Въ переживаемое русскимъ обществомъ смутное и тяжелое во всѣхъ отношеніяхъ время, когда въ жизни почти не замѣтно *ни сильной мысли*, *ни крѣпкихъ убѣжденій* (?), *ни высокихъ характеровъ* (!), а если и есть все *это въ рѣдкихъ исключеніяхъ*, то попряталось, ушло въ себя» и т. д.

Но на страницѣ 31 своего «очерка» авторъ какъ бы самъ сознаетъ, что говорить такъ и думать, какъ онъ думаетъ, значитъ быть зрячимъ и не умѣть видѣть; онъ отказывается отъ высказанной мысли, хотя она, какъ видитъ читатель, вылилась у него довольно категорически. Вотъ что говоритъ онъ здѣсь: «Вопросъ о податной реформѣ донынѣ остался открытымъ, и мнѣніе Александра Илларіоновича мало того, что не потеряло своего значенія, но и служитъ хорошимъ отвѣтомъ *тѣмъ*, *кто сѣтуетъ на отсутствіе у насъ дѣятелей и въ то же время не цѣнитъ и не пользуется трудами лицъ*, *дѣйствительно*, *разумныхъ* и подго-

товленныхъ къ дѣлу. Такія мнѣнія, какія высказывалъ Александръ Илларіоновичъ въ земствѣ, убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ, что *русская земля бѣдна не отсутствіемъ дѣятелей*, знающихъ, «свѣдущихъ» людей, а *возможностью приложить мысли и знанія къ дѣлу*».

Объясненіе весьма вѣрное. На страницѣ 153 авторъ высказываетъ его въ еще болѣе рѣшительной формѣ: «Совершившееся освобожденіе крестьянъ и возникшее земство дали Александру Илларіоновичу возможность проявить свою дѣятельность. Въ немъ сразу обнаружился и ораторъ, и публицистъ—фактъ глубокой важности, и ему не придаютъ значенія лишь тѣ, которые притворно указываютъ на то, что *въ Россіи людей нѣтъ*».

Авторъ забылъ, что онъ именно этимъ отрицаніемъ и началъ свое предисловіе. Потому брошенный сейчасъ упрекъ возвращается прежде всего рикошетомъ на него самого. Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ люди есть, но большинство изъ нихъ находится въ состояніи гипнотизма. И только обильный притокъ свѣжаго воздуха можетъ освободить ихъ отъ гипноза, а новыя условія—дать возможность проявить свои силы и заставить близоруких во-очію убѣдиться, что у насъ люди есть, были и будутъ.

Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Съ приложеніемъ очерковъ изъ древне-русской жизни и изъ исторіи до-петровскаго переходнаго времени. Составилъ *В. Водовозовъ*. Спб. 1882 г.

Не только всѣ наши учебники по русской исторіи, но даже и капитальные труды, каковы—исторія Карамзина и многотомный ученый трудъ покойнаго Соловьева, подъ исторіей обычно разумѣютъ развитіе государственной власти, учрежденій, описаніе общественныхъ событій, въ родѣ войнъ, и вполнѣ игнорируютъ жизнь и бытъ самого народа. Но что исторія не есть повѣсть только о государствѣ и его формахъ, это поняли еще многіе изъ писателей старины, каковы—Посошковъ, Радищевъ, а въ наше время—Костомаровъ, Бѣляевъ, Семевскій и др.

Благодаря все болѣе и болѣе укрѣпляющемуся въ послѣднее время вѣрному пониманію слова исторія, стало возможно появленіе и такихъ книжекъ, какъ данные «Очерки» В. Водовозова. Не государство и его формы составляютъ интересъ данной книги, а положеніе народа въ широкомъ смыслѣ—вотъ предметъ «Очерковъ». Отношеніе къ народу бюрократіи, администраціи, матеріальное и нравственное положеніе народа, желаніе раскрыть тѣ несомнѣнныя причины, которыя порождали такія тяжелыя общественныя явленія, какъ бунтъ въ Москвѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II, такое быстрое увлеченіе манифестами Пугачова, какое представляетъ это волжское и казацкое возстаніе, вотъ что составляетъ главную задачу автора.

Давая въ своей книгѣ обзоръ русской жизни, начиная съ Петра I и кончая восшествіемъ на престолъ императора Александра Павловича, г. Во-

довозовъ не утомляетъ читателя описаніемъ войнъ, годами, обиліемъ собственныхъ именъ и т. д. О войнахъ онъ передаетъ настолько, поскольку онѣ имѣли значеніе для народной жизни и поскольку на ней отражались. При этомъ онъ вводитъ и въ курсъ жизни того народа, съ которымъ сталкиваются русскіе полки на полѣ брани. Желая по силѣ-возможности перенести читателя въ изучаемое имъ время, не ограничиваясь только, какъ это обычно дѣлается во всѣхъ учебникахъ, отмѣткою года и мѣсяца, г. Водовозовъ нерѣдко даетъ картину внѣшней и внутренней жизни общества въ описываемый моментъ. Вотъ, напримѣръ, приведенное имъ любопытное описаніе Петербурга во времена Петра Великаго:

«На Петербургской сторонѣ самое видное мѣсто занимала Троицкая площадь, вокругъ которой стояли длинное зданіе сената, большой мазанковый гостиный дворъ и трактиры, а посереди церковь Св. Троицы. Противъ крѣпости находился Сытный рынокъ. На башнѣ Петропавловской церкви въ полдень искусный мастеръ по нѣмецкому обычаю вызванивалъ молоточками на 35 колоколахъ часы и разную музыку; въ большіе праздники на ней выкидывали знамя, гдѣ изображенъ былъ орелъ, держащій въ когтяхъ 4 моря. На другомъ берегу Невы уже существовалъ Лѣтній садъ и подлѣ него большой лугъ, гдѣ Петръ давалъ смотры своей гвардіи и въ праздники угощалъ ее водкой» и т. д. (стр. 130).

Случается, что авторъ даетъ не только внѣшній видъ города, но и самого общества. Онъ довольно подробно описываетъ костюмы мужчинъ и дамъ того времени, уборку дамскихъ волосъ. При этомъ сообщаетъ, что въ Москвѣ въ то время была только одна уборщица, а желающихъ убирать головы было много, потому многія убирались у нея за три дня до торжественнаго вечера «и спали сидя, боясь испортить прическу». (Послѣднее, впрочемъ, иногда случается и въ наше время и, къ стыду нашему, не въ одномъ Замоскворѣчьи.)

Когда господа собирались въ ассаблеи и занимались музыкой, народъ въ это время тоже развлекался, ходилъ въ герберги (трактиры), въ балаганы, гдѣ давались кукольныя представленія, потѣшался кулачными боями. «Эти бои совершались съ дозволенія полиціи, подъ присмотромъ сотскихъ и пятидесятскихъ: предписано было не сыпать въ глаза песку, не прятать въ рукавицы камней и ядеръ». (Къ числу характерныхъ явленій того времени относится также и законъ, предписывавшій не мыться женщинамъ въ баняхъ вмѣстѣ съ мужчинами.)

Желая дать дѣйствительно живое изображеніе прошлаго и не ограничиться только громкими словами въ родѣ: одержали побѣду, непріятель побитъ, былъ праздникъ, тріумфальный въѣздъ и т. п., авторъ старается разъяснить читателю причину побѣды, ясно указать на тѣ силы, на тѣ способы, которые дѣйствовали и пускались въ ходъ героемъ побѣды.

Такъ извѣстно, какъ въ учебникахъ исторіи восхваляется Алексѣй Орловъ за одержанную побѣду въ Чесменской бухтѣ. Г. Водовозовъ, вмѣсто восторженныхъ похвалъ, предлагаетъ читателю пройтись съ нимъ рука объ руку по берегу моря и посмотрѣть на приготовленія русскихъ къ этой побѣдѣ. Вотъ начинили 4 греческихъ судна бомбами, ночью, тайкомъ, врасплохъ подвели ихъ къ непріятельскому флоту и пустили брандеры въ самую середину флота. Передъ читателемъ ясно рисуется картина этого ужаснаго, адскаго разрушенія. «Вся Чесменская бухта обратилась въ огненное море. Когда пламя утихло,—вода помутнѣла отъ крови, отъ золы, отъ обугленныхъ корабельныхъ обломковъ. Въ ней плавали обгорѣлые трупы въ такомъ количествѣ, что трудно было разъѣзжать на лодкѣ. За эту побѣду Алексѣй Орловъ прозванъ *Чесменскимъ*» (стр. 289).

Авторъ по возможности старается обрисовать нравственный обликъ не только правителей разсматриваемаго имъ времени, а и тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые имѣли то или другое вліяніе на общественую жизнь, жизнь народа. Правда, выполненіе этой задачи не всегда ему одинаково удается. Насколько, напримѣръ, цѣленъ и удаченъ вышелъ у него обликъ императора Павла Петровича, настолько неопредѣленна и сбивчива представляется личность Пугачова. Только-что она начнетъ укладываться въ опредѣленныя рамки и принимать опредѣленныя очертанія, какъ вдругъ подъ вліяніемъ комментарій самого автора понемногу расшатывается и въ концѣ концовъ расплывается совсѣмъ; на мѣсто утраченнаго облика не выступаетъ ничего опредѣленнаго новаго, факты какъ разъ одинъ за другимъ стираютъ тѣ штрихи, которые начали было ложиться подъ вліяніемъ комментарій автора. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о личности Пугачова: «По своей природѣ онъ не былъ кровожаденъ; въ его лицѣ многіе находили даже какое-то добродушіе» (стр. 419).

Эти слова кажутся злой ироніей, когда вслѣдъ за ними передъ читателемъ начинаютъ мелькать висѣлицы, воздвигнутыя по приказанію того же Пугачова; какъ по его же манію руки разомъ слетаетъ съ плечъ 60 башкирскихъ головъ, когда то и дѣло мелькаютъ въ лѣсу трупы убитыхъ офицеровъ, посаженныхъ на колъ: трудно дѣлается разобрать, что это—комъ снѣгу, или посаженный человѣческій трупъ...

Трупы, казни, смерть, отрубленныя головы, колесованье такъ и тянутся тяжелой, подавляющею панорамой черезъ всю исторію передъ глазами читателя. Хоть и сжимается сердце отъ такихъ чудовищныхъ картинъ, но тѣмъ не менѣе жаль дѣлается оторваться отъ книги, которая желаетъ безъ прикрасъ, излюбленныхъ нашими историками, дать картину жизни прошлаго. Книга оканчивается слѣдующими словами: «Что касается поднятія народной жизни, то она рядомъ съ дарованными народу правами не можетъ иначе совершиться, какъ и поднятіе въ XVIII вѣкѣ дворянскаго сословія, т.-е. путемъ наибольшаго распространенія въ немъ образованія» (стр. 548).

Данные «Очерки» представляютъ прекрасное чтеніе, какъ дополненіе школьнаго учебника; но, навѣрно, они найдутъ себѣ читателей и среди публики, интересующейся жизнью прошлаго своего народа.

Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ (до XIX вѣка). Соч. *Х. Трусевича*. Москва 1882 г.

Г. Трусевичъ задался довольно скромною цѣлью, требующею, впрочемъ, утомительнаго, кропотливаго труда—прослѣдить исторію посольскихъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ, начиная со второй половины XVII ст. вплоть до начала XIX-го. Сюда же, разумѣется, должны были войти и исторія предметовъ торговли, цѣны на товаръ, дороги въ Китай, устройство каравановъ и т. д. Потому здѣсь мы узнаемъ, что изъ Китая въ означенный промежутокъ времени главнымъ образомъ вывозили чай и табакъ. (Первый стали употреблять въ Россіи со временъ Петра Великаго, а табакъ привозили нѣсколько раньше.) Кромѣ этого привозили шелковыя и бумажныя матеріи, посуду, драгоцѣнные камни... За исключеніемъ табаку и сахару, которые покупались на чистыя деньги, всѣ товары вымѣнивались у китайцевъ на привозимые изъ Россіи мѣха, рога сайгачьи и разныя мелкія вещи.

Мѣха, продававшіеся у насъ въ то время шкурами, были весьма дешевы: напримѣръ, соболь мѣняли на 3—4 трубки табаку. Правда, въ Сибири соболей въ то время было такъ много, что ихъ «считали хуже собакъ и употребляли только для пищи. Смѣялись разъ надъ казаками, что они мѣняютъ ножикъ на 8, а топоръ на 18 соболей. По словамъ Крашенинникова, соболей было здѣсь (въ Сибири) столько, сколько въ другихъ мѣстахъ бѣлокъ» (стр. 182). Кромѣ соболей, въ промѣнъ шли лисицы, песцы, бѣлки, бобры, куницы, горностаи, рыси, кошки...

Въ то же время въ Сибири преспокойно велась торговля людьми, гдѣ нерѣдко и наше посольство, проѣзжая въ Китай или обратно, покупало людей за баснословно-дешевую цѣну. «Въ 1757 году киргизъ 20 лѣтъ стоилъ 10 руб., или даже 5 арш. краснаго сукна (5 р.); киргизка 40 лѣтъ—6 руб. и меринъ; дѣвка 25 лѣтъ—сермяжный зипунъ и т. д.» (стр. 198).

Вотъ приблизительно всѣ общеинтересные факты, которые можно было выловить изъ обилія цифръ и спеціальнаго матеріала, наполняющаго названную книгу г. Трусевича. Группируя въ таблицы добытыя имъ цифры, авторъ почти совсѣмъ удерживается отъ всякихъ выводовъ и только въ концѣ книги передъ большой сводною таблицей прикладываетъ страничку подъ названіемъ: «Заключеніе». Оно представляетъ 10 положеній, обычныхъ въ ученыхъ диссертаціяхъ: напримѣръ, въ родѣ того, что разсматриваемый торгъ съ китайцами былъ выгоденъ скорѣй для китайцевъ, чѣмъ для русскихъ, и т. д.

Представлять только факты, а выводы откладывать на далекое будущее—это характерная особенность нашей современной, занимающейся из-

слѣдованіями, литературы. Она кропотливо собираетъ факты настоящаго и того прошлаго, которое стоитъ въ близкой связи съ настоящимъ и служитъ ему выясненіемъ. Данная же книга, представляющая то же собраніе фактовъ, касается уже настолько спеціальнаго вопроса и притомъ изложеніе въ ней до того сухо и имѣетъ видъ канцелярщины, что разсчитывать на читателей не-спеціалистовъ, разумѣется, она не можетъ. Для спеціалиста же она, навѣрно, представитъ довольно цѣнный матеріалъ.

Европейскіе писатели и мыслители: II—Боккаччьо. Изданіе *В. В. Чуйко*. С.-Пб. 1881 года.

Въ предшествующей книгѣ *Русской Мысли* мы уже говорили о прекрасномъ намѣреніи г. Чуйко—познакомить русскую публику съ лучшими произведеніями знаменитыхъ европейскихъ писателей. Но, какъ видно изъ двухъ первыхъ выпусковъ: I—«Свифтъ», II—«Боккаччіо», издателю или совсѣмъ не придется дать «лучшихъ» произведеній, или по крайней мѣрѣ не придется дать въ томъ видѣ, въ какомъ бы онъ желалъ. Уже въ первомъ выпускѣ его изданія какъ-то странно поражаетъ читателя отсутствіе одного изъ лучшихъ произведеній англійскаго сатирика—«Сказка о бочкѣ».

Читатель, предупрежденный самимъ издателемъ, о значеніи этой сказки, невольно начинаетъ искать ее среди вошедшихъ въ книжку произведеній. Но ея-то именно и не находитъ. Отчего, когда самъ издатель придаетъ ей такое важное значеніе?—Отвѣта нѣтъ. Г. Чуйко молчитъ. Но читатель уже давно привыкъ понимать многія мысли издателей и писателей изъ ихъ краснорѣчиваго молчанія. Понялъ онъ и на этотъ разъ.

Во II-мъ выпускѣ «Европейскихъ писателей» господинъ Чуйко опять оказался внѣ возможности дать публикѣ изъ произведеній Боккаччіо то, что онъ желалъ бы дать. Но на этотъ разъ онъ не умалчиваетъ вполнѣ о томъ, чего бы ему хотѣлось. «Полный переводъ «Декамерона»,—говоритъ онъ,—на русскомъ языкѣ не мыслимъ...» (стр. 8) «Еслибы этотъ переводъ въ настоящее время *былъ возможенъ* въ цѣлости,—говоритъ онъ нѣсколько дальше, — если въ настоящую минуту мы принуждены ограничиться только кое-какими выдержками изъ «Декамерона», — мы тѣмъ не менѣе питаемъ надежду въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ ознакомить русскую публику съ *полнымъ* «Декамерономъ» и такимъ образомъ доказать, до какой степени репутація циничности Боккаччіо, составленная главнымъ образомъ Лафонтеномъ и французами, ошибочна» (стр. 10).

Но что же на самомъ дѣлѣ далъ въ своей книжкѣ, подъ названіемъ «Боккаччіо», г. Чуйко, ограничивая себя всевозможными условными частицами—еслибы, дабы и т. д.? Прежде всего онъ предлагаетъ читателю краткія біографическія свѣдѣнія о Джіованни Боккаччіо, о достоинствѣ которыхъ мы готовы повторить почти то же, что сказали по поводу біографическихъ свѣдѣній, приложенныхъ къ первому выпуску. Затѣмъ слѣдуютъ разсказы изъ «Декамерона» съ сокращеніями, выпусками и съ пе-

редачей событій «Перваго дня», гдѣ приведено чудное, вполнѣ художественное описаніе чумы 1348 года, бывшей во Флоренціи. Это самый лучшій и самый интересный отрывокъ изъ всѣхъ мѣстъ «Декамерона», приведенныхъ въ этомъ изданіи. Что касается до помѣщенныхъ разсказовъ, то ихъ ничтожное число (13, а всѣхъ разсказовъ въ «Декамеронѣ» 100) не даетъ ни малѣйшей возможности получить истинное понятіе объ этомъ выдающемся произведеніи итальянской литературы. Притомъ самые разсказы выбирались и обчищались издателемъ такъ, какъ обычно совершаетъ эту операцію педагогъ, намѣревающійся издавать христоматію: онъ не вырѣзаетъ, а прямо выкраиваетъ самыя замысловатыя фигуры изъ произведеній всѣхъ художниковъ. Разумѣется, такія іероглифическія фигуры не даютъ и тѣни надлежащаго пониманія.

Прочитавши всѣ помѣщенные въ названномъ выпускѣ христоматическіе отрывки, читатель можетъ вѣрить г. Чуйко только на слово, что «Декамеронъ» интересенъ не только какъ великій литературный памятникъ XIV ст...», но «въ немъ заключается живое изображеніе цѣлой эпохи, общества XIV ст., отъ раба, принужденнаго работать въ потѣ своего лица, до всемогущаго средневѣковаго барона и т. д.»; что «Декамеронъ» является рѣшительнымъ и смѣлымъ протестомъ здраваго смысла и свободной критики противъ всеобщаго отупѣнія, организованнаго схоластикой и т. д.» (стр. 9). Подтвержденія всему сказанному въ приведенныхъ отрывкахъ читатель не находитъ.

Читатель, разсчитывающій встрѣтить въ «Декамеронѣ Боккаччіо» рядъ скабрезностей, которыя всегда соединялись съ именемъ этого писателя, тоже будетъ пораженъ какъ разъ противоположною неожиданностью. Боккаччіо передъ Зола, въ особенности передъ его послѣдними романами, въ приведенныхъ отрывкахъ является чистымъ, до святости, наивнымъ ребенкомъ. Если онъ позволитъ себѣ иногда сказать о панталонахъ, одѣялѣ, то тотчасъ сконфуженный отходитъ въ передній уголъ подъ образа и съ увлеченіемъ начинаетъ описывать святое цѣломудріе женщины или горячо прославлять вѣрность жены, святое чувство дружбы...

Что значитъ онъ передъ современнымъ моднымъ писателемъ Зола? А имя Поль-де-Кока—этого невиннаго младенца въ сравненіи съ современнымъ французскимъ писателемъ реалистомъ—до сихъ поръ стыдятся произносить въ благовоспитанныхъ салонахъ. Жизнь, идеалы, мысль—прогрессируютъ, несмотря ни на какія барьеры, а отжившее прошлое отъ отсутствія критики иногда остается съ запоздавшею репутаціей.

Данная книжка «Боккаччіо», напоминающая, какъ мы сказали, дѣтскія христоматіи, мало интересна, и мы охотно посовѣтовали бы нашимъ читателямъ подождать *объщаннаго* изданія «Полнаго Декамерона», еслибы вѣрили въ возможность его скораго появленія и еслибы выше названный «Первый день Декамерона» своимъ описаніемъ картины чумы не вознаграждалъ читателя за всю неполноту данной книжки.

Задорскій. Разсказъ изъ конца XVIII столѣтія *И. Крашевскаго*. Переводъ съ польскаго *Е. Фукса*. Москва. 1881 года.

Просматривая списокъ нововыходящихъ книгъ по беллетристикѣ, невольно поражаешься отсутствіемъ новизны и оригинальности. Бѣдность этого отдѣла доходитъ до того, что издателямъ остается одинъ исходъ: переиздавать хорошее старое или же пересаживать чужое въ видѣ переводовъ. Такъ въ послѣднее время и поступаютъ издатели: мы видимъ, на дняхъ вышло полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина, Помяловскаго, переизданъ «Князь Серебряный» Толстаго, «Подлиповцы» Рѣшетникова и т. д. и т. д. Все это публика читаетъ и перечитываетъ съ величайшимъ удовольствіемъ, несмотря на то, что все это уже пережитое, перечувствованное и съ современною намъ жизнью, дающей новые типы, новыя формы и новыя комбинаціи, имѣетъ мало общаго; но хорошее всегда останется хорошо...

Что касается до переводной беллетристики, то появленіе того или другаго иностраннаго романа или повѣсти на русскомъ языкѣ обусловливается всегда какими-нибудь внѣшними, чисто случайными причинами: попалась подъ руки книга,—ну, и достаточно, чтобы пересадить ее на русскій языкъ, а объ удовлетвореніи тѣхъ или другихъ запросовъ со стороны читателя-соотечественника заботится рѣдкій переводчикъ.

Во всякомъ случаѣ Е. Фуксъ, который (или которая?) перевелъ разсказъ И. Крашевскаго: «Задорскій», не изъ числа такихъ рѣдкихъ переводчиковъ.

Данный разсказъ переноситъ читателя въ конецъ прошлаго столѣтія, въ Кодень, имѣніе княгини Сапѣги. У нея въ канцеляріи служитъ юноша Яковъ Задорскій. Хотя для всѣхъ темно его происхожденіе, но молодость, нѣкоторая несмѣлость и застѣнчивость вызываютъ къ нему особую симпатію со стороны женщинъ. Одна изъ нихъ, умная, смѣлая и сильная характеромъ дѣвушка, дочь шляхтича, лѣсничаго, Варя, за которой увивалось множество жениховъ, отдала предпочтеніе этому юношѣ съ темнымъ происхожденіемъ и чуть не сама первая изъяснилась ему въ любви. Получивъ согласіе на бракъ отъ родителей Вари, Задорскій поѣхалъ за благословеніемъ къ своему отцу съ матерью, которые... (объ этомъ, впрочемъ, никто не зналъ) были крѣпостными у пана Мазановскаго. Якова всѣ считали сиротой. Его отецъ и мать страшно боялись, чтобы какъ-нибудь не открылась ихъ тайна, потому что тогда запороли бы плетьми не только ихъ, но и ихъ ненагляднаго сына.

Подъѣзжая къ жилищу родныхъ, Задорскій сперва услыхалъ, а черезъ нѣсколько минутъ и увидалъ, что Мазановскій валяетъ нагайкой его отца. Онъ не стерпѣлъ, набросился на Мазановскаго. Тотъ вырвался и едва убралъ ноги; но при этомъ поклялся отмстить Задорскому. Случай представился скоро: онъ напалъ на слѣдъ холопскаго происхожденія юноши. Послѣднему, когда онъ узналъ объ открытіи тайны, оставалось бѣ-

жать; но онъ не хотѣлъ бѣжать, не простившись съ невѣстой,—и въ этотъ разъ, хотя правда не вполнѣ, сказалъ ей о своемъ темномъ происхожденіи. «Слушай,—вскричала Варя, вскочивъ съ мѣста,—ступай отыскивай себѣ шляхетство, гдѣ хочешь и какъ хочешь... Я буду ждать, хотя бы двадцать лѣтъ. Ты долженъ найти родныхъ и дипломъ! Не можетъ быть, чтобы Господь насъ такъ покинулъ» (стр. 70).

Задорскій уѣхалъ въ Варшаву, поступилъ къ князю Колонтаю и *черезъ 8 лѣтъ*, благодаря своему упорству и энергіи, добился шляхетства. Получивъ шляхетскій дипломъ, онъ, забывъ все, какъ средневѣковый рыцарь, понесся къ своей возлюбленной. Она ему сильно обрадовалась, обрадовались и ея родные, но къ вечеру между вѣрными *8 лѣтъ* другъ другу женихомъ и невѣстой произошла размолвка.

На другой день утромъ они встрѣтились въ саду.

«— Что же, вы надумались?—спросила Варя печальнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ.

— Надумался.

— Что же вы мнѣ скажете?

— То же, что и вчера,—отвѣтилъ съ усиліемъ Яковъ.—Я былъ бы подлымъ человѣкомъ, еслибы пересталъ признавать своихъ родителей и еслибъ имъ нельзя было показаться на моей свадьбѣ въ костелѣ...

— И вы остаетесь при этомъ?—спросила дрожащимъ голосомъ панна Варвара.

— Остаюсь при томъ, какъ мнѣ указываютъ совѣсть и завѣщанная Богомъ любовь къ отцу и матери.

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ!—вскричала съ гнѣвомъ Коперская.—Это ужь слишкомъ! Поѣзжайте въ такомъ случаѣ туда, откуда пріѣхали. До свиданія!—И, кивнувъ головой, она ушла.

У Якова навернулись слезы на глазахъ. Онъ стиснулъ зубы и пошелъ во дворъ искать кучера» (стр. 92).

Она его не вернула, и онъ уѣхалъ.

Варя, ждавшая своего жениха восемь лѣтъ, вышла замужъ за другаго безъ любви, вышла только въ силу отчаянія.

Много лѣтъ прошло. Варя овдовѣла. Наконецъ, встрѣтилась съ Задорскимъ, и они сошлись послѣ стольких лѣтъ.

Весь этотъ разсказъ съ начала до конца проникнутъ самымъ добрымъ намѣреніемъ, самой гуманною тенденціей—защитить достоинства *человѣка*, независимо отъ его происхожденія, поставить нравственныя преимущества выше родословныхъ и ранговыхъ. Задорскій—сынъ холопа—оказывается честнымъ человѣкомъ и вѣрнымъ чувству долга до забвенія личныхъ чувствъ и личнаго счастья. Паны же, какъ Мазановскій и другіе, выведенные въ разсказѣ, наоборотъ, выходятъ какими-то подленькими, гаденькими до смѣшнаго людишками. Мысль, разумѣется, прекрасная; но для насъ, для Россіи, давно уже не новая. «Въ Россіи,—говоритъ г. Виско-

ватый въ своей книжкѣ: «Geschichte der russischen Literatur»—можно цѣлые годы вращаться въ извѣстномъ кружкѣ, не зная совершенно, *откуда ведетъ свое происхожденіе тотъ или другой членъ кружка—крестьянинъ онъ или дворянинъ*; тамъ спрашиваютъ только, къ какому направленію принадлежитъ онъ по своему образованію». Ранговые интересы у насъ ужь устарѣли и романъ или повѣсть, выступающіе на борьбу за достоинства человѣка—анахронизмъ. Но при настоящей бѣдности нашей литературы мы не прочь отдохнуть и на литературныхъ анахронизмахъ въ смыслѣ тенденціи, если только этотъ романъ или повѣсть дадутъ намъ то, чего не даетъ наша современная беллетристика: цѣльнаго художественнаго созданія характеровъ, полной обрисовки изображаемой эпохи и хорошей внѣшней отдѣлки...

Если въ оригиналѣ и удовлетворяетъ нѣкоторымъ изъ этихъ требованій разсказъ «Задорскій», то далеко не изящный переводъ г. Фукса заставляетъ читателя закрыть книжку черезъ нѣсколько страницъ. Мы приведемъ два-три мѣста, чтобы читатель самъ могъ судить о переводѣ:

«*По совѣсти не имѣя упрекнуть себя ни въ чемъ* и не нуждаясь ни въ чьихъ милостяхъ, Дробишь велъ жизнь очень скромную» (стр. 4).

«Яковъ *поцѣловалъ ей въ руку*, что произвело магическое дѣйствіе...» (стр. 25).

«Задорскій обнялъ колѣна старой женщины, она *обняла его за голову*...» (стр. 29).

«Старикъ усѣлся около Якова́ *и началъ ласкать его по головѣ*...» (стр. 29).

Варварски неправильный и тяжелый языкъ достаточно чувствуется въ приведенныхъ фразахъ, и читателю совсѣмъ не для чего трудиться брать для этого въ руки книжку, которая, надо замѣтить, имѣетъ довольно приличную внѣшность.

Фаустъ. Трагедія Гёте (часть первая), переводъ *А. Фета*. Москва 1882 года.

Много появлялось на русскомъ языкѣ переводовъ безсмертной трагедіи Гёте, начиная съ 1838 года, когда Губеръ издалъ свой переводъ «Фауста», вызвавшій большіе толки въ литературѣ. Черезъ шесть лѣтъ послѣ этого появился переводъ первой части и изложеніе второй Вронченко, затѣмъ вольный переводъ Овчинникова. И наконецъ въ пятидесятыхъ годахъ переводы Струговщикова и Грекова.

Послѣдній хотя вызвалъ только одну большую статью въ *Русскомъ Словѣ*, но едва ли это будетъ не лучшій переводъ изъ всѣхъ появившихся въ печати до настоящаго времени. Правда, онъ не такъ близокъ къ подлиннику, какъ, напримѣръ, появившійся за послѣдніе годы переводъ нѣсколькихъ сценъ «Фауста» г. Павлова, за то въ немъ чувствуется не черноработій переводчикъ-труженикъ, а поэтъ, который, подобно Жуковскому, хотя и не буквально точенъ своему оригиналу, за то вѣренъ его духу.

Вотъ, напримѣръ, какъ недурно у него переданы тѣ лаконическія, полныя глубокаго смысла мѣста, которыя такъ плохо поддаются передачѣ на какой-нибудь другой языкъ:

«Я-ль отступлю передъ тобою,
О, чадо страшное огня!
Я равный твой,—да, Фаустъ я» (стр. 10).

Или еще:

«На духа ты походишь совершенно,
Котораго ты можешь постигать,—
Не на меня» (стр. 11) и т. д.

Но всѣ попытки перевести «Фауста» на русскій языкъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать особенно удачными, и потому мысль о хорошемъ переводѣ этой вѣчно новой трагедіи великаго генія составляетъ ріа desideria всѣхъ образованныхъ людей. Взяться же за такое дѣло, послѣ имѣющихся уже попытокъ въ наше время можетъ осмѣлиться только истинный поэтъ, выдающійся талантъ...

И вдругъ... въ 1882 году является новый переводъ первой части «Фауста»—и чей-же?—господина Фета!... Что онъ сдѣлалъ изъ этой трагедіи, пусть посмотритъ самъ читатель. Прикасаться грубыми, неумытыми руками къ чудному произведенію искусства, осмѣливаться грязной малярной кистью дѣлать снимокъ Рафаэлевской Мадонны и пускать ее въ публику съ подписью: «Мадонна Рафаэля»—вотъ съ чѣмъ мы можемъ сравнить отважный поступокъ г. Фета.

Переводчикъ, видимо, главнымъ образомъ старался быть ближе къ буквальной передачѣ подлинника и этимъ превзойти всѣ предшествующіе ему переводы, мало обращая при этомъ вниманія на получающійся смыслъ. Именно этимъ можно объяснить его лишенную смысла передачу прекрасныхъ словъ Фауста, обращенныхъ къ Вагнеру:

Bewunderung von Kindern und Affen,
Wenn euch darnach der Gaumen steht;
Doch werdet ihr nie Herr zu Herzen schaffen,
Wenn es euch nicht von Herzen geht.

Вотъ что вышло изъ нихъ у Фета:

«У обезьянъ, да у ребятъ возбудишь
Восторгъ, *коль* въ этомъ *вкусъ нашелъ*,
А сердца *льнутъ* ты къ сердцу не принудишь,
Коль не отъ сердца ты *изшелъ* (стр. 45).

А вотъ и еще мѣсто такого же достоинства:

«Все, что въ *бываньи* движетъ и живетъ,
Пусть *гранію объемлетъ васъ любовной*,

И что *въ явленьи призракомъ паритъ*,
Скрѣпляйте мыслью безусловной...»

Но случается, что переводчикъ забываетъ свою главную задачу и позволяетъ себѣ вольности, отъ которыхъ читатель впрочемъ нисколько не выигрываетъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ передаетъ слѣдующее мѣсто изъ перваго монолога Фауста:

Ich fühle Muth, mich in die Welt zu wagen,
Der Erde Weh, der Erde Glück zu tragen.

«Я мужество почуялъ *молодое*
Сносить и скорбь, и счастіе земное» (стр. 40).

Или слова духа, обращенныя къ Фаусту:

Wo bist du, Faust, der Stimme mir erklang,
Der sich an mich mit allen Kräften drang?

«О, гдѣ ты, Фаустъ! Чей зовъ ко мнѣ звучалъ,
Котораго ко мнѣ порывъ всесильный гналъ?» (стр. 42).

Что касается до языка, какимъ переведенъ «Фаустъ», то приходится признать, что переводчикъ позволилъ себѣ въ этомъ случаѣ еще большую вольность, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Г. Фетъ нисколько, напримѣръ, не затрудняется вложить не только въ уста другихъ дѣйствующихъ лицъ, но даже и самому Фаусту выраженія въ родѣ слѣдующихъ:

вяще (Тогда такъ вяще мнѣ колокола звучали).
стеня (Въ слезахъ, стеня—любвеобильно—стр. 72).
отселѣ (И даже съ горныхъ пугалъ отселѣ—стр. 66).
... Надо *тщиться*, чтобы перу не заблудиться (стр. 82).

Въ рѣчь Фауста постоянно дѣлаются вставки частицъ: *то*, *ка* (которая у Фета вездѣ измѣнена въ *ко*), *знать*, — испестряющія народную рѣчь.

Неужели такъ пошло, такъ неизящно выражался Фаустъ?

И чѣмъ дальше, тѣмъ указанные недостатки выступаютъ въ переводѣ сильнѣе,—они какъ будто растутъ съ каждою страницей.

Можно ли себѣ представить что топорнѣе слѣдующей рѣчи, напоминающей рѣчь безграмотнаго мастероваго, а здѣсь она вложена въ уста глубоко и серьезно образованнаго Фауста?

«Съ тобою мнѣ равняться не *пристало*,
Хоть *силъ* во мнѣ призвать тебя *достало*,
Но удержать тебя нѣтъ *силъ*» (стр. 49).

Желая обогатить свой переводъ славянскими выраженіями, авторъ нерѣдко измышляетъ только ему извѣстныя славянскія формы. Вотъ хоть бы въ хорѣ ангеловъ говорится:

«Христосъ воскресе!
Изъ лона тлѣнія
Вырвитесь *здѣсе*» (?)... (стр. 57).

Любопытно знать, откуда взялъ г. Фетъ новую форму *здѣсе?*

Если мы вздумаемъ остановиться на его переводѣ съ запросомъ о музыкальности стиха, то и здѣсь встрѣтимъ все то же непостоянство, на которое мы указали въ началѣ рецензіи: то встрѣчаются стихи похожіе на прозу, то проза похожая на стихи:

«Всѣ стекла въ моемъ окошкѣ
Слезами вновь политы!
Когда я сегодня срывала
Тебѣ вотъ эти цвѣты» (стр. 248).

А вотъ и проза, похожая на стихи:

«Вагнеръ въ халатѣ и въ колпакѣ, съ лампой въ рукѣ» (стр. 44).

Но, Боже, что это въ самомъ дѣлѣ за стихи, которыми въ 1882 году осмѣлились переводить «Фауста»! Читая ихъ, думается, что возсталъ изъ могилы незабвенный Тредьяковскій, подъ диктовку котораго писалъ переводчикъ. Пусть читатель прочтетъ сдѣланныя нами наудачу выписки и убѣдится самъ:

Всякъ хочетъ погулять *сегодня*,
Въ день воскресенія *Господня* (стр. 66).
... Къ звукамъ священнымъ,
Въ душу вливающимъ мнѣ благодати (?)
Эти звѣриные звуки *не-кстати* (стр. 81).
... я *взалкалъ*
Святой оригиналъ
Перевести мнѣ *рьчію* родною (стр. 82).
Теперь же дѣло-то *ахти!*
Чортъ очутился *взаперти!* (стр. 92).
... безъ всякой *при* (?)
Теперь потребно разъ, два, три (стр. 121).
... то въ химіи *де*
Смѣются сами своей бѣдѣ (стр. 122).

Но довольно, довольно! Кому не приходятъ на память при чтеніи этихъ стиховъ изящныя двустишія незабвеннаго профессора элоквенціи? Хотя бы вотъ эти:

Великая Екатерина *о*
Пріѣхала въ Царское село и т. п.

Будетъ, довольно такихъ стиховъ!

Пожелаемъ только, чтобы переводъ г. Фета послужилъ внушительнымъ урокомъ для другихъ—не рисковать переводомъ безсмертныхъ твореній. Такой рискъ возможенъ только для избранниковъ...

Жизнь дѣтей. Дѣтскіе разсказы. Соч. *П. Падучева*. Москва. 1882 года.

Начиная библіографическій обзоръ въ *Русской Мысли*, мы рѣшили только въ такомъ случаѣ давать отчетъ о дѣтскихъ книжкахъ, если въ дѣтской литературѣ появится что-нибудь выдающееся изъ ряда той шаблонности, которую представляютъ наши книжки для дѣтей. Поэтому за все время намъ пришлось указать только на двѣ книги: «Крестьянскія дѣти» Потѣхина и «Робинзонъ» г-жи Анненской. Эти книжки дѣйствительно выдѣляются своими достоинствами, положительнымъ характеромъ. Но, мы думаемъ, не мѣшаетъ иногда предостеречь публику отъ книги, тоже выдающейся изъ ряда другихъ, но только своими отрицательными достоинствами.

Теперь писать книжки вообще стало много легче, а дѣтскія въ особенности. Стоитъ взять перо и начать говорить о дѣтяхъ — и выйдетъ книжка для дѣтей. Ни таланта, ни даже умѣнья выражаться отъ автора не требуется. Пусть подъ перо ложится всякая чепуха, какая приходитъ въ голову.

Прекрасный примѣръ въ данномъ случаѣ представляетъ г. Падучевъ, издавшій дѣтскую книжку, подъ названіемъ: «Жизнь дѣтей». Въ нее вошли десять разсказовъ, одинъ другаго скучнѣй, одинъ другаго нелѣпѣе; ни живости, ни интереса въ самой фабулѣ; тоскливые разговоры, придуманные и выдуманные факты; въ концѣ каждаго разсказа нравоученія, напоминающія плохія басни. А языкъ... о, Боже, что это за языкъ! Правда, онъ довольно оригиналенъ, крайне наивенъ, напоминаетъ картинную рѣчь только-что начинающаго свой лепетъ ребенка, который говоритъ, что онъ глядитъ глазами, жуетъ зубами, беретъ руками и т. д. Если читатель сомнѣвается, то пусть самъ заглянетъ на стр. 63. Здѣсь авторъ, описывая деревенскаго мальчика, между прочимъ, говоритъ: «а *ртомъ* онъ частенько *позъвывалъ*», какъ будто можно позѣвывать еще носомъ, пятками и т. п.

Такой неожиданною картинностью рѣчи авторъ довольно часто угощаетъ читателя: то у него вдругъ «сапоги отъ мокрой травы *раскисли*»; то бѣдюху, который плачетъ, ради картинности сравнивается *со псомъ на цѣпи*; то освобожденіе товарищей отъ иглъ шиповника называется «благочестивымъ занятіемъ» и т. д. и т. д. Что касается до правды жизни, то о ней здѣсь и помину нѣтъ. Достаточно для этого сказать на фактъ *обморока съ мужикомъ*,—обморока, продолжавшагося всю ночь (!). Нелишне прибавить также, что мужикъ во время обморока сидитъ преспокойно на сучкѣ дерева и такъ просидѣлъ всю ночь, не свалился.

Это было съ однимъ шестидесятилѣтнимъ пастухомъ Евсеичемъ, который залѣзъ на сосну, чтобъ убить медвѣдя.

«— Евсеичъ! а что же ты засѣлъ тамъ?—кричатъ ему мужики, пришедшіе его отыскивать.

Евсеичъ не отвѣчалъ.

Залѣзли на сосну,—Евсеичъ не дышалъ. Спустили его на землю,—Евсеичъ очнулся: отъ страху съ нимъ случился ночью обморокъ» (стр. 118).

Этого одного обморока достаточно, чтобы выдвинуть произведеніе г. Падучева изъ ряда шаблонныхъ дѣтскихъ книжекъ...

Въ заключеніе надо упомянуть, что къ книжкѣ приложено нѣсколько плохихъ картинъ, напоминающихъ плохія лубочныя изданія, къ числу которыхъ можно, не колеблясь, отнести и самую книжку: «Жизнь дѣтей», разодѣтую въ розовую обертку.

Аракчеевщина. Сочиненіе *Н. Богословскаго*. С.-Петербургъ. Изданіе *А. С. Суворина*. 1882 года.

Много пишутъ и писали о знаменитомъ времени графа Аракчеева съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ говорить объ этой эпохѣ печатно. Но полнаго воспроизведенія трудовъ этого общественнаго дѣятеля и трагической картины ихъ результатовъ до сихъ поръ не было, несмотря на обиліе являющихся въ послѣднее время въ Россіи и за границей мемуаровъ, относящихся къ царствованію императора Александра I. Художественное воспроизведеніе «аракчеевщины» могло бы лучше всякихъ разсужденій неотразимо доказать безполезность строгости крутыхъ мѣръ и вообще системы «сжиманія» и «давленія», на которыя опирался графъ Аракчеевъ, какъ государственный дѣятель. Онъ много трудился въ своей жизни, много хлопоталъ, но ничего не оставилъ послѣ себя, кромѣ ненависти, какъ въ ближайшемъ, такъ и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Дѣла рукъ его исчезли безслѣдно; отъ нихъ остались одни преданія. Послѣднія передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе съ той ужасной оцѣнкой безпристрастнаго потомства, которая неминуемо должна постигнуть всякаго общественнаго дѣятеля, придерживающагося системы «сжиманія» и «давленія»...

Время Аракчеева представляетъ такія яркія картины и сцены, что передача ихъ могла бы удасться даже и не особенно сильному таланту. Личная жизнь графа—его гражданская жена «Настасья», гражданскій сынъ Шумскій—даетъ много благодарнаго матеріала въ смыслѣ романтической завязки и трагическаго конца.

Читатель, навѣрно, думаетъ, что «Аракчеевщина» и есть именно этотъ жданный романъ. Мы тоже такъ подумали, когда увидали обертку книжки. Веселенькая внѣшность, небольшой форматъ, казалось, непремѣнно должны были дать что-нибудь легкое, веселое для чтенія. Но на первой же страницѣ (въ статьѣ озаглавленной: «Графъ Аракчеевъ») читатель встрѣчаетъ архивныя цитаты, quasi-ученую полемику съ г. Глѣбовымъ (причемъ авторъ полагаетъ, что читатель самъ долженъ знать, гдѣ и что писалъ г. Глѣбовъ), на тему: представляетъ ли изъ себя что замѣчательнаго по уму и по способностямъ графъ Аракчеевъ?

Но какая охота слѣдить за безъинтересными преніями автора съ г. Глѣбовымъ, когда вы разсчитывали встрѣтить подъ именемъ аракчеевщи-

ны—романъ, рядъ повѣстей, разсказовъ... ну, что хотите, только не сухія разсужденія, не скучную полемику?

Однако, если читатель и ошибся, то вовсе не такъ жестоко, какъ ему могло показаться съ перваго раза; за полемическою статьей идетъ рядъ разсказовъ: 1) Шумскій, мнимый сынъ графа Аракчеева, 2) Настасья, фаворитка графа Аракчеева, 3) Естьянская Шурма, начало военныхъ поселеній, 4) Устройство военныхъ поселеній, 5) Онофрей и Осипъ Кузьмины, конецъ военныхъ поселеній. Въ двухъ частяхъ.

Но что собственно представляютъ эти разсказы—передачу ли событій по преданію, со словъ очевидцевъ, или это созданіе фантазіи на основаніи имѣющейся, уже давно извѣстной, исторической канвы—авторъ объ этомъ не предупреждаетъ. Надо думать, что послѣднее предположеніе вѣрнѣй, хотя многотерпѣливый читатель, — если ему удастся осилить всю книгу до конца, — непремѣнно скажетъ какое-нибудь дурное слово насчетъ фантазіи автора и выдастъ плохой аттестатъ его таланту.

Ну, вотъ, остановимся хоть на послѣднемъ (мы въ затрудненіи, какъ назвать: романъ, повѣсть?) разсказѣ: «Онофрей и Осипъ Кузьмины, конецъ военныхъ поселеній». Авторъ старается ввести любовную завязку. Съ этою цѣлью описываетъ семейство одного чиновника, которое, надо замѣтить, къ военнымъ поселеніямъ не имѣетъ никакого отношенія, а къ главнымъ героямъ разсказа—Осипу и Онофрею, стоящимъ все время въ тѣни, тѣмъ еще меньше. Съ этимъ семействомъ знакомится одинъ офицеръ — Перегудъ. Самою пустой, безсодержательной и безъинтересною жизнью этого и другихъ офицеровъ авторъ занимаетъ читателя чуть не на полсотнѣ страницъ. Мало этого, онъ передаетъ самые пустые разговоры, которые ведутся между Перегудомъ и хотя бы, напримѣръ, дьякономъ Иринеемъ, который всего два раза и появляется въ разсказѣ, а затѣмъ совершенно безъ вѣсти пропадаетъ для читателя.

«...Перегудъ протянулъ дьякону руку.

— Милости прошу ко мнѣ,—проговорилъ онъ, пожимая дьякону руку.

— Ладно, ладно. А гдѣ вы живете?

— Вотъ первый домъ въ улицѣ.

— Теряева.. Знаю. У меня собственный у Поярова. Только спросите, всякій знаетъ дьякона Иринея. Всегда буду радъ вашему благородію.

— Покорно благодарю. Ко мнѣ заверните.

— Къ вамъ-то? Пожалуй можно и теперь, вѣдь еще негораздъ (?) поздно... благо близко.

— Пожалуйте, пожалуйте, отецъ Ириней,—говорилъ Перегудъ, поворачивая къ дому» (стр. 446) и т. д. Подобный разговоръ идетъ безъ конца, растянувшись на цѣлый рядъ страницъ.

Читатель все время недоумѣваетъ, къ чему тутъ чиновникъ, его семья, дьяконъ и самъ Перегудъ. Но онъ долженъ имѣть много терпѣнія, прежде чѣмъ узнаетъ, что этотъ самый Перегудъ былъ переведенъ въ Аракчеев-

скія военныя поселенія и былъ однимъ изъ ротныхъ командировъ во время бывшаго въ поселеніяхъ бунта. Къ чему же такъ томительно-долго занимать читателя вышеприведенными разговорами съ отцомъ Иринеемъ, описаніемъ семейства чиновника, которое со всѣми домочадцами гибнетъ для читателя безъ вѣсти, когда Перегуда переводятъ изъ города въ поселенія? Да и къ чему такъ много распространяться о самомъ Перегудѣ, которому во время бунта не пришлось играть никакой роли? Онъ не былъ даже дѣйствующимъ лицомъ: одинъ изъ бунтовщиковъ, съ цѣлью спасти ему жизнь, посадилъ его на гауптвахту, гдѣ онъ и просидѣлъ все время бунта... Но если читатель вздумаетъ доискиваться какого-нибудь смысла въ этихъ разсказахъ, а главное—искать разумныхъ основаній той или другой несообразности, то ему придется уже пенять на себя...

Въ большинствѣ названныхъ разсказовъ дѣйствующими лицами являются крестьяне, крестьянки, дворовыя дѣвушки и т. д. Если читатель еще не забылъ «Бѣдную Лизу, ея мать и ихъ сентиментальныя рѣчи, то, читая «Аракчеевщину», не разъ вспомнитъ Карамзина и его умѣнье рисовать «поселянъ».

Вотъ хоть бы разговоръ старика крестьянина съ своей дочерью Сютой:

«— Хорошо дѣвичье житье, веселое, — заговорилъ Осипъ, — а приходится разставаться. Не вѣкъ сидѣть въ дѣвкахъ, надо и замужъ собираться. Вѣдь, такъ, Сюта?

Сюта раскраснѣлась и склонилась надъ работой.

— Отчего не выйти замужъ за хорошаго человѣка, если Богъ благословляетъ,—продолжалъ Осипъ.—Не думалъ я никогда приневоливать тебя, Сюта, а желалъ бы тебя выдать по твоей склонности за хорошаго человѣка.

Сюта молчала.

— Вотъ хоть бы Морченокъ—человѣкъ разумный, трезвый, работящій,—продолжалъ Осипъ.—По сердцу ли онъ тебѣ?

Сюта молчала.

— Скромность—первая добродѣтель дѣвушки,—заговорилъ отецъ.—Я хочу твоего счастія, чтобы ты вышла за любимаго человѣка и человѣка стоющаго, и спрашиваю только для того, чтобъ устроить твое счастье. Передъ отцомъ ты можешь говорить смѣло» (стр. 511).

Вотъ такъ крестьяне временъ «Аракчеева»—какіе умные! Такія рѣчи хоть бы Стародуму впору говорить, а у г. Богословскаго и крестьянинъ не уступитъ фонвизинскому дядюшкѣ, да и Сюта будетъ понѣжнѣй Софьи. Прочтите слѣдующее мѣсто:

«Сюта *разстроенная* и вся въ грязи вбѣжала къ комнату, *бросилась на кровать* (а Софья даже и не присѣла послѣ испуга), *зарыдала въ истерическомъ припадкѣ*»... Стародумъ, какъ припомнитъ читатель, совершенно безчувственно отнесся къ Софьѣ: онъ ей даже воды не подалъ... А «Осипъ между тѣмъ обвернулъ мокрою тряпкой голову Сюты и уговаривалъ ее выпить водицы, но Сюта все еще рыдала». Этого мало:

«отецъ сѣлъ подлѣ нея на кровати и понемногу помачивалъ ей голову изъ ковша холодною водой. Мало-по-малу Сюта успокоилась и заснула» (стр. 487, 488 и 489).

Теперь пусть самъ читатель судитъ, возможно ли было выступать въ свѣтъ съ такимъ искаженнымъ содержаніемъ изъ крестьянской жизни,—выступать въ наше время, когда большинство литературныхъ силъ посвятило себя изученію народной жизни и давно уже знакомитъ публику съ дѣйствительною жизнью народа и его выдающимися типами? Такое искаженіе было возможно во времена Карамзина, когда народъ для читающей публики былъ менѣе извѣстенъ, чѣмъ какая-нибудь африканская обезьяна. Тогда возможно было и появленіе «Бѣдной Лизы»... Но съ тѣхъ поръ много времени прошло, много воды утекло.

Весьма приличная внѣшность «Аракчеевщины», навѣрно, успѣетъ соблазнить многихъ читателей, хотя потомъ имъ и придется каяться въ своемъ легкомысліи.

Деревенскія будни. *Н. Златовратскаго.* С.-Петербургъ. 1882 года.

Изъ плеяды нашихъ народописателей самое выдающееся мѣсто безспорно занимаютъ два недюжинныхъ таланта. Читатель, разумѣется, догадался, что мы говоримъ—о Г. И. Успенскомъ и Н. Н. Златовратскомъ.

Оба не уступаютъ другъ другъ въ силѣ художественнаго творчества, оба посвятили эту силу деревнѣ. Только разнымъ окомъ смотрятъ они на нее, разный матеріалъ представляетъ она для того и другаго. Старая деревня, которая, несмотря на новую атмосферу, на новыя условія, крѣпко держится своихъ старыхъ преданій и формъ и только въ случаѣ крайности идетъ на компромиссъ ради возможности совмѣстнаго существованія стараго съ новымъ,—такая деревня для одного представляется вмѣстилищемъ нетронутыхъ нравственныхъ богатствъ, откуда можетъ безпрепятственно позанять силъ и идеаловъ и интеллигентный человѣкъ.

Такъ смотритъ на деревню Н. Н. Златовратскій и таковою она представляется читателю въ первой половинѣ его «Деревенскихъ будней».

Г. Успенскій смотритъ иначе. Его «Малые ребята»—одно изъ прекрасныхъ произведеній по воспроизводимой правдѣ рисуетъ, какъ горько, досадливо, больно ошибется интеллигентъ, отправляющійся въ деревню за идеалами, за тѣми основами нравственнаго кодекса, которыя необходимы человѣку для жизни вообще, для воспитанія же юношества въ особенности. Въ основу воспитанія необходимо положить что-нибудь прочное, вѣрное, во что глубоко вѣрилъ бы самъ воспитатель... И вдругъ оказывается: у воспитателя ничего такого, на что бы онъ могъ опереться, ни одной ноты, на которой бы могъ разъигрывать съ увѣренностью варіяціи воспитанія.

Положеніе ужасное,—необходимо или сложить съ себя обязанность воспитателя, или идти за поисками основъ и идеаловъ. Но куда?... Все расшаталось, ни во что крѣпко, безъ раздумья не вѣрится.

И вотъ отецъ семейства, которому волей-неволей приходится быть воспитателемъ, отправляется въ деревню за правдой, за непосредственностью, за божьимъ, «не здѣшнимъ» отношеніемъ людей другъ къ другу... И какъ горько онъ разочаровывается! По отношенію къ себѣ (а дальше онъ и не всматривался) онъ не нашелъ тамъ ни правды, ни непосредственности, ни доброты, о которыхъ мечталъ, на которыя разсчитывалъ. Да и могло ли быть иначе? Могъ ли мужикъ отнестись добродушно непосредственно къ поселившемуся среди него барину, живущему «по-господски», по-неправильному,—къ барину, явившемуся въ деревню съ ехидною цѣлью — уворовать нравственныя богатства мужика? Интеллигентъ, желающій только взять, безъ намѣренія поступиться своими старыми крѣпостническими привычками, пусть оставитъ свои иллюзіи о нравственныхъ деревенскихъ богатствахъ,—ему ихъ не отыскать и не позанять.

Въ своей книжкѣ: «Деревенскіе будни» авторъ мало входитъ въ разборъ отношеній крестьянъ къ поселившемуся среди нихъ интеллигентному человѣку. Онъ самъ собственно очень хорошо принятъ въ деревнѣ, крестьяне не только охотно принимаютъ его на свои мірскіе сходы, не только охотно, «по душѣ», бесѣдуютъ съ нимъ,—они на сходахъ обращаются къ нему за умомъ-разумомъ, они приглашаютъ его къ себѣ на угощеніе. Но не надо забывать, что мѣста, въ которыхъ селится г. Златовратскій, были изъ такихъ просвѣщенныхъ, гдѣ всѣ обитатели знали, что господа по-лѣтамъ на дачи выѣзжаютъ, и гдѣ явленіе интеллигентнаго человѣка не порождало никакихъ недоразумѣній.

Въ названной книжкѣ авторъ по преимуществу останавливается на общинно-бытовыхъ порядкахъ деревни, даетъ прекрасную картину мірскаго схода, передѣловъ, «помочей» и т. д. Даетъ это въ двухъ почти противоположныхъ картинахъ: сперва онъ поселился въ *старой* деревнѣ, удаленной отъ города и отъ всякой капиталистической промышленности,—въ деревнѣ, которая только въ силу необходимости нарушаетъ старые порядки и, принимая новыя формы, ломаетъ ихъ на старый ладъ,—въ деревнѣ, которая крѣпка стариной и не дошла до ея отрицанья. Во второй половинѣ своей книги онъ слѣдитъ за тѣми же общинно-бытовыми формами въ деревнѣ *новой*, охотно, сознательно отвращающейся отъ общины и отъ жизни по старинѣ,—въ деревнѣ, которая захотѣла жить умомъ и охотно тянетъ къ городу—разсаднику ума. Это—деревня «хозяйственныхъ мужиковъ», живущихъ уже не въ избахъ, а въ дву-этажныхъ строеніяхъ; одѣвается она уже не въ рубахи и сарафаны, а въ платья и пиджаки. Здѣсь мужикъ уже не землепашецъ, живущій своимъ, отъ «власти земли» зависящимъ, міросозерцаніемъ,—его идеалы въ городѣ и онъ глядитъ вонъ изъ деревни.

Картины, набросанныя авторомъ, чрезвычайно живы и интересны, хотя авторъ не разъ оговаривается, что «для воспроизведенія народной жизни» потребны совершенно новые художественные пріемы, что воспроизведеніе это «будетъ возможно только тогда, когда въ сферѣ искусства будетъ сказано «новое слово» (стр. 93).

Оба названные народописатели не смотрятъ на свои произведенія какъ на художественныя возсозданія. Г. Успенскій въ послѣднемъ очеркѣ «Власть земли» даже отказывается признать въ себѣ беллетриста, а называетъ себя писателемъ, занятымъ черною работой.

Дѣйствительно, то, что мы привыкли понимать подъ именемъ беллетристики, теперь въ чистомъ видѣ рѣдко встрѣчается. Нарисуетъ художникъ одну-двѣ картинки, набросаетъ нѣсколькими штрихами типъ, да сейчасъ и перейдетъ въ серьезный тонъ разсужденій о томъ или другомъ изъ задѣтыхъ имъ вопросовъ, а то и совсѣмъ о постороннемъ.

Да, вотъ, хоть бы тѣ же «Деревенскіе будни». Сколько тутъ прекрасныхъ, художественно воспроизведенныхъ картинъ, хотя бы вышеупомянутая картина схода, или картина деревенскихъ дѣтей, встрѣчающихъ и провожающихъ своего учителя — отставнаго солдата Еруслана Лазаревича (картина, правда, нѣсколько напоминающая идиллію)!... И рядомъ съ этимъ идутъ разсужденія о значеніи общины, объ отношеніи къ ней ученыхъ—и все въ такомъ дѣловомъ тонѣ, что вы совершенно забываете, что у васъ въ рукахъ не ученый трактатъ и что вы имѣете дѣло съ беллетристомъ, а не съ какимъ-нибудь политико-экономомъ. Эти отступленія у автора иногда бываютъ весьма длинны, тянутся на нѣсколько страницъ и весьма разнообразны по своимъ темамъ. То авторъ упрекаетъ писателей-народниковъ въ сентиментальности, то коритъ ихъ за то, что они не посвящали себя изученію общинныхъ формъ, «помочей»; то браниТъ интеллигенцію, осмѣливающуюся опекать народъ съ «тою проницательностью и послѣдовательностью, результатомъ которой являлось бы всегда стрѣлянье изъ пушки по воробьямъ» (стр. 159); то входитъ въ объясненіе съ рецензентами, упрекавшими его «въ желаніи преднамѣренно находить въ деревнѣ то, что уже раньше предполагалъ найти» (стр. 169); то зло иронизируетъ надъ людьми, изучающими народъ по своей программѣ: «И какъ же мы усердствовали,—иронизируетъ онъ:—мы залѣзали мужику въ горшокъ, въ чашку, въ рюмку, въ карманъ, мы лѣзли въ хлѣвъ считать скотину, считать возы навоза, мы отбирали данныя у кабатчиковъ, у акцизныхъ чиновниковъ, летали на сходы и «усчитывали» мірскую выпивку, мы топтались по полямъ и лугамъ... Чего только мы не нюхали, не измѣряли, не вѣшали... Ну, и получились результаты блистательные! Потекли отъ «насъ къ нашихъ спеціалистамъ отвѣты, дождемъ полились...» (стр. 182), и т. д.

Эти отступленія въ видѣ разсужденій занимаютъ почти треть всей книги. Ихъ тонъ и характеръ говорятъ о настроеніи и отношеніи автора ко всему окружающему. Онъ слишкомъ неспокоенъ, его все раздражаетъ...

Несмотря на то, что вся книжка: «Деревенскія будни» съ начала до конца занята мужичкомъ,—читатель не утомляется, съ живымъ интересомъ слѣдитъ за всѣми картинами, за всѣми отступленіями, хотя со многими положеніями и не можемъ согласиться; тѣмъ не менѣе читатель прико-

ванъ, не можетъ оторваться отъ книги вплоть до конца. Вотъ что значитъ сила и власть таланта!

К.

Судьбы капитализма въ Россіи. *В. В.* С.-Петербургъ. 1882 г.

Лѣтопись народнаго оскудѣнія, начавшагося со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ настоящее время до такой степени переполнилась фактами, способными отрезвить головы самыхъ отчаянныхъ оптимистовъ, что ея дальнѣйшее обогащеніе ими вселяетъ невольный страхъ за будущее. Между тѣмъ каждый новый годъ заноситъ на ея страницы все болѣе и болѣе мрачные намеки на неизбѣжность экономическаго кризиса, для устраненія котораго русское общество давно уже ищетъ средствъ. Ежедневно на столбцахъ газетъ, на страницахъ крупныхъ періодическихъ изданій, въ мелкихъ брошюрахъ и въ многотомныхъ сочиненіяхъ передъ нашими глазами повторяются попытки болѣе или менѣе радикальнаго излѣченія нашего экономическаго недуга. Несмотря, однако, на все разнообразіе и тщету подобныхъ попытокъ, въ основѣ ихъ лежитъ одна и та же мысль, одно и то же сознаніе, что центръ тяжести государственно-экономическаго организма находится въ народѣ, въ его матеріальномъ положеніи и имущественной обезпеченности. Мысль эта не нова и давно уже проникла въ общественное сознаніе. Будучи послѣдовательно развитою, она неизбѣжно приводитъ и къ тѣмъ средствамъ, какія необходимы для устраненія грядущихъ экономическихъ бѣдствій. Но въ то время, какъ одни видятъ все спасеніе въ нравственномъ перевоспитаніи народа, въ видахъ чего и рекомендуютъ ему трезвость, воздержаніе, бережливость, трудолюбіе и всѣ прочія достоинства личной добродѣтели, долженствующей обезпечить за народомъ счастіе на землѣ, другіе смотрятъ на современное положеніе дѣлъ и съ другой стороны. Эти послѣдніе очень хорошо понимаютъ, что причины переживаемыхъ народомъ бѣдствій лежатъ и внѣ его личныхъ и бытовыхъ особенностей. Въ виду этого они и не считаютъ сказанныхъ добродѣтелей исключительнымъ и единственнымъ средствомъ противъ голода, неурожаевъ, вырожденія и обѣднѣнія народа. Дѣло не въ упадкѣ религіозно-нравственнаго чувства въ народѣ, а въ условіяхъ его экономической жизни. Публицисты послѣдней категоріи неутомимо изслѣдуютъ причины современныхъ экономическихъ затрудненій и, находя ихъ въ условіяхъ экономической жизни народа, требуютъ во имя государственныхъ интересовъ возможно-полнаго устраненія ихъ.

Къ числу подобныхъ изслѣдователей, ряды которыхъ ежегодно увеличиваются, принадлежитъ, между прочимъ, г. В. В., авторъ нѣсколькихъ чрезвычайно интересныхъ журнальныхъ статей, вышедшихъ недавно отдѣльнымъ изданіемъ подъ общимъ заглавіемъ: «Судьбы капитализма въ Россіи». «Содержаніе ихъ,— по словамъ автора,— осталось прежнее, новыхъ фактовъ и аргументовъ приведено немного; и если тѣмъ не менѣе мы

рѣшаемся вторично предлагать свои работы вниманію читателя, то дѣлаемъ это съ единственною цѣлью—одновременностью нападенія всѣмъ арсеналомъ на его міросозерцаніе заставить интеллигенцію обратить вниманіе на поднятый вопросъ, вызвать нашихъ ученыхъ и присяжныхъ публицистовъ капитализма и народничества на изученіе закона экономическаго развитія Россіи—основу всѣхъ остальныхъ проявленій жизни страны» (стр. 1).

Основная задача автора заключается въ томъ, чтобы подмѣтить характеристическія черты современныхъ русскихъ экономическихъ порядковъ и вмѣстѣ съ этимъ провѣрить гипотезу объ универсальномъ значеніи законовъ промышленнаго развитія, выведенныхъ на основаніи фактовъ западно-европейской жизни. Изъ цѣлаго ряда фактовъ, характеризующихъ успѣхи русскаго машиностроенія, капитализацію кустарнаго промысла, современное положеніе помѣщичьяго хозяйства, его отношеніе къ рабочей силѣ, движеніе заработной платы за послѣднее десятилѣтіе, крупное земледѣліе, сбытъ продуктовъ сельскаго хозяйства за границу и общій экономическій упадокъ Россіи,—г. В. В. заключаетъ, что въ ней нѣтъ почвы для успѣшнаго развитія капитализма въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. По крайней мѣрѣ за послѣднее десятилѣтіе крупное производство въ Россіи осталось in statu quo, а это, имѣя въ виду естественную прибыль населенія, происшедшую въ означенный періодъ, должно быть признано за указаніе на его упадокъ. «Мы можемъ указать, — говоритъ г. В. В., — и на вѣроятную причину такого явленія: лишенное внѣшняго сбыта, наше капиталистическое производство находится въ зависимости исключительно отъ внутренняго потребителя; а такъ какъ послѣдній, въ лицѣ русскаго мужика, несмотря на развитіе своихъ потребностей, сильно за послѣднее время отощалъ, то естественно, что это отощаніе отразилось на его поставщикахъ, крупныхъ фабрикантахъ, сокращеніемъ ихъ оборотовъ» (стр. 32). Въ результатѣ, несмотря на цѣлый рядъ покровительственныхъ мѣропріятій со стороны правительства, русскій капитализмъ остается все тѣмъ же неподвижнымъ, непредпріимчивымъ, когда дѣло касается производства, и оживляется только въ сферѣ товарнаго обращенія, служащаго однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ накопленія капитала въ Россіи. Сосредоточенный такимъ образомъ капиталъ не идетъ, однако, у насъ на дѣло прогрессивнаго развитія промышленности, на организацію высшей формы производства, а исключительно только служитъ для эксплоатаціи массы населенія въ интересахъ небольшаго кружка счастливцевъ. Всякій согласится съ замѣчаніемъ г. В. В, что «это не настолько почтенная цѣль, чтобы ради ея стоило поддерживать и развивать процессъ образованія капитала».

Само собою понятно, что при такихъ условіяхъ всѣ усилія по насажденію капиталистическаго производства въ Россіи не только безполезны, но во многихъ отношеніяхъ положительно вредны. Между тѣмъ въ послѣднее двадцатилѣтіе правительство крайне послѣдовательно проводило

идею покровительства крупному капиталистическому производству. Для цѣлей обезпеченія за крупнымъ производствомъ капитала, рабочихъ рукъ и рынковъ, принимались такія мѣры, какъ ограниченіе крестьянскаго землевладѣнія, стѣсненіе переселеній, организація крупнаго кредита, правительственныя субсидіи капиталистическимъ промышленнымъ предпріятіямъ, постройка желѣзныхъ дорогъ и т. п. Короче сказать, за все это время цѣлью всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій было покровительство безличному *производству*, а не облеченному плотью и кровью *производителю*. Такимъ путемъ думали достигнуть увеличенія производительности труда, возвышенія національнаго богатства и—какъ неизбѣжное послѣдствіе всего этого—упроченія государственныхъ финансовъ. На практикѣ, однако, вся эта политика привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ: «Капиталистическое производство пятится назадъ, количество добываемыхъ земледѣльческихъ продуктовъ уменьшается, общая сумма національнаго производства, нѣсколько поддерживаемая гонимымъ мелкимъ промысломъ, сокращается, народъ бѣднѣетъ и, въ заключеніе всего, финансы государства все болѣе и болѣе разстроиваются. Такіе блестящіе отрицательные результаты двадцатилѣтнихъ усилій правительства неопровержимо доказываютъ ложность основной идеи господствующей экономической политики; и обратно—противорѣчіе задачъ, поставленныхъ правящимъ классомъ, естественному ходу вещей и тенденціи времени, его рѣшимость преслѣдовать свои цѣли во что бы то ни стало, не поддаваясь, а ломая препятствія, встрѣчаемыя въ дѣйствительной жизни, не могли привести ни къ чему иному, кромѣ замѣшательства въ обычномъ ходѣ этой послѣдней, разстройства существующихъ формъ безъ организаціи на ихъ мѣстѣ новыхъ, къ разложенію, а не развитію нашего промышленнаго строя» (стр. 284). Не имѣя возможности успѣшно организовать крупное производство, капитализмъ въ Россіи, примѣняясь къ условіямъ мѣста и времени, направилъ весь свой арсеналъ на усиленіе эксплоатаціи мелкаго производителя. «Крестьянство, свободныя средства котораго и безъ того сократились обязательствомъ поддерживать новѣйшія общественныя реформы, вынуждено было еще урѣзывать траты на себя и свое хозяйство ради обогащенія массы все болѣе и болѣе размножающихся крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ; это лишаетъ его возможности предпринимать что-либо для поднятія производительности своего труда, — напротивъ, есть много обстоятельствъ, клонящихъ послѣднюю къ упадку. Результатомъ такой комбинаціи различныхъ факторовъ экономической жизни было то, что у насъ одновременно появились statu quo или даже, быть-можетъ, пониженіе доходовъ крестьянина и постоянно прогрессирующее увеличеніе его расходовъ. Единственнымъ послѣдствіемъ созданнаго положенія было быстро подвигающееся впередъ обѣднѣніе народа, которое, развиваясь дальше, неизбѣжно закончится экономическимъ и финансовымъ кризисомъ» (стр. 293).

Несмотря, однако, на столь печальныя послѣдствія двадцатилѣтнихъ усилій и опытовъ насажденія капиталистическаго производства въ Россіи, дѣло ея промышленнаго прогресса далеко еще не потеряно. Естественный ходъ вещей и тенденція времени сами подсказываютъ выходъ изъ современныхъ экономическихъ затрудненій. Выходъ этотъ заключается въ организаціи народной производительности на принципахъ не капиталистическаго, а общинно-артельнаго строя. Достаточнымъ обезпеченіемъ успѣшности подобной организаціи является вѣками воспитанное въ русскомъ крестьянинѣ стремленіе къ общинно-артельнымъ началамъ. Особенно сильно сказалось это стремленіе въ сферѣ земледѣлія. Несмотря на всѣ усилія привилегированныхъ классовъ насадить крупное производство, наше крестьянство рѣшило во что бы то ни стало остаться побѣдителемъ надъ нимъ въ столь важной отрасли промышленной дѣятельности. «Народъ оказался проницательнѣе или счастливѣе интеллигенціи, его задача совпала съ естественнымъ ходомъ вещей, и потому онъ остается побѣдителемъ», хотя одерживаемая побѣда еще болѣе усиливаетъ его разореніе. Нельзя поэтому сказать, что въ теченіе двадцати лѣтъ пореформеннаго періода народъ оставался безучастнымъ и беззаботнымъ зрителемъ вновь народившихся экономическихъ отношеній. «Онъ совершалъ въ это время великое дѣло, отъ того или другаго направленія котораго зависитъ будущее наше развитіе, онъ боролся *за высшій типъ общественно-экономическаго прогресса* и не его вина, если побѣда далась ему путемъ пониженія развитія; нельзя упрекать его за то, что, принужденный вести отчаянную борьбу съ обществомъ, народъ недостаточно былъ энергиченъ въ своихъ отношеніяхъ къ природѣ: природа отъ него не уйдетъ, а пропустить благопріятный общественно-историческій моментъ очень нетрудно» (стр. 290). Цѣлый рядъ фактовъ и числовыхъ данныхъ, приводимыхъ авторомъ, относительно поземельныхъ отношеній и нѣкоторыхъ наиболѣе изслѣдованныхъ кустарныхъ промысловъ приводятъ его въ концѣ концовъ къ тому выводу, что нашъ дальнѣйшій промышленный прогрессъ будетъ покоиться не на капиталистическихъ, а на исконныхъ народныхъ устояхъ, каковыми должны быть признаны община и артель. Выводъ этотъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтъ на вторую половину намѣченной авторомъ задачи, именно на вопросъ объ универсальномъ значеніи законовъ промышленнаго развитія, выведенныхъ на основаніи фактовъ западноевропейской жизни. «Слѣдуетъ принять,—говоритъ г. В. В.,—какъ наиболѣе вѣроятное, что не каждый народъ обязанъ неизбѣжно пройти капиталистическій фазисъ въ развитіи своей промышленности, что въ молодыхъ странахъ капиталистическое производство тщетно будетъ стараться занять то положеніе, какого оно достигло въ странахъ классическаго капитализма, а обобществленіе труда, если оно неизбѣжно, произойдетъ инымъ путемъ» (стр. 21).

Насколько справедливо столь широкое обобщеніе, мы говорить не будемъ, такъ какъ здѣсь не мѣсто входить въ подробныя объясненія по

этому поводу,—тѣмъ болѣе, что интересъ книги г. В. В. заключается не столько въ этомъ обобщеніи, сколько въ характеристикѣ современнаго экономическаго положенія Россіи и ея недалекаго будущаго. Неизбѣжность экономическаго кризиса съ одной стороны, а съ другой — возможность выйти изъ переживаемыхъ нами затрудненій путемъ реорганизаціи общественно-экономической жизни на общинно-артельныхъ началахъ—такова дилемма, предъявляемая жизнью современному русскому обществу. Оставаться безучастнымъ и равнодушнымъ къ ней оно не можетъ,—это значитъ рисковать своею будущностью. Слѣдовательно, общество волей-неволей должно дѣятельно заняться ея разрѣшеніемъ. Что же касается направленія его дѣятельности, то для устраненія кризиса, а главнымъ образомъ для содѣйствія общественно-хозяйственному развитію производителей, слѣдовательно и всей страны, необходимо сойти съ прежняго пути искуственнаго насажденія капитализма въ Россіи и направить всѣ силы на развитіе успѣшности труда производителей при свободномъ пользованіи ими орудіями производства. Таковъ окончательный практическій выводъ, который мы въ правѣ сдѣлать на основаніи доводовъ, приводимыхъ г. В. В., и съ которымъ онъ самъ вполнѣ соглашается. «Достиженіе высокой степени благосостоянія народа на почвѣ *самостоятельнаго крестьянскаго производства* (будь оно мелкое или крупное, все равно)—вотъ, по его словамъ, «задача, которую должно преслѣдовать русское общество» (стр. 201).

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ указать на нѣсколько небрежную обработку вошедшихъ въ книгу г. В. В. журнальныхъ статей. Всѣ онѣ были написаны разновременно, а потому въ свое время въ нихъ были вполнѣ умѣстны такія выраженія, какъ, напримѣръ, «зимой прошлаго года», «въ текущемъ году» и т. п., хотя въ первомъ случаѣ это былъ 1879 годъ, а во второмъ—1880 г. Всѣ эти выраженія остались безъ измѣненія при обработкѣ статей, вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ въ нынѣшнемъ году. Впрочемъ, если читатели и посѣтуютъ на г. В. В. за подобную небрежность, то, благодаря несомнѣннымъ достоинствамъ его книги, они, даже будучи уже знакомы съ его взглядами по журнальнымъ статьямъ, прочтутъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Особенный интересъ пріобрѣтаетъ книга г. В. В. при сопоставленіи ея съ статьею г. Николая—она («Очерки нашего по-реформеннаго общественнаго хозяйства». *Слово* 1880 г., кн. X), представляющею столько интереснаго относительно характеристики современнаго экономическаго положенія Россіи и въ частности ея товарнаго обращенія (послѣдній вопросъ только затрагивается г. В. В.), что каждому, кто почему-либо не успѣлъ еще ознакомиться съ нею, можно смѣло рекомендовать обратить на нее особенное вниманіе.

В. С—въ.

Замѣтка по внѣшнимъ дѣламъ.

Международныя отношенія, занимавшія наше общество въ послѣднее время, вызвали профессора Мартенса сказать отъ себя нѣсколько словъ. Для этого онъ написалъ статью о взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и Пруссіей при Екатеринѣ II*). Исполненная предвзятыхъ мыслей, пришитыхъ бѣлыми нитками къ предмету изложенія, статья эта для этихъ самыхъ мыслей и намековъ, ни мало не истекающихъ изъ существа предмета, могла бы легко быть посвящена взаимнымъ отношеніямъ любыхъ двухъ государствъ въ любое время. Поэтому, оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе извѣстныя историческія данныя и ихъ, лично г. Мартенсу принадлежащее, освѣщеніе, которое грѣшитъ касательно взаимнаго положенія Россіи и Австріи въ дѣлахъ Востока, я обращу вниманіе на тѣ побочныя соображенія и, будто бы, выводы, для которыхъ собственно и написана эта статья.

Но предварительно скажу объ отношеніи Россіи къ Австріи. По мнѣнію г. Мартенса, Екатерина II сближалась съ вѣнскимъ дворомъ и заключала съ нимъ союзы потому, что находила въ немъ больше средствъ и желанія помогать ей противъ Турціи. На самомъ же дѣлѣ Екатерина II вовсе не нуждалась ни въ средствахъ, ни въ желаніяхъ Австріи. Вся предупредительность и искательность въ этомъ случаѣ шли отъ Іосифа II. Если русская императрица и обнаружила наклонность къ сближенію съ Австріей, то единственно въ томъ разсчетѣ, чтобы сдержать слишкомъ порывистыя стремленія вѣнскаго двора къ захватамъ турецкихъ владѣній и устранить чрезъ то затрудненія, которыя императрица могла бы встрѣтить въ своихъ дѣйствіяхъ на Востокѣ. Она, напротивъ, избѣгала всякаго совокупнаго съ вѣнскимъ дворомъ веденія восточныхъ дѣлъ какъ мирныхъ, такъ и военныхъ. Доказательствомъ этому служатъ два одновременные мирные договора: Ясскій—между Россіей и Турціей и Систовскій—между Турціей и Австріей. Послѣдняя была совершенно отчуждена

*) *Вѣстникъ Европы*, май 1882 г.

отъ Россіи въ своихъ военныхъ движеніяхъ и вынуждена была заключить позорный миръ въ Систовѣ. Екатерина II дѣйствовала вполнѣ самостоятельно и независимо въ духѣ русской народной политики; поэтому она никакими договорами не ставила себя въ какія-либо зависимыя отношенія къ Австріи и вовсе не такъ смотрѣла на союзъ съ нею, какъ бы желалось представить нынѣшнимъ поборникамъ тройственнаго союза. Довольно того, что послѣ своего свиданія съ Іосифомъ II она, выходя изъ кабинета, сказала своимъ приближеннымъ: «теперь Іосифъ у меня въ карманѣ». Очевидно, отношеніямъ петербургскаго двора къ вѣнскому при Екатеринѣ II по дѣламъ Востока придано г. Мартенсомъ не совсѣмъ вѣрное освѣщеніе,—до такой уже степени впиталось въ нашу плоть и кровь убѣжденіе, что мы безъ Австріи ничего не можемъ сдѣлать на Востокѣ.

Возвращаюсь къ тенденціямъ г. Мартенса.

Устойчивость и цѣлесообразность государственнаго строя, по выраженію г. Мартенса, опредѣляетъ направленіе и успѣхъ внѣшней политики правительства, такъ что при отсутствіи необходимой устойчивости государственнаго порядка нѣтъ довѣрія со стороны иностранныхъ державъ къ обѣщаніямъ и обязательствамъ правительства. Мнѣ кажется, что успѣхъ внѣшней политики государства слѣдуетъ искать въ самой основѣ этой политики, причемъ, само собою разумѣется, устойчивость государственнаго порядка будетъ удобнѣйшею для того обстановкой. При отсутствіи ясно сознанной и преемственно соблюдаемой основы, внѣшняя политика и въ самомъ крѣпкомъ по своимъ порядкамъ государствѣ будетъ зыбкою и непостоянною, а слѣдовательно—или безуспѣшною, или лишенною довѣрія другихъ государствъ. Вопреки мысли г. Мартенса, я укажу на главнѣйшіе общеизвѣстные акты международныхъ отношеній за послѣднее время. Съ 1848 года Франція подвержена была нѣсколькимъ государственнымъ переворотамъ и ея государственный строй не могъ представляться устойчивымъ; однако сенъ-джемскій кабинетъ, который, кажется, поопытнѣе будетъ иныхъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ, оказалъ Наполеону III дружелюбіе и довѣренность даже въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ союзническая война съ Россіей. Взаимныя отношенія Франціи и Англіи доходили до entente cordiale. Общее довѣріе европейскихъ кабинетовъ выразилось въ допущеніи одной Франціи къ усмиренію волненій въ Сиріи. Едва только успѣла рушиться вторая Французская имперія, и среди кровавой расправы съ парижскою коммуной едва только водворилась Французская республика, потрясенная вдобавокъ разорительною войной съ Пруссіей, какъ всѣ европейскіе кабинеты поспѣшили выразить свое довѣріе президенту Тьеру, а впослѣдствіи кн. Бисмаркъ въ распрѣ съ гр. Арнимомъ откровенно высказалъ, что Франція-республика представляетъ для него наболѣе задатковъ прочности взаимныхъ отношеній.

Австрія, которая совсѣмъ уже разваливалась въ 1848 году, потомъ, при упорномъ глухомъ сопротивленіи Венгріи, едва держалась искуствен-

нымъ абсолютизмомъ Баха и, наконецъ, не выдержала и раздвоилась,—Австрія, которая и доселѣ таитъ въ себѣ недугъ броженія и взаимнаго недовольства народностей,—не можетъ похвалиться устойчивостію своего государственнаго строенія, которому недостаетъ главнѣйшаго качества — однородства внутренняго существа, а вслѣдствіе этого и нѣтъ въ ней живаго и цѣлостнаго развитія, вмѣсто котораго дѣйствуетъ механическій снарядъ управленія. Тѣмъ не менѣе Англія постоянно находилась съ нею до послѣдняго министерства Гладстона въ тѣсномъ политическомъ единомысліи, считая ее на материкѣ Европы какъ бы дополненіемъ своей морской политики. Что же касается до отношеній къ ней Россіи, то, по вѣрованіямъ нашей дипломатіи, которыя столь усердно исповѣдуетъ и г. Мартенсъ, петербургскій кабинетъ не затруднялся ни въ какихъ довѣрительныхъ съ нею сношеніяхъ, доходившихъ даже до торжественныхъ тостовъ за союзника—императора австрійскаго.

Устойчивость государственнаго строя или порядка, какъ видно, занимаетъ не самое первое мѣсто въ соображеніяхъ внѣшней политики.

Наоборотъ, Пруссія, которую г. Мартенсъ выставляетъ «родиною строгой дисциплины и твердаго внутренняго порядка», и eo ipso державою, заслуживающею довѣрія иностранныхъ кабинетовъ къ обѣщаніямъ и обязательствамъ ея правительства,—дѣйствительно ли таковою является въ лицѣ своего представителя и главнаго руководителя—Бисмарка? Не онъ ли провелъ Австрію для совмѣстной войны съ Даніей? Не онъ ли обошелъ Наполеона III, чтобы заручиться нейтралитетомъ Франціи въ войнѣ съ Австріей? Не онъ ли входилъ во время этой войны въ тайныя сношенія съ Венгріей? Не онъ ли потомъ воспользовался пустымъ предлогомъ испанскаго престолонаслѣдія, чтобы вызвать войну съ Франціей? Не онъ ли вслѣдъ за этою войной хотѣлъ нарушить Франкфуртскій миръ, чтобы начать вторую войну съ тою же Франціей и добить ее окончательно? Не было ли съ его стороны чего-либо такого, что вызвало внезапное данцигское свиданіе?... Можно ли, спрашивается, въ крѣпости государственнаго строенія видѣть главное обезпеченіе обязательствъ и обѣщаній правительства относительно иностранныхъ державъ?

Г. Мартенсъ отвѣтитъ мнѣ словами своей статьи, что «тамъ, гдѣ будто всѣ чудеса въ области внѣшней политики совершены одною находчивостью и смѣлостію государственнаго человѣка, на дѣлѣ мы видимъ прежде всего глубокое пониманіе этимъ государственнымъ человѣкомъ законныхъ стремленій народа и историческихъ задачъ національной его жизни». Вотъ это-то и нужно, — именно, чтобы внѣшняя политика, ведомая государственнымъ человѣкомъ, основывалась прежде всего на глубокомъ пониманіи этимъ государственнымъ мужемъ законныхъ стремленій своего народа и историческихъ задачъ національной его жизни. Другими словами — мѣра значенія государства въ международныхъ отношеніяхъ и самое его положеніе опредѣляются основой его внѣшней политики. Основа же эта должна

быть исключительно народная; она опредѣляется живымъ историческимъ преданіемъ и всѣмъ духовнымъ существомъ народа—его сочувствіями, слагающимися въ немъ вѣками, его памятью, преемственно переходящею изъ рода въ родъ, его воззрѣніями, понятіями и даже его отличительными способами дѣйствія или пріемами, истекающими изъ его нравственныхъ свойствъ. Только народная политика ведетъ правительство опредѣленною дорогой, освѣщая собою эту дорогу и доставляя правительству довѣріе посторонннихъ державъ, которыя хотя и могутъ относиться къ нему пріязненно или непріязненно, но во всякомъ случаѣ будутъ знать, во-первыхъ, что̀ ему нужно, а во-вторыхъ, то, что оно не уклонится отъ своей цѣли. Напротивъ, формула г. Мартенса ставитъ устойчивость международныхъ сношеній въ прямую зависимость отъ прочности внутренняго государственнаго порядка. Такимъ образомъ разница въ пониманіи основъ внѣшнихъ международныхъ отношеній та, что г. Мартенсъ видитъ эти основы въ прочной государственности, а я нахожу ихъ въ народности; государственность же, или, точнѣе, крѣпкій государственный строй считаю удобнѣйшею формой, въ которой можетъ совершаться дѣятельность народной основы, выражающейся какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ.

Лучшимъ подтвержденіемъ моей мысли и болѣе понятнымъ для самого г. Мартенса можетъ служить эта же самая статья о Россіи и Пруссіи. И странное дѣло! Излагая ходъ сношеній между двумя сосѣдними дворами при Екатеринѣ Великой, г. Мартенсъ нигдѣ, ни единымъ словомъ не упомянулъ о народномъ началѣ въ политическихъ воззрѣніяхъ императрицы и не пояснилъ ея дѣйствій этимъ началомъ. Еслибъ онъ это сдѣлалъ, то остался бы вѣренъ исторіи, которая узнается не изъ одной переписки дипломатовъ и высокихъ особъ; но за то ему пришлось бы отказаться отъ всего направленія современной дипломатіи, отъ всего излюбленнаго имъ, отъ всего написаннаго имъ,—словомъ, отречься отъ мозга той среды, къ которой онъ себя причисляетъ и которую отстаиваетъ.

Именно та самая эпоха, которую онъ выбралъ предметомъ своей статьи, и опровергаетъ его формулу. Если можно найти единство въ направленіи русской политики относительно Пруссіи и Австріи, то его должно искать глубже, нежели въ государственномъ строѣ тогдашней Россіи. Постоянныя отклоненія, замѣчаемыя между Россіей и Пруссіей, не только не объяснимы одними крѣпкими внутренними порядками въ обоихъ государствахъ, но прямо противорѣчатъ теоріи устойчивости взаимныхъ международныхъ отношеній, выводимой г. Мартенсомъ изъ прочности этихъ порядковъ.

Такъ мы видимъ, что тотчасъ по воцареніи своемъ Екатерина лишаетъ Пруссію вспомогательныхъ русскихъ войскъ и до тѣхъ поръ не сближается съ Фридрихомъ, пока онъ, по требованію ея, не заключилъ мира съ Австріей. Король прусскій, принявши ея предложеніе о посредничествѣ, тѣмъ не менѣе заключилъ этотъ миръ секретно отъ нея.

Когда побѣдоносная война Россіи съ Турціей поставила Австрію въ непріязненныя отношенія къ Россіи и можно было предполагать, что эти державы или начнутъ между собою войну, или войдутъ въ секретный договоръ на счетъ добычи въ Турціи,—Фридрихъ II, несмотря на союзъ, не хотѣлъ помогать Россіи въ предстоящей войнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ старался не допустить до заключенія отдѣльнаго договора между Россіей и Австріей. Отношенія его къ императрицѣ должны были отъ этого сами собою охладѣть. Чтобъ отвлечь Россію и Австрію отъ Турціи, онъ и придумалъ раздѣлъ Польши.

Этотъ раздѣлъ вновь сблизилъ берлинскій и петербургскій дворы.

Но вслѣдъ за Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ русская политика склонилась къ Австріи для того, чтобы не найти помѣхи со стороны вѣнскаго двора въ достиженіи обширныхъ видовъ на Востокѣ. Фридрихъ II уже сталъ настолько опасаться за сохраненіе прежняго союза съ Россіей, что долженъ былъ просить объ его возобновленіи новымъ актомъ. Союзный трактатъ былъ опять подписанъ.

Когда между Пруссіей и Австріей возгорѣлась вражда изъ-за баварскаго наслѣдства, имѣвшая своею подкладкою постоянное соперничество этихъ двухъ державъ въ преобладаніи надъ Германіей, Екатерина II помирила враждующихъ, заставивши ихъ заключить между собою мировую.

Съ этого времени русская политика открыто перешла на сторону Австріи, потому что виды вѣнскаго двора на Турцію были болѣе согласны съ политическими стремленіями Россіи, тогда какъ Фридрихъ II опасался расширенія могущества Россіи на Востокѣ и противодѣйствовалъ русской политикѣ въ Константинополѣ. Онъ не могъ никогда до самой своей смерти простить императрицѣ ея сближеніе съ Австріей. Подобно первому раздѣлу Польши, онъ придумалъ теперь новую приманку для Россіи, именно тройственный союзъ между Россіей, Пруссіей и Турціей, но Екатерина отвергла это предложеніе, какъ оскорбительное и вредное. Она, конечно, не находила достаточныхъ причинъ къ разрыву съ Пруссіей и предпочитала миръ съ нею, увѣряя, что союзъ съ Австріей не противорѣчитъ союзнымъ связямъ Россіи съ Пруссіей. Такъ ли думалъ и прусскій король?—Сомнительно. Вѣрно только то, что его преклонные годы и усталость сдерживали въ немъ порывъ вступить въ открытую вражду съ Россіей.

Но со смертію Фридриха Великаго отношенія Пруссіи къ Россіи сдѣлались еще болѣе натянутыми, а ужь никакъ не дружелюбными.

Преемникъ Фридриха Великаго, Фридрихъ Вильгельмъ, протестовалъ въ Варшавѣ противъ проекта союзнаго трактата между Россіей и Польшей, а въ Копенгагенѣ заявилъ, что если датскія войска будутъ дѣйствовать противъ Швеціи, воевавшей тогда съ Россіей, то онъ займетъ Голштинію. Графъ Румянцевъ, тогдашній русскій посланникъ въ Берлинѣ, предлагалъ поэтому даже послать нѣсколько военныхъ судовъ къ берегамъ

Пруссіи, а вице-канцлеръ графъ Остерманъ говорилъ барону Келлеру, прусскому посланнику въ Петербургѣ, что дѣйствія его короля совершенно не соотвѣтствуютъ его словамъ. Въ инструкціи, данной Алопеусу, посланному императрицею въ качествѣ агента въ Берлинъ, поручалось выяснить, представляется ли сближеніе съ Пруссіей еще возможнымъ или же окончательный разрывъ съ нею неминуемъ.

Алопеусъ доносилъ, что Пруссія заключила тѣсный союзъ съ Польшей и готовится къ войнѣ. Что эта война была задумана противъ Россіи подъ мнимымъ только предлогомъ помѣшать Австріи захватить Дунайскія княжества, доказывается тѣмъ, что вмѣстѣ съ военными приготовленіями берлинскій дворъ сблизился съ вѣнскимъ чрезъ переговоры въ Рейхенбахѣ, и потому Алопеусъ имѣлъ полное основаніе увѣдомлять, что ничего хорошаго изъ Берлина не предвидится, и если Россія не поспѣшитъ заключить миръ съ Турціей, то она должна быть готова къ войнѣ съ Пруссіей. Королевскіе походные экипажи уже стояли наготовѣ къ отправленію въ Кёнигсбергъ. Самъ король въ совѣтѣ министровъ отвѣтилъ на мнѣніе перваго своего министра Герцберга о неудобствахъ войны съ Россіей упрекомъ министру, какъ осмѣливается онъ дѣлать предложенія несогласныя съ честью и обязанностями короля.

Война между Россіей и Пруссіей становилась неизбѣжною.

Но совершенно постороннія обстоятельства отвратили окончательный разрывъ между ними и послужили вновь къ ихъ взаимному сближенію.

Смуты въ Польшѣ и революція во Франціи вновь сблизили Россію съ Пруссіей какъ для раздѣла Польши, такъ и для обороны противъ республиканской Франціи. Но, подѣливши Польшу, Пруссія послѣ того вновь отстранилась отъ Россіи и вошла въ тайныя сношенія съ Франціей.

Тѣмъ не менѣе Екатерина, сходя въ могилу, оправдывала такое поведеніе Пруссіи и продолжала заявлять, что она дорожитъ взаимною дружбой и добрымъ согласіемъ между обоими государствами.

Изъ этого краткаго очерка событій, происходившихъ въ средѣ взаимныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей, каждый можетъ легко замѣтить, что какъ политика Россіи, такъ и политика Пруссіи, при относительно неизмѣнной крѣпости государственнаго строенія той и другой державы, постоянно шли извилинами, уклоняясь то въ ту, то въ другую сторону,—то сближаясь одна съ другой, то расходясь чуть не до открытаго разрыва. Между тѣмъ, по начальнымъ воззрѣніямъ г. Мартенса, политика какъ той, такъ и другой державы должна бы была идти одною неизмѣнною колеей дружбы, согласія и взаимнаго содѣйствія. То и другое государство было крѣпко внутри себя, и потому, употребляя формулу г. Мартенса, устойчивость соединяющихъ Россію и Пруссію политическихъ интересовъ должна бы быть прямо пропорціональна крѣпости внутренняго государственнаго порядка и прочности всей ихъ правительственной системы.

На дѣлѣ было далеко не такъ. Ни равномѣрнаго постоянства, ни устойчивости въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ мы не видимъ. Ясно, что событія опровергаютъ выводъ г. Мартенса и вся фактическая сторона его статьи говоритъ безпощадно противъ него.

Гдѣ же разгадка такому теченію событій и въ чемъ самъ г. Мартенсъ могъ бы почерпнуть себѣ нѣкоторую долю успокоенія при видимой неудачѣ подтянуть событія подъ предвзятое и до очевидности невѣрное освѣщеніе?

Не беру на себя удовольствія указать г. профессору источникъ успокоенія; пусть укажетъ ему самъ г. Горнъ, редакторъ газеты Journal de St. Pétersbourg, съ которою г. Мартенсъ стоитъ въ тѣсной связи единомыслія. Вотъ какъ, между прочимъ, въ похвальномъ отзывѣ о статьѣ г. Мартенса, редакція дипломатической газеты поясняетъ мысль г. профессора о «дружеской близости народовъ, зависящей въ значительной степени отъ солидарности общихъ промышленныхъ, духовныхъ и культурныхъ интересовъ, которая заставляетъ ихъ одинаковымъ образомъ опредѣлять взаимныя свои права и обязанности и соединять свои силы для достиженія общихъ цѣлей». Приводя эти слова изъ статьи г. Мартенса, газета уже отъ себя прибавляетъ: «эта солидарность можетъ основываться лишь на политикѣ *истинно и дѣйствительно національной*, вѣрно отражающей во внѣшнихъ отношеніяхъ внутреннюю жизнь страны. Только единственно такая политика можетъ дать сношеніямъ твердую основу и внушить взаимное довѣріе, безъ котораго никакое продолжительное соглашеніе невозможно». Какимъ-то чудомъ газета сказала то же, что сказалъ я выше о народной политикѣ. Но это не болѣе какъ обмолвка съ ея стороны, потому что ни эта дипломатическая газета, ни г. Мартенсъ не знаютъ народной политики, а признаютъ только государственную или кабинетную, и только подъ угломъ зрѣнія этой послѣдней допускаютъ всѣ дипломатическія сношенія. Подтвержденіемъ служитъ вышеприведенная формула г. Мартенса о прямой пропорціональности между устойчивостью внѣшнихъ сношеній и крѣпостію внутренняго государственнаго строенія.

Г. Мартенсъ согласится, и не можетъ не согласиться, что между кабинетами петербургскимъ и берлинскимъ при Екатеринѣ II не было никакой устойчивости и безпрестанно заключались союзы въ подкрѣпленіе прежнихъ, только-что заключенныхъ: ясно, что существовали если не со стороны Россіи, то со стороны Пруссіи недовѣріе и опасеніе. И, несмотря на эти союзы, подпольный и враждебный образъ дѣйствій Пруссіи не разъ давалъ себя чувствовать, и натянутость отношеній доходила почти до полнаго разрыва. Неужели для г. Мартенса нужна непремѣнно открытая война, чтобы только тогда сказать, что устойчивости въ сношеніяхъ между державами не было? Нельзя однако не признать, что, сравнительно съ берлинскимъ кабинетомъ, петербургскій, руководимый самою императрицей, является въ величавой простотѣ, свободѣ и откровенности, са-

мообладаніи, въ возвышенномъ сознаніи своего достоинства. Никого не спрашиваясь, никому ничего не говоря, не дѣлая никакихъ уступокъ, полный господинъ своего международнаго положенія, онъ сближается съ тѣмъ, кто ему наиболѣе нуженъ; но, возвышаясь надъ мелочными разсчетами и тревогами сосѣднихъ державъ, онъ своимъ сближеніемъ съ однимъ сосѣдомъ открыто говоритъ, что не находитъ причинъ прерывать дружбу съ другимъ. Екатерина Великая стояла выше мелочнаго интригантства Пруссіи и алчныхъ поползновеній Австріи на Востокъ, выше и ихъ взаимнаго соперничества и препирательства о первенствѣ въ Германіи. Пожиная плоды побѣдъ надъ Турціей, Екатерина не дала ни крохи Австріи и ни мало не содѣйствовала ей въ ея низменныхъ похотѣніяхъ къ захватамъ на счетъ Оттоманской имперіи. «Императоръ Іосифъ мнѣ нуженъ для моихъ разсчетовъ, онъ у меня въ карманѣ»—выражалась Екатерина объ Австріи.—«Кабалу на себя я дать не намѣрена. Крымъ въ моихъ рукахъ находится безъ дозволенія его прусскаго величества. Угорѣлыя кошки всегда мечутся»—говорила Екатерина о Пруссіи.

Ни разу не сослалась она въ громадной перепискѣ своей по дѣламъ съ Пруссіей на крѣпость государственнаго порядка у себя дома. Но, устанавливая естественные предѣлы Россіи на Черномъ морѣ и устьяхъ Дуная, она тѣмъ самымъ вполнѣ довершала вѣковое стремленіе русскаго народа—одну изъ главнѣйшихъ задачъ его исторической жизни. Отвергая предлагаемый ей Пруссіею союзъ съ Турціей, она называла его «неугоднымъ для себя», ибо «коль вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвести въ народахъ, подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ и особливую къ намъ преданность и надежду питающихъ, коихъ вѣнскій дворъ вяще тогда отъ насъ отвращать и привязать къ себѣ не упуститъ». И въ этихъ словахъ ясно отражалось полнѣйшее соотвѣтствіе съ природными влеченіями русскаго народа.

Г. Мартенсъ избралъ благодарный предметъ для того, чтобы прежде всего ему самому научиться, какъ опредѣлять народную русскую политику и какъ узнавать то правило, которое двигало и направляло дѣйствіе петербургскаго двора при Великой Екатеринѣ. Самъ г. Горнъ подсказалъ ему, съ какой точки зрѣнія нужно смотрѣть на тогдашнюю русскую политику. Но, повторяю, положить такой взглядъ въ основаніе своихъ выводовъ значило бы для г. Мартенса стать въ разрѣзъ съ семидесятипятилѣтнею дѣятельностію двухъ послѣднихъ русскихъ канцлеровъ, о которой съ такимъ восторгомъ еще недавно трубила дипломатическая газета, обѣщая ей даже продолженіе. Тогда для него предстала бы неразрѣшимая задача—хвалить образъ мыслей и дѣйствій петербургскаго кабинета при Екатеринѣ Великой и одобрять совершенно противуположное позднѣйшее поведеніе русской дипломатіи, отрекшейся отъ державнаго полновластія Россіи въ пользу еще бо́льшей кабалы, чѣмъ какую подразумѣвала Екатерина,—освобождавшей одною рукой Болгарію и ввер-

тавшей другою рукой весь сербскій народъ въ ярмо австро-венгерское, тяжелѣйшее и пагубнѣйшее турецкаго. Очевидно, по своей profession de foi, г. Мартенсъ не могъ сдѣлать этого. Ему не то нужно было. Современные взгляды, высказываемые въ здоровой и народной части русскаго общества, возмутили его; противъ нихъ-то считалъ онъ своимъ долгомъ ополчиться историческою статьей и отразить ихъ выводами... но, на бѣду, не выводимыми изъ этой статьи.

Прежде всего онъ постарался набросить тѣнь на сподвижниковъ великаго царствованія, людей истинно русскихъ. Онъ глумится надъ графомъ Н. И. Панинымъ по поводу «выдуманнаго» имъ «сѣвернаго аккорта», состоявшаго въ томъ, что Россія, Пруссія, Англія, Данія, Швеція и Польша должны были составить изъ себя союзъ въ огражденіе европейскаго мира. Корыстолюбивой Пруссіи, во главѣ которой стоялъ Фридрихъ II, разумѣется, такая обуза по рукамъ и ногамъ не могла нравиться. Но графъ Панинъ не былъ же такъ мечтателенъ, какъ хочется это представить г. Мартенсу: послѣдствія оправдали его дальновидность. Англія вошла въ непріязненныя отношенія къ Россіи, и на Англію, въ такой же непріязни къ Россіи, разсчитывалъ берлинскій кабинетъ. Швеція вела войну съ Россіей, Польша была раздроблена и, какъ дальнѣйшія послѣдствія показываютъ, къ невознаградимому ущербу для Россіи. Ничего этого не могло бы случиться, еслибъ осуществился планъ графа Панина,—планъ дѣйствительно трудно исполнимый, но все же, безотносительно по существу своему, гораздо лучшій, чѣмъ пресловутый «европейскій концертъ», созданный мечтою послѣдняго русскаго канцлера и продолжающій оставаться мечтою въ отношеніи пользъ Россіи. Двадцать лѣтъ гонялась русская дипломатія за этою благодѣтельною мечтою, но коль скоро мечта эта становилась осязательною и на международномъ поприщѣ появлялся дѣйствительный европейскій концертъ, то оказывалось, что этотъ концертъ былъ изобрѣтенъ Наполеономъ III и всегда дружно направлялся къ униженію и ущербу Россіи, какъ доказали Крымская война, договоры о Критѣ, Константинопольская конференція и Берлинскій трактатъ.

Не нравится г. Мартенсу и графъ Бестужевъ-Рюминъ, который доказывалъ, что «дружба между Пруссіей и Россіей, не будучи основана на естествѣ вещей, не можетъ инаиова быть какъ развѣ временная, по стеченію обстоятельствъ». Графъ Бестужевъ-Рюминъ постоянно смотрѣлъ за Фридрихомъ II «недреманнымъ окомъ» и писалъ о немъ слѣдующее: «сей король, будучи намъ ближайшимъ и наисильнѣйшимъ сосѣдомъ сей имперіи (Россіи), потому натурально и наиопаснѣйшимъ, хотя бы онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера не былъ, каковъ у него суще есть, коль болѣе сила короля умножайся, тѣмъ болѣе для насъ опасности будетъ, и мы предвидѣть не можемъ, что отъ такого сильнаго, легкомысленнаго и непостояннаго сосѣда толь

обширной имперіи приключиться не можетъ». По словамъ г. Мартенса, Екатерина не позволяла этой партіи и думать повліять, помимо ея и на собственную руку, на международную политику Россіи. Г. профессоръ полагаетъ, что «чѣмъ сильнѣе и могущественнѣе сдѣлалась Германія, тѣмъ меньше у нея могло быть опасенія насчетъ политическаго могущества Россіи и тѣмъ меньше эта историческая причина вражды или недоразумѣній можетъ имѣть какое-нибудь практическое значеніе въ настоящее время. Возрастаніе политическаго могущества Пруссіи имѣло бы такое именно значеніе въ томъ *единственномъ* случаѣ, еслибъ этимъ былъ положенъ тормозъ или воздвигнуто препятствіе всестороннему внутреннему развитію русскаго народа на пути своей собственной гражданственности и культуры. Пока этого обстоятельства нѣтъ, пока на всемъ пространствѣ исторически сложившейся Россіи русскій народъ—полный хозяинъ и отъ него самого зависитъ воспользоваться всѣми средствами для общественнаго и культурнаго своего развитія, до тѣхъ поръ опасенія графа Бестужева-Рюмина останутся плодомъ предвзятыхъ идей и результатомъ непониманія исторіи международныхъ отношеній и дѣйствующихъ въ ней причинъ».

Какое, подумаешь, странное сочетаніе! Г. Мартенсъ учитъ графа Бестужева-Рюмина и читаетъ ему наставленіе, что у него предвзятыя идеи и что онъ не понималъ ни исторіи международныхъ отношеній, ни дѣйствующихъ въ ней причинъ... Графъ-то Бестужевъ-Рюминъ?! Можетъ-быть графъ не изучалъ науки исторіи международныхъ отношеній такъ, какъ она преподается профессоромъ съ каѳедры, но ужь навѣрно получше, чѣмъ г. Мартенсъ, зналъ онъ международныя отношенія, да и разсуждалъ поглубже, и смотрѣлъ подальше, чѣмъ г. Мартенсъ. Пусть почтенный профессоръ не сердится, если я скажу ему, что его разсужденіе, сейчасъ приведенное, не согласно съ логикою, не подтверждается исторіей, основано на предположеніи и разсчитано на случайность: такія подпорки пригодны только для отвода глазъ, но не годятся для народной политики, которая блюдетъ, какъ зѣницу ока, честь, достоинство, пользы и выгоды народа, которому служитъ. Для такой политики нужны и здравый умъ, и вѣрный разсчетъ, и историческія знаменія, поучающія и остерегающія. Во-первыхъ, логика и авторитеты науки говорятъ намъ, что если одинъ изъ двухъ сосѣдей усиливается, то тѣмъ самымъ другой, сравнительно съ нимъ, ослабѣваетъ. Это примѣняется съ одной стороны къ Пруссіи, которая въ послѣднія 15 лѣтъ выросла въ могущественную Германскую имперію, а съ другой—къ Россіи, которая уже не такъ относится къ ней, какъ прежде. Да и какая еще громадная разница въ отношеніяхъ! Прежде, при графѣ Бестужевѣ-Рюминѣ, Россія била Пруссію и могла стѣснить ее до нельзя. Послѣ изгнанія Наполеона I мы могли урѣзать Пруссію, какъ бы хотѣли. При императорѣ Николаѣ Россія могла командовать Пруссіей. А теперь съ почтительностію преклоняются предъ нею наши дипломаты

и боятся не только войны съ нею, но и косаго взгляда, нелюбезной ужимки съ ея стороны, и подымаютъ гвалтъ, какъ будто бы дѣло шло о спасеніи отечества, когда кто только заикнется, чтобы сказать правду о наступательной политикѣ нѣмцевъ. Во-вторыхъ, что усилившаяся Германія менѣе могла бы имѣть опасенія относительно Россіи,—это одно лишь благодушное предположеніе. Къ прежней Пруссіи, а нынѣшней Германіи идетъ поговорка: l'appetit vient en mangeant. Въ-третьихъ, при возрастающемъ могуществѣ Германіи допускать опасеніе вражды съ ея стороны лишь тогда только, когда бы она стала препятствовать внутреннему всестороннему развитію Россіи и указывать только на этотъ случай и подчеркивать его какъ единственный—значитъ исповѣдывать новопридуманную программу, пагубную для Россіи, унизительную для нея, какъ великой державы, и несогласную съ ея исторіей, у которой только-что недавно отсѣчены лучшія ея преданія дряблою и невѣрною рукой дипломатіи. Это значитъ то же, что Россія должна уйти внутрь своихъ географическихъ предѣловъ и только въ нихъ, внутри своей государственной области, блюсти свою честь и безопасность, отказавшись отъ всего, что лежитъ внѣ этихъ предѣловъ и надъ чѣмъ она прежде господствовала. Но такъ какъ всякая великая держава имѣетъ внѣ себя отростки своихъ существеннѣйшихъ интересовъ, то отсѣкать эти отростки и бросать ихъ на съѣденіе другимъ — это значитъ исповѣдывать самоотреченіе, самоуниженіе. Если народъ русскій еще не доведенъ до такого состоянія, если онъ такъ еще горячо можетъ принимать къ сердцу все то, что совершается внѣ его государственной области—тамъ, гдѣ онъ въ былое время, въ трудахъ и подвигахъ приснопамятныхъ и славныхъ русскихъ дѣятелей славныхъ царствованій, ощущалъ присутствіе и дѣйствіе своихъ помысловъ и своихъ сердечныхъ склонностей,—то возможность вражды и непріязни соперничествующей сосѣдней державы нельзя ограничивать *единственнымъ* случаемъ вторженія ея внутрь домашняго хозяйства русскаго народа. У Россіи за предѣлами ея пространства есть области, въ которыхъ она по своей исторической задачѣ, съ которою связано и ея европейское значеніе какъ великой державы, обязана безкорыстно поддерживать полную политическую независимость и народную свободу, но вторженіе въ которыя подавляющей власти иноплеменной и иновѣрной державы равносильно вторженію въ ея собственное внутреннее хозяйство. Въ-четвертыхъ, исторія нашего времени показываетъ, какими способами Пруссія расширила свои предѣлы и выросла въ могущественную имперію. Послѣ этого историческаго знаменія послѣднихъ лѣтъ вѣроятными могутъ казаться и тѣ заискиванія изъ Берлина у русскихъ поляковъ, которыя были не такъ давно разоблачены въ нашей печати, и тѣ замыслы на Саксонію и русскую Польшу, о которыхъ также сообщалось въ послѣднее время въ печати. А усиленная колонизація въ нашихъ западныхъ окраинахъ и подготовительное водвореніе въ нашихъ предѣлахъ носителей и проповѣдниковъ иноземной мысли и внѣшняго тяготѣ-

нія, а указанія на желательныя назначенія на высшія должности, дѣлаемыя въ нѣмецкихъ газетахъ, получающихъ деньги изъ государственнаго фонда для пресмыкающихся,—что же это какъ не знаменія грядущей впередъ исторіи, какъ не попытки вторженія въ предѣлы нашего домашняго очага? Умалчивать о всемъ этомъ, наталкивать на самооскопленіе, прикрывая эту постыдную страсть громкимъ и благозвучнымъ словомъ миролюбія,—утверждать, что извнѣ все обстоитъ благополучно, *пока* чужой осязательно-враждебно не вторгся въ нашу внутреннюю народную жизнь,—не означаетъ ли все это недозволительное—чтобы не сказать гораздо хуже—тщаніе навести успокоеніе чрезъ забвеніе или нежеланіе знать ничего предыдущаго, погрузить въ усыпленіе надеждою, что авось этого не случится, хотя это нѣчто, могущее случиться, должно непремѣнно случиться при благопріятныхъ условіяхъ, какъ послѣдовательное дѣйствіе предыдущаго? Такое туманящее навожденіе въ дѣлахъ политическихъ есть измѣна своему долгу,—даже болѣе: есть постыдная уловка, чтобы гнать воду на чужое колесо. Ни предположеніями, ни благополучными случайностями не успокоивалъ ни себя, ни императрицу графъ Бестужевъ-Рюминъ. Исторія—не какъ отвлеченная наука, которую профессоръ можетъ подтягивать подъ свои предвзятыя идеи, а какъ живая дѣйствительность—раскрывалась передъ умными взорами государственнаго мужа; онъ «недремлющимъ окомъ» слѣдилъ за Пруссіей, вѣрно понималъ характеръ Фридриха Великаго и былъ настолько дальнозорокъ, что предвидѣніе его проникало въ наше время и намного уже оправдано позднѣйшими событіями. И послѣ всего этого г. Мартенсъ еще позволяетъ себѣ упрекать графа Бестужева-Рюмина въ предвзятыхъ мысляхъ, въ непониманіи существа международныхъ отношеній! Когда мы отрѣзаны непроходимою нейтральною, а можетъ случиться, что и враждебною намъ стѣною Румынской Добруджи отъ Балканскаго полуострова; когда вся сѣверозападная или сербская половина его находится въ рукахъ Австріи и Германіи; когда Австро-Венгрія, поддержанная Германіей, уже пріобрѣла себѣ земли на этомъ полуостровѣ; когда здѣсь всюду распространена усиленная пропаганда протестантства и особенно католицизма; когда Германія и Австро-Венгрія заключили между собой оборонительный и наступательный союзъ противъ всего восточно-православнаго славянства; когда Германія забираетъ въ свои руки управленіе Турціей и не сегодня-завтра устроитъ тройственный союзъ съ Турціей, чтобы сообща истребить все, на чемъ еще лежитъ память исключительно однихъ только русскихъ усилій и жертвъ, и подчинить давленію этого союза Болгарію; когда на всемъ теченіи Дуная водворяется господство Австро-Венгріи; когда все это уже имѣетъ мѣсто на нашихъ глазахъ; когда, подъ какимъ-то таинственнымъ наитіемъ уже проводится въ дипломатической средѣ мысль о замкнутости Россіи, какъ будто въ угоду сосѣднимъ союзнымъ державамъ, съ очевидною цѣлью предоставить въ ихъ полное распоряженіе всю Европейскую Турцію; когда

и въ наши уже предѣлы вторгаются мирнымъ образомъ иноземныя силы, пользуясь недостаткомъ народнаго чувства и политическаго такта въ нашемъ обществѣ и отсутствіемъ примѣнимости нашего законодательства; когда въ виду нашихъ границъ воздвигаются опорныя твердыни со всѣми приспособленіями для наступленія: какъ должна быть велика развязность профессора Мартенса, отваживающагося съ недозволительною легкостію касаться воззрѣній русскаго государственнаго мужа, дѣятельность котораго принадлежитъ лучшей порѣ прошлаго столѣтія, когда Россія не знала, что такое страхъ за собственную безопасность, самоуниженіе, или ограниченіе своихъ верховныхъ правъ!...

Достается отъ г. Мартенса и графу Румянцеву, бывшему русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ предъ смертію Фридриха II и въ началѣ царствованія Фридриха-Вильгельма II. Видите ли, истинно-русскій человѣкъ, привыкшій безъ подобострастія относиться къ окружающей его придворной средѣ, не питавшій вождѣленія быть persona grata при иностранномъ дворѣ, смотрѣвшій самостоятельно на поведеніе и дѣйствія прусскаго короля, его министровъ и приближенныхъ, сохранявшій въ своихъ взглядахъ то достоинство, ту возвышенность и ту правдивость, которыми былъ онъ исполненъ, какъ русскій своего времени и какъ представитель могущественной въ то время Россіи,—графъ Румянцевъ не долженъ былъ, по современнымъ понятіямъ г. Мартенса, писать рѣзко-правдиво о Пруссіи. Надо припомнить, что въ это время Пруссія металась, по выраженію императрицы Екатерины, какъ угорѣлая кошка. Взаимныя пререканія и противодѣйствія министровъ и лицъ окружавшихъ короля, открытое недружелюбіе къ Россіи, искательство противъ нея союзовъ съ Англіей, германскими владѣтелями и Франціей, поддержка Швеціи, стоявшей въ непріязненномъ положеніи къ Россіи, а въ королевскомъ дворцѣ бесѣды съ духами, видѣнія, ханжество и разныя дрязги: могъ ли графъ Румянцевъ не придти къ мысли, что въ такихъ условіяхъ Россіи свойственнѣе содержать при берлинскомъ дворѣ простаго повѣреннаго въ дѣлахъ? «Положеніе наше таково,—писалъ графъ вице-канцлеру,—что здѣшнему двору никогда противъ насъ отважиться не можно, а во всякомъ случаѣ скорѣе бояться отъ непріязни нашей крайнихъ послѣдствій». За это г. Мартенсъ называетъ графа Румянцева сторонникомъ русской политики «закидать шапками». Замѣчу по этому поводу мимоходомъ, что профессору не пристойно бы было употреблять это выраженіе—«закидаемъ шапками», сдѣлавшееся въ послѣднее время какъ-то особенно излюбленнымъ у того небольшаго, но вреднаго кружка, который думаетъ щеголять цивилизаторствомъ, а въ сущности есть слѣпое орудіе стремленій, направленныхъ въ угоду другимъ державамъ. Профессору не мѣшаетъ знать, что это выраженіе принадлежитъ времени графа Растопчина, когда патріотическое одушевленіе всего русскаго народа создавало неувядаемую славу Россіи и вѣчно сіяющія блескомъ страницы ея исторіи и когда дѣйствительно

послѣ пожара Москвы сила врага была сломлена мощнымъ народнымъ духомъ, такъ что простые русскіе поселяне, съ вилами, топорами, кольями въ рукахъ, забирали въ плѣнъ сотни солдатъ, большею частію нѣмецкихъ, принадлежавшихъ къ побѣдоноснымъ арміямъ Наполеона I. Тогда дѣйствительно происходило нѣчто похожее на закидываніе шапками. Съ другой стороны, профессору и члену дипломатическаго состава не можетъ быть неизвѣстнымъ, что русская политика, какъ понимаютъ ее истинно-русскіе люди, вовсе чужда самомнѣнія и никто никогда и не думалъ допускать самонадѣянность въ родѣ закидыванія шапками въ дѣлѣ, требующемъ строгой осмотрительности, но вмѣстѣ и сознанія собственнаго достоинства и благоразумной предосторожности въ охраненіи малѣйшихъ интересовъ вещественныхъ и нравственныхъ Россіи противъ явно наступательнаго поведенія союзныхъ державъ. Степенному профессору не подобало бы усвоивать себѣ скоморошества, свойственныя лишь невѣжественной развязности.

Графъ Румянцевъ преподалъ добрый урокъ, какъ русскій человѣкъ, если только онъ дѣйствительно русскій по крови и духу, долженъ держать себя гдѣ бы и когда бы то ни было, коль скоро онъ вѣритъ въ свой народъ и не отдѣляетъ себя отъ его животрепещущихъ силъ и потребностей, отъ его чести, отъ всего его духовнаго бытія. Конечно, этотъ урокъ, изъ котораго можно узнать черты русской народности, не можетъ нравиться нынѣшнимъ приверженцамъ ученія о приниженности, угодливости, податливости, молчаливости, зажмуриваніи глазъ, робости предъ всякимъ самостоятельнымъ дѣйствіемъ,—словомъ, о благодушномъ личномъ самоуспокоеніи и попустительствѣ, ставящемъ ни во что честь, достоинство, пользу и безопасность того государства, которому служатъ.

Послѣ того, что совершилось въ короткое время, совершается и готово совершиться, возбуждая негодованіе въ здоровой народной части русскаго общества и приглушая какимъ-то удушающимъ морокомъ менѣе развитые слои народа,—куда ужь г. Мартенсу затрогивать тѣни мужей прошлаго столѣтія—этихъ дѣятелей той поры, когда Россія росла и крѣпла, собирая въ себѣ задатки силъ, которыми надѣлила послѣдующія царствованія! Съ мощью народнаго духа, имъ присущаго, эти люди, какъ и сотоварищи ихъ, высятся исполинами передъ нынѣшними исковерканными политиканами. Они привыкли мыслить самостоятельно, говорить смѣло, смотрѣть на вещи глубокимъ, яснымъ взоромъ; имъ еще не у кого было научиться приниженности; они не лгали ни передъ своею совѣстью, ни передъ другими; если они и могли ошибаться, то ошибки ихъ никогда не имѣли свойства притворной преданности, съ затаенною мыслью сдѣлать угодное иностранной державѣ, жертвуя пользою отечества, и потомъ предаться безотвѣтственному самоуспокоенію. Они не успокоивались въ ожиданіи *пока*, а прямо указывали на то, чего слѣдуетъ ожидать. Нынѣшнимъ господамъ международникамъ съ ихъ ученіемъ о ложномъ миролюбіи до этихъ мужей, какъ до звѣздъ небесныхъ, далеко!

Съ такою легкомысленною небрежностію осудивши русскихъ дѣятелей Екатерининскаго времени, графа Бестужева-Рюмина, графа Панина, графа Румянцева, коснувшись мимоходомъ и князя Репнина, какъ людей неспособныхъ и опасныхъ для установленія дружескихъ отношеній Россіи къ Пруссіи, г. Мартенсъ уже смѣло дѣлаетъ такіе выводы изъ своей статьи, какіе ему нужны для его полемическихъ цѣлей.

Внѣшняя политика государства должна поддерживать единство направленія и нравственное обаяніе. Таковъ первый выводъ г. Мартенса,—выводъ настолько общій, что его можно извлечь изъ какой угодно исторіи, хоть китайскаго богдыхана. Что же хотѣлось бы г. Мартенсу сказать этимъ выводомъ или, точнѣе, отвлеченнымъ положеніемъ? Разумѣетъ ли онъ продолжительность внѣшней политики государства все въ одномъ и томъ же направленіи? Какъ бы истолкователемъ его мысли является старый нашъ знакомый, г. Горнъ, который въ передовой статьѣ по поводу назначенія г. Гирса министромъ иностранныхъ дѣлъ пришелъ въ умилительный восторгъ, вспомнивши, что графъ Нессельроде и князь Горчаковъ вели иностранную политику Россіи цѣлыхъ три четверти вѣка. То же направленіе нашей внѣшней политики г. Горнъ обѣщаетъ и на четвертую четверть. Не это ли единство направленія имѣлъ въ виду г. Мартенсъ? Въ такомъ случаѣ это будетъ съ его стороны косвенный намекъ одобренія, еслибы Россія дѣйствительно продолжала идти по закону инерціи все прямо да прямо, куда глаза глядятъ или куда нелегкая вынесетъ, забывши, разумѣется, кто и куда толкнулъ ее за три четверти столѣтія тому назадъ. Дѣйствительно, безъ основной, вѣками установленной, и не другой какой, какъ исключительно народной политики, служащей всюду и всегда правиломъ дѣйствій, можно идти напрямикъ, соблюдая единство направленія; но такъ какъ готовой дорожки никто намъ не проложилъ, то и приходилось намъ, при единствѣ направленія, идти по бездорожью, натыкаясь на болота, гдѣ мы топились, на колючки, которыя порядочно обдирали намъ кожу, на завалы, которые заставляли насъ пригибать выю; сучья хлестали насъ въ лицо, а мы все шли себѣ напрямикъ и дальше можетъ-быть пойдемъ, пока не стукнемся о какую-нибудь стѣну. За то на вопросъ: какъ мы идемъ?—отвѣтить очень легко и безопасно: прямо, молъ, идемъ. Ни укоризны, ни взысканія такой отвѣтъ, конечно, вызвать не могъ. Просто и спокойно. Другіе знали наше единство направленія и, ловко обходя нашъ неуклонный путь, который уже довелъ насъ до униженія и доводитъ до самоотрицанія, свободно обдѣлывали свои дѣла на счетъ насъ же самихъ. Идемъ мы себѣ да идемъ; нужны мы другимъ—на пути нашемъ ставятъ намъ союзы, и мы союзничаемъ; подставляютъ намъ войну—и мы воюемъ; отнимаютъ у насъ наши прежнія пріобрѣтенія—и мы отдаемъ.

Если же г. Мартенсъ подъ единствомъ направленія разумѣетъ единоличность дѣйствій, какъ-бы въ поясненіе того мѣста въ своей статьѣ, гдѣ

онъ говоритъ, что Екатерина сама держала въ однѣхъ своихъ рукахъ бразды внѣшней политики и ничьему вліянію не подчинялась, то и съ этой стороны мысль г. Мартенса не представляетъ ничего особеннаго. Понятно, что во всякомъ государствѣ внѣшнія сношенія направляются правительствомъ единолично, какого бы образа оно ни было. Но дѣло въ томъ, что при единоличности не должно быть односторонности или, что еще хуже, грѣховъ вольныхъ и невольныхъ. Потому-то, кто бы ни стоялъ единолично при дѣлахъ внѣшней политики, верховная власть избираетъ себѣ, кромѣ докладчика или исполнителя, еще и совѣтниковъ. Опасно и трудно верховной власти во всякомъ государствѣ довѣряться одному лицу. Исторія представляетъ многочисленные примѣры уклоненій, или неумышленныхъ, вслѣдствіе прирожденныхъ влеченій въ чужую сторону, или даже умышленныхъ, которыя допускались тѣмъ или другимъ, стоявшимъ у дѣлъ, лицомъ во вредъ народу и государству. Всегда для верховной власти и надежднѣе, и безопаснѣе, когда предварительное обсужденіе каждаго шага во внѣшнихъ дѣлахъ совершается полною совокупностію избраннаго ею высшаго правительственнаго состава на твердыхъ и неизмѣнныхъ началахъ народной политики, которой верховная власть eo ipso служитъ наилучшимъ выраженіемъ. Послѣднее есть непреложное правило. Если въ средневѣковой и новой европейской исторіи представляются въ этомъ отношеніи нѣкоторыя—впрочемъ, весьма рѣдкія—исключенія, то они относятся только къ однимъ насильникамъ или набродникамъ и не ослабляютъ этого общаго правила.

Другой выводъ или урокъ, преподаваемый г. Мартенсомъ, заключается въ томъ, что «внутренніе государственные порядки проявляютъ роковое вліяніе на направленіе внѣшней политики и международныя отношенія. Если этотъ порядокъ не основанъ на незыблемыхъ устояхъ, если онъ не зиждется на сознательномъ довѣріи къ нему со стороны всего народа, если онъ становится въ разрѣзъ со всѣми условіями поступательнаго развитія гражданственности и законныхъ стремленій подданныхъ, то и внѣшняя политика никакой твердой почвы подъ собою не имѣетъ и будетъ служить ареной для всевозможныхъ экспериментовъ и личнаго тщеславія». Опять это такое общее положеніе, что вовсе не нуждалось бы въ пріуроченіи къ статьѣ о сношеніяхъ Россіи съ Пруссіей при Екатеринѣ II. Но можно сдѣлать и обратный выводъ: если, при разрозненности веденія внѣшнихъ дѣлъ и веденія внутреннихъ дѣлъ, первое не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, которыя г. Мартенсъ ставитъ для внутреннихъ государственныхъ порядковъ, то вліяніе дурной внѣшней политики отразится роковымъ образомъ и на внутренней политикѣ, — отразится унынiемъ народнымъ, ослабленіемъ самодѣятельности здоровыхъ народныхъ силъ и способности ихъ извергать изъ себя все нечистое,—безвѣріемъ, отрицаніемъ. Если, напримѣръ, какое-нибудь государство во внѣшнихъ или международныхъ сношеніяхъ является не самимъ собою, во всей осязаемой

цѣльности своего бытія, а какимъ-то воздушнымъ кабинетомъ, который и знать не хочетъ ни мыслей, ни желаній народныхъ, не только не уважаетъ законныхъ правъ народа, но забываетъ и о самомъ существованіи народа, то духъ отрицанія дѣйствуетъ отсюда своимъ соблазномъ и на другія стороны государственнаго бытія, гдѣ покоятся основы его внутренней крѣпости и силы.

Еслибы г. Мартенсъ вникнулъ глубже въ суть своихъ выводовъ, то онъ не остановился бы на раздѣленіи внѣшней политики отъ внутренней; онъ нашелъ бы для той и другой одну общую точку отправленія и вмѣстѣ опоры—народность. Только при строгомъ соотвѣтствіи и единеніи той и другой политики въ духѣ народномъ всѣ силы государства могутъ дѣйствовать цѣльно, равномѣрно и пропорціонально крѣпости всего народнаго существа. Между внѣшнею и внутреннею политикой связь равностепенная, но не причинная: причина, общій источникъ для обѣихъ—народность. И крѣпкое у себя внутри государство можетъ на поприщѣ внѣшней политики подвергнуться различнымъ экспериментамъ, какъ выражается г. Мартенсъ,—напр. опыту тройственныхъ союзовъ или европейскихъ концертовъ и т. п., — или же вліянію неудовлетворительныхъ личныхъ качествъ, если въ немъ не будетъ достаточнаго сосредоточенія правительственныхъ органовъ для предварительнаго обсужденія внѣшнихъ дѣлъ. При этомъ можетъ случиться, что свою собственную неудачливость люди, завѣдывающіе внѣшними дѣлами, будутъ сваливать на людей, приставленныхъ къ внутреннимъ дѣламъ, или, что называется, съ больной головы на здоровую.

«Лишите русскую внѣшнюю политику незыблемаго ея основанія во внутреннемъ государственномъ порядкѣ, обязывающемъ къ безусловному уваженію власти и къ безусловному подчиненію для всѣхъ безъ исключенія одинаково обязательному закону — и отношенія Россіи къ Пруссіи начнутъ становиться въ зависимость отъ того или другаго мимолетнаго теченія «общественнаго мнѣнія» или личныхъ чувствъ, задора тѣхъ или другихъ постороннихъ лицъ». Такъ заключаетъ свою статью г. Мартенсъ. Намекъ очень прозраченъ и дипломатично-тонокъ; но гдѣ тонко, тамъ и рвется. Профессоръ свелъ свой предметъ на «нѣтъ». И то «общественное мнѣніе», какое здѣсь подразумѣваетъ г. Мартенсъ, отмѣчая его ковычками, и тѣ отдѣльныя постороннія лица съ своимъ будто-бы задоромъ, которыя г. Мартенсъ имѣетъ въ виду, не даютъ повода къ тому, чтобы ради ихъ однихъ хитроумная мысль профессора международнаго права погружалась въ глубину основъ государственнаго строенія. И это «общественное мнѣніе», и эти постороннія лица несутъ искренно, честно свою лепту на пользу крѣпости государственнаго порядка родной имъ Россіи.

Еще неизвѣстно, кто способствуетъ болѣе этой крѣпости: тѣ ли, кто за нихъ, или тѣ, кто противъ нихъ,—вопросъ остается открытымъ. Казалось бы, нечего указывать предположительно на внутренній государ-

ственный порядокъ и подмигивать на какое-то общественное мнѣніе и на какихъ-то людей съ личнымъ задоромъ, которые способны будто-бы нарушить спокойное его теченіе. Онъ въ надежныхъ рукахъ.

Впрочемъ, сведеніе столь важныхъ вещей, каковы взаимныя отношенія Россіи и Пруссіи въ продолженіе всего царствованія Екатерины Великой, на столь низменные и мелочные намеки невольно переноситъ и меня изъ мудреной области исторіи къ наглядно-осязательному нравоученію басни. Статья г. Мартенса своимъ заднимъ концомъ напоминаетъ мнѣ одинъ совѣтъ въ одной изъ басенъ Крылова:

„Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться“.

А. Майковъ.

Хроника французской жизни.

Открытіе палатъ.—Вопросъ о реформѣ городского управленія Парижа и вопросъ о воинской повинности.— Дѣла въ Марокко и Тунисѣ и отношенія къ Италіи.—Вопросъ о разводѣ и пренія о гражданскихъ похоронахъ.—Банкетъ въ честь Гризели.—Пріемъ Пастёра въ академіи.— Переписка Жоржъ-Зандъ.— Мемуары маршала де-Сурша.— Обзоръ періодическихъ изданій.—Выставка картинъ Курбе.—«Nadine», драма Луизы Мишель.—Кончина графа де-Шампаньи и г. Жанти.

Парижское общество отнеслось крайне равнодушно къ открытію палатъ послѣ весенней ваканціи. Прошлогодніе выборы пробудили у всѣхъ надежду, что давно ожидаемыя реформы не замедлятъ явиться плодами правильно установленнаго республиканскаго правленія; но депутаты не сдержали громкихъ обѣщаній, данныхъ ими избирателямъ и народъ сознаетъ несостоятельность своихъ правителей, что и доказано небывалымъ равнодушіемъ при муниципальныхъ выборахъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ избиратели почти не подходили къ урнамъ. Подобная апатія въ странѣ, гдѣ существуетъ всеобщая подача голосовъ, симптомъ весьма серьезный и тревожный.

Характеристическая черта теперешняго кабинета—его крайняя недобросовѣстность, проистекающая не столько, если хотите, изъ принципа, сколько отъ недостатка гражданскаго мужества. Предыдущій кабинетъ оказался еще менѣе удовлетворительнымъ; бѣда въ томъ, что нѣтъ въ виду людей, могущихъ съ пользою замѣнить нынѣшній кабинетъ. Несмотря на ничтожность всѣхъ законопроектовъ, предложенныхъ на обсужденіе палатъ, ни одинъ не имѣетъ шансовъ пройти безъ существенныхъ поправокъ. Люди, отстаивавшіе нѣкогда въ оппозиціи тѣ или другіе принципы, теперь первые находятъ доводы противъ ихъ неприложимости на практикѣ. Укажемъ въ видѣ примѣра на муниципальный вопросъ: тѣ самые, которые во время имперіи ревностнѣе всѣхъ стояли за права города Парижа, нынѣ отрицаютъ возможность предоставить ему пользованіе общими правами. Парижане желаютъ, чтобъ ихъ муниципальный совѣтъ пользовался тѣми же правами, какъ и всѣ общинные совѣты Франціи, и чтобы полиція была подчинена этому совѣту. Главное возраженіе противъ этого заключается въ томъ,

что Парижъ—столица и потому не можетъ пользоваться свободой деревенской общины. Городъ согласенъ на то, чтобы правительство имѣло нѣкоторую исполнительную власть въ мѣстѣ своей резиденціи, но требуетъ самоуправленія и права выбора своего мера на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прочихъ общинахъ Франціи. Пригороды Парижа желаютъ, чтобы генеральный совѣтъ департамента Сены былъ отдѣленъ отъ муниципальнаго совѣта города и учрежденъ на тѣхъ же началахъ, какъ генеральные совѣты прочихъ департаментовъ. Префектъ Сены Флоке, прежній предсѣдатель парижскаго муниципальнаго совѣта, стремясь попасть въ министры, старается всѣми силами сохранить свою популярность и потому относится весьма благосклонно къ желаемой городомъ реформѣ; тѣмъ не менѣе можно заранѣе предсказать, что законопроектъ явится въ палату въ смягченномъ видѣ и затѣмъ, кромѣ того, подвергнется многочисленнымъ поправкамъ во время преній въ палатѣ и сенатѣ. Вопросъ о подчиненіи полиціи муниципальному совѣту особенно страшитъ правительство и оно побоится обезоружить себя этой уступкой.

Вопросъ о воинской повинности — одинъ изъ самыхъ важныхъ, стоящихъ на очереди. Общее мнѣніе высказалось за сокращеніе срока службы на три года; прискорбенъ только фактъ, что каждый нѣсколько зажиточный человѣкъ ухитряется по возможности обойти законъ. Правящіе классы во Франціи первые подаютъ примѣръ отклоненія отъ закона. Желая сблизиться съ военными, Гамбетта добился предсѣдательства въ военной коммиссіи; но онъ не понимаетъ дѣла и боится идти наперекоръ колоссальному эгоизму буржуазіи. Весьма вѣроятно, что труды коммиссіи кончатся ничѣмъ и что высшіе классы по-прежнему найдутъ возможность избѣжать ненавистной имъ повинности.

Одинъ изъ первыхъ запросовъ, сдѣланныхъ правительству, коснулся стычки на границѣ Марокко. Французскія войска переступили границы Марокканской имперіи, преслѣдуя шайку арабовъ, убившихъ нѣсколько французскихъ солдатъ; это вызвало справедливое опасеніе, что наше вмѣшательство въ тунисскія дѣла можетъ повториться тѣмъ же путемъ въ Марокко. Г. де-Фрейсине отвѣтилъ, что договоръ заключенный въ 1845 году съ марокканскимъ императоромъ предоставляетъ французскимъ войскамъ право преслѣдовать мятежныя племена далѣе фиктивной границы, отдѣляющей Марокканскую имперію отъ французскихъ владѣній, причемъ прибавилъ избитую фразу, такъ охотно повторяемую всѣми плохими политическими дѣятелями, что «правительство, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, имѣетъ постоянно въ виду лишь интересы и честь Франціи». Этою пошлою фразой постоянно маскировались самые гнусные поступки французскихъ правительствъ, ею оправдывались несправедливая оккупація Рима, сумасбродный походъ въ Мексику и всѣ дѣйствія Людовика-Филиппа и его министровъ. Баллю — оппортюнистъ, желающій угодить офицерамъ, сочувствующій воззрѣніямъ падшаго главы великаго министерства — уп-

рекнулъ Фрейсинэ въ нерѣшимости, совѣтовалъ настаивать на оккупаціи Фигинга и усилить дѣятельность въ Африкѣ; ему грезится расширеніе французскихъ владѣній отъ Краснаго моря до Атлантическаго океана. Но предложеніе его не нашло поддержки въ палатѣ и воззваніе его къ правительству осталось безъ послѣдствій. Дѣло въ Фигингѣ, впрочемъ, не окончено,— Франція попала въ опасную колею и не даромъ всполошились нѣкоторыя газеты, указывая на опасность навалить себѣ на плечи марокскій вопросъ, какъ будто мало одного туниссскаго. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ газета Temps предприняла газетную кампанію въ пользу оккупаціи Фигинга. Между тѣмъ этотъ первый шагъ къ вмѣшательству Франціи въ марокскія дѣла можетъ испугать Испанію и подѣйствовать на нее еще непріятнѣе, чѣмъ наше вмѣшательство въ Тунисѣ на Италію. Англія, управляющая въ Марокко черезъ своего резидента, не можетъ отнестись дружелюбно къ нашимъ тамъ оккупаціямъ. Мы надѣлаемъ себѣ новыхъ враговъ, а это кончено на руку Бисмарку, и потому весьма вѣроятно, что онъ будетъ поощрять наше вмѣшательство въ Марокко съ тою же благосклонностью, съ которой онъ отнесся къ нашимъ дѣламъ въ Тунисѣ. Немногіе французы, знакомые съ иностранною политикой, этого именно и опасаются. Но инженеръ де-Фрейсинэ не утруждаетъ себя подобными вопросами, — его вниманіе, главнымъ образомъ, сосредоточено на канализаціяхъ и желѣзныхъ дорогахъ.

Всякій помнитъ, съ какимъ негодованіемъ было отвергнуто правительствомъ подозрѣніе, что оно имѣетъ въ виду присоединеніе Туниса къ французскимъ владѣніямъ. Въ настоящую минуту на обсужденіе палаты представлено три законопроекта о подчиненіи различныхъ вѣдомствъ туниссскаго правленія соотвѣтствующимъ французскимъ министерствамъ. Толкуя исключительно о протекторатѣ, французы, по прошествіи нѣсколько мѣсяцевъ, приступаютъ къ такимъ мѣрамъ подчиненія Туниса, о которыхъ въ Алжирѣ они не помышляли въ теченіе пятидесяти лѣтъ; тѣмъ не менѣе натянутыя отношенія Италіи къ Франціи начинаютъ принимать болѣе дружественный оборотъ. Франко-итальянскій торговый договоръ вотированъ въ обоихъ парламентахъ и теперь поговариваютъ о назначеніи посланниковъ. Въ Парижъ прочатъ кавалера Нигра, итальянскаго посланника въ С.-Петербургѣ; онъ былъ секретаремъ Кавура и посланникомъ во Франціи во времена имперіи. Исполняя въ точности свои служебныя обязанности, онъ тѣмъ не менѣе съумѣлъ заслужить благоволеніе наполеоновскаго двора и вообще оставилъ о себѣ хорошую память; его симпатіи къ Франціи всѣмъ извѣстны. Лѣвая, ставшая въ Италіи во главѣ кабинета, долго не рѣшалась довѣрить ему этотъ постъ, но теперешній итальянскій кабинетъ не изъ числа непримиримыхъ, потому назначеніе кавалера Нигра посланникомъ въ Парижъ весьма правдоподобно. Французскимъ посланникомъ въ Римъ будетъ, вѣроятно, назначенъ Араго, нашъ теперешній министръ въ Бернѣ; у него нѣтъ выдающихся дипломатическихъ способностей, но онъ

человѣкъ честный, твердаго характера и, вѣроятно, итальянцамъ придется по душѣ.

Успѣшное разрѣшеніе вопроса о разводѣ на сей разъ гарантировано не только въ палатѣ, гдѣ онъ принятъ огромнымъ большинствомъ, благодаря разумному и умѣренному изложенію де-Марсера, но и въ сенатѣ, составъ котораго съ прошлаго года очень измѣнился. Законопроектъ представляетъ, впрочемъ, одинъ существенный недостатокъ въ томъ, что браки будутъ расторгаться судебнымъ порядкомъ. Было бы гуманнѣе избѣгать публичности семейныхъ скандаловъ и расторгать браки въ томъ же присутствіи, въ которомъ они заключаются, т.-е. у меровъ, не допуская постороннаго вмѣшательства, кромѣ развѣ семейныхъ совѣтовъ. Несмотря, однако, на пробѣлы, новый законъ будетъ значительнымъ шагомъ къ лучшему,—онъ освободитъ цѣлую націю отъ тяготѣнія римско-католическихъ воззрѣній на брачныя отношенія. Дѣло можно считать выигранным въ главныхъ основаніяхъ, хотя правительство способно затянуть его изъ опасенія оскорбить папу и духовенство. Фрейсинэ, протестантъ, относится къ католицизму гораздо боязливѣе своихъ предшественниковъ, родившихся въ лонѣ церкви и перешедшихъ въ лагерь свободныхъ мыслителей; да къ тому же правительство нашло нужнымъ прибѣгнуть къ просвѣтительному началу католической церкви въ Африкѣ учрежденіемъ епархіи на развалинахъ Карѳагена и потому ему въ силу обстоятельствъ приходится теперь ладить съ папой и духовенствомъ, дабы не лишиться ихъ поддержки въ Тунисѣ. Какіе будутъ успѣхи насажденія католичества въ Тунисѣ неизвѣстно,—вѣроятно, такіе же, какъ въ Алжирѣ; оно не увеличитъ нашего престижа въ Африкѣ и замедлитъ умиротвореніе края. Туземнымъ племенамъ нѣтъ разумной причины относиться съ особеннымъ сочувствіемъ къ вѣроисповѣданію своихъ побѣдителей.

Въ палатѣ происходили оживленныя пренія о гражданскихъ похоронахъ, вызванныя предложеніемъ Шевандье возобновить декретъ первой революціи, въ силу котораго погребальныя почести оказывались всѣмъ лицамъ, имѣющимъ на то право, безъ различія гражданскихъ отъ религіозныхъ похоронъ. Монсиньоръ Фреппель возсталъ противъ похоронныхъ почестей и на похоронахъ свободныхъ мыслителей, доказывая, что это—противорѣчіе убѣжденіямъ покойниковъ. «По ихъ мнѣнію,—сказалъ епископъ, — нѣтъ ни души, ни загробной жизни; къ чему же отдавать честь тому, что перестало существовать? Невозможно оказывать похоронныхъ почестей заслугамъ или должности отдѣльно отъ личности. По опредѣленію матеріалистовъ, человѣкъ есть не что иное какъ млекопитающееся животное перваго разряда съ двумя руками». На архипастыря посыпались возраженія, что многіе свободные мыслители—спиритуалисты, признающіе безсмертіе души и удаляющіе священниковъ отъ своихъ похоронъ по личному нерасположенію къ духовенству, а не по отрицанію загробной жизни. Далѣе монсиньоръ Фреппель возставалъ противъ обще-

ства, составившагося для наблюденія за исполненіемъ воли умершаго относительно похоронъ, доказывая, что это—оскорбленіе нанесенное правамъ семьи, тѣмъ болѣе, что каждый человѣкъ можетъ въ послѣднюю минуту мысленно отступиться отъ желанія, высказаннаго или написаннаго имъ за нѣсколько лѣтъ.

Почтенный архипастырь забылъ, что на такихъ основаніяхъ каждое духовное завѣщаніе могло бы подлежать спору и что письменно изложенная воля умершаго всегда и вездѣ признается законной и обязательной для семейства, что и напомнилъ ему Шавандье въ своемъ возраженіи: «Если мы насчитываемъ четыре вѣроисповѣданія признанныя государствомъ,—сказалъ онъ,—то это не есть причина, чтобы не было людей, желающихъ жить внѣ этихъ вѣроисповѣданій и заслуживающихъ похоронныя почести при отсутствіи религіозныхъ обрядовъ. Въ данномъ случаѣ насиліе семейныхъ правъ чаще всего бываетъ со стороны церкви. Для гражданскихъ похоронъ назначенъ особенный маршрутъ; они допускаются лишь въ сумерки. Мнѣ извѣстно, что въ больницѣ города Нантъ отказались выдать семьѣ тѣло умершаго на томъ основаніи, что родные хотѣли похоронить его безъ духовныхъ обрядовъ. Необходимо, чтобы правительство обязало меровъ относиться безразлично къ похоронамъ какъ гражданскимъ, такъ и церковнымъ; правительство должно сохранять нейтралитетъ въ вопросахъ совѣсти. Что же касается до воли умершаго, изложенной при жизни, то она входитъ въ завѣщательное право, принадлежащее каждому человѣку, находящемуся въ здравомъ умѣ и твердой памяти, и потому неприкосновенна. Ассоціаціи, образовавшіяся для наблюденія за исполненіемъ воли умершихъ относительно похоронъ, вполнѣ законны. Права семейства не нарушаются тѣмъ, что буквально исполняется воля умершаго».

За послѣднее время рабочіе отказались отъ многихъ абстрактныхъ теорій и обратились къ болѣе практической сторонѣ жизни; они хлопочутъ о возможныхъ реформахъ, добиваются существенныхъ привилегій и уже не витаютъ въ областяхъ умозрительныхъ, гдѣ для удовлетворенія ихъ потребовалась бы передѣлка всего человѣчества. Вопросы на очереди были—стачки, корпоративные конгрессы и предоставленіе рабочимъ политическихъ правъ въ государствѣ и административныхъ въ общинахъ. На конгрессѣ обсуждались средства для прекращенія стачекъ и всѣ пришли къ заключенію, что для этого необходимо соглашеніе, выработанное корпоративными палатами, выбранными всѣми членами промышленныхъ корпорацій.

Корпоративное движеніе, т.-е. группировка хозяевъ и рабочихъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, значительно распространяется; многіе видятъ въ немъ источникъ будущаго благосостоянія и спокойствія. Несомнѣнно, что рабочіе стали вносить въ обсужденіе своихъ дѣлъ опытность и разсудительность, которыми въ прежнее время не могли похва-

литься ихъ собранія; они говорятъ просто и ясно, не вдаваясь въ реторику. Мнѣ пришлось присутствовать на нѣсколькихъ сходкахъ рабочихъ и я былъ изумленъ порядкомъ и благочиніемъ этихъ собраній. На каждой сходкѣ выбирается предсѣдатель. Общество имѣетъ постояннаго секретаря и кассира, получающихъ жалованье. Протоколы составлены ясно и денежные счеты ведутся очень аккуратно. Нѣкоторые республиканцы напали на эти собранія рабочей партіи, спрашивая: «Къ чему же опять возстановлять различіе сословій?» Рабочіе на это отвѣчаютъ: «Мы также не желаемъ сословности, но недостаточно говорить, что сословій нѣтъ; необходимо, чтобъ они перестали существовать въ дѣйствительности. Буржуазія, подъ предлогомъ, что классовъ не существуютъ и что она умнѣе насъ, вмѣшивается въ наши дѣла и хлопочетъ не о нашихъ, а о своихъ личныхъ интересахъ. Поэтому мы и сгруппировались отдѣльною партіей; но это—временная борьба, и мы готовы включить въ свою среду не однихъ рабочихъ, а каждаго, кто искренно пожелаетъ содѣйствовать намъ въ борьбѣ съ несправедливыми привилегіями». Рабочіе стали относиться крайне недовѣрчиво ко всякому постороннему вліянію, навязывающему имъ свой авторитетъ,—они были слишкомъ часто обманываемы тѣми, на которыхъ возлагали свои политическія надежды. Представители ихъ партіи, перешедшіе въ ряды привилегированныхъ, пользовались своею популярностью для преслѣдованія личныхъ цѣлей, а интересы самой партіи, избравшей ихъ, оставляли на заднемъ планѣ. Рабочіе не терпятъ высокомѣрнаго и деспотическаго тона и исключили изъ своей среды гражданина Гедъ, человѣка умнаго, ученаго, краснорѣчиваго, за тотъ самый тонъ папской непогрѣшимости, который такъ дорого обошелся Гамбеттѣ.

Помимо отдѣльныхъ рабочихъ сходокъ существуетъ еще общество соединенія синдикальныхъ рабочихъ палатъ (Union des chambres syndicales ouvrières). Оно не занимается политикой, а стремится исключительно къ корпоративной группировкѣ отдѣльныхъ ремесленныхъ отраслей. Существуетъ еще общество подъ именемъ «республиканскаго и соціалистическаго союза» (Alliance républicaine et socialiste). Это общество учреждено нѣкоторыми болѣе умѣренными членами коммуны 1871 года; во главѣ его стоятъ Журдъ, управлявшій финансами города во время двухмѣсячной осады Парижа версальскою арміей, и Лонге, редакторъ оффиціальнаго журнала во время коммуны, женившійся въ изгнаніи на дочери Карла Маркса, и теперешній редакторъ Justice, органа Клемансо. Цѣль общества — проведеніе реформъ, возможныхъ въ настоящее время. Политическая программа общества — изъ самыхъ радикальныхъ, но экономическая довольно неопредѣленная, что и втянуло въ это общество нѣкоторыхъ буржуа, далеко несмѣлыхъ въ вопросѣ соціальныхъ реформъ. Рабочая партія относится недоброжелательно къ этому обществу,—она боится раздробленія своихъ силъ, усыпленія рабочаго класса, а въ концѣ концовъ предвидитъ одну лишь перемѣну декораціи, въ которой соціалистическій

оппортюнизмъ Клемансо замѣнитъ политическій оппортюнизмъ Гамбетты. Странное явленіе нашего времени въ странѣ крайней централизаціи, это—тенденція образовать крошечныя группы. Во всѣхъ парижскихъ кварталахъ образуются комитеты, общества, клубы, занимающіеся политическими, административными и соціальными вопросами и насчитывающіе не болѣе десяти-пятнадцати членовъ. Это дробленіе имѣетъ нѣсколько причинъ: дороговизна обширнаго помѣщенія и желаніе каждаго высказаться, предложить вопросъ, получить разъясненіе. Эти собранія, небывалыя въ лѣтописяхъ Франціи, замѣняютъ для народа салоны высшихъ классовъ. Въ нихъ участвуютъ грамотные и неграмотные и устанавливается полезный обмѣнъ мыслей. По воскресеньямъ бываютъ конференціи съ музыкой и пѣніемъ, куда рабочіе приводятъ свои семейства для назиданія и развлеченія. Если сборъ превышаетъ расходъ за наемъ помѣщенія, излишекъ назначается на какое-нибудь благотворительное дѣло.

10 мая въ Элизе Монмартръ происходилъ банкетъ, обратившій на себя вниманіе цѣлой Франціи. Въ немъ участвовало болѣе полуторы тысячи лицъ, предсѣдательствовалъ Викторъ Гюго, засѣдали бывшій при Гамбеттѣ министръ публичныхъ работъ Рейналь и до трехсотъ сенаторовъ и депутатовъ, въ томъ числѣ Гамбетта и Надо, говорившіе рѣчи. Чествовался простой рабочій машинистъ Гризель, спасшій въ 1857 году поѣздъ отъ крушенія и награжденный за этотъ подвигъ въ 1881 году орденомъ Почетнаго Легіона. Гамбетта въ своей рѣчи провозгласилъ тостъ за «союзъ пролетаріата и буржуазіи» и высказалъ твердое убѣжденіе, что общество будетъ покойно, будетъ стоять на прочныхъ началахъ, когда пролетаріатъ откажется отъ химерическихъ стремленій, а капиталисты съ своей стороны будутъ уважать свободу и права ассоціацій. Онъ говорилъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и умѣньемъ дѣйствовать на массы; рѣчь его была выслушана съ энтузіазмомъ и покрыта громкими рукоплесканіями. Гамбеттисты воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ устроить манифистацію въ честь своего вождя, и на сей разъ она удалась къ великому негодованію его противниковъ.

Принятіе новаго члена во французскую академію есть событіе, въ которомъ принимаетъ участіе вся образованная Франція. На этотъ разъ торжество было особенно интересно: въ сонмъ «сорока» вступалъ Пастёръ на мѣсто Литтрэ и новаго члена привѣтствовалъ Ренанъ. По традиціямъ академіи, новому члену предстояло произнести хвалебное слово своему предшественнику и вотъ извѣстнѣйшій изъ современныхъ химиковъ, прославившій себя своей теоріей броженій, выступилъ противникомъ позитивизма и заявилъ себя исповѣдникомъ спиритуализма и поклонникомъ идеи безконечнаго.

Пастёръ такъ объяснилъ причину позитивизма Литтре: «Г. де-Литтре,—сказалъ онъ,—увѣрилъ себя, что ему нечего разыскивать ни начала, ни конца вещей, что лишнее заботиться о Богѣ, о душѣ; о метафизикѣ, что

лучше всего избѣгать абсолютнаго и довольствоваться однимъ относительнымъ... Какое успокоеніе для пламенной души!»

Несомнѣнно, что многіе находятъ успокоеніе въ ученіи, отвергающемъ даже пользу размышленія о предметахъ, недоступныхъ научнымъ изслѣдованіямъ. Но отстранить задачу еще не значитъ ее разрѣшить. Въ позитивизмѣ кроется не малая доля малодушія людей довольныхъ тѣмъ, что могутъ отрѣшиться отъ высшихъ соображеній, которыя, по словамъ Пастёра, «суть частицы эссенціи вѣчности, такъ какъ онѣ истекаютъ изъ тайны, облекающей вселенную,—тайны, нескончаемой по своему существу». Пастёръ противопоставилъ позитивизму идею безконечнаго въ слѣдующихъ словахъ: «Что скрывается за сводомъ, усѣяннымъ звѣздами?—Новые звѣздные небосклоны. Положимъ, что такъ. А далѣе?... Человѣческій умъ, увлеченный непреодолимою силой, никогда не перестанетъ задавать себѣ тотъ же вопросъ. Захочетъ онъ остаться въ предѣлахъ пространства и времени, онъ увидитъ передъ собой точку опредѣленной величины, разсмотритъ ее — и въ немъ опять заговоритъ ненасытное любопытство, опять подымется неумолимый вопросъ: а далѣе? Если отвѣтить, что дальше находятся пространство, времена, величины безпредѣльныя, то человѣкъ не удовлетворится,—онъ не пойметъ этихъ словъ. Кто сознаетъ существованіе безконечности,—а этого никто не избѣгнетъ,—тотъ включаетъ въ это утвержденіе болѣе сверхъестественности, чѣмъ чудеса всѣхъ религій. Идея безконечности имѣетъ ту двойственность, что она сама навязываетъ себя человѣку и все-таки остается непонятой. Человѣкъ воспринявшій въ себя эту идею долженъ пасть ницъ; въ мучительныя минуты, переживаемыя имъ, онъ проситъ пощады у своего разсудка». Пастёръ, несмотря на свои занятія положительными и экспериментальными науками, выступилъ поклонникомъ спиритуалистической философіи—фактъ, часто встрѣчаемый въ наше время между математиками и естествоиспытателями.

«Величіе человѣческаго творчества, — говоритъ онъ, — зависитъ отъ силы вдохновенія, послужившаго ему источникомъ. Счастливъ тотъ, кто, признавая Бога, носитъ въ душѣ своей идеалъ красоты, вѣру въ искусство, науку, любовь къ отечеству и стремленіе къ евангельскимъ добродѣтелямъ. Вотъ живые источники великихъ дѣлъ и великихъ мыслей; они озарены лучами безконечности». Ренанъ, въ своей отвѣтной рѣчи, отдалъ должную дань научнымъ достоинствамъ Пастёра, перечислилъ его открытія, указалъ на пользу, которую можетъ извлечь человѣчество изъ теоріи зародышей гніенія и системы различныхъ прививаній; онъ поздравилъ Пастёра съ тѣмъ, что «онъ всадилъ драгоцѣнный камень въ основаніе вѣчнаго зданія истины». Въ нѣкоторыхъ частяхъ его рѣчи, несмотря на изящность формъ, нерѣдко проглядывала язвительная насмѣшка надъ туманными воззрѣніями новаго собрата; покойнаго Литтрэ онъ наградилъ нескончаемыми похвалами и провозгласилъ его славой Франціи. Указывая на добродѣтели его частной жизни, онъ сказалъ: «Литтрэ любилъ только

одно добросердечіе. Онъ избралъ благую часть. Доброта даетъ жизнь. Онъ любилъ простой народъ и былъ понятъ и оцѣненъ имъ. Настоящее величіе есть то, которое доступно пониманію меньшей братіи. Одно изъ великихъ достоинствъ Спинозы была оцѣнка, сдѣланная его характеру содержателемъ его квартиры, человѣкомъ необразованнымъ, не имѣвшимъ понятія о философскихъ системахъ своего жильца. Онъ оцѣнилъ въ немъ его добросердечіе, и, благодаря чертамъ, сообщеннымъ имъ о его примѣрной жизни, Спиноза пріобрѣлъ ореолъ святости и прославился гораздо болѣе, чѣмъ своей этикой, построенной на геометрическихъ доказательствахъ». Литтрэ любилъ простолюдиновъ; когда онъ ѣзжалъ въ Британію, крестьяне относились къ нему съ благоговѣніемъ и принимали его за священника. Ренанъ, по обыкновенію, осыпалъ слушателей блестящимъ фейерверкомъ софизмовъ: «Влеченіе къ добру, — сказалъ онъ, — не зависитъ ни отъ какихъ спекулятивныхъ мнѣній. Разсуждая о вопросахъ политическихъ и философскихъ съ человѣкомъ твердыхъ убѣжденій, я всегда одного мнѣнія съ своимъ собесѣдникомъ. Я не знаю, спиритуалистъ ли я, или матеріалистъ. Благоразумнѣе не пріурочивать вѣрованій къ той или другой системѣ. Намъ не разгадать мучащей и чарующей насъ загадки. Что касается меня, то, слушая отрицаніе основныхъ догматовъ, мнѣ хочется имъ вѣрить; когда же провозглашаютъ при мнѣ ихъ непогрѣшимость иначе, чѣмъ въ изящныхъ стихахъ, мною овладѣваетъ непреодолимое сомнѣніе. Я боюсь чрезмѣрной увѣренности. Въ этихъ вопросахъ сомнѣніе есть заслуга».

Ренанъ не признаетъ вдохновенія. «Факты,—говоритъ онъ,—которые приписываются сверхъестественнымъ проявленіямъ воли, теряютъ свой престижъ при строгомъ изслѣдованіи. Ни одинъ историческій фактъ этого рода не доказанъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ; я говорю о серьезныхъ, неопровержимыхъ доказательствахъ. Научному уму не подобаетъ признавать существованіе фактовъ, не основанныхъ ни на одномъ указаніи, ни на одной аналогіи». Рѣчи обоихъ ученыхъ вызвали различные отзывы въ обществѣ и журналистикѣ: Пастёру рукоплескали клерикалы, Ренаномъ восторгались свободные мыслители.

Литературный міръ привѣтствовалъ съ восторгомъ изданіе переписки Жоржъ-Зандъ. Эта замѣчательная женщина сохранила до конца своей жизни простоту, которая такъ часто утрачивается во Франціи при малѣйшей извѣстности. Великодушное сердце влекло ее къ сближенію съ людьми, посвятившими себя улучшенію судьбы несчастныхъ народовъ и угнетенныхъ сословій. Она была другомъ Ламенне, Барбеса, Мицкевича и Мацціни, но она никогда не подчиняла себя ни одной политической или соціальной партіи. Она понимала людей и событія съ проницательностью взгляда недоступною многимъ изъ ея современниковъ. Ея переписка не только интересна тѣмъ, что она знакомитъ насъ съ интимными сторонами прекрасной души,—она расширяетъ нашъ кругозоръ и разъясняетъ

пониманіе многихъ выдающихся лицъ и событій въ продолженіе длиннаго періода съ 1830 и по 1870 годъ. Жоржъ-Зандъ писала пламенно, непринужденно, не помышляя о потомствѣ, и тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ эти страницы, вырвавшіяся изъ-подъ ея пера, безъ всякой задней мысли о читателяхъ.

Первый томъ начинается записками, писанными ею къ матери въ восемь лѣтъ и письмами къ ней же въ первые годы ея замужства. На первыхъ порахъ насъ поражаетъ повѣствовательный талантъ, который придаетъ такую красоту ея романамъ. Въ августѣ 1825 года она пишетъ къ матери изъ Баньеръ: «Я въ такомъ восторгѣ отъ Пиренеи, что на всю жизнь буду мечтать и говорить только о горахъ, потокахъ, пещерахъ и пропастяхъ».

Она описываетъ посѣщеніе пещеръ въ Лурдѣ, гдѣ въ то время не существовало еще чудотворнаго источника, привлекающаго теперь такое множество богомольцевъ. «Входъ въ эти пещеры,—пишетъ она,—восхитителенъ. Я первая вошла въ великолѣпную залу, которую поддерживаютъ массы скалъ, напоминающія готическія колонны; вся мѣстность дивная; лазуревый потокъ, зеленыя пастбища, первый рядъ горъ, покрытый густымъ лѣсомъ, второй рядъ нѣжно голубоватый, сливающійся съ небомъ. Я смотрѣла на эту прекрасную природу, освѣщенную лучами заходящаго солнца, съ высоты горы черезъ темные своды скалъ, имѣя за собою черный фонъ пещеръ. Я была внѣ себя отъ восхищенія». Но въ ея перепискѣ не такъ важенъ талантъ, какъ дороги проблески горячаго сердца, яснаго ума и той смѣлости, съ которой она поставила себя выше всякихъ предразсудковъ. Будучи еще очень молодою женщиной, она писала въ 1829 г.: «С. меня очень огорчаетъ. Онъ не заботится ни о своемъ здоровьи, ни о своихъ дѣлахъ, а что хуже всего—сердится за добрые совѣты. Я же на него за это не сержусь, зная, что у него такой нравъ; если я питаю къ нему дружбу, то нѣтъ причины отворачиваться отъ него за его недостатки. Надо любить своихъ друзей до конца, что бы они ни сдѣлали; я не умѣю измѣнять своимъ дружескимъ чувствамъ. Я предвижу, что С., несмотря на свои способности, никогда не займетъ выдающагося положенія. У него недостатки общіе съ братьями; его знаютъ въ свѣтѣ только съ этой стороны; его хорошія качества, свойственныя сильной душѣ, способной къ великимъ подвигамъ и крупнымъ заблужденіямъ, скрыты отъ постороннихъ и только извѣстны тѣмъ, которые знаютъ его на дѣлѣ. Я стараюсь не вникать въ его недостатки, чтобы не разлюбить его и не уступить чувствамъ личнаго самолюбія и эгоизма. Какъ бы С. ни былъ несчастенъ, для меня онъ всегда будетъ дорогъ. Чѣмъ онъ несчастнѣе, тѣмъ менѣе увидитъ сочувствія въ другихъ. Это—общее правило. Я, по крайней мѣрѣ, постараюсь, по возможности, поддержать его въ несчастіи и останусь ему вѣрна, когда другіе отвернутся отъ него. Онъ не выйдетъ изъ нищеты; а это—большой порокъ въ глазахъ всѣхъ, кромѣ меня».

Это письмо лучше цѣлаго трактата Цицерона о дружбѣ. Жоржъ-Зандъ была въ деревнѣ, когда вспыхнула революція 1830 года; она писала изъ наставнику своего сына, Жюль Букуаранъ, бывшему тогда въ Парижѣ: «Не рискуйте собою, иначе какъ съ цѣлью спасти друга; тогда я скажу вамъ то, что сказала бы сыну: пожертвуйте своей жизнію, но не покидайте друга. Я чувствую энергію, которую не подозрѣвала въ себѣ. Душа растетъ вмѣстѣ съ событіями. Еслибы мнѣ сказали, что я завтра буду убита, я проспала бы ночь спокойно, но сердце болитъ за другихъ. Завидую вамъ». Въ этихъ словахъ видна сильная женщина, способная выдержать опасность лучше любаго мужчины. Она страдала въ провинціальномъ уголкѣ, гдѣ въ то время ей приходилось прозябать. «Я ненавижу сплетни провинціальныхъ кружковъ,—писала она въ октябрѣ 1830 года:—эти вѣчныя перепалки лжи и глупости перевертываютъ душу. Въ наше время восторженность есть добродѣтель дураковъ. Это желѣзный вѣкъ эгоизма, подлости и лжи, гдѣ приходится трунить или плакать, быть подлецомъ или дуракомъ. Знаете ли вы, къ чему я прибѣгла, чтобъ отогнать отъ себя черныя и безотрадныя мысли? Я мысленно окружила себя любимыми людьми, какъ священной охраной; отсутствующіе или присутствующіе друзья мои наполняютъ мою душу. Память о нихъ радуетъ меня, уничтожаетъ острую боль оскорбительныхъ и часто повторяющихся столкновеній. Что было бы со мной безъ этой способности забываться? Я сдѣлалась бы мрачной, замкнутой въ себя, безполезной другимъ».

Въ письмѣ 3 декабря 1830 года она сообщаетъ подробности окончательнаго разрыва съ мужемъ: «Знайте, что я сдѣлала рѣшительный шагъ. Вамъ извѣстно, какъ невыносима была моя семейная жизнь; вы часто удивлялись, какъ я ее выдерживаю. Всему бываетъ конецъ. Дѣло обошлось безъ шуму. Я нечаянно нашла въ письменномъ столѣ мужа пакетъ, адресованный на мое имя. Пакетъ имѣлъ торжественный видъ; на немъ была надпись: «открыть послѣ моей смерти». Я не имѣла терпѣнія дождаться того времени, когда буду вдовой. Съ моимъ здоровьемъ нельзя разсчитывать переживать другихъ. Я представила себѣ, что мой мужъ умеръ, и мнѣ интересно было узнать его мнѣніе о мнѣ при жизни. Пакетъ былъ адресованъ мнѣ, мужъ здоровъ и я могла прочесть его завѣщаніе вполнѣ хладнокровно. Боже мой, какое завѣщаніе! Одни проклятія... Онъ излилъ въ немъ всю злобу на меня, на мою *безнравственность;* высказалъ полное презрѣніе къ моему характеру; это завѣщалось мнѣ въ знакъ нѣжности. Я была какъ бы въ чаду,—я, которая умышленно закрывала глаза и не допускала мысли, что онъ меня презираетъ! Это мнѣніе пробудило меня отъ сна. Я сказала себѣ, что жить съ человѣкомъ, который презираетъ меня и не довѣряетъ мнѣ, все то же, что желать воскресить мертвеца. Я рѣшилась *безвозвратно.* Вы знаете, что я не употребляю этого слова всуе. Слабая и больная, не откладывая ни на одинъ день, я объявила свою волю и выставила всѣ свои причины съ твердостью и хладнокрові-

емъ, поразившими его. Онъ не ожидалъ, что такое ничтожное существо, какъ я, возстанетъ противъ него. Онъ бранился, спорилъ, упрашивалъ, но я осталась неумолимой». Эта семейная драма выяснила призваніе Жоржъ-Зандъ. Очутившись одна въ Парижѣ, она рѣшилась «пуститься по бурному морю литературы».

«Надо жить, — писала она, — а я теперь бѣдна». Она имѣла полнѣйшее пренебреженіе къ отзывамъ свѣта. «Приличія,—писала она въ январѣ 1831 года,—это законъ писанный для людей безнравственныхъ и бездушныхъ. Общественное мнѣніе не что иное какъ проститутка, продающая себя тому, кто дороже заплатитъ». Въ провинціи ее рвали на мелкіе клочки, но она относилась къ своимъ врагамъ безъ малѣйшаго озлобленія. «Скажу вамъ по секрету,—писала она 12 февраля 1831 года къ Букуаранъ, — что я имѣла случай отличиться, а относительно кого, вы никогда не угадаете. M-me П***, мой неумолимый врагъ, только-что пріѣзжала въ Парижъ хоронить двадцатилѣтняго сына. Несчастная женщина умирала съ горя, я узнала объ ея ужасномъ положеніи и сейчасъ же отправилась къ ней; я нашла ее окруженной товарищами сына, сожалѣвшими, что нѣтъ ни одной женщины при несчастной матери. Я провела ночь на стулѣ около нея. Грустная ночь! Когда она меня узнала, то, забывъ о своемъ отвращеніи, горячо поблагодарила меня, и я познала, что благородное мщеніе, т. е. воздаяніе добра за зло, есть чувство чистое и высокое. Мы разстались примиренныя. Я готова биться объ закладъ, что въ La Châtre и Nohand мой поступокъ сочли бы сумашествіемъ. Не разсказывайте объ этомъ, а если услышите, что меня бранятъ, не заступайтесь за меня,—пусть бранятъ».

Она скоро полюбила свое дѣло. Въ февралѣ 1831 г. она пишетъ: «Я пристращаюсь къ литературѣ. Я стараюсь помѣщать статьи въ газетахъ; это сопряжено съ огромными затрудненіями и требуетъ необыкновенной настойчивости. Еслибъ я могла предвидѣть всѣ препятствія, то вѣроятно отказалась бы отъ этого поприща; но, принявшись за дѣло, я рѣшилась, во что бы то ни стало достигнуть цѣли». Во время процесса о прекращеніи сожительства съ мужемъ (séparation de corps), въ 1835 году, она съ негодованіемъ отвергла предложеніе Адольфа Геру согласиться на нѣкоторыя аккомодаціи: «Общественное мнѣніе — проститутка, — писала она, — которой слѣдуетъ показывать кулаки, если чувствуешь себя правымъ. Невозможно соглашаться на гадости, чтобы получить одобреніе общества. Я желала бы видѣть, какъ бы вы сами перенесли угрозы и удары. Вы бы за нихъ отплатили своей кровью и кровью того, кто бы васъ затронулъ. Развѣ вы думаете, что у меня нѣтъ чувства собственнаго достоинства, потому что я женщина? Полноте!... Вспомните, что вы сами проповѣдывали освобожденіе женщины. Мы не умѣемъ владѣть оружіемъ и намъ не позволено вызывать своихъ мужей на поединокъ; это не хорошо, ибо они бы насъ убивали, а это бы ихъ черезчуръ радовало.

Намъ предоставлена за то возможность кричать очень громко и обращаться къ тремъ дуракамъ въ черныхъ мантіяхъ, которые дѣлаютъ видъ, что блюдутъ справедливость, и въ силу поблажки закона къ рабамъ, присужденнымъ къ смерти, милостиво изрекаютъ: «вамъ дозволяется не любить вашего владыку, а если домъ принадлежитъ вамъ, то выгнать его».

Интересуясь сенъ-симонистами и разными соціальными ученіями, она въ 1836 году писала: «Я — дитя своего вѣка, я пережила его страданія, впадала въ его заблужденія, вкушала всѣ его источники жизни и смерти современнаго общества; но если я ревностнѣе многихъ желаю его спасенія, я все-таки не съумѣю указать пути. Предоставьте мнѣ утѣшеніе оплакивать этотъ Іерусалимъ, утратившій своихъ боговъ и еще не нашедшій своего Мессіи. Мое призваніе—ненавидѣть зло, любить добро и преклоняться передъ прекраснымъ». Жоржъ-Зандъ постоянно оставалась вѣрна девизу Жанъ-Жакъ Руссо: «Vitam impendere vero».

Стремясь за истиной по бурнымъ волнамъ житейскаго моря, она не разъ испытывала крушенія, не разъ разбивалась объ утесы. Ея переписка можетъ привести въ ужасъ людей холодныхъ и отсталыхъ, но она навѣрное расшевелитъ души, испытавшія любовь и страданія.

Графъ де-Коснакъ только-что началъ изданіе «Мемуаровъ маркиза де-Суршъ» (Memoires du marquis de Sourches), относящихся къ царствованію Людовика XIV; по своему размѣру они не уступятъ «Мемуарамъ герцога де-Сенъ Симонъ».

Маркизъ де-Суршъ не былъ одаренъ саркастическимъ умомъ герцога Сенъ-Симона; въ его мемуарахъ замѣтно безусловное подчиненіе тогдашнему строю, ослѣплявшему столькихъ вельможъ того времени; впрочемъ, несмотря на фетишизмъ маркиза къ королю, у него кое-гдѣ пробивается голосъ совѣсти, порицающій нѣкоторыя слабости великаго царствованія. Достоинство мемуаровъ заключается въ наглядности, съ которой они изображаютъ намъ общественныя отношенія того вѣка. Читая мемуары маркиза де-Суршъ, невольно улыбаешься раболѣпству передъ этикетомъ, не покидавшимъ Людовика XIV даже въ минуты причастія. «Однажды,—пишетъ маркизъ,—Людовикъ XIV замѣтилъ, во время причастія, что пелену поддерживали герцогъ де-ла-Тремуль и фельдмаршалъ Дюра, тогда какъ эта честь принадлежала по праву герцогу де-ла-Форсъ, старшему изъ присутствовавшихъ герцоговъ. Послѣ обѣдни король извинился передъ герцогомъ де-ла-Форсъ, сваливъ вину на неопытность своего капеллана аббата де-Волекуръ». Маркизъ упоминаетъ, какъ о важномъ событіи, что въ 1703 году король испанскій надѣлъ парикъ, и, рядомъ съ этимъ, относится съ крайнимъ равнодушіемъ къ преслѣдованіямъ гугенотовъ и разсказываетъ раздирающія подробности о вынесенныхъ ими страданіяхъ тономъ стараго римскаго сенатора, разсказывающаго о гоненіяхъ надъ христіанами.

Въ Nouvelle Revue г. Шарль де-Комберуссъ помѣстилъ отзывъ о перепискѣ математика Лагранжъ съ философомъ д'Аламберъ. Эта переписка

издается въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія. Она весьма интересна въ научномъ отношеніи, но отличается сухостью, свойственною XVIII вѣку.

Лагранжъ съ увлеченіемъ говоритъ только объ астрономіи; но достоинства обоихъ ученыхъ такъ велики, что такъ и хочется разыскать человѣка подъ оболочкой математика. Лагранжъ провелъ первую часть своей жизни въ Туринѣ и Берлинѣ. Переписка его съ д'Аламберомъ длилась двадцать четыре года. Лагранжъ составилъ себѣ карьеру безъ особенныхъ затрудненій. Д'Аламберъ былъ подкидышъ, брошенный у входа въ церковь, усыновленный женою бѣднаго стекольщика; онъ вышелъ въ люди, прошедши тяжелую школу нужды и лишеній. Бѣдная женщина, принявшая его на воспитаніе, съ раннихъ лѣтъ поняла его характеръ: «Ты всю жизнь будешь только философомъ,—говорила она.—А что такой философъ?—Сумасшедшій, который мучается при жизни, чтобы достичь славы послѣ смерти!» Простая необразованная женщина инстинктивно поняла слабую сторону философіи XVIII вѣка. Энциклопедисты, добивавшіеся только одной славы, отжили свое время; ихъ сочиненія устарѣли, потому именно, что они заботились болѣе о себѣ, чѣмъ объ исцѣленіи язвъ страждущаго человѣчества. Д'Аламберъ слабъ какъ философъ, но великъ какъ математикъ. Когда Лагранжъ удостоился въ 1764 году приза академіи наукъ, д'Аламберъ привѣтствовалъ его слѣдующими словами: «Я прочелъ вашъ трудъ и сказалъ словами Іоанна Крестителя: «Oportet illum crescere, me autem minui» (ему подобаетъ возрастать, мнѣ же слѣдуетъ умалять себя).

Лагранжъ, весь погруженный въ свои цифры, былъ менѣе восторженъ, чѣмъ д'Аламберъ; онъ никѣмъ не увлекался и относился крайне равнодушно къ самымъ крупнымъ знаменитостямъ. Его первое посѣщеніе Вольтера, описанное въ письмѣ къ д'Аламберу, очень характеристично: «Я, по вашей рекомендаціи, удостоился чести отобѣдать у Вольтера, который принялъ меня очень любезно. Онъ былъ въ шутливомъ настроеніи духа и подсмѣивался, по обыкновенію, надъ религіей, что очень нравилось всему обществу. Это—оригиналъ, котораго стоитъ посмотрѣть». Д'Аламберъ былъ космополитъ и совѣтовалъ своему другу оставаться въ Берлинѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдится, что дома ему будетъ дѣйствительно лучше. «Отечество,—писалъ онъ,—есть то мѣсто, гдѣ человѣкъ счастливъ и свободенъ». Это изреченіе непріятно затрогиваетъ патріотическое чувство де-Курберуссъ; онъ съ негодованіемъ протестуетъ противъ софизма д'Аламбера и восклицаетъ: «Нѣтъ, отечество не есть то мѣсто, гдѣ человѣкъ счастливъ и свободенъ. Д'Аламберъ самъ никогда не согласился покинуть Парижа. Наши собственныя несчастія доказали во-очію нашему поколѣнію, какъ слѣдуетъ относиться къ отечеству. Развѣ м-lle де-Леспинассъ не составила несчастія д'Алам-

бера? А онъ не переставалъ ее любить. Любовь къ отечеству также воздаяніе другому, но въ большей степени, чѣмъ самъ получаешь отъ него».

Во Франціи образовалась въ настоящую минуту партія, требующая, во что бы то ни стало, нашего вмѣшательства въ египетскія дѣла. Маріусъ Фонтанъ, авторъ издающейся въ нѣсколькихъ томахъ «Всеобщей исторіи», развиваетъ эту тему въ Nouvelle Revue. Онъ хочетъ доказать въ своей статьѣ, что въ сущности Египетъ никогда не принадлежалъ египтянамъ, что онъ обязательно долженъ остаться нейтральнымъ пунктомъ, доступнымъ всѣмъ державамъ. Слѣдовало бы прибавить въ скобкахъ: съ условіемъ только, чтобы ни одна изъ нихъ не имѣла перевѣса надъ другими и чтобы туземцамъ отъ этого не приходилось слишкомъ плохо. Автора пугаетъ угроза египтянъ поставить укрѣпленія при устьяхъ Суезскаго канала; о прорытіи канала онъ говоритъ какъ о великомъ подвигѣ XIX вѣка, установившемъ всемірную общность интересовъ, въ силу которой немыслимо нарушеніе мира на этой точкѣ земнаго шара. «Египетъ,—говоритъ Фонтанъ,—переходя, въ силу завоеваній, изъ рукъ въ руки, отъ эфіоплянъ къ персамъ, грекамъ, римлянямъ, арабамъ, туркамъ и французамъ, постоянно служилъ намъ примѣромъ религіознаго, философскаго и соціальнаго нейтралитета; прорытіемъ Суезскаго канала онъ сдѣлался международной площадью, открытою для всѣхъ. Это—точка общей встрѣчи и малѣйшее столкновеніе двухъ лицъ между собой на этомъ пунктѣ можетъ тяжело отразиться на цѣломъ человѣчествѣ».

Въ первой майской книжкѣ Nouvelle Revue Альфредъ Дюке проводитъ параллель между французской и нѣмецкою арміей. Авторъ не увлекается мечтой отнятія у нѣмцевъ покоренныхъ ими провинцій; онъ скроменъ въ своихъ желаніяхъ и намекаетъ только, что, въ случаѣ новаго нападенія, Франція съумѣетъ защитить себя и даже отмстить непріятелю, хотя и тутъ онъ оговаривается, выдвигая на первый планъ настоящее миролюбивое настроеніе націи. Затѣмъ онъ приступаетъ къ бѣглому обзору кампаніи 1870 года. Ошибокъ французскихъ генераловъ, начиная съ маршала Макъ-Магона, онъ не извиняетъ, но находитъ, что нѣмецкіе вожди дѣлали промахи не менѣе французовъ, съ тою только разницей, что всѣ ошибки ихъ обращались имъ не во вредъ, а въ пользу. Авторъ напоминаетъ при этомъ, что въ исторіи бываютъ моменты, гдѣ все, даже стихіи, вооружаются на гибель народа, что и было доказано исключительно суровою зимой 1870 года и прибылью воды въ Сенѣ, затруднившей оборону Парижа. Дюке находитъ нѣмецкихъ офицеровъ трудолюбивыми, но тупоумными. Онъ не отрицаетъ въ нихъ способности къ стратегическимъ комбинаціямъ, къ составленію математически обдуманнаго плана кампаніи, но не болѣе того, и авторъ убѣжденъ, что какъ только малѣйшая случайность станетъ наперекоръ заранѣе начерченному плану, пруссаки растеряются и останутся какъ корабль безъ руля. «Намъ нечего отчаяваться въ будущемъ,—говоритъ авторъ въ заключеніе своей

статьи:—если наши волонтёры съумѣли продержаться столько мѣсяцевъ въ виду побѣдоноснаго непріятеля, то какъ не возлагать теперь надеждъ на наше правильно устроенное войско, на реорганизованную артиллерію, обновленныя крѣпости, арсеналы, переполненные военными запасами, на народное образованіе, проливающее повсюду лучи свѣта, на патріотическое чувство, доведенное нами до первичнаго значенія римской формулы res publica, т.-е. на чувство, основанное на общихъ правахъ, интересахъ и обязанностяхъ! Нѣтъ, намъ не приходится отчаяваться; мы можемъ глядѣть прямо и смѣло, не задѣвая другихъ и не забывая, что насъ караулитъ врагъ, стремящійся воспользоваться нашей малѣйшею слабостью. Не будемъ ослаблять арміи, а предоставимъ ей средства, необходимыя для улучшенія, подкрѣпимъ ее сочувствіемъ, столь важнымъ для ея силы нравственной, и наше отечество будетъ навсегда обезпечено отъ пораженій».

Поклонники живописца Жоржа Курбе собрали въ одной изъ залъ школы изящныхъ искуствъ выставку его произведеній столь полную, насколько это оказалось возможнымъ. Другъ Курбе, Кастаньяри, написалъ предисловіе къ каталогу, въ которомъ онъ сообщаетъ подробности жизни Курбе, выясняющія его значеніе какъ художника и политика. «Въ 1850 году,—пишетъ Кастаньяри,—реакція была въ полной силѣ. Курбе, желая выяснить современникамъ свое политическое направленіе, отправилъ на художественную выставку портретъ фурьериста Жана Журне, отправляющагося водружать міровую гармонію съ чемоданомъ, наполненнымъ соціалистическими брошюрами. Эта картина вызвала страшный переполохъ. Народныя мастерскія были только-что закрыты, парижскій пролетаріатъ побѣжденъ, республиканская часть буржуазіи подавлена, общее голосованіе ограничено, три милліона избирателей вычеркнуты изъ списковъ и что же?—«грязная толпа», изгнанная изъ политики, вдругъ появилась въ живописи. Что означало это нахальство? Откуда взялись эти крестьяне, каменоломщики, голодные и оборванные, молча занявшіе на выставкѣ мѣста между олимпійскими богами и средневѣковыми рыцарями?... Напуганное общество, разжигаемое подлыми и глупыми людьми, увидало въ этихъ изображеніяхъ авангардъ истребителей, направляющихся, съ факелами въ рукахъ, противъ избирателей 1852 года. Поднялась цѣлая буря. Никто не захотѣлъ выслушать доводовъ, разсужденій, объясненій; градомъ посыпались ругательныя статьи. Курбе прослылъ шарлатаномъ, писателемъ рекламъ, невѣждой, пьяницей. Ни одному художнику не приходилось переживать столько оскорбленій». Курбе родился крестьяниномъ и всегда оставался вѣренъ своему сословію. Онъ имѣлъ гордость человѣка вышедшаго изъ простонародья и пробившаго себѣ дорогу. Онъ былъ друженъ съ Прудономъ, въ которомъ видѣлъ собрата по происхожденію, и нарисовалъ его портретъ. Курбе безсознательно предугадывалъ общественное значеніе искусства и не допускалъ, чтобъ оно имѣло цѣлью развлеченіе бога-

чей-знатаковъ. Какъ пейзажистъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ художниковъ французской школы: его пейзажи дышатъ истиной; онъ рисуетъ природу сильную и роскошную, безъ эффектныхъ лунныхъ свѣтовъ и фантастическихъ русалокъ. Нѣкоторыя изъ его деревенскихъ сценъ прекрасны. «Милостыня, поданная нищимъ»—представляетъ нищаго въ лохмотьяхъ, отдающаго свой послѣдній грошъ мальчугану, посвятившему себя съ раннихъ лѣтъ тому же ремеслу. Парижъ избаловалъ Курбе. Онъ нашелъ поклонниковъ-Меценатовъ, заказавшихъ ему «Лѣнь» и «Сладострастіе»—двѣ картины, невозможныя для публичной выставки. Подъ конецъ своей жизни онъ вдался въ крайній реализмъ и выбиралъ отвратительные сюжеты. Его «Купальщицы» такъ уродливы, что слѣдовало бы отвести имъ мѣсто на этнографической, а не на художественной выставкѣ. Онъ ненавидѣлъ все условное. На вопросъ ученика, какъ нарисовать ангела, онъ отвѣтилъ: «На что вамъ рисовать ангела, — развѣ вы его видѣли?» — «Нѣтъ».—«Такъ бросьте ангела и нарисуйте вашего батюшку, котораго вы видите каждый день». Курбе былъ членомъ коммуны. Желая спасти отъ раззоренія Вандомскую колонну, онъ предложилъ разобрать ее по частямъ и убрать въ музей; впослѣдствіи этотъ поступокъ былъ вмѣненъ ему въ преступленіе и судъ постановилъ возстановить колонну на его счетъ. Онъ уѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ и умеръ. Несмотря на многіе недостатки, Курбе стоитъ выше многихъ нападавшихъ на него; нѣкоторыя изъ его произведеній замѣчательны и пріобрѣтены Луврскимъ музеемъ.

Одна изъ послѣднихъ театральныхъ новостей сезона — пьеса Луизы Мишель, поставленная на сценѣ театра «Bouffes du Nord». Этотъ театръ, мало извѣстный изящной парижской публикѣ, помѣщается въ одномъ изъ дальнихъ кварталовъ Парижа. Новость, что Луиза Мишель выступила въ роли драматической писательницы, надѣлала не мало шуму и привлекла самую разнородную публику въ убогую залу маленькаго театра. Пьесѣ поочередно шикаютъ и апплодируютъ. Драма эта не отличается ни литературными, ни сценическими достоинствами; это рядъ историческихъ сценъ, происходящихъ якобы въ Краковской республикѣ, возставшей противъ русскаго владычества; на сценѣ являются Паскевичъ и краковскіе инсургенты, Бакунинъ и Герценъ. Несмотря на маскировку, пьеса есть въ сущности апологія коммуны 1871 года. Дѣйствующія лица на каждомъ шагу провозглашаютъ политическіе принципы; эти тирады выговариваются съ трудомъ актерами послѣдняго разряда и производятъ довольно комическое впечатлѣніе. Главный интересъ пьесы состоитъ въ томъ, что она разыгрывается передъ публикой, принимавшей участіе въ самомъ дѣйствіи. Зрители, апплодирующіе революціоннымъ сценамъ, представленнымъ Луизой Мишель, сами участвовали въ подобныхъ движеніяхъ и нѣкоторымъ образомъ напоминаютъ зрителей трагедіи Эскила, присутствовавшихъ при воспроизведеніи своихъ подвиговъ. Это чуть ли не первый опытъ драмы, взятой не изъ фикціи, а изъ дѣйствительной жизни, написанной

народнымъ, а не литературнымъ языкомъ, и оживленной не личными, а сословными страстями; «Nadine» будетъ скоро забыта, но появленіе этой пьесы останется все-таки событіемъ въ лѣтописяхъ парижской жизни.

Въ академіи освободилось еще одно кресло за смертью графа де Шампаньи, замѣнившаго Берье въ 1864 году. Онъ умеръ 78 лѣтъ. Онъ былъ одинъ изъ корифеевъ либеральной католической партіи. Онъ оставилъ пространную исторію Цезарей, написанную добросовѣстно, но бездарно.

Въ финансовомъ мірѣ всѣ заняты смертью Жанти, долгое время съ Эмилемъ Жирарденомъ и Жибіа составлявшаго могучій журналистическій тріумвиратъ. Жанти никогда не былъ литераторомъ, но владѣлъ нѣсколькими органами печати. Въ политикѣ его единственнымъ принципомъ было чутье, которымъ онъ угадывалъ наканунѣ кризиса, на чьей сторонѣ останется побѣда. Этимъ чутьемъ наживаются крупные милліоны и заискиваніе высокопоставленныхъ лицъ. Послѣ смерти Жирардена, Жанти остался главнымъ распорядителемъ газетъ France и Petit-Journal. Онъ понялъ всю несостоятельность великаго министерства Гамбетты; а когда свергнутый диктаторъ задумалъ поправить свои дѣла покупкой акцій разныхъ газетъ, его честолюбивые планы были разбиты въ прахъ сопротивленіемъ Жанти, пользовавшимся огромнымъ авторитетомъ въ финансовомъ мірѣ не только въ силу своего двадцати милліоннаго состоянія, но и по своей репутаціи рѣдкой проницательности. Этотъ эпизодъ придалъ особенный ореолъ послѣднимъ днямъ жизни Жанти, хотя въ сущности онъ всегда оставался исключительно спекуляторомъ и никогда не отличался рыцарскими порывами. Это былъ, во всей силѣ слова, человѣкъ наживы, презирающій всякую неудачу; онъ первый отворачивался отъ побѣжденныхъ и привѣтствовалъ каждую новую звѣзду въ тотъ моментъ, когда ея блескъ еще не ослѣплялъ взоровъ простыхъ смертныхъ. Усердно покланяясь Мамону, онъ преждевременно истощилъ свои силы чрезмѣрнымъ трудомъ.

W***.

Парижъ 22 мая
1882 года.

Редакторъ С. Юрьевъ.
Редакторъ-издатель В. Лавровъ.

ОПЕЧАТКИ

ВЪ ТРАГЕДІИ «КОРОЛЬ ЛИРЪ».

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать слѣдуетъ.*
5	7 сверху	приняли,	пріяли,
6	12 снизу	металла	метала
9	1 „	О, мужественный	О, могущественный
11	12 сверху	Убей врага	Убей врача
38	6 снизу	Боги всемогущіе	Боги всемогущи

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

JAN 13 '54 H

Widener Library
099 715 997